АНТОЛОГИЯ СААМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

saami.su

АНТОЛОГИЯ СААМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Авторы-составители
Надежда Большакова, Виктория Бакула

ОПИМАХ

Мурманск
2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Саа)
А72

Авторы-составители:
Н. П. Большакова, писатель, член Союза писателей России,
создатель Музея саамской литературы и письменности им. О. Вороновой.
В. Б. Бакула, магистр филологического образования, аспирант МГГУ,
член Лаборатории саамского языка МГГУ (г. Мурманск).

Издается по архивам Музея саамской литературы и письменности им. Октябрины Вороновой.

А72 **Антология саамской литературы** : [авт.-сост. Н. П. Большакова, В. Б. Бакула, авт. вступ. ст. Н. П. Большакова]. — Мурманск : Опимах, 2012. — 384 с., фото, илл. [без права продажи].
ISBN 978-5-903748-72-3

Антология знакомит самый широкий круг читателей с творчеством саамских поэтов и писателей, включает анализ наиболее значимых их произведений. Многие саамские литераторы представлены впервые. Настоящее издание может быть использовано учителями-словесниками, преподавателями, магистрантами, аспирантами, а также всеми, кто интересуется саамской литературой.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Саа)

Издание осуществлено в рамках ведомственной целевой программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера Мурманской области» на 2012-2014 годы по заказу государственного областного бюджетного учреждения «Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера».

ISBN 978-5-903748-72-3

© Н. Большакова, 2012
© В. Бакула, 2012

Дорогие друзья!

Вы держите в руках книгу, в которой представлено на русском языке творчество саамских поэтов и прозаиков, проживающих на территории России. За всю историю Российского государства численность саамов не превышала двух тысяч человек. И на эти неполные две тысячи саамское общество насчитывает более двадцати саамских литераторов. Думается, это прекрасный показатель духовной культуры и жизнестойкости саамского народа.

Первые письменные известия о саамах встречаются у древних западных авторов: знаменитого римского историка К. Тацита (55–120 год н. э.), византийского писателя-историка П. Кесарийского (примерно 550 год н. э.), у хронистов: северогерманского — А. Бременского (1066), датского — С. Грамматика (конец XII в.). Описал занятия лопарей, их верования, домашнюю обстановку, наличие оленьих стад в своём сочинении «Путешествие в северные страны» (1653) французский врач Ламартиньер, создал фундаментальный труд «Лаппония» (1674 г.) шведский ученый И. Шеффер. Известны и труды российских путешественников, натуралистов, этнографов и писателей о саамах: И. И. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов. О народах финского племени» (1776–1777), Н. Я. Озерецковского «Описание города Колы, что в Российской Лапландии» (1804), Д. Н. Мамина-Сибиряка «Крайний Север» (конец XIX в.), С. В. Максимова «Год на Севере» (1859), А. Я. Ефименко «Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии» (1878), «Год лопаря» (1871), Н. Н. Харузина «Русские лопари» (1890), В. Н. Харузиной «Лопари» (1902), «На Севере (Путевые воспоминания)» (1890), «Оцзи и Олесь. Рассказ о жизни лопарей» (1912).

С началом христианизации саамов русской Лапландии возникают и зачатки саамской письменности, хотя до 1856 года саамским языком никто особенно не интересовался, пока не приехал к кольским саамам финский исследователь Д. Е. Европеус, помимо фольклора собиравший ещё и языковой материал по йоканьгскому диалекту саамского языка, попутно исследуя другие диалекты.

В конце XIX века саамский язык начинает изучать священник Константин Щеколдин (?–1916), поставивший перед Священным синодом вопрос об открытии церковно-приходской школы, что и произошло в 1888 году в зимнем саамском погосте на реке Колос.

Собирая саамский фольклор, Щеколдин опроверг мнения несведущих о том, что у этого народа нет собственной культуры. Благодаря его записям, для людей науки открылся «неизвестный ранее мир представлений и преданий малочисленного народа, древних обитателей Кольской земли». Щеколдин в 1890 году перевел на саамский язык «Евангелие от Матфея», а в 1895 году стал составителем «Азбуки для лопарей».

Г. М. Керт, российский языковед, специалист по прибалтийско-финским и саамскому языкам, доктор филологических наук, в своем труде «Саамский язык» пишет о том, что попытки создания саамской письменности не имели тогда большого, серьезного значения, так как осуществлялись одиночками-энтузиастами с единственной целью — приобщить саамов к христианству.

В конце XIX века начинают переводить на саамский язык некоторые книги, преимущественно духовного содержания. В 1878 году финским лингвистом А. Генетцем в Хельсинки издаётся «Евангелие от Матфея» на саамском языке, где саамский текст записывается русскими буквами.

В 1883 выходит «Очерк грамматики русских лопарей» венгерского ученого И. Халаса по материалам Генетца. А у самого Генетца в 1891 году — первый словарь кольских диалектов саамского языка.

В 1916 году появляется монография финского ученого Т. Итконена «Чередование ступеней согласных в языке саамов России». В 1958 году выходит его большой двухтомный «Словарь кольских и колтта диалектов саамского языка», который до настоящего времени является единственно полным и надежным источником.

Говоря о письменности народа, мы должны вспомнить и языковедов З. Е. Чернякова (1900–1997) — создателя саамского букваря на латинской графике (1933), репрессированного и расстрелянного А. Г. Эндюковского — автора «Саамь букварь» на русской графике (1937).

В XX веке изучают саамов как этнос такие учёные, исследователи, краеведы, как А. В. Барченко — руководитель экспедиции на Сейдозеро в 1922 году, И. Н. Шмаков — врач, антрополог, этнограф, В. Ю. Визе — исследователь песен и эпоса саамов, побывавший в экспедиции по Кольскому полуострову в 1910–1911 годах. В 1876–1877 годах А. И. Кельсиев провёл научные исследования на Кольском полуострове, изучив физический облик и анатомию коренных жителей Лапландии. Исследователем жизни саамов является и антрополог, этнограф Д. А. Золотарев, возглавивший Лопарскую экспедицию с целью медико-гигиенических исследований в 1927 году. Побывал в этой экспедиции и написал книгу «Наблюдение врача на Кольском полуострове (11 января – 11 мая 1927 г.)» под редакцией Д. А. Золотарева

врач Ф. Г. Иванов-Дятлов. Известен труд Н. Н. Волкова «Российские саамы», работы краеведа В. К. Алымова, книги геолога и географа Б. И. Кошечкина, этнографа Т. В. Лукьянченко «Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX—XX вв.», труды докторов исторических наук, профессоров И. Ф. Ушакова и А. А. Киселёва, многих, многих других.

И ни в одном из перечисленных исследований вы не найдете и строчки о саамской литературе, потому что о таковой до конца семидесятых годов XX века говорить не приходилось: ее просто не существовало. И только после появления первой книги стихов Октябрины Вороновой «Ялла» (1990) на иоканьгском диалекте саамского языка было во всеуслышанье заявлено миру о таком явлении, как саамская литература. Хотя здесь надо оговориться: первым мир саамского народа еще в конце шестидесятых годов своими стихами открыл саамский поэт Аскольд Бажанов, но писал он на русском языке, а посему в профессиональной литературе не получил статуса первого саамского поэта.

Вот поэтому сегодня нам приходится говорить о том, что саамской литературе немногим более 20-ти лет. Однако некоторые краеведы Мурмана считают, что это слишком заниженная дата, объясняя свое несогласие тем, что еще в 30-х годах на саамский язык были переведены некоторые молитвы и брошюры, например: «Что дала Октябрьская революция трудящимся саамам», изданы саамские буквари Чернякова и Эндюковского. Да, были, да, переводились, но это можно отнести только к попыткам создания саамской письменности и переводческой деятельности и никоим образом не к саамской художественной литературе, зародившейся именно со стихов Октябрины Вороновой. Может, в силу этого саамской литературе и не сравниться пока с литературным разнообразием других этносов, у которых литература появилась в 20-х годах и даже раньше. Но уже сегодня можно говорить о саамской литературе как о состоявшемся явлении нашей жизни.

В начале 70-х, когда была жива ещё память в народе о репрессиях саамской интеллигенции 30-40-х годов, когда из-за боязни говорить на родном, материнском языке целое поколение выросло со знанием только русского, были сделаны первые робкие попытки обучения саамскому языку в школе. Однако за этим стояли райкомы партии и люди, далёкие от проблем коренных народов. В это время начать писать на саамском языке, да ещё на малоизвестном иоканьгском диалекте, а затем заговорить о выпуске на нём первой художественной книги «Ялла» («Жизнь») саамской поэтессе Октябрине Вороновой стоило не только больших трудов, нервов, но и самой жизни, положенной на алтарь

зарождения саамской литературы, что и явилось духовным подвигом саамской женщины и поэтессы.

И здесь нельзя не назвать имена тех, кто способствовал зарождению саамской литературы, изданию книг саамских поэтов и писателей, — это, прежде всего, писатель В. С. Маслов, секретарь Мурманского отделения Союза писателей России, поэт В. Тимофеев, поэты-переводчики В. Смирнов, А. Миланов, В. Синицын... Именно они стояли у истоков возрождения в 1986 году Праздника славянской письменности и культуры, в рамках которого уже с 1989 года стал отмечаться в Ловозерье и День саамского слова.

Темами произведений саамских литераторов являются *любовь* к малой родине, к своим корням, к природе, *почитание* старины глубокой, матери, дома, *переживание* за утраченные традиции, за молодёжь, оторванную от дедовских ремёсел, за погибших родственников, за родной саамский язык. *трагизм*, но и *восхищение*, *удивление* родным краем, людьми звучит в их стихах и рассказах.

Сегодня все саамские литераторы относятся к поколению, которое еще ощущает на себе традиционные особенности саамской этнической педагогики. Их рождение и взросление пришлось на годы, когда оленеводство и рыболовство являлось основным традиционным занятием саамов. Родители, бабушки и дедушки саамских писателей были пастухами, имели оленей, трудились в рыболоведческих бригадах, то есть так или иначе оставались тесно связанными с культурой и традициями саамского народа, поэтому и большая часть саамских авторов пишет все же на своем родном — саамском языке.

Произведения саамских поэтов и писателей переведены на разные языки мира. Переводчиками их стали: на *русский* — В. Смирнов, И. Козлов, Т. Сухорукова, С. Дорохов, В. Синицын, А. Миланов, М. Шаповалов, А. Рыжов, Ю. Кудинов, Е. Алексеев, М. Игнатьева, Н. Голь, И. Карпинская, Ю. Голик, С. Ламбина, И. Ядринцева, Н. Большакова; на *ненецкий* — П. Явтысый; на *коми* — С. Попов и Е. Козлов; на *шведский* — В. Лемисов, Н. Берг, С. Скотт, А. Бокстрём; на *норвежский* — Л. Стиен; на *финский* — С. Локко, У-Л. Хейно, А. Мишин; на *немецкий* — Т. Лудерс, Э. Шэллер, М. Рислер; на *английский* — Э. Кристорбер; на *эсперанто* — А. Масюкас; на *эрзянский* — Т. Ковалева и М. Брыжинский; на *мокшанский* — Г. Пинясов; на *марийский* — В. Петухов и Т. Сидорова; на *карельский* — Т. Щербакова; на *украинский* — О. Войнович; на *белорусский* — В. Липский; на *саамский (кильдинский диалект)* — А. Антонова, на *северо-саамский* — П. Попов, Е. Посангер, Н. Афанасьева; на *вепсский* — В. Агапитов, на *венгерский* — К. Надь, на *хантыйский* — М. Вагатова.

В 2005 году вышел в свет юбилейный — 50-й номер журнала «Наука и бизнес на Мурмане» под названием «Саамской литературе — 15 лет», в 2007-м — «Культура саамского народа».

Активно к саамской теме стали обращаться и писатели не саамской национальности. У А. Рыжова вышла книга-фэнтези «Земля Тре», у О. Андреевой — «Сон-хель и сонгелы», у А. Степаненко — «Расстрелянная семья», у И. Ядринцевой — детская поэтическая книга «Волшебный полуостров», у Г. Лейбензона — детская книжка «Каковы корни — такова и вершина». Работают над саамской темой фантаст А. Буторин и поэт Н. Колычев, а творческий коллектив детского сада № 3 поселка Ревда во главе с директором С. Ленкевич выпустил сборник интегрированных занятий-сказок для познавательного и творческого развития детей «Лапландия — саамов колыбель» с использованием национально-регионального компонента. Настоятель Успенской церкви в Варзуге игумен Митрофан (Баданин) издал книги о святых, почитаемых саамским народом — Феодорите Кольском и Трифоне Печенгском.

Благодаря содействию Комитета по взаимодействию с общественными организациями и делам молодежи Мурманской области, а также ГОУ «Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера», в рамках долгосрочной целевой программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера Мурманской области» на 2009–2013 годы в настоящее время активно издаются книги саамских авторов.

Отметим и то, что все саамские поэты свои стихи писали и продолжают писать на кильдинском диалекте саамского языка, кроме Октябрины Вороновой. Она писала на иоканьгском диалекте.

Перечислим всех саамских литераторов, уже издавших свои книги на саамском и русском языках или имеющих их только в рукописях.

Вспомним уже почивших: сказочника Лазаря Яковлева (1918–1993); члена Союза писателей СССР, первую саамскую поэтессу Октябрину Воронову (1934–1990); известного саамского фольклориста Павла Юрьева (1936–1983); поэтессу Ираиду Виноградову (1937–2004); поэтессу, сказочницу и переводчика Софью Якимович (1940–2006); поэтов Гавриила Юшкова (1951–2011), Михаила Филиппова (1960–2007), Аскольда Бажанова (1934–2012); прозаика Виктора Чернышихина (1962–2008).

Продолжают активно работать и оттачивать свое литературное мастерство Александра Антонова (1932) — поэтесса, радиожурналист, переводчик; Марина Юрьева (1936) — литературный переводчик на саамский; Нина Миронова (1936) — пробует себя в

очерковой прозе; Ольга Перепелица (1937) – поэтесса, пробует работать в прозе; Екатерина Коркина (1944) – поэтесса, сказочница; Светлана Заборщикова (1944) и Мария Медведева (1949) – пробуют работать в прозе; Надя Фенина (Надежда Ляшенко, 1955) – сказочница; Надежда Большакова (1957) – член Союза писателей России, прозаик; Иван Матрехин (1958) – поэт-бард; Эльвира Галкина (1965) – поэтесса, песенница; Полина Данилова (1977) – писала стихи в детстве.

И это далеко не полный список саамских литераторов. В «Антологии» представлены и те поэты и писатели, творчество которых известно широкому кругу читателей, и те, чьи стихи хранятся в семейных архивах, например, Николай Кузнецов (Матрёхин), Виктор Галкин, Надежда Кузьмина, Александра Ляхова, и те, творчество которых долгое время было недоступно – Михаил Филиппов.

Поскольку Октябрину Воронову считают родоначальницей литературы кольских саамов, творчество её представлено на первых страницах «Антологии». Остальные авторы представлены в алфавитном порядке.

Надежда БОЛЬШАКОВА

МУЗЕЙ СААМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ ИМ. О. ВОРОНОВОЙ

ОТ ОСВОБОЖДЕНИЕТО
НА СВИШОВ
ОТ ТУРСКО РОБСТВО
Дни
ЗАВЯНСКОЙ
ЪМЕННОСТИ
ИКОНА

МУЗЕЙ СААМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ ИМ. О. ВОРОНОВОЙ

Год создания музея — 1994. Четыре года существовал на общественных началах, с 1998 года — музейный сектор центральной городской библиотеки Ловозерской библиотечной системы. Создатель и руководитель музея — писатель Надежда Павловна Большакова

Работа Музея саамской литературы и письменности имени Октябрины Вороновой строится на тесном взаимном сотрудничестве с учебными заведениями и библиотечными системами всей Мурманской области.

В Ловозерском районе на 13 тысяч человек населения действуют три официально зарегистрированных музея: Музей истории, быта и культуры саамов в селе Ловозеро, Музей истории Ловозерского комбината в Ревде и Музей саамской литературы и письменности им. О. Вороновой при Центральной библиотеке в п. Ревда. Музеи совершенно разные по своему оформлению и тематике. В Ловозере и Ревде краеведческие музеи строят свою работу в основном на проведении экскурсий, а музей саамской литературы и письменности — это музей-архив, в котором можно работать над сочинениями, рефератами, дипломами, диссертациями, находя практически любую информацию, касающуюся истории Кольского края, этнографии, быта, культуры народов саами, коми, поморов, другие материалы.

Идея создания музея принадлежит мурманскому поэту Виктору Тимофееву, а воплотила в жизнь ее член Союза писателей России Надежда Большакова сразу после празднования 60-летнего юбилея первой саамской поэтессы Октябрины Вороновой в 1994 году. В ноябре того же года небольшая комната в общежитии Ловозерского комбината приняла первые экспонаты музея. 22 мая 1995 года музей впервые посетили писатели Виталий Маслов и Владимир Смирнов. В тот же год Мурманское отделение Союза писателей России в лице секретаря Виталия Семеновича Маслова обратилось к губернатору области Е. Б. Комарову с просьбой о выделении средств на приобретение в Ревде трехкомнатной квартиры под этот музей. Губернатор не отказал, и квартира была приобретена по адресу: улица Победы, 25, квартира 4.

В музее три комнаты с экспозициями: первая посвящена жизни и творчеству первой саамской поэтессы Октябрины Вороновой; вторая — саамской литературе и письменности, истории Ловозерья, Кольского края,

жизни и творчеству мурманских писателей; третья — декоративно-художественному творчеству саамов, литературному творчеству школьников Мурманской области и коллекции кукол народов мира.

Музей насчитывает около 2,5 тысяч единиц хранения, в том числе 1500 подлинных.

Раньше в год музей посещало до 2 тыс. человек, последнее время гораздо меньше: труднее стало школам области добираться до Ревды. Но благодаря выступлениям руководителя музея экскурсиями в год охвачено более 5 тыс. человек.

Работать в музей приезжают школьники, студенты Мурманской области, Ярославля, Москвы, постоянно проводятся экскурсии для учащихся поселка, туристов, паломников. Музей посетили гости из Швеции, Финляндии, Норвегии, США, Германии, Мексики, Новой Зеландии, Флоренции, Украины и Белоруссии. Побывали в нём писатели и журналисты Мурманска, Петрозаводска, Вологды, Москвы, Санкт-Петербурга.

Одному человеку, сколько бы ни было в нем энергии, такое дело не поднять — нужна поддержка людей. И можно только удивляться душевной щедрости нашего народа. Не скупясь, соотечественники делятся всем, чем могут: кто дарит столы, кто светильники, кто табуретки. Люди с удовольствием несут в музей старые фотографии, книги, делают бесплатно ремонт. Потому я называю музей поистине народным. Вот только некоторые известные у нас на Мурмане фамилии людей, помогавших и помогающих музею: писатели В. Маслов, В. Смирнов, В. Синицын, В. Тимофеев, создатель Есенинского музея В. Кузнецова, фотографы А. Степаненко, Л. Федосеев, С. Ещенко, композиторы В. Попов, А. Ляпин, Е. Чугунов, художники Н. Морозов, А. Сергиенко, Т. Шорохова, народная артистка России М. Скоромникова, Мурманское книжное издательство и издательство «Пароход», многие, многие другие.

В рамках работы музея стало уже традицией проведение Праздников славянской письменности и культуры, саамского слова совмсетно с библиотеками и школами области. В Ревде и Ловозере побывали практически все писатели Мурмана, проводились презентации их книг, творческие вечера.

Особенно тесное сотрудничество у музея с библиотеками Мурманска, Оленегорска, Полярных Зорь. Проводятся мастер-классы с библиотекарями, педагогами, творческими руководителями детских садов. Проходят они не только на базе музея, но и на базе детского сада № 3 поселка Ревда. С этим детсадом музей сотрудничает уже многие годы. Воспитатели его по материалам музея выпустили сборник конспектов интегрированных занятий-сказок по познавательному и творческому развитию детей с использованием национально-регионального компонента «Лапландия — саамов колыбель». В Мурманске музей тесно сотрудничает

60-летия
Владимира
Смирнова
Несколько слов
о В. С. Масл
Маслов
Дмитрий Балашо
исторический писатель
поэт, художник,
фольклорист

Переводы стихов
Октябрины Вороновой
Стихи,
посвященные
Октябрине Вороновой

с детским садом № 136, консультируя творческих работников в постановке театрализованных саамских сказок.

Ловозерский район является центром проживания коренного народа саами. Здесь живет и большая часть саамских писателей (их творческие вечера проводятся в библиотеках Ревды и Ловозера).

Благодаря музейным фондам написана курсовая работа библиотекаря Ревды Светланы Масленниковой — библиографический указатель «Поле жизни» (о жизни и творчестве О. Вороновой).

В музее проводятся не только обзорные или тематические экскурсии по творчеству саамских писателей, писателей Мурмана, но и экскурсии, посвященные истории края, его экологии, священному озеру саамов Сейдозеру, саамским песням, старинным предметам быта, представленным в музее, куклам мира.

Оператором Александром Даниленком и Надеждой Большаковой на базе музея созданы фильмы «Поле жизни» (о Праздниках саамского слова в Ловозерье), «Чем ты притягиваешь, Родина?» (к 65-летию Октябрины Вороновой), «Несущие свет саамской земле» (о саамских писателях), «По всей земле сбирайтесе, славене» (о гибели русского писателя Дмитрия Балашова), «Мы... не безродны, если память есть» (о жизни и творчестве писателя Виталия Маслова), «В гостях у поэта» (о поэте Игоре Козлове). Три фильма рассказывают о священном озере саамов — Сейдозере.

В 1995–2002 годах под руководством Н. Большаковой более 70-ти учащихся участвовали в областных и международных конкурсах «Храмы России», «Берег России», «Рукописная книга». Все они стали призерами, а около 40 человек — победителями.

Ребята школы № 268 г. Снежногорска, около 25 лет выпускающие литературно-художественный альманах «Единомышленник», пригласили музей к сотрудничеству. В семи выпусках этого журнала были опубликованы материалы из фондов музея.

Тесная связь у музея была несколько лет и со школой Царь, или Оленегорска-2. Не раз царьгородские дети приезжали в Ревду, писали конкурсные сочинения, используя фонды музея. Две ученицы 11 класса Юлия Голик и Ирина Карпинская в 2006 году под руководством учителя Виктории Борисовны Бакула перевели по подстрочникам с саамского языка стихи Александры Антоновой.

Большая дружба связывает музей с краеведческим отделом и Есенинским музеем Мурманской областной детско-юношеской библиотеки. Краеведческий отдел выпустил библиографии писателей Александра Миланова, Викдана Синицына, Надежды Большаковой, памятку для читателей с библиографией о музее, методические пособия по саамам, переводы с саамского поэта Владимира Смирнова, сказки и рассказы

Надежды Большаковой. По просьбе Валентины Евгеньевны Кузнецовой, руководителя Есенинского музея, саамскими поэтессами Александрой Антоновой и Софьей Якимович сделано более пятидесяти переводов на саамский язык стихотворений Сергея Есенина, а в Мурманском книжном издательстве выпшла в свет книга этих переводов.

Переводы — это особое направление работы музея. Принимая участие в Международных семинарах и конференциях финно-угорских писателей в Салехарде, Петрозаводске, Архангельске, Саранске, Ижевске, в городах Швеции и Финляндии, руководитель музея предлагает подстрочники стихов саамских поэтов для переводов на другие языки поэтам тех стран и республик, в которых бывает. Так появились стихи саамских поэтов на карельском, венгерском, мокшанском, марийском, эрзянском, вепсском, хантыйском языках. В свою очередь, Александра Антонова на саамский язык перевела удмурдских и карельских поэтов.

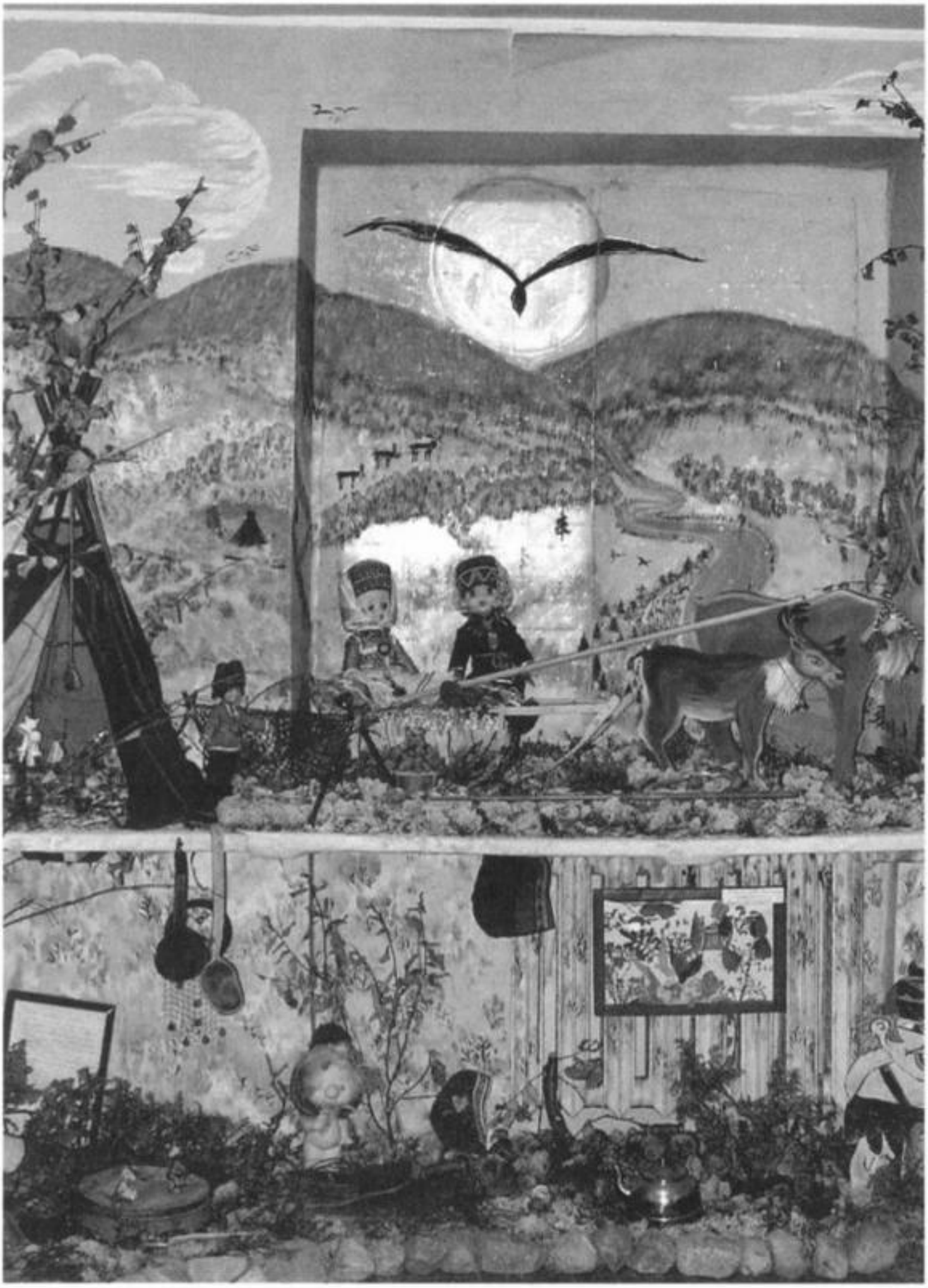
В 1994 году к 60-летию Октябрины Вороновой при содействии руководителя музея был выпущены значок с изображением поэтессы мнабор закладок, посвященных ее жизни и творчеству. Областная научная библиотека подготовила методическое пособие «Хочу остаться на земле». В 1995 году при содействии руководителя музея вышла в свет книга стихов О. Вороновой «Тайна Бабьего озера», а в 1999-м — ее же книга «Чем ты притягиваешь, Родина». Повесть Н. Большаковой об Октябрине Вороновой опубликована (в сокращении) в журнале «Север» (№ 7, 2000).

Ведет работу музей и с мурманскими композиторами. Благодаря этому сотрудничеству появились песни Олега Алистратова, Алексея Шамшуры, Николая Матвиенко на стихи саамских поэтов. В музее хранятся ноты песен на стихи саамских поэтов Владимира Попова, Владимира Матвеев, Александра Ляпина, Валентина Гуринова.

Галина Карпова на материалах, в том числе и музея, защитила диплом в Петрозаводской консерватории на кафедре музыки финно-угорских народов по теме «Песенная традиция ловозерских саамов Мурманской области». Игорь Соловьев, студент той же консерватории, защитился по теме музыкального инструментария саамов. Учитель музыки школы № 14 Мончегорска Елена Александровна Лобанова написала работу «Песни на стихи саамских поэтов как феномен культуры Кольского края» и выпустила буклет песен с нотами на стихи саамских поэтов. Защитил на базе музея свой диплом по теме «Взаимоотношения саамов Кольского полуострова с саамами Финляндии, Швеции, Норвегии» и студент Мурманского педуниверситета Александр Тимофеев.

Два года приезжала из Флоренции работать в музей Елена Шабеева, подготовившая о саамах фильм «Визуальная психология саамов

50



Кольского полуострова». На «отлично» защитила свою дипломную работу — телевизионную программу для детей — студентка из Москвы Наталья Очакова. Проходят в музее практику студенты из Ярославля и Санкт-Петербурга.

Проводятся музеем и научно-практические конференции: в 2005 году — «Несущие свет саамской земле» в МОДЮБ, на которой прозвучало 14 докладов; в 2011-м — «Саамская литература: истоки и современность», на которой было сделано четыре основных доклада и более десятка выступлений.

В 2000 году при музее был создан творческий коллектив «Саамь пирас» («Саамская семья»), который на областном фестивале семейного творчества в Снежногорске занял 1-е место. «Саамь пирас» принял участие в I Международном фестивале семейного творчества «Полярные звезды» в Мурманске, ездил с выступлениями в Финляндию и Норвегию.

Ведет руководитель музея и большую научную работу, публикуя свои статьи о саамских писателях не только в отечественных изданиях, но и за рубежом.

Роль музея не ограничивается только изучением и популяризацией саамской литературы. Руководитель принимает участие и в работе Балашовских, Рубцовских, Масловских чтений, участвовала в Пленуме и Съезде Союза писателей России в Москве, в Днях культуры Мурманской области в Белоруссии, в конференции, посвященной 200-летию А. С. Пушкина, в Поместном Соборе 2009 года.

Руководитель музея Н. Большакова — составитель журналов «Живая Арктика. Ловозеро — 425 лет», выпусков альманаха «Наука и бизнес на Мурмане»: «15 лет саамской литературе», «Украсный мир Дмитрия Балашова», «Д. М. Балашов: историческая память» и «Культура саамского народа». И это далеко не вся работа, проводимая музеем саамской литературы и письменности имени Октябрины Вороновой.

Приведем некоторые высказывания о музее:

«Очень радостно попасть на островок жизни среди моря казёнщины и стяжательства. В существовании таких мест, как этот музей, — залог сохранения живой культуры вокруг него. Максим Кучинский, этнолог, 25.07.1999».

«...Стены этой квартиры — раздвигаются на все просторы Ловозерья. В полной красе и силе видится река Поной, осиротевшие избы Ивановки, трава на бывшем месте Воронинского погоста — и над всем этим парят стихи Октябрины. Октябрина стала птицей, Надежда и все радетели музея — крылья птицы. Сил вам и крепких воздушных потоков. Писатель Михаил Орешета, 6.10.1999».

«...Музей — одно из самых ярких звеньев в огромной цепи познания судьбы саамского народа, поэзии и всего самого прекрасного на северной нашей земле. Ирина Матрёхина, 3.11.1999».

«Музей очень домашний и литературный! Валерий Берлин, Апатиты, 5.02.1999».

«Интересно, познавательно, колоритно. Не видели ничего подобного. Успехов, новых творческих замыслов и интересных встреч! Группа № 15 ПУ-26 «Автомеханики», 12.05.2003».

«Надежда! Твоя работа такая же большая, как фамилия, и нужная, как твое имя!!! Олег Алистратов, 23.05.2003».

«...Я просто потрясен! Николай Скромный, 23.05.2003».

«Горжусь, что с вами нахожусь! Авось, на что-нибудь и я сгожусь. Виктория Бакула, 23.05.2003».

«Надежда Павловна! Пусть деяния твои славу литературы Слова и Истории потомкам сохранят. Да святится имя и дело твое. В. Е. Кузнецова, 23.05.2000».

«Удивительный музей! Ничего подобного нет нигде! Делимарская Татьяна, Областная детско-юношеская библиотека, 02.10. 2002».

«Спасибо за столь познавательную экскурсию в этом прекрасном, замечательном и необычном музее им. Октябрины Вороновой. Нам было очень интересно, ведь то, что есть в музее — это история нашего края и она близка нам. Участники народного фольклорного этнографического коллектива «Ойяр», январь 2002».

«Огромное спасибо за тот титанический труд, который Вы вершите каждый день на благо саамского народа! Это не пафосные слова. В Вашем музее мы получили наиболее полный объем информации о культуре, обычаях, мифах, легендах саамов. Здесь чувствуешь живую связь между прошлым и настоящим. Вы сохраняете бесценные, уходящие с каждым днем и с каждым человеком традиции, чтобы дети знали свои корни, туристы с уважением и пониманием относились к краю и людям. Участники экспедиции «Российский Биоген» руководитель А. Б. Гурвиц и исполнительный директор Фонда сотрудничества с зарубежными странами Л. И. Романова, 13.03.2003».

ОКТЯБРИНА ВОРОНОВА

ОКТЯБРИНА ВОРОНОВА

Октябрина Воронова (1934–1990) – первая саамская поэтесса, член Союза писателей СССР. Автор 10 книг: «Ялла» (1989, 1993, 1996) на саамском и русском, коми и саамском, ненецком и русском; сборников стихов «Снежница» (1986), «Вольная птица» (1987), «Чахкли» (1989), «Тайна Бабьего озера» (1995), «Поле жизни» (1995), «Хочу остаться на земле» (1995), «Чем ты притягиваешь, Родина» (1999). В соавторстве с матерью Клавдией Матрехиной и сестрой Тамарой ею была переведена «Сказка о рыбаке и рыбке» Александра Сергеевича Пушкина.

Стихи Октябрины публиковались в крупных литературных журналах и коллективных сборниках «Близок Крайний Север» (1982), «На семи ветрах» (1984), «Сполохи» (1986), «Северное сияние» (1987), «Последнее пришествие» (1998), «Здесь начинаются дороги» (2001), «Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России» (2002), в хрестоматии «Литература Кольской земли» (2004), в сборнике песен «Спешит в Ловозеро оленевод» (2007).

Произведения Вороновой переведены на русский, саамский (кильдинский диалект), северо-саамский, эрзянский, мокшанский, горномарийский, хантыйский, норвежский, шведский, финский, немецкий, английский, эсперанто языки.

Неповторимый голос Октябрины

Каждое явление имеет свои истоки. Истоки творчества первой саамской поэтессы Октябрины Вороновой надо искать в русской Лапландии. Для кого-то она суровая, неприветливая, для саамской поэтессы Октябрины Вороновой — дом, тепло родного очага, с таинственной, темно-бархатной полярной ночью, удивительной игрой северного сияния, заполярным белым летом...

Земля родная!
Ты всегда красива,
Всегда ты неоглядна и близка...

или

Тундра моя — моя жизнь и любовь навсегда.
Сколько вершин у тебя, словно скатерти, ровных...

О происхождении саамской земли и человека у лапландцев есть несколько версий. Существовали два начала: доброе в образе бога Иммель-айя, и злое в образе черта Перкеля, равных по силе и возможностям. Когда Бог захотел сотворить мир, он стал советоваться с Перкелем о том, как лучше его обустроить. Не придя к единому мнению, они сильно поспорили. Заковал Перкель в железные цепи Иммель-айя и взгромоздил на него большую гору. Накопив силы, вырвался Иммель-айя на свободу и на этот раз пленил Перкеля. Так началась борьба добра и зла. В 1926 году космогоническая саамская легенда была записана Леоном де Комбре:

Иммель вызвал дующий штормовой ветер
и разъяренных воздушных духов...
Вспененная, быстрая, поднявшаяся до неба,
пришла морская стена, сокрушая все.
Иммель одним сильным ударом
заставил перевернуться землю;
потом он снова выровнял мир.
Теперь горы и возвышенности
Не могут быть увидены Пеййве —
Наполнена стонами умирающих людей
была прекрасная земля, дом человечества.
Не светил больше Пеййве в небесах...

В черновых записях Октябрины Вороновой, хранящихся в музее ее имени в Ревде, найдены страницы, посвященные саамской мифологии, истории, этнографии. В стихотворении о Ловозерских горах, написанном в восьмидесятых, повторяется версия, записанная Леоном де Комбре. Но откуда поэтесса узнала о легенде, которая стала доступна широкому читателю только в девяностых годах XX века?

...Это было давно.
Уж не помнят и деды,
Как дрожала земля, сея ужас и страх,
Как сгорали куницы, олени, медведи
В тех огромных и жарких всеядных кострах...

Может, генетическая память подсказала ей или кто-то из старых людей рассказал? Теперь это уже стало тайной.

Хочу остаться на земле
Хотя бы искоркой в золе,
Хотя б в скупом рассвете дня,
Чтоб дети помнили меня.
...
Хоть малым лучиком во мгле –
Хочу остаться на земле!

Смысл жизни. Вопросы бытия. Для чего мы пришли на Землю? Какой след оставим после себя? Первая саамская поэтесса Октябрина Воронова думала об этом, переживала. Её переводчик Владимир Александрович Смирнов именно этой строчкой стихотворения назвал и последний сборник своих переводов «Хочу остаться на земле», в который вошли произведения, написанные поэтессой за последние пять лет её активного творчества. «Небольшая книга стоит нескольких томов: она свидетельство того, что саамская литература обрела свой неповторимый голос, сама тундра заговорила с читателями языком высокой поэзии. Биография любого поэта – в его стихах. Творчество Октябрины Вороновой подтверждает эту истину»*:

Я поняла: жилище не ослепнет
До той поры, пока в золе и пепле
Хранится хоть крупинка теплоты...

Да, она осталась в памяти людей первой саамской поэтессой, любимой и читаемой, потому что стихи Октябрины Вороновой тревожат чуткие сердца людей своей правдой, стремлением к вечным истинам любви и добра. Они горят внутренним огнем красоты, потому что ее стихи – живые! Они явлены народу!

Октябрина Владимировна Воронова родилась 6 октября 1934 года в деревне Чальмны-Варрэ (в переводе на русский язык – «Глаза леса») Саамского района.

Тайна имени! Тайна личности! А как поэтессе не быть тайной, когда она витает в воздухе Кольской земли, прячется в седых гранитных ущельях, играет сполохами северного сияния, выходит из земли вместе с кружевными узорами ягеля, цепляется за кончики оленьих рогов...

Много люди хранят
О природе прекрасных поверий,
И природа о людях
Достаточно тайн сберегла.

---

* Октябрина Владимировна Воронова // Литература Кольской земли. Часть 1. – Мурманск, 2004. – С. 115.

Октябрина! Разве слышал лопарский Север такое имя? В нем столько чарующей осенней печали... Ока... Ока... — грусть и расставание; Мина — Брина — Бина — звучание колокольчиков-келля на шеях оленей. Словно осень в золотом начале звенит монетами-листьями и кричит вдогонку маленькой девочке, дразнясь: «Бинька... Минька», — как звали ее в детстве.

Детство Октябрины пришлось на военную пору. Ей шесть лет, а на ее попечении уже оставляли грудных и малолетних детей. Голодные, они кричали так, что маленькая нянька не выдерживала и начинала голосить вместе с ними. Однажды в таком состоянии ее застала одна из женщин, пожалела, пообещала, как кончится война, сшить девочке платье из маркизета. Не обманула. Это платье Октябрина запомнила навсегда — желтое, с большими красными цветами.

Так у нас повелось, что издревле
ни бабки, ни мамки
Не готовили нам ни дворцов,
ни затейливых замков.
Спали мы на полу —
на траве увядающей, рыжей,
Сквозь дырявые шкуры
мы видели звездную крышу...

Позже, после выхода первой книги поэтессы «Снежница», поэт Андрей Эдоков напишет: «Она первая среди саамов смогла рассказать о Лапландии поэтично и художественно, раскрыв философию людей, слившихся с окружающей природой». Эдоков говорил, что этот мотив долгого языческого кочевья под звездным пологом неба воспринимается читателем не как холодная бездна, а лишь как часть саамского уклада: намного больше, чем чум, но меньше, чем Вселенная.

Отец поэтессы, Владимир Михайлович Распутин, по национальности русский. Сын последнего священника Богоявленской церкви в Ловозере перед её реконструкцией под клуб — Михаила Распутина, который в 1932 году был репрессирован и (по некоторым сведениям) расстрелян на Соловках. Женившись на Клавдии Матрехиной, Владимир по просьбе испуганной репрессиями матери Анны Петровны Евсеевой берёт фамилию жены, выходца из древнего саамского рода Матрёхиных, проживающих на Поной реке.

Окончив в 1951 году Ловозерскую школу-интернат, Октябрина едет учиться в Ленинград в Институт народов Севера. Учится на филологическом факультете и, как многие студенты тех лет, активно занимается спортивной гимнастикой, участвует в Спартакиадах народов Севера, которые проходят в Ленинграде. С группой студентов-северян, у которых наставником был молодой ученый Г. М. Керт, проявляет большой интерес к языку своего народа, его эпосу. Несколько раз выезжает в лингвистические экспедиции на Кольский полуостров. Георгий Мартынович говорил, что уже тогда, в студенческие годы, Октябрина Матрехина и Александра Антонова стояли особняком, отличаясь от других саамских студентов. Вдобавок ко всему они были филологами. И добавлял: «Уже тогда у Октябрины проявилось филологическое чутье. Она очень хорошо записывала саамские сказки. Октябрина Матрехина-Воронова поразила

меня своим нетривиальным отношением к работе, природным даром, даже талантом в записи фольклорных текстов. Она очень точно передавала не только сюжет, но и всю красочность, образность саамской речи в метафорах, сравнениях, которые обогащали язык не только как средство общения, но и как художественный элемент человека, в совершенстве знала свой язык — иоканьгский диалект».

Именно в лингвистических экспедициях по Кольскому полуострову судьба свела Октябрину Матрехину с непревзойденными сказителями и песенницами.

Сосновка, Чальмны-Варрэ —
Везде, где я была,
Мне песни напевали,
И каждая светла.

В Каменском погосте Октябрина встретилась с Татьяной Филипповной Даниловой, той самой, что диктовала свои сказки этнографу В.В. Чарнолускому. Татьяна Филипповна чувствовала себя уже плохо и все же уделила внимание молоденькой студентке. Рассказывала с большим вдохновением, богатой мимикой. От нее Октябрина записала такие сказки, как «Старичок и старушка», «О золотом деревце». В погосте Вороньем попала к сказителям-супругам Дмитриевым, в Ловозере записала замечательную сказочницу Анну Железнякову, в Каневке — Марию Матрехину, в Чальмны-Варрэ — несколько оригинальных сказок и бывальщин у своей бабушки Александры и матери Клавдии Григорьевны. Как писал редактор «Ловозерской правды» Л. Сафронович, «ценность собирательской работы Октябрины Владимировны очень велика». Записанные ею сказки позже вошли в сборник Г. М. Керта «Образцы саамской речи».

После выхода этой книги Керта Вороновой заинтересовался профессор хельсинского университета М. Корхонен, изучавший диалекты саамского языка. Знание фольклора помогло подготовить Октябрине Владимировне прекрасный доклад об устном народном творчестве кольских саамов, с которым она выступила в июле 1977 года на совещании в Кольском филиале Академии наук СССР в городе Апатиты, где, помимо ученых земляков, ее слушали этнографы, антропологи, филологи, специалисты по фольклору из Москвы, Ленинграда, Свердловска.

Рассказывая ученым о саамском фольклоре, Октябрина говорила: «В устном народном творчестве отлажена мудрость народа, его прошедшее, настоящее и будущее, и в этом его ценность»...

Песни, сказки.
Ночью хмурой
Вас бы слушать до утра...

После окончания института девушка возвращается в Ловозеро и год работает в родном интернате. Позже, выйдя замуж за Вячеслава Воронова, уезжает на

родину мужа в Новгородскую область. Почти семь лет живет в Боровичах и, наконец, возвращается домой.

Первое стихотворение Октябрина посвящает сыну Алеше, когда тот идет в первый класс.

Октябрину соединяет большая творческая дружба с Александрой Антоновой, совместная работа над саамским букварем и книгой для чтения. Стихи поэтесса слагает на своем родном языке – иоканьгском диалекте. 1975 год является знаменательным и судьбоносным в жизни поэтессы. Происходит её встреча с мурманским поэтом Владимиром Смирновым, ставшим впоследствии ее переводчиком. Владимир Александрович помогает выйти в свет и ее первым сборникам стихов «Снежница» (1986) и «Вольная птица» (1987).

Душа Октябрины Вороновой столь же широка, как просторы ее родной Лапландии. Сильнее, острее других впитала она в душу боль и печаль своей земли, своего народа.

Первый снег принесла непогода.
Как бумага он, бел – хоть пиши,
Но не видно у берега лодок,
И в холодных домах – ни души.
Обезлюдела наша деревня,
Знать, такая настала пора...

Поэтесса любит свой Север дочерней, сестринской, материнской любовью. Все стихи ее в полном смысле слова пронизаны лиризмом. Именно лирика питает их неподдельной сердечностью и непритворной добротой. В любом времени года она находит свою прелесть, переживает вместе со своими героями, радуется и удивляется им. Лиризм Октябрины дает возможность решать саамам и животрепещущие социальные проблемы. Доверительным, простым тоном, правдиво она обращается к читателю, пытаясь вселить в него жизненный оптимизм. Радуется за саамского парня, что выбрал профессию отца – стал пастухом.

С грядущим днем на первое свиданье
Спешит пастух по имени Егор...
Связать бы все пути, что вместе с ветром
Прошел он через топи, валуны, –
Наверняка бы этих километров
Хватило от земли и до луны.
Но если бы когда его спросили:
«Чем счастлив ты? Признайся до конца!»
Сказал бы:
«Пастухом стал сын Василий,
Не изменил призванию отца».

Здесь ничего не нужно выдумывать, идеализировать, все давно уже знают, сколь тяжек труд пастуха и как мало саамских парней сегодня работает в тундре. И тем ценнее для нас последние строки стихотворения, сказанные Егором

без назидания, просто и искренне. Умеет поэтесса сделать читателя сопричастным судьбе своих героев, будь это люди или животные.

Маленький олежек робко тычет
Белую мордашку в белый мох.
Соком наливается брусника,
Солнце свет на тундру щедро льет.
Очень скоро мама-олениха
Пополненье в стадо приведет...

Глубокая любовь и неразрывность с родной природой, одухотворенность её для поэтессы — факт очевидный, поэтому, казалось бы, и неодушевленные предметы выступают как живые существа.

Слабый ветерок задул под вечер,
Распушил поземки снежной прядь,
Мягкую, как будто шерсть овечья,
Белую и теплую, хоть гладь...

Природа чувствует, дышит, имеет свой нрав, меняет настроение. Она, как человек, может «мерзнуть», «вздыхать» — ведь эти глагольные метафоры присущи именно действиям человека, или быть «мягкой», «теплой». Поэтесса не случайно в своих стихах неодушевлённые существа изображает глагольными оборотами, обозначающими действия людей, — это придает им особую живую образность, эмоциональность, наполняемость: *«И бормочет родник, / Слово к слову лепя»* или *«А березка полярная клонится, / И печалится ель, зелена»*...

С детства в жизнь Октябрины вошли сказки, легенды, которые она со временем переложила в стихотворные строки:

Когда заскучается в доме,
иди на просторы тайги.
Там маленький сказочный гномик
Живет в корневищах тугих.
Смешной в колпачке своем белом,
Он зла никому не творит,
Но что бы в тайге ты ни делал,
Он все за тобой повторит...

Думается, Октябрина Владимировна создала образ гномика добрым, потому что сама имела большое доброе сердце, любовь к детям. И ожил маленький саамский человечек, стал смешным и наивным, как саамские ребятишки.

А если посмотреть на людей в стихах Октябрины, то они все, как ее герой Феттер, сильны духом:

Как на это рассердился ветер, —
Чудом в лодке удержался Феттер,
Весла взял и греб, забыв усталость,
Чтоб добычи ветру не досталось.

Или смешливые, как маленький Оця, включивший чайник в радиорозетку:

Вот случится же досада!
Удивленный, он глядит –
Не кипит, так и не надо,
Но ведь и не говорит!

Не надо длинных речей, многословия. Вот оно, настроение, – в нескольких коротких отрывках! Ее поэзия будит в нас мир ассоциаций и сравнений, то радостных, то горьких. Я бы назвала ее поэзию солнечной, несмотря на грустные, порой горькие строки стихов. Столько света и душевности мне еще не встречалось в женской поэзии Севера. Причем образ солнца у каждого северного поэта свой. Например, Аскольд Бажанов, сокурсник Октябрины по институту и земляк по Ревде, сравнивает солнце с «рыжей лайкой», и это свойственно именно ему, потому что собаки – лопарские лайки – часть его жизни. В стихах Октябрины *«Солнце огненною лодкою / Выплывает из-за гор...»* Сравнение с «лодкою» тоже оправданно, ведь она жила на берегу реки Поной и лодка как составная часть ее жизни вышла из воспоминаний о детстве и трансформировалась в образ солнца. Все это очень ценно в поэзии Вороновой, когда вполне бытовое средство передвижения по воде приобретает столь красивый поэтический образ.

Мало выпало радости на долю поэтессы, и сердце начинает щемить, когда читаешь: *«Поскупилась жизнь на злато, / Горя выдала с лихвой...»*. Правду говорит, не кокетничая: *«Пятьдесят. / Уже полвека / Как подумаю – беда! / Что осталось человеку? – / Было, было, было. Да...»*

Создатель первого саамского букваря 1933 года З. Е. Черняков писал: «В стихах Октябрины Вороновой я ощущаю живой саамский язык, даже в несовершенном русском переводе они сохраняют саамский дух. Только человек, понимающий язык Октябрины, может оценить красоту и совершенство саамской литературы». А вот слова председателя Мурманской организации Союза писателей России Виталия Маслова: «Для меня было делом чести издать первую книгу на саамском языке Октябрины Вороновой. Корень саамской литературы – глубинный, есть возможность высокого роста. С выпуском книги «Ялла» необходимо было дать подняться росткам саамской литературы».

Не ищу я заколдованной травы,
Не зову к себе ни ведьм и ни чертей,
Где же счастье, о котором пели вы –
Все гадалки давней юности моей?

Октябрина Воронова привнесла в саамскую поэзию душу женщины, матери, подруги, хранительницы семейного очага.

15 ноября 1969 года она была принята в Союз писателей СССР. Огромная честь не только для саамской поэтессы, но и для всего саамского народа, литература которого была принята на таком высоком уровне. Книга «Ялла» на русский язык переводится коротко – «Жизнь», а самой поэтессе жизни уже не хватило...

Уходим все –
С бедой, с печалью,
Прощаясь с отчими местами...
Дорога может слиться с далью,
Но даль дорогою не станет.

Она умерла 16 июня 1990 года и была похоронена на кладбище в селе Ловозеро.

Куда же ты, обласканная птица?
Остыл очаг былых, горячих дней,
И что тебе в родном гнезде не спится,
Неужто воля впрямь тебе нужней?

Но не только саамской литературе Октябрина дала начало, она стала и одной из основательниц на Мурмане праздника Славянской письменности и культуры в 1986 году и Дню саамского слова в 1989.

После выхода «Яллы» с параллельными текстами на саамском и русском, Виталий Маслов, председатель Мурманского отделения Фонда Культуры, договаривается о переиздании ее на языке коми и саамском. Переводы выполнены поэтами из Сыктывкара Евгением Козловым и Поповым. Затем «Ялла» вышла на ненецком и русском языках в переводе Прокопия Явтысого. Сегодня уже есть переводы на финский Свена Локко и на шведский Натальи Берг. Подстрочник сделан на норвежский, но пока стихи остаются неизданными. Можно, однако, надеяться, что первая саамская книга, глубоко поэтичная и философская, когда-нибудь все же будет переведена на все языки Европейского Севера.

После смерти поэтессы, помимо «Яллы», в свет вышли ее сборники «Тайна Бабьего озера», «Поле жизни», «Хочу остаться на земле», «Чем ты притягиваешь, Родина».

Талант! Он обрекает человека на огромный груз ответственности, возлагаемый на него Господом. И ноша эта не из легких. Наверно, потому взлеты и падения талантливого человека дают такую акустику в обществе. Всем хочется непременно знать тайну его избранности, но... Тайна так и остается тайной, потому как никто не может постигнуть замысел Божий, сделавший человека проводником своих мыслей между прошлым и будущим. Избранность Октябрины, простой, обычной, ничем с виду не примечательной женщины, многим сородичам не давала покоя. Они хотели постичь ее тайну, но так и не постигли. И сколько бы люди ни узнавали подробностей ее жизни, тайна творчества с каждым годом будет отдалять ее образ все дальше и дальше от повседневности, превращая в еще одну красивую легенду саамского народа о талантливой дочери тундры.

И верится в родном своем краю,
Шагая по распахнутому лугу,
Что я гнездо по-новому совью,
И все начнется по второму кругу.

Надежда БОЛЬШАКОВА

Содружество двух поэтов

Творческий союз поэтов В. Смирнова и О. Вороновой воспринимался весьма неоднозначно как при их жизни, так и после. Ходили слухи, что Смирнов сам писал стихи за Октябрину. С другой стороны, В. Тимофеев считает, что Октябрина «зажгла в Смирнове большего поэта, чем он был до нее».

Знакомство О. Вороновой и В. Смирнова состоялось в 1985 году – личное знакомство. К этому времени у Смирнова было уже семь книг поэзии и одна прозы. У Вороновой – публикации в журналах «Север» (1984), «Дружба народов» (1985), подборки стихов в газетах, в 1981 году в Ялте она принимала участие в работе семинара литераторов народностей Крайнего Севера, были опубликованы несколько ее детских стихотворений в переводе ленинградского поэта Станислава Дорохова. А вот на родном языке ни одной публикации не было. Таким образом, говорить об Октябрине Вороновой и Владимире Смирнове можно как о зрелых, сложившихся к этому времени поэтах со своим голосом. Постоянного переводчика у Октябрины тогда еще не было, вот им и стал Владимир Смирнов.

Жизнь словно готовила встречу двух поэтов. Задолго до знакомства с Октябриной Смирнов бывал на ее родине в селе Чальмны-Варрэ, в глухой лесной деревушке в среднем течении Поноя, и жил в том же доме, где росла маленькая Бина, следовательно, «мог представить, как все это было». Встреча с Василием Николаевичем Юрьевым в шестидесятые годы, жизнь в оленеводческой бригаде подготовили молодого поэта к постижению саамской жизни изнутри, из глубины. Сам Смирнов родился в Териберке, с детства знал быт поморов, природу Заполярья, знакомство с пастухами-саамами углубило познания родного края.

1966 год. Смирнов уже год после Литинститута, живет и работает в Заполярье. Во второй его книге все чаще звучит мотив малой Родины. И вдруг в конце сборника появляется стихотворение, которое выбивается из общего многоголосия темой, мелодией. Это своеобразная саамская нота, которая является знаком в творчестве Смирнова. Интересно, что стихотворение это включается поэтом почти во все последующие сборники. Почему такое постоянство мотива?

Мне кажется порой, что я – шаман.
Я в толстый бубен ударяю глухо
И расстилаю по земле туман,
И вызываю старых грозных духов.
Они летят, как вороны, ко мне,
И кружатся, и вьются надо мною. И стонет,
стонет
небо в вышине,
И сосны прогибаются волною.

Тяжелый плащ необычайно пестр,
Трепещет за спиною каждой складкой.
Я — властелин
глухих таежных верст,
Всех рек, озер,
всех сопок и распадков.
В моих владеньях Север,
Запад,
Юг...
Я хворь гоню,
залечиваю раны...
И люди собираются вокруг,
Чтобы послушать мудрого
шамана.
Они стоят у моего огня,
Теснятся,
чтобы было видно задним,
И терпеливо ждут и ждут меня...
А я —
молчу:
Мне нечего сказать им...

Стихотворение написано в 1964 году, т. е. за год до окончания Литинститута. При знакомстве с Октябриной Смирнов признался, что видел бубен в селе Чальмны-Варрэ на чердаке оставленного дома (как оказалось, дома Матрехиных). Это был родовой бубен деда Октябрины. Так задолго до знакомства с Октябриной для Смирнова уже прозвучал этот шаманский бубен, словно наворожившей судьбоносную встречу, передавший особый дар поэту, освятивший его предназначение.

Однако их творческий союз сложился не сразу. Во время рабочей командировки в поселок Ревда в один из дней к Смирнову подошла женщина, представившаяся Октябриной Вороновой: «...невысокая... из-под шапочки выбивались темные пряди волос. ...с обветренным широкоскулым лицом, с чуть раскосыми живыми глазами...» (Как не вспомнить образ из стихотворения: *«У тебя смолою пахнут косы / И глаза за дымкою густой, / Может, по-монгольскому — с раскосом, / А быть может, с русской прямотой»*. Параллель очевидна). Она сказала, что пишет на саамском стихи, легенды, сказки, в прозе — тоже. Имеет подстрочные переводы. Обратилась с просьбой перевести литературно. Тогда, в 1975-м, Владимир Александрович отказался, а позже очень жалел, что отодвинул эту встречу на неопределенный срок. Сам признавался, что испугался, не знал языка и помнил печальный опыт перевода в студенческие годы.

Но судьба упрямо, настойчиво готовила Смирнова к переводческой деятельности. Опыт, знание жизни саамов уже был, был и опыт работы со стихами саамского поэта А. Бажанова. Владимир Смирнов и Виктор Тимофеев стали рецен-

зентами первой книги поэта-саами «Солнце над тундрой». Поэтические образы саамской природы, быта вошли в сознание, в творческую копилку Смирнова.

В начале 80-х на одном из литературных вечеров, которые проводились в Ловозере и Ревде, выступала Октябрина Воронова. Во время чтения стихов она делала подстрочный перевод, иногда объясняя значение того или иного слова. И на творческий семинар в Мурманск в 1983 году она была приглашена. Выступление ее поразило В. Тимофеева тем, что стихи свои на саамском она распевала. Для Смирнова же, который давно отмечал музыкальность саамского языка, это уже не было откровением: «Ведь многие столетия стихов как таковых саамы не знали – знали песни. Пели короткие бытовые песни, грустные и веселые, пели эпические сказания (лувты), легенды». В. Тимофеев посоветовал Смирнову, как знатоку Севера, переводить стихи Вороновой. Переводили ее и другие поэты, но дальше первых проб дело у них не шло.

Чуть позже Александр Борисович Тимофеев, редактор книжного издательства, предложил Смирнову участвовать в телепередаче, посвященной рождению саамской литературы. Вместе с Аскольдом Бажановым выступала и Октябрина Воронова. Она читала стихи, а Смирнов – переводы. После передачи Александр Борисович поздравил Воронову и Смирнова с рождением творческого союза и предложил продолжать совместную работу, обещая помочь в издании стихов.

Владимир Александрович вспоминает, что в тот первый вечер, после телевизионного выступления они с Октябриной приехали домой к Смирновым и сразу же принялись за работу над новыми подстрочниками. Вот этот момент, вероятно, и можно считать моментом рождения содружества двух поэтов, сотворчества представителей двух народов. Содружество – это слово самого Владимира Александровича. Именно так называет он творческий союз Воронова – Смирнов. Согласитесь, что слово это имеет несколько иное значение, чем слово сотворчество. Содружество говорит о близких духовных интересах прежде всего и лишь потом о работе. И если мы находили в поэзии Смирнова предчувствие появления Октябрины Вороновой, то и у Октябрины есть знаковые строчки в поэме «Тайна Бабьего озера»:

Смотрит женщина молча
На юго-восток, на Россию,
Словно ждет избавленья и помощи
С той стороны...

Виктор Тимофеев в смирновской поэме «Бабы» в главе «Матрена» видит совпадающие коды Октябрины и Смирнова. Имя Матрена он связывает с фамилией Матрехиных, предков Октябрины Вороновой. Матрена в саамском фольклоре является родоначальницей, прародительницей некоторых саамских родов, в которые входил и род Октябрины Вороновой (Матрехиной). Главы поэмы «Бабы», среди которых и глава «Матрена», были написаны в 1967 году, то есть за 18 лет до знакомства Вороновой и Смирнова. Не будем отказываться от предложенных В. Тимофеевым наблюдений, хотя можно говорить и о родствен-

ности образа Матрены у Смирнова некрасовской Матрене из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» или Дарье из поэмы «Мороз — Красный Нос». В образе Матрены — как прародительницы саамов и как символе русской женской доли — понимание народами тяжелой женской судьбы, воспевание былинности образа женщины. Из поэмы «Бабы» В. Смирнова:

Была Матрена баба — я те дам!
В плечах — сажень,
Кулак — что наковальня.
Быка убьет, коль вдарит по рогам,
Мизинцем двинет — мужика повалит.
В работе нету лучше мастериц.
Топор, пила ль — на все рука ядрена!

Сравним с образом женщины в стихотворении «Все проходит» Вороновой. Мать желает дочери: *«Успевай в работе, как мужчина, / И расти, как женщина, детей»*. Таким образом, можно говорить об одинаковом понимании роли женщины у русского и саамского народов независимо друг от друга.

Много точек соприкосновения у поэм Смирнова «Бабы» и Вороновой «Тайна Бабьего озера». Обе включают легенду, рассказывающую о подвиге женщин во время нашествия на Родину чужеземцев (у саамов — в далекой древности, у русских — в Великую Отечественную войну). Обе поэмы — своеобразный литературный памятник их подвигу. Тема обеих поэм — тема исторической памяти. Тема одна, но решена по-разному. В основе каждой из поэм разный фольклорный, национальный материал.

С 1985 года началось тайнодействие Вороновой и Смирнова. В лице Владимира Александровича Октябрина обрела не только главного переводчика своих стихов, но и верного друга, который «поддерживал в трудные минуты травли», после смерти Октябрины помог поставить памятник на ее могиле, взял на себя всю организационно-техническую работу по изданию стихов первой саамской поэтессы, незадолго до своей смерти готовил в печать ее стихи, будто боялся не успеть.

В семье Смирнова Октябрина обрела второй дом, всегда останавливалась у них, когда приезжала в Мурманск. И хотя Смирнов в рукописи пишет: «...постепенно работа над переводами увлекла меня, и я с головой ушел в мир саамского быта, в мир поэтических образов Октябрины Вороновой», но, судя по скорости их схождения после первой передачи, он утонул, заблудился в мире Октябрины сразу же.

Ряд параллелей в творчестве поэтов можно продолжить, достаточно обратиться к таким стихам, как «В Крыму» О. Вороновой и «Южное небо» В. Смирнова, «Тундра моя — моя жизнь» Вороновой и «Поморье» Смирнова, «Солдатки» Вороновой и «Вдовы» Смирнова, «Я стою у крыльца» Вороновой и «У Белого моря» Смирнова, «Пятьдесят» Вороновой и «Половина жизни» Смирнова, «Рисунки на камне» Вороновой и «Художник точно знал натуру» Смирнова и к

другим. Даже после первого прочтения этих стихов понимаешь, что перед тобой два поэта, говорящих об одном и том же, но по-разному.

Символичным кажется и следующее сравнение имени и отчества: Владимир Смирнов и Октябрина Владимировна, то есть Октябрина, дочь Владимира.

12 лет отдал Смирнов переводам Октябрины, а по другим подсчетам, как говорит В. Тимофеев, все 17, то есть до конца своей жизни: «По уровню работы можно рассматривать этот труд как творческий подвиг». Перевел больше 130 стихотворений и поэм. Правомерно ли говорить о том, что он растерял себя, что мы не досчитались приблизительно двух его книг, так как силы и время отдавал Смирнов работе с Октябриной? Думается, что во время переводов это был поэт другого порядка, видения, уровня. Благодаря Октябрине Вороновой, у Смирнова открылось второе зрение, как открывается второе дыхание, и он не просто глубже увидел то, что его окружало, к чему привык и, может быть, не обращал внимания, а и сумел рассказать об этом нам, своим читателям. Вот слова Смирнова: «...переводчик тоже должен искать и находить – точность и ясность мысли стихотворения, хотя бы приблизительную схожесть поэтических образов, верный душевный настрой автора». Работа непростая, но Смирнов справлялся с ней. Октябрина же доверяла ему полностью и иногда, когда надо было подобрать соответствующее саамскому русское слово или выражение, она говорила: «Ищи сам, что лучше поставить, ты же все-таки русский». Как Октябрина ценила работу своего переводчика? По воспоминаниям Розы Хабибовны Смирновой, Воронова выказывала благоговейное отношение к поэту. А однажды рано утром Роза Хабибовна застала ее за чтением собственных стихов в обработке Смирнова плачущей – это были слезы радости, благодарности, восхищения трудом другого человека.

Творческое содружество было равноправным, взаимно обогащало поэтов. Наверное, без Смирнова такой Октябрины мы бы не знали, а без Октябрины не состоялся бы такой переводчик Владимир Смирнов. Вот слова самого поэта: «Казалось, хорошо я знаком с жизнью саамов, и об истории наслышан, и в сегодняшних колхозах бывал. Но вот познакомился в Ревде с Октябриной Владимировной Вороновой, и с новой стороны открылся для меня мир оленеводов: будто сама тундра заговорила со мной языком стихов, песен, сказок, легенд». Повезло не только автору оригинала, но и переводчику.

Сама жизнь подготовила этот творческий союз, постепенно формируя из Смирнова и Вороновой тех поэтов, которые, словно две половинки одного целого, искали друг друга и нашли. А обретя друг друга, они стали петь об одном и том же одну из самых красивых песен на земле: песню любви к своей родной северной Заполярной земле. Оба стояли у истоков: Смирнов – писательской организации, основания праздника День славянской письменности в Мурманске, он первый коренной поэт-северянин, окончивший Литинститут, первый поэт – уроженец Севера, принятый в Союз писателей СССР. Воронова – у истоков саамской литературы, создания саамского букваря, она первая саамская поэтесса, принятая в Союз писателей СССР, первая саамская поэтесса, принимавшая уча-

стие в праздновании Дня славянской письменности. Оба они стояли у истоков рождения культуры Кольского края.

Очень важно, что переводы Владимира Смирнова помогли выразить национальную самобытность образа жизни, мышления, мировосприятия саамов, чему способствовал одинаковый поэтический строй души поэтов, единая мелодическая тема, один поток переживаний, совпадение тем стихов. Есть переводы, которые несут на себе все черты индивидуальности поэта переводчика настолько, что не нуждаются в его подписи. В переводах стихов Октябрины Вороновой «чувствуется рука мастера, прекрасно владеющего классическим стихом», по определению Л. Т. Пантелеевой, профессора Мурманского пединститута, но при этом переводчик сохранил этническое своеобразие саамского народа, самой Октябрины Вороновой, содействовал тому, чтобы чувства лирической героини Октябрины, слитые с национальной историей, с бытом, обычаями и преданиями саамского народа, раскрылись во всем своем своеобразии через художественный перевод.

Поэтическое вдохновение этого содружества естественно рождалось из впечатлений родной природы, почти одинаково ощущаемой, из воспоминаний детства, связанных с фольклором родной земли (саамским и поморским), из общности болей и переживаний (разница в возрасте была три года), из близкой духовности. Творческое сотрудничество Вороновой и Смирнова — это факт творческого вдохновения, которое явилось своеобразным мостом между двумя культурами — саамской и русской. Смирнов познакомил народы других стран с саамскими преданиями, ввел в художественное сознание этих народов множество неизвестных до него образов.

Виктория БАКУЛА

Октябрина Воронова

* * *

Хочу остаться на земле
Хотя бы искоркой в золе,
Хотя б в скупом рассвете дня,
Чтоб дети помнили меня.

Хочу остаться жить любя
В упрямом сердце у тебя,
В певучих голосах тайги,
В журчании живой реки.

Хочу остаться без оков
В прохладе легких облаков,
В чуть слышном шелесте травы,
В дороге, что избрали вы.

Хоть малым лучиком во мгле —
Хочу
остаться
на земле!

ПОЛЕ ЖИЗНИ

Человеческий быт переменчив.
Всё сильнее тревожит меня:
Поле жизни становится меньше,
Ближе кромка последнего дня.
Нет печалей и радостей вечных.
Но гляжу я, прищурив глаза —
Отделясь от проталинок вешних,
Шумно птицы летят в небеса.
Поле жизни для них — это воздух,
Солнца свет, синева, облака.
Там, за звездами, —
новые звезды,
Не открытые нами пока.
Нету связи с другими мирами,

Не доходит дотуда сигнал.
Сделать всё,
                что не сделано нами,
Завещается нашим сынам.
Пусть всех дней моих туже колечко —
В сердце боль начинает стихать.
Поле жизни —
                оно бесконечно,
Да другим это поле пахать.

* * *

Чем ты притягиваешь, родина,
Чем ты влечешь, секрет открой:
Не той ли ровною болотиной?
Не этой ли крутой горой?

Сковало воды гулкой стужею,
Куда ни глянь — белым-бело.
Но этот лед — затем и нужен он,
Чтоб было озеру тепло.

За все заплачено сторицею.
Прочувствуй, сын мой, и скажи:
Не здесь ли Западною Лицею
Легли и наши рубежи?

Куда б ни привели скитания,
Тебе навек принадлежит
Земля под северным сиянием,
Где прах отцов твоих лежит.

ОТЧИЙ КРАЙ

Край милый, Ловозерье,
Край возрожденья дня,
Каким, признайся, зельем
Ты напоил меня?
Теперь люблю навеки,
До роковой черты
Твои леса и реки,
Шумливы и чисты.
От Варзина, где солнце
Свой начинает взлет,
По тундрам и по сопкам
Селенья кто сочтет?

Сосновка, Чальмны-Варрэ —
Везде, где я была,
Мне песни напевали,
И каждая светла.
В семье, где дочь рождалась,
Как юная весна,
Там дерево сажалось —
Зеленая сосна.
И потому издревле
До нынешней поры
Встречаем у деревни
Сосновые боры.
На севере России,
Где стыло и темно,
Найти леса красивей
Кому еще дано?
Растите, зеленейте,
Печалясь в трудный час.
Пусть ходят по планете
Сказания о вас.
Пусть к отчему покою
Привяжутся сердца,
Как слиты ваши корни
С землею до конца.

БЕРЕЗА

На пожне,
На краю покоса,
Седая,
        древняя, как миф,
Растет двуствольная береза,
Вершины к небу устремив.

Чтоб песни петь под небесами,
Народ, обычно занятой,
Приходят коми и саами
По праздникам
                к березе той.
Она ветвями чуть поникнет —
В подарки ветви облекут.
Кто бисера наденет нитку,
Кто шелка принесет лоскут.
Сливаясь звонким хороводом,
Как будто воды в ручейке,

Поют два тундровых народа
На всем понятном языке.
Поют легко,
Поют спокойно.
У них в любые времена,
Как у березы этой корни,
Земля-кормилица
одна!

* * *

Ловозерские горы лишь с виду пологи,
И лишь издали схожи, как братья, они.
И на юг, и на север крутые отроги
И такие межгорья —
С тропы не сверни.

Пропасть страшная есть возле скал Алуайва,
К ней опасно приблизиться — так глубока.
Здесь когда-то по трещине
Огненной лавой
Вниз катилась, кипела, бурлила река.

Это было давно.
Уж не помнят и деды,
Как дрожала земля, сея ужас и страх,
Как сгорали куницы, олени, медведи
В тех огромных и жарких всеядных кострах...

Пасть вулкана закрыли сугробы и стужа,
Запечатали пробкою вечные льды.
Лишь местами звенит,
Пробиваясь наружу,
Голубая струя родниковой воды.

Время — лекарь земли.
Все проходит с годами.
Забываются горе, печали, беда...
Только пропасть,
Что вдруг пролегла между нами,
Не уверена я,
зарастет ли когда.

* * *

Камни, камни, камни, камни...
Молчаливы, холодны,
Как росы студеной капли,
Как дыхание луны.

Эти камни предок ищет,
Чтоб занять себя трудом:
Пурнэ выстроить для пищи
Или даже — целый дом.

Польза помнится веками
До сегодняшнего дня.
Жернов, нож, топор —
из камня,
И кресало для огня.

А для праздника, веселья
Есть в камнях другой запас:
Жемчуга для ожерелья,
Аметисты иль топаз.

На горах, в лесах и в тундре
Мирный сон земли хранят —
И нередко с камнем люди
Сердце верное сравнят...

Камни, камни, камни, камни...
Молчаливы, холодны,
Как росы студеной капли,
Как дыхание луны.

Сколько вас по тундре мглистой!
Не пытайся, не считай.
Край полярный —
каменистый
И родной навеки край.

ВИРМА

Речка Вирма,
Речка Вирма,
Что таишь ты в глубине?
С бережка крутого видно
Каждый камешек на дне.
Разлилась ты в устье вольно.

Под ветрами там и тут
В серебристых шапках волны,
Будто пыжики, бегут.
Кто длину твою измерит?
Ты журчишь средь гор июля.
Вир в саамском значит — берег,
МА — родимая земля.
Сквозь меня, как сердцевина,
Как целебная струя,
Протекла речушка Вирма,
Вирма — родина моя!

* * *

На все чудесные края,
Что за лесами, за полями,
Мое родное Заполярье
Не променяю в жизни я.
Пусть там прекраснее живется,
Теплей вода и ветерок.
Что мне на свете остается?
Семь расставаний,
Семь дорог,
Семь бесконечных дней недели,
Семь дуг, повисших над рекой,
Семь звезд Медведицы на небе,
Семь гор над северной тайгой.
Все это память днем и ночью
Хранит во сне и наяву,
Пока живу в сторонке отчей,
Пока живу,
Пока живу...

ЧАЙНИК

Хорошо, придя из тундры,
Чай покрепче заварить,
После всей дороги трудной
Груз усталости свалить...
Оця в дом вошел.
Молчанье.
Что ж в пустом дому
скучать?
Он включил электрочайник
И друзей созвал на чай.

Час прошел —
Не верит Оця:
Это что за ерунда?
Холодней морозной ночи
Стынет в чайнике вода.
Оця сел на табуретку
И тотчас же подскочил:
— Я же в радиорозетку
Второпях его включил!..
Вот случится же досада!
Удивленный, он глядит:
Не кипит —
так и не надо.
Но ведь и не говорит!

ЧАХКЛИ

Когда заскучается в доме,
Ты выберись в дебри тайги.
Там маленький сказочный гномик
Живет в корневищах тугих.
Смешной в колпачке своем белом,
Он зла никому не творит.
Но что бы в тайге ты ни делал —
Он все за тобой повторит.
Топориком стукнешь по ветви —
Такой же услышишь ты стук.
А крикнешь — он эхом
ответит,
И звук улетит за версту.
Когда же по небу заносят
Дождливые тучи ветра,
Расстелет постель ему осень
Из листьев, травы и пера.
И если случайно зимою
Ты вновь заберешься сюда,
Увидишь пространство
немое,
А гномика — нет и следа.
Но только плохого не думай,
Своею дорогой иди.
Нет, маленький чахкли
не умер.
Он спит.
Ты его не буди.

* * *

Чьи это смелые краски и кисти?
Кто из художников чудо принес?
Будто погладил лапкою лисьей
Нежно-зеленые платья берез.

Кто на осины багрянец набросил,
А на рябины — рубиновый шелк?
Только ли изморозь?
Только ли осень?
Может быть, возраст такой
подошел?..

Чуть на виски лягут белые нити,
Смотришь — и вся голова уж седа.
Лапки лисы, я прошу, не коснитесь
Наших сердец никогда-никогда.

ОДУВАНЧИК

Он раскроется весной,
Как головка солнца,
Рыжий-рыжий,
Такой, что захватит дух.
Но лишь летнее тепло
По лучам прольется,
Полетит на траву
Белый-белый пух.
Наклонюсь я над цветком,
В мыслях погадаю,
Выдох свой отдам ему,
Как последний стон.
Пусть рассыплет семена
По родному краю.
Очень холодно у нас —
Это знает он.
В зимы злобствует мороз
И метели плачут.
Вот уже и в волосах
Седины полно...
Дед зовет свою старуху
«Божий одуванчик», —
И, поверьте,
Никому
Это не смешно.

ЛУНА

Пейве-день к концу подходит.
Стали сумерки густы.
Наступает зимний холод
На дома и на кусты.
Поднялись сугробов гряды.
Наш автобус в рейс идет.
И луна с окошком рядом
Все бежит — не отстает.
То бледна, как молодица,
То красна, как медный круг,
То желтеет — золотится,
То зеленой станет вдруг.
Похвалиться, верно, хочет,
Что нарядам нет конца.
Так до самой поздней ночи
Перекрашивается.

* * *

Мерзнет улица моя.
Лед на лужицах крепчает.
Захоложенный ноябрь,
Точно пьяного, качает.
То ползет щенком слепым,
То летит осатанело,
За собою все следы
Заметая пухом белым.
По натуре незлобив,
Он командует некруто:
И стволы, и ветви ив
Шубой снежною укутал.
Под сугробы травы скрыл,
Чтоб не мерзли долгой ночью.
Словно взмах лебяжьих крыл,
Прошумел над краем отчим.
Чистит грейдер колею,
Но ему ль тягаться с вьюгой?
Греет улицу мою
Разве только ветер с юга.

СНЕЖНИЦА

В апреле начинает таять снег.
И хоть покрыта тундра белизною,
И хоть еще не скоро быть весне,
Но все уже наполнено весною.
Еще немного — и пойдет вода.
Сначала робко,
Между льдом и снегом.
Потом осядет снег,
Не станет льда, —
И талая вода зальется в беге.
Озера разливаются в моря,
Болота, как озера, набухают.
А в речке камни под водой горят,
Как темным лаком крытые,
сверкают.
Журчит вода, и ребятня, боса,
Бежит вдоль речки, не боясь крапивы.
И солнце, поднимаясь в небеса,
Льет свет, который всю зиму копило...

СНЕГОПАД

Поутру, по январю,
Снег укрыл дома.
Я тебя благодарю,
Снежница-зима,
Вот за эту белизну
Над лесной грядой,
За зеленую сосну,
Ставшую седой,
За просторный светлый мир
В снеговом лету,
За дарённую на миг
Эту красоту,
За резные кружева,
Павшие с небес,
И за добрые слова,
Что шептал мне лес.

ПЕРВЫЙ ИНЕЙ

В сентябре ударил ранний холод,
И туманы пали на реку.
Светлым утром
Соберемся в школу
И уйдем навстречу ветерку.
А трава бела,
На лужах льдинки.
За мохнатой сопкой солнце спит.
«Кырч-кырч-кырч...» —
То новые ботинки
Или первый иней так скрипит?
...Но нежданно солнце из-за леса
Выкатило яркий жаркий круг.
И мгновенно воздух весь прогрелся,
Будто осень отступила вдруг.
Языки-лучи, пылая в сини,
Вылизали землю,
Каждый куст.
Видно, солнцу этот первый иней
Очень уж понравился на вкус.

* * *

На миг вернулась в юность,
Пропавшую в дыму.
Как будто прикоснулась
К заветному чему,
К тому, что отгорело,
Волнуясь и любя,
Как будто посмотрела
Сквозь зеркало в себя.
От боли в сердце тесно.
Что ж бередить года?
А ты поешь мне песню
Одну и ту ж всегда,
Поешь, мотив не зная,
По десять раз на дню:
«Тебя, моя родная,
ни с кем я не сравню...»

В КОНЦЕ ФЕВРАЛЯ

Два сезона меняют друг друга
У истоков полярного дня.
Выступает мороз по округе,
Как жених, на гулянье маня.
И пушистые белые пряди
Вдоль дорог завивают снега.
В кружевном подвенечном наряде
Хороводит невеста-пурга.
Отшумит, отпоет, отметелит
И до новой зимы улетит.
Встрепенутся березки и ели,
И поднимется солнце в зенит.
Будет свет увеличивать сутки,
И снега взбудоражат лучи...
Как-кап-кап — оживают сосульки.
Звень-звень-звень —
Побежали ручьи.

ЗАПАДНАЯ ЛИЦА

Меж сопок северных струится
Речушка Западная Лица,
То камни лижет, то пески.
Всегда шумлива, словно ветер,
Но для меня на целом свете
Дороже этой нет реки.
Перелетая через Лицу,
Веселые
Смолкают птицы.
Здесь миром правит тишина.
И лишь трепещущей листвою
Березки шепчут меж собою
О том, что кончилась война.
Хотя здесь бой гремел жестокий
И крови вылились потоки —
Чиста холодная струя,
Журчит, проделав путь неблизкий.
Но обелиски,
Обелиски
По берегам ее стоят.
И ветеран, пришедший к Лице,
Чтоб павшим братьям поклониться,
Молчит, лицом темней, чем ночь.

И говорит внучок печально:
– Как жаль, что в том сраженье дальнем
Я не успел тебе помочь...

ЧАЛЬМНЭ-ВАРРЭ

От Ловозера к Поною
По течению плывем,
Мы не той ли синевою
Рождены в краю родном?
По следам преданий старых,
Столь же древних, как леса...
Чальмнэ-Варрэ, Чальмнэ-Варрэ,
Вы — лесов густых глаза!
Вы глядите не мигая
В душу светлую мою.
Вас, зрачки родного края,
Я повсюду узнаю!
Все петляет, хороводит
Своенравная река,
К бывшим стойбищам выводит
Нас она издалека.
Горкой сложены здесь камни,
То — такая старина!
На камнях резьба видна мне,
Чаще — елка иль сосна.
Здесь когда-то наши предки
Коротали зимний час
И оставили нам метки:
Продолжайте, мол, рассказ!
Чальмны-Варрэ, Чальмны-Варрэ,
Это видно неспроста.
Кто до нас здесь кашеварил,
Обживал здесь те места?
Слева озеро блестело,
Как застывшая слеза.
Удивительное дело —
Леса синие глаза!
Рядом ключ веселый вьется,
Бьет серебряной водой.
Это людям остается
И зовется красотой.
Пусть же смотрят с интересом,
Как сверкает бирюза.
Лес живет, пока у леса
Есть веселые глаза!

ПОНОЙ

Протянулась Кольским краем
Далеко-далеко,
Как попутчица людская,
Олмэ-вардэм-егкын.
То бурлит среди утесов,
Как орлиный клекот,
То замрет в спокойных плесах
Олмэ-вардэм-егкын.
Наклонились над порогом
Пихты, сосны, елки —
Правит к морю путь-дорогу
Олмэ-вардэм-егкын.
Освещает над деревней,
Будто свет из окон,
Новой жизни след и древней
Олмэ-вардэм-егкын.
Чальмны-Варрэ, мыс старинный,
Как лесное око,
Смотрит в синюю равнину
Олмэ-вардэм-егкын...
Сохранил до нас веками
Мудрости истоки
Предок, выбивший на камне
Олмэ-вардэм-егкын...
Пепелища зарастают
Трын-травой жестокой —
Волны к морю катит стаей
Олмэ-вардэм-егкын.
Всем дано взлетать и падать,
Петь иль плакать долго,
Но останется, как память,
Олмэ-вардэм-егкын.

ДОМ У РЕКИ

На берегу реки Поноя
Построен дом давным-давно.
Но ни зимою, ни весною
Не светится его окно.
Угрюмый, темный, словно келья.
Не вьется над трубою дым.
Дом пуст и молчалив, как Кейвы,
Грядой встающие за ним.

Добротно рубленный на камне,
Он только прошлым и живет.
И так близка его тоска мне,
Родившейся у этих вод.
На петлях дверь повисла косо,
К крыльцу придвинулись леса.
И только в пору сенокоса
Здесь раздаются голоса.
Живет совхозная бригада
Неделю или десять дней,
И каждое бревешко радо
Тому, что видит вновь людей.
Народ рабочий веселится.
На кухне ужин раздают.
И в старых сенцах половицы
Не то чтобы скрипят — поют...
Но осенью, сырой и вздорной,
Из дома выветрит тепло.
Последней лодкою моторной
Уедут все в свое село.
И дом окутает молчанье.
Развеет над трубой дымок.
Лишь долго-долго будет чайник
Хранить остывший кипяток...
Коль на ночевку захотите,
Туристы или рыбаки,
Вы не стесняйтесь,
Заходите —
На доме не висят замки.
Пусть каждый как хозяин будет.
Готовьте на печи обед.
Ведь сердце дома — это люди.
Их нет —
И, значит, жизни нет.

* * *

Не буду я плакать,
Не буду заламывать руки.
Рыдать, голосить о прошедшем
Лопарке нельзя.
За делом пою
Свою песнь о любви, о разлуке.
И вдруг по щеке
Бисеринкой скатилась слеза.
Ну и что?

И руки, и пальцы в движенье,
Мелькает наперсток.
Сижу я и шью
И тихонько пою про житье.
Потуже мне швы затянуть
И привычно, и просто.
Но все же непрошено
Капнет слеза на шитье.
Ну и что?

Я в доме одна.
Это время приходит такое.
С осеннею стужей
Поднялись птенцы на крыло.
Что им делать в гнезде?
Им еще далеко до покоя,
Им не скоро еще
Возвращаться в родное село.
Ну и что?

Где-то дочка живет,
На работу уходит в детсадик.
Верно, ей нелегко,
Но не скучно среди ребятни.
Служит в армии сын.
Пишет мне, что в воздушном десанте
Летает с друзьями,
Крылатым собратьям сродни.

Сентябрь наступил,
И мне тоже пора на работу.
Закончилось лето,
Как грустная песня моя.
Опять окунаюсь
В родные дела и заботы,
И встретят меня
Школьный дом
И большая семья.
Так и есть!

* * *

Я стою у крыльца
На пороге родимого дома.
Белизна,
Белизна без конца...
Как все это знакомо!

Нарядилась зима.
Как шаман, по-над тундрой несется.
Ну, а я-то, я знаю сама:
Здесь в гостях —
Даже солнце.

Этот холод и снег
Повторяются неоднократно.
Но года,
Что прожил человек,—
Невозвратны.

Как любила я эти края,
Утро каждое песней встречая.
Не заметила —
Юность моя
Отцвела иван-чаем.

Солнце радости заволокла
Туча скорбная
В ливне и громе.
И в душе не осталось тепла,
Как в нетопленом доме.

Были счастливы мы,
Токовали весной на опушке.
А теперь
Посредине зимы
Я одна, как кукушка.

Ни покоя, ни сна,
Руки-плети без сил опускаю...
Вот опять на дворе
Белизна,
Белизна-то какая!

* * *

Куда же ты, обласканная птица?
Остыл очаг былых горячих дней.
И что тебе в родном гнезде не спится?
Неужто воля впрямь тебе нужней?

Высок простор.
Он манит наши души,
Но что изменит он в твоей судьбе?
И кто еще споет на сон грядущий
Любовное признание тебе?

Лети, от ветра свежего шалея,
Держа большое тело на весу,
Мне холодно,
Но я не сожалею.
Мне тяжело,
Но груз я пронесу.

Живи, моя обласканная птица,
В своем небесном голубом раю.
Но если вновь придется приземлиться —
Ты знай:
я больше песен
не пою!

* * *

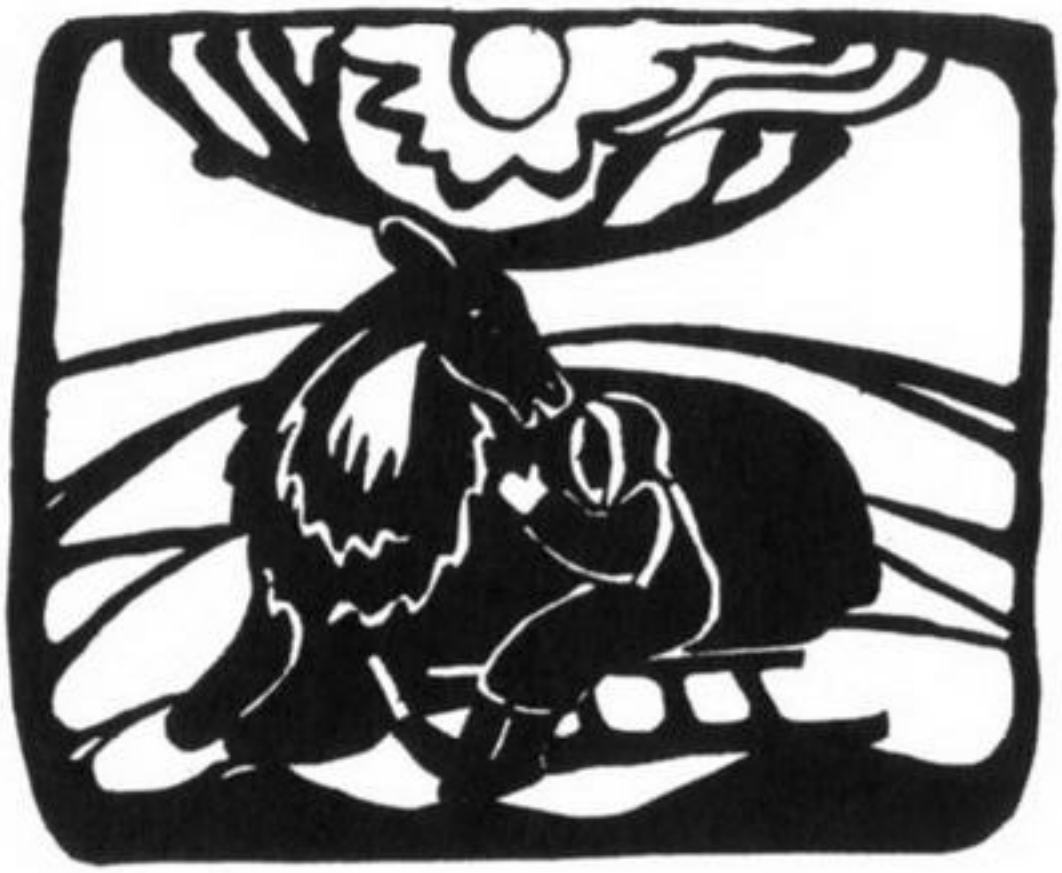
Истаяла любовь, как звездный след.
Теперь уж — точно — не услышу вовсе
Слова, что я ждала пятнадцать лет,
Пятнадцать зим, и осеней, и весен.

Не дождалась...
А ты и не спросил, —
Да и к чему ненужные вопросы?
Ушел туда, где дождик моросил
И где рыдали у реки березы...

Но от дождя
теплеет лишь земля.
Над ней бушуют запахи июня.
И первые густые зеленя
Пьянят меня, как памятная юность.

И верится в родном своем краю,
Шагая по распахнутому лугу,
Что я гнездо по-новому совью
И все начнется
по второму кругу.

Переводы с саамского языка
В. Смирнова



АЛЕКСАНДРА АНТОНОВА

АЛЕКСАНДРА АНТОНОВА

Александра Антонова (1932) – поэтесса, радиожурналист, переводчик. Автор шести книг: «Моя боль» (1997), «Ялл» (1997), «Струны сердца» (2007), «Стихи для детей» (2007) – на русском; «Пирас» (2004) и «Кутък кэбп» (2004) на саамском и северо-саамском.

Ее стихи включены в сборники «Дары тундры» (1993) и «Здесь начинаются дороги» (1999, 2001). В переводах Антоновой на саамском языке появляются книги Бажанова, Большаковой, Матрехина, «Иисус паррнэ каннъц» («Библия для детей», 1996). Она один из авторов книги «Сергей Есенин на саамском» (2008), «Душа в душу» (2010) – стихов марийской поэтессы Татьяны Очеевой, «Слово о ливах» (2008) – карельского поэта Александра Волкова. Завершен перевод «Евангелия от Матфея».

Стихи Антоновой переведены на русский, северо-саамский, эрзянский, норвежский, шведский, финский.

В 2012 году стала лауреатом премии Северных стран за развитие саамского языка «Голлегиелла» (Gollegiella), учрежденной министрами Норвегии, Швеции и Финляндии, отвечающими за саамские вопросы, и главами саамских парламентов этих стран.

Ответы Александры Антоновой на вопросы «Анкеты саамских писателей»

— Чего вы хотите добиться в жизни, за что её любите?

— За то, что можно оставить поколениям

— Любите ли подолгу смотреть на воду, огонь, камни, деревья, что вам ближе?

— На воду, костёр.

— Если бы перед вами оказалась высокая гора, вы полезли бы на нее или решили обойти, чтобы продолжить путь?

— Полезла бы.

— Какой образ у вас возникает при слове водоём?

— Водопад — быстрое течение, подобно броску, жаждущему жизни на просторе.

— Почему, на ваш взгляд, в сказке был разрушен теремок?

— Зло разрушило дружбу зверей, единство.

— Почему курочка Ряба обещала старикам снести яичко не золотое, а простое?

— Хотела для стариков добра — простое, доброе утешает, лечит, притягивает, даёт надежду.

22.01.1999

Боль сердца Александры Антоновой

Еще при жизни своей секретарь Мурманского отделения Союза писателей России Виталий Семенович Маслов сказал об Антоновой Александре Андреевне как о настоящей глыбе, фундаментальном явлении в саамской культуре, саамской истории, саамской литературе. Человек огромной трудоспособности, энтузиазма, ученый, создатель саамских учебников, педагог, видный общественный деятель, радиожурналист, яркий публицист, неугомонный переводчик как художественной, так и духовной литературы, поэтесса, свою жизнь, работу Антонова связала с саамским словом. Многие саамы вложили свою лепту в дело просвещения саамского народа, но она единственная, пожалуй, кто до сих пор, несмотря на возраст, продолжает упорно работать над созданием новых учебных пособий на родном языке, переводить, писать стихи. Александра Андреевна понимает — важно сегодня оставить будущему поколению как можно больше саамских слов, потому спешит на каждое мероприятие, посвященное саамской культуре, в надежде записать на свой видавший виды за десять лет работы на саамском радио магнитофон воспоминания саамов, их песни, бывальщины. А вдруг выплывет из памяти у кого забытое слово.

Много раз приходилось наблюдать, как она радуется таким находкам. Вот, например, для книги о жизни саамов мне нужно было узнать, как по-саамски будет жених? Александра Андреевна, не задумываясь, сказала: «милса», а спустя год позвонила и сообщила: «Радость у меня, более старое слово для жениха нашла — «вунхэй». Записывала рассказ одной саамской бабушки, оно и всплыло в разговоре». Но вернемся к началу начал.

Родилась Александра Андреевна 5 мая 1932 года в саамской куваксе, когда ее родители — оленеводы Антоновы Марина Артемьевна и Андрей Емельянович — кочевали по Териберской тундре. При рождении Александры кружила вьюга, потому, наверно, у нее такой неуемный, настойчивый характер: *«Я родилась, чтоб увидеться с вами, / Чтоб землю свою возродить для саамов...»*

В 1942 году Шура Антонова пошла в школу. А в 1943 детей отправили на сбор угля. В одной из статей И. Ф. Ушакова о Териберке читаем: «Более пяти бочек золы собрали для удобрения земель колхоза им. Ворошилова школьники пос. Териберка. Особенно активны были сестры Шура и Валя Антоновы». Вот так весточка из военного прошлого через документы дошла и до наших дней. Война навсегда осталась в ее памяти, но и новые беды, свалившиеся на Россию, не оставляют равнодушной.

Была война, беда из бед,
Осталась позади.
Уже полвека ее нет,
А память все саднит.
И в час ночной она во сне,
Взрывая тишину,
Рыдает горько о Чечне
На всю мою страну.

Перевод Ю. Кудинова

Закончив семилетку, едет на учебу в Ленинград в педагогический институт имени Герцена. После его окончания приезжает в Ловозеро, чтобы начать работу в школе-интернате. Тогда она преподает русский язык и литературу.

К саамскому языку новый интерес у ученых возникает в 60–70-е годы. Антонова и ее единомышленники понимают: научные статьи не исправят положение, если срочно не начать преподавание языка детям в школе. И забили во все колокола, посыпались письма в Министерство просвещения, другие инстанции. Добились своего. С 1976 года приходит разрешение начать преподавание родного языка в начальных классах. Но здесь возникает новая проблема — нет учебников. Антонова в это время становится сотрудником НИИ национальных проблем образования Академии педагогических наук СССР и начинает работу над созданием саамского букваря. Она говорит: «Мы, саамы, друг с другом разговариваем, прекрасно понимаем смысл устной речи. А вот когда передо мной встала задача писать на родном языке, писала, но прочитать не могла — не «звучали» по-саамски написанные слова. После упорных поисков стало ясно — букв русского алфавита недостаточно для воспроизведения на бумаге системы зву-

ков саамского языка». Так появляются в саамском алфавите не только звонкие сонорные, но и глухие, согласные твердые, мягкие, полумягкие — итого 40 букв вместо 33-х русского алфавита.

В 1979-м выходит «Самь букварь» Антоновой. Большая победа. Затем в содружестве с О. Вороновой и Е. Коркиной появляется книга для чтения «Самь килл» для 2-го класса. Но вскоре Александра Андреевна приходит к выводу, что без живого слова, звучащего с радио, саамский язык будет детьми восприниматься как иностранный, не более, так как во многих семьях уже по-саамски не говорят.

Создавая саамские учебники, ей приходилось писать стихи самой — сначала робко, затем все увереннее. Рождались стихи и для самых маленьких, такие как «Грозовая семья»:

Вышла из вежи семейка моя:
Молния — мама, Гром-папа и я,
Маленький Громик, любимый сынок,
Сели на тучу и на небо — скок!
Папа как грохнет о горы ведром!
Я в бубен ударил — вот это был гром!
Мама потом, позабавивши нас, —
Молнии-стрелы пустила из глаз...
Как мы все вместе до слез хохотали!
Шуткой своей мы людей напугали.

Перевод Ю. Кудинова

Как и в стихах ее товарищей, Аскольда Бажанова и Октябрины Вороновой, у Александры Антоновой много строк, посвященных природе края. Каждое слово емко, недвусмысленно, конкретно:

Благодарю я заполярный лес!
И облака, и кроны мощных сосен;
Глядеться в зеркала озер —
Благая весть;
Идет гроза, но гром ее не грозен.
Течет река меж сопок и варак
То деловито, то резвится шало.
Целительное лето — добрый знак,
Болота от морошки жарко-алы.

Перевод А. Миланова

В 1983-м у нее новая победа — в эфир выходит первая передача саамского радио. И хотя она длилась всего пару минут, но это было уже достижение. А с 1991 года десять лет подряд каждый четверг в 14 часов будут раздаваться позывные Ловозерского радио «для тех, кто владеет саамским языком или учится этому языку», и вести передачи будет Александра Антонова. Затем перерыв три года — и вновь ее голос звучит на саамском радио. Сегодня радиоархив Антоно-

вой составляет около тысячи кассет. Это и записи выступлений саамских фольклорных коллективов, и рассказы старых людей о прежнем саамском житье-бытье, и старинные сказы, легенды, и все культурные мероприятия.

В конце 90-х молодые саамские учителя стали ратовать за переход саамского языка с кириллицы на латиницу. Было непонятно поведение Антоновой, поддерживающей их. Но она поясняла: «Зачем тратить время на бессмысленные препирательства? И так его много потеряно на разборках. Пусть попробуют». И они попробовали, но с первыми попытками появились и первые сложности и чем дальше, тем больше. Через год вновь вернулись к букварю Антоновой на кириллице. Прозорливая Александра Андреевна предвидела такой исход, а начни она протестовать против затеи молодых, и спор мог затянуться на многие годы.

От своих сородичей она отличается огромным трудолюбием, целеустремленностью, деятельностью. Кипучая натура Александры постоянно ищет дела, поэтому в общении с ней порой совершенно забываешь о ее возрасте. Вот каких людей нужно побольше саамскому народу — истинных патриотов, тогда меньше было бы и пустой болтовни.

В 1996 из норвежской церкви Карашьёка в Ловозеро приехал пастырь. Посмотреть, как российские саамы живут, верят ли они в Бога, читают ли Библию. Радостно было ему узнать, что люди к Богу тянутся. И узнал он, что живет в селе создательница саамского букваря Александра Антонова, пришел к ней с предложением перевести детскую Библию на саамский язык. Александра согласилась, хотя загружена работой была сверх меры: писала новые учебные пособия, готовила для радио на саамском языке часовые передачи. Да и люди в ее доме не переводились: то одним что-то надо, то другим. Переводы писала от руки — машинки с саамским шрифтом тогда еще не было. Занималась этим урывками, и все же через год перевод подготовила.

Было интересно, а не столкнулась ли она с трудностями, ведь некоторых библейских понятий саамский язык не подразумевает вообще. Александра Андреевна рассказала: «Найти новое слово — это ведь целое событие. Вот, например, в Библии постоянно встречается слово „пророк". Как его обозначить по-саамски? И нашла — *ялмуж эвтэс уйнэй*. Вот сколько понадобилось слов, чтоб обозначить одно. С саамского *пророк* — человек, видящий жизнь наперед, или вперед видящий.

Антонова признается, что взялась переводить детскую Библию потому, что душа у нее болит за свой народ, за детей. Как-то поверхностно говорится сегодня о Боге у нас. Много, но поверхностно. Она же хочет, чтобы саамские люди вновь, как и 400 лет назад, когда принимали в свои души Христа, стали добрыми, изжили из своих душ агрессию друг к другу, склоки, злобу.

С другой стороны, она рада, что в этих небольших библейских рассказах смогла оставить потомкам связную саамскую речь. Словари словарями, но они не дают полного понимания, как применить слово в том или ином тексте, а Библия в будущем станет для саамских словесников большим подспорьем.

Уже после перевода Библии перевела молитву «Символ веры», повесть А. Бажанова «Белый олень», сказки Н. Большаковой «Подарок чайки» и «При-

ключения мышонка Удлесь Кебпля», более тридцати стихов Сергея Есенина, других русских и советских поэтов.

И возникает вопрос: почему этот человек отдает столько времени переводам произведений других поэтов и писателей, забывая подготовить подстрочники своих собственных стихов? Происходит это оттого, что темой всего ее творчества стала тема боли. Боли за саамский язык, за свой народ, за тундру, перепаханную гусеницами танкеток так, что не дождаться будет, пока на ней вновь ягель вырастет, за оленей-кормильцев, которых беспощадно уничтожают браконьеры, за многое другое. Потому и первый сборник ее стихов называется не иначе, как «Моя боль».

Ой, Отчизна-мать, тундра белая!
Я счастливой стать так надеялась.
...
Почему ж мое сердце так болит?
Почему душа в муках корчится?..
...
Что живу свой век не по-дедовски.
И хотела б я по-старинному,
Да земле моей быть чужбиною:
Ведь она, меня породившая,
Не моя давно — люди пришлые
Взяли все в свои руки крепкие,
Держат родину хваткой цепкою.
Нет у нас теперь ни земли, ни рек,
Вдалеке от тундр коротаем век.
Ни охоты нам, ни рыбалочки,
Остаются лишь с водкой шалости.
Ни оленьих стад нет, ни пастбища.
И один нам путь — лишь на кладбище.
Все у них в руках, людей временных.
А земля бедою беременна...

Особенно в этом стихотворении Александры Андреевны чувствуется что-то от древнего плача. На одном из праздников Саамского слова в центральной библиотеке поселка Ревда мурманский поэт Виктор Тимофеев, представляя журнал «Север» № 4 за 1998 год, сказал об Антоновой так: «В этом номер представлены тридцать два автора. В том числе среди них со своей самостоятельной поэтической подборкой, поэтическим словом выступает Александра Андреевна Антонова. Мы, конечно, знаем ее как талантливого, яркого человека, как человека, который всю жизнь на службе просвещения культуры, развития саамского слова. Но все-таки в таком литературном, поэтическом разделе, под поэтической литературной рубрикой Антонова появляется впервые. И это настоящий дебют и настоящий праздник. Психология небольшого тундрового народа диктует какое-то новое решение колыбельной. В ней мать обращается к судьбе, к богу, к

людям. Она высказывает свои беды, беды своего народа, не рассчитывая, что ребенок будет это слушать. Он под нее спит, а она рядом горюет и раздумывает над судьбой».

...Наши мужчины — кто пьет, кто стареет,
Я их не очень браню.
Ты — мой защитник, расти поскорее,
Баюшки-баю-баю...

Перевод Е. Алексеева

А как она переживала смерть переводчика и поэта Владимира Александровича Смирнова! Статью написала, а затем и стихотворение-посвящение ему родилось:

Мне говорят: ты умер. Нет, не может быть!
Ведь умирает тот, кто ничего не сделал.
И я твержу себе, всем заявляю смело:
Ты жил средь нас, ты есть, ты вечно будешь жить!
...
И вновь звучат стихов нетленные слова —
Ты с нами говоришь, как говорил и прежде.
Ты снова учишь нас терпению, надежде
И той любви, что в вечности права...

Перевод Ю. Кудинова

И хотя на сегодняшний день стихи Антоновой переведены в основном оленегорскими поэтами — это уже достижение. Благодаря их переводам, мы можем прочесть и прочувствовать боль души поэтессы. Кстати, оленегорским литературным объединением «Жемчуга», помимо сборника «Моя боль», выпущен и сборник детских стихотворений «Пиррас» («Семья»). А в 2004 году две книги этих стихов на саамском и северо-саамском языках вышли в Норвегии в издательстве «Северная книга».

Красиво говорить могут многие, а вот вершить историю под силу единицам. Александра Антонова — одна из них. За свою жизнь награждалась она многими грамотами, медалями, знаками отличия за большой вклад в развитие саамской письменности и культуры. Несколько лет В.С. Маслов еще при жизни своей хлопотал о присвоении ей звания «Заслуженный деятель культуры России», считал, что такие звания человеку необходимо давать при жизни, пока человек может почувствовать благодарность земляков. Когда человека не станет, об этом уже поздно будет говорить. И никак не мог понять явное нежелание кого-то не дать это звание Антоновой.

Надежда БОЛЬШАКОВА

Ученый, поэт, переводчик

Подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они побуждают, утешают и облагораживают. Их личности — это живые документы, указывающие обществу, что, кроме людей, ведущих спор об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации, развратничающих во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба, есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно осознанной цели.

А. П. Чехов

Слова, вынесенные в эпиграф, попались мне совершенно случайно, когда очерк об Александре Андреевне уже был готов. На мой взгляд, они как никакие другие точно и емко отражают суть ее жизни.

Александра Андреевна Антонова — ученый, создатель саамского букваря, публицист, поэт, переводчик, ведущий курса саамского языка на радиостудии муниципального образования «Ловозерский район». А еще — «борец за сохранение саамской культуры», как назвал ее председатель саамского отделения ООСМО (Общественная организация саамов Мурманской области) Геннадий Петрович Лукин, выступая на презентации книги А. А. Антоновой «Струны сердца». А еще Александра Андреевна — Почетный житель села Ловозеро. Учитель с большой буквы, радеющий за сохранение саамского языка. Человек, которому судьба доверила сделать очень многое.

Иногда задумываюсь: почему одни успевают в жизни столько, что другим хватило бы на две, три жизни? Где планируется судьба каждого человека? И за что отмечает она одних, делая их своими избранниками? Как знать, возможно, все зависит от странного стечения обстоятельств, а может, от судьбоносных встреч... А таких встреч на жизненном пути Антоновой было немало.

Подумать только: она была знакома с самим Захарием Ефимовичем Черняковым — легендарным человеком в истории саамского народа. Ведь это именно он в 1933 году, возглавляя Комитет нового алфавита при окрисполкоме (Комитет содействия развитию языка и письменности народов Севера), создает первый саамский букварь. А уже в 80-е годы Захарий Ефимович приветствует выход в свет саамского букваря самой Александры Андреевны: «...пока это не есть саамская литература, надо дать простор развитию речи. Пусть пишут поэты и писатели на любых диалектах. Не надо этого бояться!..»

Во время учебы в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена на филологическом факультете Антонова стала ученицей молодого ученого Георгия Мартыновича Керта, который несколько лет к тому времени преподавал саамский язык в институте. С огромным уважением отзывается она о нем как о бескорыстном, простом человеке, большом ученом, посвятившем свою жизнь изучению саамского языка.

С 1954 года Антонова работала в школе учителем русского языка и литературы. Творческая натура молодой учительницы не давала ей покоя, и она переводит на саамский язык многие материалы из газет и журналов, пишет сценарии на саамском языке, ставит по ним с учениками небольшие пьесы. Наблюдая, как школьники интересуются родным языком, с каким увлечением изучают его, она пришла к выводу, что этой работы с ними по изучению саамского языка недостаточно, и в 70-х годах, когда начала преподавать родной язык, приступила к серьезной работе над созданием саамского букваря. Как рассказывала мне Александра Андреевна, проверяющие от района не раз удивлялись: «Откуда Вы знаете методику преподавания саамского языка?» Но Антонова была тем самым учителем, о котором говорят: «Учитель от Бога», поэтому у нее не возникало никаких проблем с преподаванием родного языка, а желание научить ему, сохранить родное слово все больше заставляло задумываться над тем, как это сделать.

С 1978 года Александра Андреевна – младший научный сотрудник НИИ национальных проблем образования Академии педагогических наук СССР, в 1979-м завершает работу над саамским алфавитом, а в 1982-м выходит первое издание саамского букваря, который явился плодом ее неустанного труда.

Выход в свет букваря стал настоящим прорывом в деле создания саамской письменности, ведь букварь З.Е. Чернякова был написан на латинице с использованием разных диалектов, что создавало трудности при работе с ним. Новый букварь был издан на кириллице, кроме того, были найдены обозначения звуков, характерных только для саамского языка.

Вслед за букварем вышел из печати и учебник для 2-го класса на саамском языке. Так Александра Андреевна явилась продолжателем дела Феодорита Кольского и Трифона Печенгского, положивших начало саамской письменности еще в XVI веке. Вернула своему народу потерянную в 30-е годы во время репрессий саамскую письменность. Но дело по ее созданию на этом не кончилось. Долгие годы борьбы последовали за выходом в свет букваря Антоновой. Борьбы за то, чтобы саамы наконец имели свою письменность. Борьба эта идет до сих пор, хотя именно Букварь Антоновой оправдал себя в преподавании саамского языка в школе-интернате.

Спустя годы в одном из интервью для работников Областной Мурманской библиотеки Антонова говорила: «Букварь – мой большой труд, который я не могла не сделать, так как считаю себя ответственной и обязанной выполнить все намеченное. А потомки разберутся, что было верным, а что заблуждением». По букварю Антоновой дети обучаются в школе-интернате до сих пор.

А в то время Александра Антонова поняла еще одну очевидную истину: без живого саамского слова, без живого общения на нем саамский язык не будет восприниматься как родной для саамов. И поэтому с 1983 года она выходит в эфир, что знаменует еще одну победу в деле сохранения родного языка.

Еще работая над «Книгой для чтения» для 2-го класса вместе с Октябриной Вороновой и Екатериной Коркиной, Александра Андреевна пришла к выводу, что не хватает литературного материала на саамском языке, так началось ее поэтическое творчество – со стихов для детей. Позже она перешла к серьезным

поэтическим размышлениям, и в 2007-м вышла в свет ее книга «Струны сердца». Название вполне символическое, ведь это струны ее сердца звучат о родном языке, о родной земле, о родном народе. А до этого были переводы на саамский знаменитого стихотворения Тараса Шевченко «Завещание» в книге «Тарас Шевченко. „Заповідь" мовами народів світу» (1989), повести А. Бажанова «Белый олень», сказок Н. Большаковой, стихов С. Есенина, других поэтов и писателей.

Продолжалась работа и над учебниками – теперь уже для 3-6 классов. Одна мысль неотступно жила в ее сердце, одно желание жгло сердце и не давало покоя, заставляя работать и работать: надо было сохранить язык и спешить с этим, потому что он все более забывался, все менее становился востребованным молодежью. Надо было сохранить язык, а значит, народ.

В 1990-м в Ловозеро приезжает финн Пекка Сильвеннойнен и привозит только что вышедшее на саамском языке Пасць Евангели. Это была глава Евангелие от Матфея. По этому поводу организовали встречу в Доме культуры, куда собралось много людей. Пекка привез около 100 экземпляров Евангелия, раздавали его бесплатно. В силу природной скромности, из-за нежелания обидеть гостя или по каким-то другим причинам, но никто из присутствующих саамов не признался Пекке, что далеко не все понятно в тексте. Уже тогда книга очень заинтересовала Антонову. Она внимательно с ней ознакомилась и пришла к выводу, что слова передаются несовершенной транскрипцией, а кроме того, в ней присутствуют слова из разных диалектов. Конечно же, никто из кильдинских саамов не мог прочитать книгу, ведь один диалект очень отличается от другого, так что саамы, говорящие на разных диалектах, не всегда даже могут понять друг друга. Спустя время Александра Андреевна пробует себя в переводе детской Библии, и в 1996 году в Финляндии выходит в свет Библия для детей – «Исус паррнэ каннъц» в переводе с русского на кильдинский диалект саамского языка. 32 библейские притчи вошли в эту небольшую книжечку, снабженную красочными иллюстрациями. На отдельной страничке – перевод молитвы Отче наш.

В 2008 году известный журналист, поэт Дмитрий Ермолаев предложил Александре Андреевне взяться за перевод Евангелия от Матфея. Понимая, что никто, кроме нее, это не сделает, она приступила к работе и за сравнительно короткий срок – с октября 2008-го до начала 2009-го года – перевела Святое Писание. В своей работе Александра Андреевна пользовалась тем самым Евангелием, которое привез в Ловозеро Пекка Сильвеннойнен. Она выписывала незнакомые ей слова, сравнивала со старославянскими и заменяла их на слова кильдинского диалекта. Иногда соответствий в языке саамов не было, тогда она словосочетанием пыталась объяснить то или иное понятие. Священное Писание должно было быть услышано, поэтому в каждой передаче саамского радио Антонова прочитывала одну или две главы из «Пась Евангели», делая текст доступным для всех саамов. Так Александра Андреевна приобщала саамский народ к великой православной культуре.

Проблемы со здоровьем и нехватка времени тогда не давали Антоновой работать над переводом Библии так, как ей хотелось бы. Александра Андреевна вела

переписку с Пеккой Сильвеннойненом, и он предлагал ей полностью перевести «Новый Завет» на кильдинский диалект саамского языка. Однако работа на радио занимала очень много сил и времени, поэтому к переводу приступить не пришлось. И вот спустя годы она снова возвратилась к работе над «Пась Евангели» (глава от Матфея). Теперь она тщательно ищет замену встречающимся в тексте русским словам, аналогичным саамским, воскрешая родное слово. Кроме того, возникла необходимость в составлении словаря к переводу. Перевела Антонова на кильдинский диалект и главную молитву русских христиан — «Символ веры».

Недавно Александра Андреевна закончила перевод Жития Трифона Печенгского, составила к нему словарь и преподнесла его в дар архиепископу Мурманскому и Мончегорскому Симону.

В свое время на вопрос моей ученицы, почему Александра Андреевна начала переводить Библию, она сказала так: «Я надеялась, что все саамские дети приобщатся к христианству, будут знать, что есть Бог, будут ходить в церковь, как наши родители...». А в интервью работникам Областной научной библиотеки на вопрос: «Главная книга в Вашей жизни?» — ответила: «Главной книгой считаю Библию как в общем смысле, так и по работе. Уже три года занимаюсь переводом Евангелия на саамский язык».

Сегодня Антонова является единственным человеком на Кольском полуострове, кто занимается переводом духовной литературы на кильдинский диалект саамского языка.

Рассказывая нам о своем детстве, Александра Андреевна вспоминала, как ее родители и все саамы относились к вере. Ей тогда казалось, что нет в мире злых людей, что нельзя никого обманывать, да и тебя никто не обманет, ведь отношения между детьми и родителями были именно такими: теплыми, доверительными. Родилась она в семье оленеводов, где было девять детей. По саамским обычаям, их рано приучали к труду: мальчиков — к стрельбе, охоте, девочек — к рукоделию. Так в 13 лет Сандра, как звали ее родные, уже сама вела домашнее хозяйство. Отношения между детьми были доброжелательнее, теплее, чем теперь, считает Антонова. Возможно, Библия поможет саамам стать нравственно чище, духовно богаче, вернуть старый семейный уклад.

Трудится Александра Андреевна и сегодня. Участвует в проектах по развитию и изучению саамского языка, печатается в газетах, работает над переводами. Много встречается с людьми, заинтересованными в восстановлении саамской культуры. Пишет письма и едет на встречу с депутатом в Мурманскую Думу, надеясь на то, что можно сохранить саамский язык. Борец, она борцом остается до конца. Но живет с болью в сердце, с болью за свой саамский народ, за родной язык, за родную землю.

Вот эта боль души и не дает покоя Александре Антоновой, заставляя ее просиживать за рукописями днями напролет. Иногда соседи удивляются: «Так давно тебя не видели, думали, ты уехала!» Но уехать от дел Антонова может позволить себе только зимой и не больше, чем на две недели — к сыну, внучкам. Боль за родной язык не дает ей времени на отдых. Особенно ценит она лето — дни длиннее, больше можно успеть.

И еще одна боль не дает успокоенности. Давно лелеет Александра Андреевна мечту о том, чтобы саамы занимались традиционными ремеслами: девочки — изготовлением одежды, обуви, мальчики — оленеводством. Только это, по ее мнению, может вернуть саамов в тундру, помочь выжить в современных условиях. Есть по этому вопросу у Александры Андреевны свое мнение. Давно предлагает она создать школу-интернат для саамов, в которой ребятишки обучались бы мастерству предков с малолетства, по специальной программе. Интернат должен быть рассчитан на 100-120 человек. Торопиться надо, пока мастера еще живы, да и родителей привлекать к передаче дедовского опыта...

Так в чем же секрет такого творческого богатства Александры Андреевны, такой востребованности? Как может человек столько успеть за свою жизнь? Или у нее их две? И не чудо ли, что юная девушка из далекого северного поселка Териберка, мечтающая работать электриком или медиком, вдруг резко меняет свою судьбу и становится учителем, исследователем, переводчиком, поэтом, человеком, спасающим родную саамскую культуру? Какими же чертами характера надо обладать?

Сама Александра Андреевна считает основной чертой своего характера «трудолюбие, до мозга костей честность, справедливость, уважение к человеку труда. Труд — дело всей моей жизни». Себя она называет «трудоголиком»: «Так люблю работать, что не спала бы. Любую работу осилю».

А работа всегда есть. То надо порядок в архивах навести, то напечатать что-то, то перевести. Одних только папок с материалами радио тридцать! Да и почитать художественную литературу тоже хочется.

— Что движет Вами на жизненном пути? — был задан ей вопрос.

— Чувство ответственности перед саамским народом, перед обществом в целом за исполнение тех дел, что считаю возложенными на меня.

Об этом она пишет и в стихотворении «Я родилась — мунн шэнньтэ»:

Мунн шэнньтэ, и вот я увиделась с вами,
Чтоб землю свою возродить для саамов.
Мунн шэнньтэ, чтоб весны кружились над ней
И чтобы любимый народ был сильней.
Мунн шэнньтэ для тяжкой, но радостной службы —
Согреть своим сердцем остывшие души.
Мунн шэнньтэ, чтоб вспомнить обычай веков
И все записать, но родным языком.

Что ж, может быть, именно в осознании своего предназначения и кроется духовная сила Александры Андреевны Антоновой, человека-истории. И именно эта цель и помогает ей идти по дороге жизни мужественно и честно, какой бы трудной она ни была. В этом — суть ее подвижнического труда, веры и ясно осознанной цели.

Виктория БАКУЛА

Александра Антонова

ЗАВЕЩАНИЕ ОТЦА

Перед смертью отец сказал сыну: «Носи новое, ешь сладкое».

Сын носил новое и ел сладкое, но пришло время, когда нечего стало носить и есть, и он отправился к дяде. Рассказал о завете отца, о том, что, выполняя его, он совсем обнищал. И пришлось дяде объяснить племяннику слова его отца: «Своими руками все делай. Сладким будет и черствый хлеб, и простая вода, и носить будешь все новое, коль сошьешь себе».

Правду сказал дядя. Работал племянник теперь до пота — и сладкими были черствый хлеб и простая вода, стал шить себе — появились новые вещи.

УЗКИЕ, МАЛЕНЬКИЕ ГЛАЗА

У старика-лиса глаза не видят. Он идет, запинается о деревья. И стал просить у деревьев глаза. Сосна говорит: «Мои глаза смолой залиты». Ель говорит: «Мои глаза мхом покрыты». Береза говорит: «Проси глаза у моей бересты». Береста говорит: «Мои глаза узенькие и маленькие». Старик-лис сказал: «Узенькие глазки — красивые глазки, а маленькие глазки далеко видят». Так береста дала лису свои глаза, и он стал все далеко видеть.

УСТАЛА

Рыбка спит и олененок,
Спит щенок и спит котенок...
Только я еще не сплю —
Одеяло тереблю.
Поздно. Тихо. Ночь темна.
Как же мне уснуть без сна?

Я раздумывать устала,
Где там сон ночует мой,
Натянула одеяло
И укрылась с головой —
Тут и сон меня обнял,
Он со мною рядом спал!

БРАТИК

Ручеек в лесу журчит,
Приглашает в гости.
Братик мой к нему бежит —
Удержать не просто!

Ведь за ним не углядишь,
А ручей, как речка;
— Подожди меня, малыш,
Стой, мое сердечко!

Мы две щепочки нашли —
Это наши корабли.
Отпускаем их в ручей...
Братик мой, расти скорей!

Перевод с саамского языка
Ирины Ядринцевой

КИРРЕ

Кирре* — малого росточка:
Высота — вершок всего,
С ноготок — ее листочки,
С рыбий глаз. И ничего!
Весело живет она,
Так рассчитывая силы,
Чтобы ели и сосна
В тень ее не утащили.
Долго ль, коротко живет,
Но растет по миллиметру,
Свой рассеивая род
Легким семенем по ветру.
И летят ее сынки,
Внуки, правнуки по свету,
Чтоб весною их ростки
К солнцу потянулись где-то.

---

* *Кирре* — карликовая березка *(саам)*.

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Ночь заполярная –
Белая тьма,
В диком безумстве
Ликует зима:
Спрятала
В синем тумане
Средь гор
Робкие лучики
Розовых зорь.
Снегом и льдами
Прикрыта темница.
Только напрасно –
Недолго томиться
Зорям в неволе:
Солнце взойдет –
Снежные двери тюрьмы
Распахнет.

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Светлое солнце
На небе живет.
Много у солнца
Весною забот:
Снег растопить
И все лужи прогреть,
Рекам замерзшим
Врата отпереть.
Путь указать
Шаловливым ручьям,
Птиц
После дальней дороги
Встречать...
Этой работы –
С утра до утра!
Эй, выходи помогать,
Детвора!
Если на улицу
Солнце зовет,
Мамочки,
Мокрые ноги –
Не в счет!

МОЯ БОЛЬ

Ой, Отчизна-мать,
Тундра белая!
Я счастливой стать
Так надеялась.
Мне казалось, все
Есть для этого:
И семья, и дом,
Корни дедовы.
И обряды есть,
И обычаи,
Дорогие мне
И привычные,
А теперь еще
Есть и грамотность —
Стал язык родной
Вольным, радостным.
Мне казалось, вот
Лишь теперь и жить!
Почему ж мое
Сердце так болит?
Почему душа
В муках корчится?
А счастливой быть
Так мне хочется!
Потому душа
Моя бедствует,
Что живу свой век
Не по-дедовски.
И хотела б я
По-старинному,
Да земле моей
Быть чужбиною:
Ведь она, меня
Породившая,
Не моя давно —
Люди пришлые
Взяли все в свои
Руки крепкие,
Держат родину
Хваткой цепкою.

Нет у нас теперь
Ни земли, ни рек,
Вдалеке от тундр
Коротаем век.
Ни охоты нам,
Ни рыбалочки,
Остаются лишь
С водкой шалости.
Ни оленьих стад нет,
Ни пастбища.
И один нам путь —
Лишь на кладбище.
Все у них в руках,
Людей временных.
А земля бедою
Беременна.
Только пришлым то
Знать не хочется,
И земля моя
В муках корчится.
А ведь есть у нас
Души смелые,
Мастера живут
Все умелые.
И не раз, не два
Удивлялся мир
Рукоделию,
Что творили мы.
Но когда оно
Так случилося,
Что с Отчизной мы
Разлучилися?
У кого узнать?
Где найти ответ?
Все вокруг молчат.
Меркнет белый свет.

Перевод с саамского языка
Юрия Кудинова

ОЛЕНЁНОК

В тёплый день весенний солнце рыжее —
День рождения оленёнка пыжика.
Что для пыжика нужнее, мама знает,
Языком своим оближет, приласкает.

Тундра — чарр, вокруг всё пусто.
Только ветерок весенний теплится...
А глаза у мамы от большого чувства
Радостной любовью так и светятся.

СОСНА

В небо раз сосна пошла,
Веткой небо подмела...
Подмела умело —
Небо посветлело!

Перевод с саамского языка Светланы Ламбиной

СЕМЬЯ

Река руками землю обнимает,
Звезда на небе светит для меня,
И каждая травинка в поле знает,
Что у меня прекрасная семья!
И дедушка, и бабушка, и папа —
Все вместе — лучшая родня!
Любимей всех на свете моя мама!
Живет любовью дружная семья.

ОДИНОЧЕСТВО

Еду, спешу, арканом имаю,
Весело мчусь и скуки не знаю!
Я и олень, сани мои —
Вместе мы боремся против тоски!
Чувствую я: мы едины, мы вместе!
Нам никогда не сидится на месте!
Кто я? Пастух? Или, может, поводья?
Кажется, все это — я! Лишь один я!

Перевод с саамского языка Юлии Голик

МЯЧ

Мне мама сшила мячик,
Маленький, красивый.
Он прыгает и скачет,
Словно зайчик милый.
Куда б ни закатился он —
За ним бежим мы всюду.
Как весело нам быть с тобой!
Тебя мы очень любим.

УЧЕНИКУ

Для того чтоб много знать,
Надо больше нам читать.
Больше думать головой,
Чтоб потянулись за тобой
Все люди, что живут вокруг.
Ты, как звезда, мой милый друг,
Своим умом бы освещал
Их скучный, грустный жизни бал.

Перевод с саамского языка Ирины Карпинской

СНЕГОПАД

Какая белизна!
Нам послан снег с небес.
Он тропы порошит
И бок соболий белит —
Как будто чистый свет
Спускается на лес,
Так ласково ложась
На лапы сонных елей...
Как зорок глаз зимы!
Однажды кинет взгляд —
И беспредельный край
Застынет в одночасье.
И, словно в первый раз,
Нисходит снегопад,
Искристой пеленой
Над тундрами качаясь...
Разглажена земля,

И высветлена даль.
Все расстоянья прочь! —
Дорога не пугает.
И если рвешься ты
Неведомо куда,
Садись и поезжай!
Устелен путь снегами.

РУЧЕЁК

Ручейка я слышу шум,
Подойду и спрошу, спрошу:
«Где твой дом, ручеек? Скажи!
И куда же ты так спешишь?»
Мне промолвит в ответ ручей:
«У горы на крутом плече,
Где, как снег, облака лежат,
Был я камнем большим зажат.
Но меня он сдержать не смог —
Я пронзил его, как клинок.
Нипочем мне любой заслон —
Я свободен, и я силен!
Там, за рощами, далеко,
Есть хрустальное озерко.
На одном языке мы с ним
От рождения говорим.
И бегу я теперь туда,
Чтоб с водою слилась вода...»

Люди! Нам бы задать вопрос:
Отчего мы все врозь да врозь?..
Каждый ищет особый путь,
Выбирает СВОЮ тропу,
Но, быть может, бредет —
постой! —
На свидание с Пустотой...

Перевод с саамского языка
Александра Рыжова

ПРЕКРАСНОЕ ЛЕТО В ТУНДРЕ

Не зря гласит народная примета —
Она саамам, скажем, в самый раз:
Готовить сани, люди, нужно летом,
Зимой — телегу или тарантас.

А нынче лето в тундре — всем на диво —
По красным солнцем все цветет кругом.
Стоит жара. Наш пес неторопливо
Заполз в тенек и лег под бугорком.

Вон озеро блестит под небесами —
Как будто бы невыпитый бокал.
По глади вод, как яхты с парусами,
Скользят и уплывают облака.

Куда ни глянь — повсюду сопки, сопки...
Они под солнцем зеленью горят.
И ветерок своим дыханьем робким
Колышет изумрудный их наряд.

Прошелся дождь по тундре с громом где-то,
Напился влагой моховой настил,
И каждый гриб мечтает этим летом
Набраться сил и выше подрасти...

Хорош пейзаж... Но ночью, длинной, зимней,
Лишь труд спасет от голода и бед...
Вон скрылся Павла мой в лесу с корзиной,
И Ноастьенч ему мелькнула вслед.

Перед зимою долгой и нелегкой
День кормит год — уже познал дитя:
И Педра вот на озере на лодке
Прилежно ловит рыбу на удяк.

А дочь Нинкъенч у дома вяжет сети,
(Она должна и хлев прибрать к зиме).
Вот так играют у саамов дети —
Ну, чем другим ребятам не пример?

Играйте в эти игры чаще, дети,
Пусть не страшит ни холод вас, ни зной...
Зимою думать надобно о лете,
А теплым летом — как прожить зимой...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой сыночек, травинки росточек,
Глазки скорей закрывай.
С вечера злобная вьюга хохочет —
Холоден северный край.

Я ж тебя, дитятко, сердцем согрею,
Песню о тундре спою.
Только расти, вырастай поскорее,
Баюшки, баю, баю.

После метелей горят ярче звезды,
Девицей красной — луна.
Пусть навевают прекрасные грезы
На моего шалуна.

Утро придет — все живое согреет
Солнышко в нашем краю.
Спи, мой сыночек, расти поскорее.
Баюшки, баю, баю.

Ждет тебя очень пострел-олененок,
Чтобы в упряжке бежать.
Мы научились, саамы, с пеленок
Вожжи оленьи держать.

Снег за упряжкою радугой реет.
Песнь запоешь ты свою...
Ну, а пока засыпай поскорее.
Баюшки, баю, баю.

Знаешь, врагов, вроде, нет и не видно,
Волен саамский народ.
Только вот жизнь у него — незавидная
Просто обида берет.

Наши мужчины — кто пьет, кто стареет,
Я их не очень браню.
Ты — мой защитник, расти поскорее,
Баюшки, баю, баю.

Ставить с отцом ты научишься сети,
Станешь и зверя стрелять
И, как все грешные люди на свете,
Будешь любить и страдать.

В лихо-ненастье мне руки согреешь,
Старость утешишь мою...
Спи же — во сне вырастай поскорее.
Баюшки, баю, баю.

ЗИМА

Зима, зима. Она посеребрит
Деревья и кусты, и бок песцовый,
Моя душа тебя боготворит
За чистоту, порядок образцовый.

Зима, как в прошлый раз, так и теперь,
Ведет свои дела, не ошибаясь...
Олени мчатся, ну-ка — бег умерь!
Остановить я их и не пытаюсь.

Доверилась я им, и пусть они несут,
Как в русской сказке ухарская тройка!
Душа поет, избавилась от пут,
И колокольчики по тундре только.

И лишь зима. В алмазах белый снег,
Его так много — тягостно иному.
Богатый, очень щедрый человек
Добро позволит так дарить другому.

Перевод с саамского языка
Евгения Алексеева

АСКОЛЬД БАЖАНОВ

АСКОЛЬД БАЖАНОВ

Аскольд Бажанов (1934–2012) – поэт и прозаик. Автор пяти книг: «Солнце над тундрой» (1983), «Стихи и поэмы о саамском крае» (2009, на английском и русском языках), повести «Белый олень» (1996, на саамском и северо-саамском; 2007, на русском языке).

Стихи Бажанова публиковались в литературных журналах и сборниках «Сказание о счастье» (1970), «Ступени» (1979), «Близок крайний север» (1982), «Сполохи» (1986), «Северное сияние» (1987), «Последнее пришествие» (1998), «Здесь начинаются дороги» (2001), «Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России» (2002), в хрестоматии «Литература Кольской земли» (2004), в сборнике песен «Спешит в Ловозеро оленевод» (2007).

Произведения Аскольда Бажанова переведены на саамский (кильдинский диалект), северо-саамский, норвежский, шведский, финский, английский языки.

Ответы Аскольда Бажанова на вопросы «Анкеты саамских писателей»

— Чего вы хотите добиться в жизни, за что её любите?

— Раз данную жизнь каждый обязан любить, другой не будет.

— Любите ли подолгу смотреть на воду, огонь, камни, деревья, что вам ближе?

— На огонь, воду.

— Если бы перед вами оказалась высокая гора, вы полезли бы на нее или решили бы обойти, чтобы продолжить путь?

— На Кольском полуострове нет гор выше одного километра, потому преодолевать их люблю.

— Какой образ у вас возникает при слове водоём?

— У нас на Кольском полуострове я всегда думаю, куда нам столько воды?

— Почему, на ваш взгляд, в сказке был разрушен теремок?

— Всё имеет определённый черед.

— Почему курочка Ряба обещала старикам снести яичко не золотое, а простое?

— Хотела, чтобы они продолжали жить.

31.01.1999

Солнце над тундрой

Первым из саамов мир тундрового народа в 1983 году открыл людям книгой своих стихов «Солнце над тундрой» ловозерский поэт Аскольд Бажанов, запечатлев любовь к родной земле в «радужно-яркие краски», возникающие из воспоминаний детства, из сказок бабушки и деда:

...Выраженьем глубокой ласки,
Непременно в вечерний час,
Шли саамские наши сказки
До рассвета баюкать нас.

Он, сын потомственных оленеводов из небольшого поселения на Нотозере, писал, что деды и прадеды его пасли оленей, ловили рыбу, добывали пушнину, имели дома в зимних и летних погостах. И главной темой его стихов вполне можно было бы назвать тему «хозяина вечной тундры», каковым, в принципе, и является герой бажановских стихотворений, потому как от де-

дов и прадедов перенял он пастушье дело, о чем и читаем в стихотворении поэта «Обычай предков»:

Дед на ласку был не скуп,
мудр был от природы...
как хотел он, чтобы внук
стал оленеводом,
чтоб охотиться умел,
мог закинуть сети,
чтоб удачлив был и смел,
да и быстр, как ветер!

Бажанов высоко ставит дело пастуха, потому как с самого раннего детства саамским «мальчишкам нравятся олени и сам оленный человек». Они приучаются ходить за оленем, управлять им, участвовать в оленьих гонках, о чем можно прочесть в повести Бажанова «Белый олень». Правда, в ней отец пока не пускает младшего сына участвовать в областных соревнованиях, оправдывая это словами: «...если бы ты, Данилка, на районном празднике точно занял первое место, то я Гришку стал бы просить остаться в стаде. Ты еще молод, будут у тебя Праздники Севера. А сейчас нам с тобой необходимо быть при стаде — выполнять главную заботу оленеводов», — но мы верим, что у Данилки будут и свои старты, и свои победы, и своя первая медаль, блестящая, как «Солнце золотое». Для поэта смысл жизни саамских мужчин — стать хорошим пастухом, потому как *«Тундра б сделалась пустынной, / Коль не жил бы в ней пастух»*.

Но, к сожалению, в последние годы все меньше саамских ребят рвутся в тундру, да и немного найдется отцов-саамов, мечтающих о том, чтобы их сыновья пошли в оленеводы. Сегодня для саамских мужчин настали поистине черные дни. Когда в тундру пришли перемены, саамские пастухи стали вытесняться более хваткими мужчинами коми и русской национальности. Встречаются нынче даже пастухи-украинцы. Изгоняемые из совхоза предприимчивыми руководителями, саамские мужчины стали еще больше пить, чтобы забыться, потому как у них отобрали право на ответственность. А как за что-то отвечать — не имея работы? Правда, кто-то еще промышляет продажей пойманной рыбы, сбором ягод, но это все сезонные подработки. Сам же Аскольд Алексеевич всю жизнь проработал в поселке Ревда на горно-обогатительном комбинате. И с годами его, ребенка военного лихолетья, родившегося 21 июня 1934 года, все чаще посещают воспоминания о тех тяжелых днях войны, когда само слово «война» стало синонимом слова «смерть». У его бабушки было одиннадцать детей, в живых остались сын и две дочери, остальные погибли. Потому так сильна ненависть к войне у поэта, потому стихи его до сих пор пропитаны болью и обостренным чувством вины:

Я виноват, что нет в живых отца,
что стон войны всю жизнь за мной несется.
Я виноват, что не обрел крыльца,
которое родительским зовется.
Я виноват, что надорвалась мать
в сплошном послевоенном лихолетье.

Я виноват, что не сумел понять,
откуда дует смертоносный ветер...

Над темой войны поэт работал и в последние годы жизни, писал рассказы-воспоминания.

И все-таки тема хозяина тундры и войны не главная в стихах Бажанова. Главной темой его стихов является природа Севера и Солнце! Природа Заполярья у него вобрала в себя и *«млечный путь волною пенною...»*, и *«сполохи сияний над тундрой»*, и *«...с неба серого бесконечный снегопад»*, и *«опавших листьев огоньки»*, и *«ночи полярной душа»*, где *«январские ветры в Хибинах ревут»* иль *«хоть и нет тепла для Севера, все равно чему-то рад»*. То ли когда тундра стоит *«в снегу морошкового цвета»*, то ли когда *«...затаится и замрет»*, поэт радуется, и это чувство радости входит и в нашу душу со стихами Бажанова.

Его вполне можно назвать солнцепоклонником, так как солнце или мечты о нем мы находим почти в каждом его стихотворении и прозе, да и название книге — «Солнце над тундрой» — поэт дает не просто так. Открываем сборник и сразу становимся свидетелями зародившегося после полярной ночи белого дня. Потому как не могла родиться строчка *«В дверь Хибин ввалилось Солнце и — уселось на порог!»* у человека, далекого от жизни Севера. И сразу Солнце в поэзии Бажанова становится для нас зримым, осязаемым, живым существом, ведь *«ввалиться»* и *«усесться на порог»* может только живое существо. И далее уже солнце *«стерегут»* *«туманы горные»*. Или *«последний солнца луч, уткнувшись в снег, погас...»*. И еще более одухотвореннее: *«В первый день что у Солнца спросишь? — поздороваться бы успеть»*. Рассказывая о ручейке, он пишет, что *«в нем все лето купалось солнце под журчанье и тихий всплеск»*, или уж совсем осязаемо: *«надо солнечный лучик детства, обжигаясь, носить в груди»*. Все глаголы, применимые Бажановым к солнечному светилу, можно отнести и к любому саамскому человеку.

Интересно, что, даже описывая игру северного сияния, поэт находит и в нем отсветы солнца и с удивлением восклицает: *«Глядите: ветер солнечный, / Зеленое сияние»*. И далее тут же объясняет, что северное сияние — это *«Подарок солнца яркого, / На Крайний Север посланный»*. В другом стихотворении о северном сиянии находим, что

Есть в этом хаосе
цвета и холода
что-то от солнечных дней,
если на сердце
без всякого повода
стало заметно теплей.

И как апогей стихотворения, как утверждение жизни далее звучат строки:

Минут бесследно
полярные сумерки:
вырастет день — и тогда
снова взойдет
над замерзшею тундрою
Солнце — Большая Звезда.

По поводу этих строк у мурманского поэта Александра Миланова в статье «Будет тундра вечно молодая» написано, что «В этих строчках улавливаешь природный такт, удивительное чувство слова. Только житель тундры может так сказать о солнце. Сравнение солнца с большой звездой в устах другого поэта едва ли выдержало бы критику, показалось бы натянутым, фальшивым. А здесь сравнение органично».* Да, для жителей тундры сравнение Бажанова органично и образно, точно как «и весна — с грудного малыша».

В повести «Белый олень» поэт пишет, как ждут люди появления солнца: «Месяцами томится взор о первом солнечном луче. Блеснет он — чудо! Розовым обдаст белизну весенних просторов, горы, будто древние старцы в ослепительных шапках, витые березки на холмах — чудо!»

Может, поэтому поэт готов дарить и женщинам букеты из солнечных лучей: *«Взамен духов и сковородок / и прочих нужных мелочей, / собрать бы женщинам в подарок / букет из солнечных лучей!»*

Солнечные лучи у поэта, как и само солнце, выступают с разным назначением. То это был букет для женщин, а то появляется и «наст из солнечных лучей», по которому тот мечтает поехать в тундру на оленьих нартах.

И вновь обратимся к статье Александра Миланова, характеризующего саамского поэта: «...он не стремится поразить читателя броскими рифмами, сногсшибательными образами, стихи — его бесконечная тундра. С виду незамысловаты, лишены инородных тонов и красок, за всем этим — народная мудрость, знание жизни».

Прощаясь с белыми ночами,
привычно думаю о том,
что в Заполярье все начала
идут иль с солнцем, иль со льдом.

Все начала в Заполярье и правда идут «иль с солнцем, иль со льдом». Про лед поэт делает только легкий намек, но живущие-то здесь хорошо знают, что это такое. Не дай бог попасть в тундру зимой «цивилизованному» человеку, и она покажется ему жестокой и беспредельной, покрытой ледяным настом и обдувающей злыми острыми ветрами. «Цивилизованному» человеку в ней не выжить, он сбежит отсюда с первыми же проявлениями неудобств. А для Бажанова тундра — мать родная, формирующая в нем как в поэте своим скупым разнообразием красок настоящего художника, умеющего замечать даже самые неброские ее проявления, облекая их в совершенно неожиданные образы:

Апрель снега задорно стружит,
рубанком Солнца возвенчав.
Губастый ветер морщит лужи,
играет лезвием ручья.

Как видим, опять любимое поэтом солнце играет здесь главенствующую роль. Тундра для него еще и дом, и уютное обиталище, где человек — борец, противо-

* Миланов А. Будет тундра вечно молодая // Мурманский вестник. — 1995. — 19 апр.

стоит всем превратностям погоды, одолевает мглу полярных ночей, снег и ветер: «Вот тут мы и посмотрим, кто в тундре сильней: пастух или ветер, любовь или вьюга». А сколько строк посвящено у Бажанова своим друзьям оленям: «Данилка шагнул из куваксы и залюбовался. Олень кормился, но, увидев человека, поднял красивую шею, тряхнул головой, словно приветствуя. Сухарь он взял из рук с удовольствием, захрустел, потерся носом о ладонь. Данилке стало хорошо, и он присел на валежину рядом с другом. Солнце касалось пологих хребтов. Оно было красным и ярким. Вспомнил слова отца:

— Последние дни видим, скоро уж не выкатится.

Да, прощается с тундрой надолго. Лишь отблески его лучей поиграют еще, порадуют ясной прозрачностью. Потом, затухая, отгорит и ярко-оранжевая полоска. Придет трудная, суровая пора» .*

Судьба саамского народа и самой тундры в произведениях Бажанова укладывается в рамки традиционного саамского фольклора. Так, в сюжеты его стихов входит сказочный мифологический олень, вернувший людям тундры солнце. Сначала это только мечта:

В январе, ожидая чуда,
Лишь восток чуть светлел в снегах,
Ждали мы, что олень оттуда
Солнце вынесет на рогах.

затем — утверждение:

День пришел — и по тундре радость,
да такая — снегам цвести!
Самый сильный олень из стада
Солнце сопками покатил.

Как видим, поэт не старается в точности воспроизводить сюжет древнего саамского сказания, его взгляд на мифологизм скорее изнутри, в глубину саамской культуры, к утраченным ценностям, недоступному прошлому. В стихах сказание об олене приведено схематично, не то что в повести «Белый олень», где автор подробно, во всех красках рисует мир сказки о северном сиянии, утащившем на небо саамского парня, которого могла вернуть на землю только его невеста: «...маленькая девушка встала с кережи и пошла прямо к самой большой ели. Спросила:

— Большая ель, ты в последний раз видела моего жениха, так скажи, что с ним. На твоей хвое остался его взгляд, ни ветром его ни сдуть, ни снегом его не закрыть, ствол твой обвили его думы, а думы его были обо мне...»

Так любовь саамской девушки помогает парню вернуться с неба на землю. Тут-то вновь и вспомнится строчка из стихотворения Аскольда Бажанова о том, кто сильней в тундре: «...любовь или вьюга».

В поэзии Бажанова северный край выглядит зримо, рельефно, убедительно, так, как о нем может рассказать только человек, родившийся здесь и горячо любящий его суровую красоту, родившийся практически в день летнего солнце-

* Бажанов А. Белый олень. — Мурманск : Школа № 10, 1996.

стояния. Отсюда и столь оптимистичное восклицание: *«Не прячься, Солнце! Больше света / Росистым травам поутру!»*

Творчество любого литератора многогранно, мы постарались рассмотреть только одну грань бажановской поэзии — «солнечную», заглянуть в душу поэта, увидеть его особый взгляд на мир, на те или другие явления природы. Его творчество известно не только у нас в Мурманской области, но и далеко за ее пределами. Был он и участником Всероссийских семинаров писателей народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока в Ялте, в Малеевке под Москвой, на Магадане.

Ревдинские школьники, изучая творчество Бажанова, писали о поэте так: «...невысокого роста, сухощавый, большеглазый, крепкий, жилистый человек. Его можно сравнить с карликовой березкой, растущей на наших северных болотах: неказистая на вид, а попробуй сломай или вырви из земли — сразу и не получится, настолько сильно она связана с ней корнями. Вот так же накрепко связан со своей родной землей, своим народом и Аскольд Алексеевич», как говорится, устами младенца глаголит истина.

Умер Аскольд Бажанов 15 октября 2012 г. Похоронен в п. Ревда.

Надежда БОЛЬШАКОВА

Не предавая забвению заветы предков

Первые пробы пера Аскольда Бажанова, саамского поэта, были еще в школе. Одно из первых его детских стихотворений, опубликованное в центральной газете школьников страны — «Пионерской правде», поражает своей взрослостью, философичностью и глубиной переживания: *«Когда в стихах души не слышится / И нет мелодии в словах, / Когда отчаянно не пишется — / Давно не хаживал в горах!»*

Вольно или невольно этими стихами Аскольд предрек свой жизненный путь, о котором пойдет речь ниже.

Печататься Аскольд стал с 1965 года на страницах районной газеты «Ловозерская правда». В 1974–1976 годах на его стихи были написаны три песни: «Спешит в Ловозеро оленевод», «Горняки», посвященная 25-летию Ловозерского горнообогатительного комбината, людям трудной профессии, и «Карнасурт, как и Хибины, Глубоко богатства прячет», посвященная северному поселку Ревда.

Солнечным видит родную землю Аскольд. Не случайно и его первая книга стихов называется «Солнце над тундрой». Книга вышла в 1983 году, когда Бажанову было 49 лет, но возраст поэта на ее страницах, в стихах не ощущается. Кажется, что пишет молодой человек, настолько свежо и красочно восприятие им мира. Книга — своеобразная дань лучшему периоду жизни человека — детству.

Первое стихотворение посвящено первому солнцу, и это символизирует рождение жизни, долгожданный приход весны. Теплым и ярким настроением про-

никнуто оно, чему способствует подбор таких слов, как «добрый и огромный», «костер», «тучи искр», «Солнце». Все в этом стихотворении играет красками, движется, словно природа находится в пляске, исполняя ритуальный танец по поводу первого появления светила, словно природа устроила фейерверк в честь Солнца: костер разгорается все больше, осыпает тучами искр тундру, бросает клочья ночи вниз. День победно врывается в жизнь. Да и Солнце пишется с большой буквы, как бы приобретая человеческий облик. Поэтому не становится неожиданным, что оно «ввалилось», вот так по-дружески, по-маяковски, словно прекрасно понимая, что его заждались и теперь оно — хозяин. Интересно представлено пространство в стихотворении: оно безгранично, от седловины гор до низа сопок, от бескрайней тундры до Хибин. И вся природа вокруг — дом поэта, а вместе с ним и тундрового человека: окна этого дома — в небе, дверь — в Хибинах. Вот такой размах у пространства, которое называется родным домом для саамов.

Давно подмечено, что для саамских поэтов Север воспринимается иначе, чем для людей пришлых. Как бы ни были суровы условия жизни коренного населения, природа вокруг для них — родная и понятная, привычная, невраждебная: *«Мы живем на Севере, / только не в глуши. / Мы живем с охотою...»*

Одна из основных тем А. Бажанова — тема Памяти. Именно она возвращает поэта в детство, в родной дом, дом предков, она не дает поэту забыть войну, отнявшую у него отца, детство. Он вспоминает:

И здесь, на северной опушке,
Уснувшей в девственной тиши,
Дороже купленной игрушки
Мне были сказки и стихи....
...А память требует вернуться,
волной манит к себе река,
и детство в одежонке куцей
зовет к себе издалека.

Возвращение в детство, подаренное поэту Памятью, и есть то самое чудо, которое излечивает от горечи и бед, тяжести жизненных лет, дает силы жить дальше, радоваться своему пребыванию на этом свете: «я мысленно там, у родного крыльца». Любви к своему краю, мудрому и бережному отношению к тундровому Дому его, как и других саамских ребятишек, учили деды и прадеды. Завет предков поэт увековечивает в своих стихах: *«Чтобы с тундрой в дружбе жил, / Был ее полпредом / И взахлеб ее любил — / Как и наши деды!»*

Северная природа отвечает той же любовью своим детям — оленным людям: *«А тундра нас любит / За верность сыновью»*.

Именно в детстве и находятся истоки творчества Аскольда Бажанова: знакомство не только с обычаями предков, но и с народным поэтическим творчеством, со сказками и стихами Пушкина, которые услышал он когда-то от бабушки. Бабушка и дедушка были главными воспитателями саамского мальчика: «дед учителем был сверхстрогим», и хотя шалостей было много, но не наказывал внука ремнем.

А бабушка по вечерам рассказывала сказки, убаюкивая уставших от впечатлений внуков. Эту ласку и мудрость старших пронесет поэт через всю жизнь, поняв простую истину: *«В детстве радужно-ярки краски, / Им всю жизнь не перецвести, / Если щедро любовь и ласку / Сможем детям своим нести»*.

Так о детстве мог писать только человек, выросший в любви родных ему людей. Свою любовь он переносит и на свою семью, дочь, даря ей теплоту домашнего очага, которую когда-то в детстве получил сполна сам: *«...а я уж дома, дома, дома, / Где все дороги замело...»* Этот повтор слова «дома» ясно дает почувствовать все нетерпение, с которым лирический герой спешит домой, словно это бьется его сердце — «дома, дома, дома»...

И полярная ночь для него тепла, как друг, она встречает его после разлуки, ведь они с ней земляки: *«А я соскучился по дочке — / И нет светлей моей тоски!»*.

Детство — это тот далекий радужный заряд, который помогает не потерять себя в большом житейском море, это понимается поэтом как открытие и как данность: *«Нет сильнее и проще средства, / чтоб по жизни светло идти: / надо солнечный лучик детства, / обжигаясь, носить в груди!»*

Но в яркий, счастливый, сказочно-чудесный мир детства вторгается война. Война отняла у его бабушки восемь детей, война отняла и у поэта родного отца. Никакие годы, никакое время не залечит раны, не утихает с тех пор боль потерь, тема войны становится одной из основных в творчестве поэта. Она диссонансом может прозвучать и в стихотворении, посвященном детству, и в стихах о природе, горькая память о войне не проходит и сегодня, превратившись в «незаросший шрам войны»:

В ласковом июне спозаранку
Утро нас лишило детских снов,
Осень сорок первого в землянки
Всех переселила из домов.
Детство стало хрупким и тревожным...

Чувство ответственности за все, что происходило и происходит — вот один из мотивов творчества Аскольда Бажанова: «Я виноват, что нет в живых отца...»

Учился Аскольд в школе-интернате Юркино, как и многие саамские ребятишки в то время. Новая власть попыталась перевести кочевников на оседлый образ жизни, что требовало, в свою очередь, коренной ломки многовековых устоев. Годы учебы в интернате — это годы разлуки с семьей. Ребятишки жили одни, в то время как их семьи кочевали с оленями по тундре. О своих переживаниях из-за невозможности поехать с дедом в тундру, чтобы пасти оленей, о своем непонимании происходящего тогда, о своих детских мечтах пишет Бажанов в стихотворении «Дед собирал нехитрую поклажу...»:

А я все ждал, когда он громко скажет:
«Послушай, Анка, отпусти мальца»...
...Но дед молчал, он с матерью не спорил.
Потом сказал: «Однако ты права!»
И с плачем выпускник начальной школы
Последние экзамены сдавал.

Так разрушался традиционный образ жизни саамов, семейные связи, забывались обычаи и умения предков. Возможно, именно об этом скупо, намеком говорит поэт: *«Я виноват, что не сумел понять, откуда дует смертоносный ветер...»*. Но такова была государственная политика в отношении малочисленных народов.

Стихи Бажанова не гражданственны, но через глубокое личное переживание мы понимаем, чего стоила политика государства в отношении коренных народов.

В стихах Аскольда Бажанова мир саамского паренька, все еще живущего по законам своих предков, предстает ярко и зримо: это и полное слияние с природой, частью которой он себя ощущал — *«я буду жить, трудиться, как ручей, что никогда не требует награды»*. Есть в этом что-то рубцовское — *«сказать: я был в лесу листом! Сказать: я был в лесу дождем! Поверьте мне: я чист душою...»*. Чистота души роднит обоих поэтов. Это и уверенность в своем предназначении, а как же еще?

...и никакой мне грамоты не надо...
В моем, еще мальчишеском, понятье
Мерилом жизни был оленевод,
Нужнее и естественней занятья
Не представлял мой маленький народ...

Первая книга поэта наполнена яркими красками, теплыми воспоминаниями о детстве, любовью к природе. И все же нет-нет, да и зазвучит печальная нота о покинутых саамских поселках, где прошло детство таких же, как он, саамских детей: *«Теперь уж нет ни той деревни, / Ни тех землянок по ручью...»* Об ушедшей красоте природы, разбуженной новым укладом жизни, загубленной стальными машинами, что без разбору колесят по ягельным местам, сминая по пути березки, круша ели и сосны: *«И замрет природа, увядая, / коль красу ее не пощадить...»*. О неопределенном будущем, не связанном с оленеводством, а значит — как жить тогда?

Кто сказал, что северных оленей
Скоро будет незачем пасти,
Дай, мол, срок — и техника заменит...

И как назидание, убеждение звучит его голос, к которому надо прислушаться: *«Будет тундра вечно молодая, / Если в ней олени будут жить!»*

С годами стихи о любви к родной земле становятся наполненными болью. Нотки грусти звучат и при встрече с родной Туломой: «Друг мой, сердце, чему ты радо?» С горечью сознает поэт, что тундра дорога только коренным народам, а людям пришлым, новым «хозяевам», она чужая, а значит и отношение к ней потребительское: *«В чьем-то «точном» представленье / Север — тундра и пурга, / А саамские олени — / Это мясо да рога»*.

И все же последние стихотворения сборника «Солнце над тундрой» еще полны оптимизма, а может, это поэт убеждает себя в лучшем будущем для тундры? Или же действительно верилось в те годы в правильность преобразований, в правильность пути?

Недаром в нашем поселенье,
Идущем в двадцать первый век,
Все больше ценятся олени
И сам оленный человек!

В одном из последних стихотворений сборника — «Край мой» — поэт рисует картину прошлого и настоящего родной тундры. Прошлое края, «края просторного, Севера бородатого, края озерного и богатого», нарисовано темным, безрадостным, «полудиким», «многострадальным»:

В прошлом позабытый,
Прозванный медвежьим,
Был ты беззащитным,
Был ты безутешным.
Выглядел угрюмым,
Сдавленным неволей.
Был ты краем чумов,
Был ты краем горя...
Радость не селилась
В тундре полудикой...

Этой картине прошлого противопоставлена якобы счастливая картина настоящего, однако она нарисована схематично, поэт только и ставит в заслугу счастливому новому появление городов и сел «по сопкам, по лесам еловым, по оленьим тропам». Теперь уже можно говорить о том, что такое развернутое строительство губило тундру, нарушало экологию, уничтожало ягельники — основной корм оленей, поэтому исчезали стада, приходилось переходить все дальше в те районы, где природа еще сохраняла свой первоначальный вид, где можно было существовать саамам и их стадам. Но этого поэт как бы не видит, в его понимании (понимании ли?) «край мой стал моложе,//все ему по силам...». Многозначительное троеточие в конце строчки словно заменяет собой все, что на самом деле происходило с родным Заполярьем, поэту как будто не хватает дыхания продолжить воспевание новой, «лучшей» жизни, и он предпочитает замолчать. Какая-то недоговоренность чувствуется в этом многоточии. Нет, не мог не видеть потомственный оленевод, что творилось с саамскими селами, с саамским народом, культурой. Не мог не понимать, что оленеводство гибнет, а значит, нет будущего у саамского народа. Вероятно, поэт отдает дань теме «прежде и теперь», как и большинство его сокурсников по Институту народов Севера. И поэтому гораздо правдивее, искреннее воспринимается его последнее четверостишие, посвященное саамскому парню (оно так и называется — «Саамскому парню»), где поэт говорит о своей надежде на лучшее, надежде, которая становится все более несбыточной:

Всякий раз, когда бывает трудно,
Чувствуешь — не выдержать борьбы,
Вспомни: ты хозяин вечной тундры,
А не ветхой дедовской избы!

Слова эти воспринимаются и как поддержка своего народа, и как поддержка самого себя. Но и тут нет ясности, о какой борьбе идет речь? Тундра никогда не была врагом саамов, поэтому остается только догадываться, что имел в виду поэт своим последним четверостишием в первой книге стихов. Что же значит быть «хозяином вечной тундры»? Следовать обычаям отцов? Перенять пастушье дело? Не позволять уничтожать тундру? И хозяин ли теперь саамский мужчина в своем тундровом доме, что решает его мнение? Слишком победно звучат последние строки стихотворения, слишком неестественно противопоставление «вечной тундры» и «ветхой дедовской избы».

Жизнь расставила свои акценты. Как произошло то, что Аскольд изменяет своей мечте — быть оленеводом, жить в тундре, в стаде — доподлинно неизвестно. Можно только предполагать, что этому послужило советское образование и воспитание в школе-интернате. Закончив школу, Аскольд поступает в авиационное училище, но после неудачного прыжка с парашютом ему приходится отказаться от мечты стать летчиком. После этого он поступает в Ленинградский педагогический институт на факультет Народов Севера — отделение физики, однако не заканчивает его. Зато именно здесь начинает серьезно заниматься литературным творчеством. Что не сложилось действительно у Бажанова, почему не смог прижиться он в столице, почему не смог получить престижных по тем временам профессий? Может быть, тундра не отпускала его, не могла простить ухода, измены мальчишеской мечте, не разрешала предать забвению заветы предков? А может быть, он не стал слышать в своих стихах души и его потянуло в родные горы, как писал он когда-то в своем первом стихотворении? Факт остается фактом: Аскольд Бажанов вернулся в родное Заполярье, чтобы открыть миру его красоту, чтобы выполнить завет предков — «взахлеб» любить свой отчий край. И доказательство этого — его стихи.

Основным образом в первой книге поэта является солнце, вероятно, поэтому Бажанова называют солнцепоклонником. Об этом писали поэт Виктор Тимофеев, прозаик Надежда Большакова. Но вместе с солнцем, которое расцвечивает тундру в сияние разноцветных красок, на страницах первой книги поэта мы находим и такой дорогой Аскольду образ, как образ камелька — символа домашнего уюта, символ семейного тепла («веселый камелек», «верный друг»).

И вот перед нами новая книга поэта — «Стихи и поэмы о саамском крае» (2009). Собственно, с 1983 года отдельным изданием стихи поэта не выходили. Было какое-то творческое молчание, хотя изредка Бажанов печатался на страницах газет, журналов. Новая книга невольно заставляет задуматься над тем, чем же теперь дышит поэт, изменился ли его взгляд на мир, что нового появилось в его поэтической песне, ведь прошло не много не мало 27 лет!

Если первое стихотворение первой книги открывало нам всю радость от появления первого солнца, было проникнуто насквозь этой радостью, искрометно, тепло по-весеннему, то первое стихотворение нового сборника проникнуто грустью, потому что тема его — тема прощания с Севером, тема ухода, тема осени. Настроение это создают слова «прощались», «щемящим сердцем», «не отогреться», «будет очень трудно». Поэт в который уже раз говорит о своей любви

к родному краю, который для него теплее, чем знойная Африка. Все дорого здесь для него: и майский дождь со снегом, и «ласка болот бескрайних», и «шум речушек горных». Любимый образ не забывается вдали от родины, появляясь во снах. Север для поэта не просто родной край, природа, но и нечто более важное: это истоки, причалы, начало жизни тех, кто волен и горд, как птица. Именно здесь проживают гордые душой Саами.

Теме осени посвящены и другие стихи сборника. Осень навевает печаль, грусть. Она не желанна для поэта, он не любит «пасмурную» осень: *«Не привычен я к краскам бежевым, / Не горят они, не влекут»*.

Гораздо более радуется Аскольд «снегу свежему, солнцу первому и цветку».

Символом своего причала для поэта является изба, в которой все просто, здорово, все располагает к стихам и думам.

В новой книге стихов появляются философские мотивы. Если первая книга была наполнена яркими образами родного края, яркими красками, оптимистичным настроением, то в этой все чаще появляются нотки грусти, печали. Основным мотивом стихов становится мотив течения, зыбкости времени. Сменяются времена года: *«Январский свет приходит на минуты / И снова тает где-то возле гор... / ...прошла пора тепла и грез! / Зима уже не за горами...»* Сменяются времена суток, настоящее сменяет прошлое. Время от этого приобретает какую-то текучесть, зыбкость. Иногда времена встречаются: *«...Мороз холодною щекой / Коснулся осени нагой...»*

Вместе с поэтом мы оказываемся то в прошлом, то в настоящем, причем они часто противопоставлены («Январский свет приходит на минуты...»):

Олени теплой, стелющейся тучей
Идут сквозь ночь на розовый восход,
Их с нашей древней тундрой не разлучишь,
Их не заменит юркий вездеход.

«Знал мой предок, что тундра чиста / И не знал, что есть фтор и мазут», *«Видно, предок был очень любим...»*

Настоящее не выдерживает сравнения с прошлым: *«Январские ночи Полярные / В согласье с избушкой живут. / Не снятся мне будни кошмарные, / Кирпичных домов неуют»*.

Далекое прошлое все больше напоминает о себе душевным уютом, теплотой близких душ, оно все больше идеализируется. Сын тундры, поэт так и не смог привыкнуть к навязанной цивилизованной жизни: «Живу, как мой дед, не спеша». И именно в слиянии с родной природой появляется у поэта вдохновение, «свободно рождаются стихи».

Все чаще вспоминается родная избушка (а не «ветхая дедова изба»!), дымный камелек, рассказы деда. Все это – родные истоки, к ним в своих стихах все чаще и чаще возвращается поэт, чтобы очиститься далекими воспоминаниями, прикоснуться к чистой памяти предков:

Вот и домик — столетние стены,
Окна зорко глядят на восход.
Это детство, здесь все неизменно,
Это жизни священный исток!
Здесь начало моей родословной...

И наконец искреннее признание:

Только став окончательно взрослым,
Помирившись вконец с сединой,
Понимаешь — все лучшее в прошлом.

Тема «хозяина тундры» изменяется: все чаще звучит слово «был»:

Он хозяином был крутым,
Мотовства не терпел на нюх,
И с ремеслами был на «ты»!
И — талантливый был пастух!!!

Все чаще появляется в стихах чувство горечи от невозможности что-либо изменить, от бессилия перед возрастом, от позднего прозрения. Стихи наполняются едкой иронией:

Нас, полудиких, так любили
От района — до Кремля,
И с детства клятвенно твердили:
У саамов есть своя земля!
Я понимал светло и просто,
Что нет надежд ни на кого,
Богат наш Кольский полуостров
Не для народа моего.

Стихотворение «Нас, полудиких, так любили...» актуально и сегодня. В нем поднимаются проблемы забвения дедовых традиций: *«А нынче вовсе не престижно / Ходить за стадом не своим»*; проблемы социальные: *«не могу внести достаток работой честною в семью!»* И снова — противопоставление настоящего прошлому, от которого когда-то отказывались, лелея надежду на «лучшее будущее»:

Настолько немощна зарплата,
Настолько дорог наш уют
В домах безликих и кирпичных,
что поневоле вспомнишь чум...

И вот тут-то звучит самое, наверное, страшное, но искреннее признание «хозяина тундры», как называли Аскольда Бажанова: *«Конечно, к чуму нет возврата, / Избушка с печью мне милей. / Но разве тундра виновата, / что нет хозяина у ней!»*.

Вероятно, правильнее было бы поставить в конце стихотворения знак вопроса, вопроса к самому себе и к своему народу, а может быть и к тем, кто так безжалостно сломал судьбу хозяина тундры.

Любовь Бажанова к родному краю сродни блоковской любви к родине: *«Да, и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне...»* Аскольд тоже не предает малую родину, оставаясь с ней в горе и радости:

Край, похожий на зимнюю сказку,
В нем сдружились и сказка и новь.
И суров ты, и скуп ты на ласку.
Но с тобой моя жизнь и любовь!

На склоне лет возвращается к поэту мечта юности:

Я желал бы двух оленей
Непременно завести.
И, как в юности, без лени
У Нотозера пасти.

Желание жить по-дедовски: *«ладить на зимы припасы»*, *«рыбу неводом ловить»* — вот гармония, к которой стремится душа поэта.

Главными, сквозными темами Аскольда Бажанова были и остаются тема детства, тема утраченного родного дома, тема традиций предков, тема пастуха-оленевода, тема войны. Но о чем бы ни писал Аскольд, и картины прошлого, и картины настоящего в его стихах разворачиваются на фоне природы. Поэтому, наверное, в стихах своих он отдал дань каждому месяцу года, в каждом находя свое очарование, открывая его нам. Стихи Аскольда о природе наполнены яркими, оригинальными метафорами: *«май вернулся лебединой стаей, так и не порадовав теплом»*, *«серый ветер лихо нахлобучил шапку туч на лысину Хибин»*, *«весна пришла беспечною девчонкой, нацеленной на пламенный порыв»*, *«дожди Хибинам спины вымыли»*, *«у сосны восхищенной слезки изумрудом зажег восход»*. Это не просто олицетворение природы, это своеобразный гимн живому существу, другу, защитнику.

Изумительная по красоте и сказочности картинка нарисована в стихотворении «Пролетело отрадное времечко...». *«Машет осень прозрачным передничком из унылого ситца дождей»*, потому что, как любая женщина, ревнует: *«не легко ей ужиться со сплетнею: что зима, мол, с морозом близка»*:

Да, зима одевается девушкой
В дорогой подвенечный наряд,
С ней соперничать осени — где уж там!
Только листья, как уши, горят.

В стихах Аскольда Бажанова невозможно разграничить: природа ли живет по законам человека или человек по законам природы. Необыкновенная слиянность с природой свойственна мировосприятию поэта.

Есть у поэта стихотворение с символическим названием – «Мой снег». Символическим, потому что Аскольд с полным правом мог бы сказать: «Моя тундра, мой Север, мои Хибины, мой край». Именно это позволяет ему с такой проникновенной любовью и болью говорить о родном Заполярье. Он имеет на это право.

И все же, несмотря на печальные, грустные мотивы, появившиеся в стихах новой книги Бажанова, мы не воспринимаем его поэзию как поэзию пессимистическую. Это стихи все той же молодой души, души, способной и понимать красоту природы, и чувствовать боль за все живое. Да и сам поэт признается:

Я стал другим лишь внешне
За шесть десятков лет.

Я виноват, что не могу устать,
Остановиться, задохнувшись гонкой,
Душа моя, как в юности чиста...
А сердце так же молодо и звонко!..

И в эти искренние слова верится.

Стихи Аскольда Бажанова глубоко лиричны, теплы, праздничны по цвету, проникнуты такой трогательной любовью к родному краю, что читающий их не может остаться равнодушным. Стихи саамского поэта по-прежнему становятся открытием и для тех, кто не знаком с Севером лично, и для тех, кто живет здесь давно. Словно драгоценный камень, сверкают они каждый раз разными гранями, открывая все новые и новые цвета родного для поэта заполярного Дома.

Виктория БАКУЛА

Аскольд Бажанов

ОСЕНЬ

Смотри: в серебряном подносе
прозрачной северной реки
разносит пасмурная осень
опавших листьев огоньки.
Они еще теплом лучатся,
но им уж больше не качаться
на ветвях сгорбленных берез:
прошла пора тепла и грез.
Зима уже не за горами,
она спускается с вершин,
спешит отрогами Хибин,
как смоль густыми вечерами.
Мороз холодною щекой
коснулся осени нагой.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Глядите: ветер солнечный —
зеленое сияние,
подвижная бессонница,
холодное ласкание.
То светится, как занавес,
то быстрым вихрем взвинтится;
погаснув, вспыхнет заново,
играет — не насытится.
Подарок солнца яркого,
на Крайний Север посланный
ласкать земную маковку
зеленым ветром космоса,
затмить мерцанье звездное
картиною диковинной,
светить с луною позднею
над тундрой, снегом скованной,
чтоб хоть немного скрашивать
характер неуступчивый
Полярной Ночи, ставшей
бессолнечной попутчицей
доверчивому Северу.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Весенний дождь — для Севера письмо
с далекого улыбчивого Юга.
Не пряча удивленья, снег промок,
и даже горы вздрогнули с испуга.
Как смел едва начавшийся Апрель
вот так шутить с Полярною Зимою?!
Нет, не простит она ему теперь,
не сдаст свои позиции без боя.
Неровен час — зима еще сильна.
И будет трудно юному Апрелю.
Не запоздай, Полярная Весна, —
и я прилёту пуночек поверю!

ПЕРВОЕ СОЛНЦЕ

Ночью длинной, ночью темной
в седловине между гор
кто-то добрый и огромный
на снегу разжег костер.
И костер тот, разгораясь,
сыпал в тундру тучи искр,
ночь от сопок отрывая
и бросая клочья вниз.
Ставни туч сорвал с оконца
неба
дерзкий ветерок!
В дверь Хибин ввалилось солнце
и — уселось на порог!

* * *

Горы будто пьедесталы,
Сейда — чаша, духов пир,
И вода здесь непростая:
Выпьешь — враз прибавит сил.
А пьянящий горный воздух!..
Не скупись — дыши в запас,
Сядь к костру — ну чем не отдых,
Все курорты не про нас.

Я не спорю — здесь не Ницца,
Но зачем о ней скучать,
Только раз прийти — и сниться
Будет Сейда по ночам.
Будет звать красою горной,
Не стерпеть — придешь опять
К недоступной и покорной
Скалы древние читать
О волшебниках могучих
И о злющих колдунах,
Что, шутя, глотали тучи,
Камни плавили в руках.
О судьбе народа саами,
Корнем вросшей в тверди скал!
Был наш Север крайним самым —
Нынче край мой в центре скал!

ОСЕНЬ

Уж на серебряном подносе
прозрачной северной реки
разносит пасмурная осень
опавших листьев огоньки.
Они еще теплом лучатся,
но им уж больше не качаться
на ветках сгорбленных берез...

* * *

Снова осень, грусть по лету, по весне,
снова дождь по мшистой тундре моросит.
Снова где-то очень близко первый снег —
он нам летнее веселье не простит.
Тундра наша затаится и замрет,
будет белой восемь месяцев в году.
Но придет большой весенний поворот —
и за солнцем ночи белые придут,
Мы привыкли и к морозам, и к снегам,
наши зимы невозможно не любить.
Если надо, свяжем ветры по рогам
и заставим их в упряжке походить!

ОБЫЧАЙ ПРЕДКОВ

Прежде чем оставить след
на земле желанной,
в церковь свез меня мой дед
в люльке берестяной.
Дед, как честью, дорожил
верой поколений:
вместо пуха положил
в люльку мох олений.
Дед на ласку был не скуп,
мудр был от природы...
Как хотел он, чтобы внук
стал оленеводом,
чтоб охотиться умел,
мог закинуть сети,
чтоб удачлив был и смел,
да и быстр, как ветер!
Чтобы с тундрой в дружбе жил,
был ее полпредом
и взахлеб ее любил —
как и наши деды!

* * *

Березки вспыхнули стыдливо
душистой клейкою листвой.
В лесу запел комар пискливо,
отведав браги дождевой.
Зажглись на солнечных лужайках
костры густых зеленых трав.
И даже елям стало жарко
в своих игольчатых мехах.
А на болоте, меж кустами,
средь буровато-рыжих мхов,
морошка чествует цветами
концерты первых куликов.
Не прячься, Солнце!
Больше света
росистым травам поутру!
Не то коротенькое лето
совсем застынет на ветру!

* * *

Ходит по тундре
немым изваянием,
будто куда-то спеша, возле луны
полыхает сиянием —
Ночи Полярной душа.
Если в сиянье
всмотреться внимательней,
можно подумать всерьез:
кто-то невидимый
мажет старательно
черный, огромнейший холст.
Мажет и снова стирает —
не нравится
что-то в картине ему,
не из желанья
до Солнца
прославиться —
просто из творческих мук.
Есть в этом хаосе
цвета и холода
что-то от солнечных дней,
если на сердце
без всякого повода
стало заметно теплей.
Минут бесследно
полярные сумерки,
вырастет день — и тогда
снова взойдет
над замерзшею тундрою
Солнце — Большая Звезда.

* * *

Восходы зимние косынкой розовой
ложатся трепетно на грудь Хибин,
Укрыто дымкою село Ловозеро
в одной из тысячи больших низин.
Здесь даль холмистая березкой уткана,
к широтам северным ее влечет.
А расстоянья здесь берутся сутками,
на километры здесь немыслим счет.
А ветры дикие морозом жалятся,
зима на Мурмане крута вдвойне.

В добротных тоборках, в просторной малице
пастух заведомо зимы сильней.
На сани легкие присев сноровисто,
домой — и нет пока других забот, —
где с ладной песнею, где с тихим
посвистом
спешит в Ловозеро оленевод.

ПЕРЕВАЛ

Последний солнца луч,
уткнувшись в снег, погас.
С крутых Луйяврских круч
лавины метят в нас.
А нам еще идти,
не пройден перевал,
у трудного пути
не выпросишь привал.
На прочность не впервой
испытывают нас
и ветер низовой,
и даже снежный наст.
Обычно мы молчим,
нам ясен каждый жест.
Бояться нет причин,
но риск — он все же есть.
Стремленье — словно спуск,
что короток и крут,
а мы с тобой — не груз
для древней Карнасурт.

ДОМОЙ

Олени чуткие бегут стремительно
путем, не хоженным еще никем.
Им тундра белая неутомительна,
им горы дальние — невдалеке.
Восходы зимние косынкой розовой
ложатся трепетно на грудь Хибин.
Укрыто дымкою село Ловозеро
в одной из тысячи больших низин.
Здесь даль холмистая березкой уткана,
к широтам северным ее влечет.

А расстоянья здесь берутся сутками,
на километры здесь немыслим счет.
А ветры дикие морозом жалятся,
зима на Мурмане — крута вдвойне.
В добротных тоборках, в просторной малице
пастух заведомо зимы сильней.
На сани легкие присев сноровисто,
домой — и нет пока других забот, —
где с ладной песнею, где с тихим посвистом
спешит в Ловозеро оленевод.

* * *

В саамском нашем поселенье,
смотрящем в двадцать первый век,
мальчишкам нравятся олени
и сам оленный человек.
Мальчишкам нравятся, как прежде,
оленьи гонки и костер,
саамской вышивки одежда
и ветром меренный простор!
Недаром в нашем поселенье,
идущем в двадцать первый век,
все больше ценятся олени
и сам оленный человек!

ПОСЕЛОК РЕВДА

Над землей раскинулся
Неба черный холст.
На земле щетинятся
Горы в полный рост.
Под ногами вымерзший
Снег скрипуч и черств.
Январем мне вымощен
Этот зимний мост.
У Большой Медведицы
Семь любимых звезд,

А от нас до станции
Семь десятков верст.
Слишком скорых выводов
Делать не спеши.
Мы живем на Севере —
Только не в глуши.
Мы живем с охотою,
К нам судьба добра,
Просто мы работаем
Далеко в горах,
Где и в штиль слоняется
Горная метель
И в ущелье скальное
Рвется, словно в дверь;
Где туманы горные
Солнце стерегут,
Где ветра просторные
Суткам счет ведут.

МЫ ЖИВЕМ НА СЕВЕРЕ

Мы живем на Севере,
Где Полярный Круг,
Наш поселок северный
Ревдою зовут.
Рядом горы высятся,
Словно купола,
И озера синие
Светятся всегда.
С гор бежит шумливая
Речка Шомйок.
И растет поселок наш
Вдоль и поперек.
Девятиэтажки, как богатыри,
Будто бы дозорные,
Видны издали.
Скромно и уверенно
Здесь шагает труд,
Наш поселок северный
Ревдою зовут.

* * *

Январские ветры в Хибинах ревут.
Хоть тундра не море, но снежные волны
упряжке оленей колотятся в грудь
и бьют по лицу мне и жгуче, и больно.
А я все равно не прикрою лица
свободной рукой в меховой рукавице.
Я мысленно там, у родного крыльца,
к которому надо сквозь вьюгу пробиться.
Но, чтобы на праздник приехать в село,
где милая девушка ждет не дождется,
я должен рассечь этот снежный заслон.
И пусть уж усталость у ног моих вьется, —
привычно привстану на полоз саней,
хореем взмахну у Полярного круга...
Вот тут мы поспорим, кто в тундре сильней:
пастух или ветер, любовь или вьюга.

АПРЕЛЬ

Апрель снега задорно стружит,
Рубанком Солнце возвенчав.
Губастый ветер морщит лужи,
Играет лезвием ручья.
Зима отныне осторожно
Шалит по тундре холодком...
А в том ручье — малыш дотошный
Катает солнышко совком.

СИРОТЫ

Под разрывы бомб взрослели,
где минуты стоят час!
Песен детских мы не пели,
раз война – неровен час!
Помогали рыть землянки
овдовевшим матерям.
Хлеба черного буханки
щедро снились по ночам.

Наяву же ели норму:
в день четыре сотни грамм,
чтоб расти и быть упорным
и того хватало нам.

Эх, земляночка, землянка,
в сизой плесени углов
для земли ты просто ранка,
а для нас – надежный кров!

Каждой осенью военной,
пересилив в душах страх,
мы с колхозниками денно
пропадали на полях.

Ежедневные налеты
и на бреющем обстрел
не отбили нам охоты
печь картошку на костре!

СОЛНЕЧНЫЙ ЦВЕТ

В горах, где ближе к небу синему,
оставлю в полдень лыжный след,
чтоб вновь увидеть свет малиновый,
которым вспыхнет белый снег!

Проглянет солнце ярким краешком,
такое близкое, что жуть!
Глаза прикрою красной варежкой,
ослепнув с радости чуть-чуть.

Запомню этот миг единственный,
сравню как будто невзначай
с цветком малиновым поистине,
с названьем нежным – Иван-чай!
И так всегда – в полгода разницей,
без громких слов и суеты,
природа Севера, проказница,
подносит мне свои цветы!

ИДИТЕ В ГОРЫ

Идите в горы, идите в тундру,
и я желаю вам ощутить,
что нет в Хибинах дорог нетрудных,
на перевалах нельзя шутить.
Пожалуй, Север не так уж грозен,
коль с вами делит тепло костров,
что он бесхитростен и серьезен,
а к новичкам непременно строг.
И не надейтесь на снисхожденье
без подготовки в поход идти:
У гор гранитные убежденья,
их заклинаньем не потрясти.
С собой берите поменьше блажи,
побольше соли и сухарей.
А горы исподволь вам подскажут,
где в речках хариус и форель.
Не дай вам случай прослыть невеждой
и груз насмешек душой поднять.
Идите в горы с одной надеждой –
в единородстве себя познать!

ГДЕ ПОГОСТ СААМСКИЙ РЕСТИКЕНТ...

Где погост саамский Рестикент,
каменистый нотозерский плес?
Знаю, что его давно уж нет,
а поверить не могу всерьез.

И приехать не могу никак,
чтоб взглянуть на то, чего уж нет.
Съездить в детство вовсе не пустяк:
далеко оно, как звездный свет.

Но во мне его не погасить
ни дождям осенним, ни годам.
Только вот приехать погостить
не смогу, поверьте, никогда,

Постоять на кентише родном,
где отец мой хаживал и мать.
Стал мой кентиш непроглядным дном –
что оно мне может рассказать?

ЛАЙКА НОРА

Друг мой, лайка, где ты там впереди?
будь сегодня, как всегда, на слуху!
Постарайся, глухаря мне найди
и держи его, держи на суку!
Есть у нас с тобой и спички, и соль,
и топор, чтоб сделать Ноев ковчег.
Ты уж, Нора, постарайся, изволь,
будет нам с тобою сытый ночлег.
Ну, а вдруг не повезет невзначай –
улетит, не оплошает глухарь?
Я из чаги заварю себе чай,
а тебе отдам последний сухарь!

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ «БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ»

СОЛДАТ, ОЛЕНЕВОД, СОВЕТЧИК

Данилка, смущенный внезапным появлением брата, торопливо спрятал блокнот, подошел к саням, ещё не совсем перемучившись на реальность. А Григорий уже торопил:

— Что там у тебя, упряжь запуталась?

— Нет, все в порядке, — ответил Данилка.

Григорий запряг Беляка. Пробой остался доволен. Вечером, за ужином, Григорий рассказывал отцу:

— Команды понимает, слушается хорошо. Горяч, но умен и силой играет. Неплохой, неплохой буксировщик получится.

А Прохор совершенно серьезно заметил:

— Ну и намучаешься ты с ним, Даниил, на Празднике Севера.

— Почему!?

Прошка уточнил:

— На белого оленя, как на диковинку, придут посмотреть тысячи. Нашумят, накричат. Как пройдешь трассу? Как проскочишь тысячеголосый людской коридор? Олени, даже объезженные, боятся толпы. А этот, полудикарь, обязательно шарахнется в сторону.

Объяснение брата произвело удручающее впечатление.

— Действительно, будет очень трудно. Надо достичь полного взаимопонимания с Беляком. Воспитывая оленя, нельзя полностью подавлять его волю. Но где черта, за которую нельзя заходить, за которой олень вместе с волей теряет и свое достоинство? Как не испортить друга, как почувствовать сердцем грань?

— Надо поговорить с отцом, он знает.

В молодости отец был хорошим спортсменом, увлекался буксировкой, а учил его этому сложному искусству дед Илья.

На следующее утро, когда братья ушли на смену и в куваксе остались отец и он, Данилка спросил.

Отец, как показалось, не удивился вопросу, но ответил не сразу. Сын ждал...

— Дело потребует выдержки, велик соблазн быстро добиться желаемого. Поддашься — погубишь хорошую задумку. Главный мой совет — не огорчайся. Будут, возможно, и вовсе неожиданные срывы. Одно дело, когда олень видит человека на расстоянии, другое — рядом. Надо ликвидировать боязнь. Потеряешь терпение — отойди, успокойся, не ожесточайся, не разрушь достигнутой близости. Не ударь оленя. Он должен постоянно чувствовать доброту. У животного, как у людей, бывает разное настроение. Может, олень не успел покормиться, тяжелый наст, сильный ветер, мороз помешали. В один день получится все, а в другой не выйдет и самое простое. Не гневайся, будь справедливым. Лишь тогда станешь буксировщиком, лишь тогда Беляк ответит скоростью и полным послушанием на трассе.

После того разговора прошло несколько месяцев, Данилкина мечта стала уже видимой детальнее. Все свободное время он был с Беляком. Многому научились. Олень все больше доверял, смотрел без боязни, как бы спрашивая:

— Что у нас сегодня?

Данилка вытаскивал из кармана сухари, кусочек сони-лизунца. Беляк осторожно брал губами подарки, тепло касаясь пальцев.

Когда удалось собраться вместе, отец сказал образованно:

— Григорий, а ведь обойдет тебя Данилка на районном празднике, отстоишь ли на этот раз звание чемпиона? Прошка тоже в хорошей форме. И Семен из седьмой бригады упорно тренируется. А Иван Терентьев из Краснощелья чего стоит! Бой тебе, Гриша, дадут решительный — держись!

Григорий пошутил:

— Перед праздником схожу в горы, поймаю дикаря, тогда пусть попробуют обогнать.

— Да ты его до самых Хибин не остановишь, — подхватил шутку отец.

Теперь он часто выходил посмотреть на тренировки сына. Садился на сани, раскуривал трубку и молча наблюдал, как сын управляется с оленем. Данилка заканчивал дистанцию, снимал упряжь. Отец подходил к Беляку, совал ему кусочки сухаря и приговаривал складно:

— Вилыке пуаз, махта саамь левт, сон эм ванц, сон керт!

— Белый олень, как песня саама, она не ходит, летает!

Отец будто не замечал сына, разговаривая с оленем. О чем думал старый оленевод, что вспоминал? Радовался или огорчался при этом? Сын не мог знать, как не мог повторить трудную юность отца. Управившись с делом, он стоял в стороне, не решаясь подойти, прервать думы. Еще неуважительнее было уйти в куваксу. Не приучены саамские дети забираться в тепло жилья раньше родителей. Это неписаный закон тундры. Сын даже не сел на сани, хотя чувствовал, как тяжелы и непослушны ноги после тренировки. Отец, поглаживая Беляка, смотрел вдаль.

— Хороший у меня отец, — думал Данилка, — а знаю его мало. Скоро шестьдесят стукнет. Около пятидесяти отдал оленям, тундре. Себя не жалел. Думает. О чем? Может, о войне, о том, как водил райды с продовольствием и оружием, как ходил в тыл гитлеровцев, как возил раненых в Мурмаши...

Один из фронтовых эпизодов, рассказанных отцом, неожиданно коснулся неверных собак. Это было повествование о преданности, верности и выносливости.

В январе 1943 года партизанский отряд, бойцом которого был отец, принял бой в тылу врага. Рвали тишину автоматы, дыбили тундровый снег гранаты. Осколок тяжело ранил отца, ударной волной его отбросило и засыпало. Партизаны, отбиваясь, отошли на нашу территорию. Потерявший сознание, истекающий кровью отец не замерз благодаря национальной одежде. А спасла его собака по кличке Тальв. Собак в поход не брали, оставляли на базе. Но эта перегрызла поводок и нашла хозяина. На другой день разведчики осторожно вернулись к месту схватки, чтобы увезти погибших товарищей. Лай собаки удивил, а когда увидели, что она роет снег, поняли — там, под снегом, человек. Отца нашли. От потери крови он очень ослаб. Через шесть часов ему оказывали медицинскую помощь. Прошел месяц, и отец снова вел райду к финской границе.

Отец повернулся к сыну, пристально посмотрел на него и с сожалением в голосе сказал:

— А ведь тебе, сынок, придется отдать оленя Григорию.

— Как отдать, совсем? — не понимая, переспросил Данилка.

— Пойдем в куваксу, поговорим.

Данилка был так ошеломлен услышанным, что не разобрал, о чем дальше говорил отец. Скорее по жесту руки понял и взглянул к лесу. Увидел четверку оленей — это ехал с дежурства брат Григорий. Сели ужинать, отец не торопился объяснить причину своего решения, вначале расспросил старшего, как прошла смена. Поужинав, налил в свою кружку крепкого чаю, поставил ее на ящик, служащий в походных условиях неплохим столом, взял трубку, набил ее махоркой. Поднес лучину к углям, она ярко вспыхнула, озарив обветренное сухое лицо. Глубоко затянулся, кашлянул:

— Данилка в этот год не поедет на Праздник Севера. Дядя Егор еще в больнице, Семен в отпуске, сейчас нас четверо. Если вы с Гришей уедете на соревнования, то у стада останутся два старика. Председатель просил меня, Данилка, поговорить с тобой. Гриша пусть едет, на твоем олене выступит. Беляк надежен, не подведет. Но если бы ты, Данилка, на районном празднике точно занял первое место, то я Гришу стал бы просить остаться в стаде. Ты еще молод, будут у тебя Праздники Севера. А сейчас нам с тобой необходимо быть при стаде — выполнять главную заботу оленеводов.

Данилка сморгнул, в горле у него сделалось предательски сухо, захотелось прокашляться... Справился с ярым натиском охватившего его волнения.

— А будет ли слушаться Гришу Беляк? — выпалил Данилка, но тут же понял неуместность своего порыва. Никакие доводы не смогут изменить решение отца, да и нужно ли иное решение?

— Хорошо, отец, я остаюсь, — сказал Данилка, — у меня действительно еще мало опыта в гонках за оленем. Мне просто повезло на районном празднике оленеводов; чтобы встать на уровень с Григорием, надо еще многому учиться.

— Данилка, ты огорчен, — сочувственно произнес отец. — Поднимись выше личных интересов, тогда жизнь станет яркой, полной. Будет что вспомнить и рассказать своим детям. Ты думаешь, отец всегда делал то, что хотел? Нет, сынок, да и неправильным было бы разре-

шать всем поступать так, как им хочется. Ты уже взрослый и очень скоро в этом убедишься.

Данилка вышел. Постоял около саней, потом, не нагибаясь, протолкнул ноги в ремешки лыж и медленно направился к освещенному ликами солнца голому холму. Он не заметил, как достиг его, и только когда лыжи покатили его с холма, понял: уже на западном склоне горы. Данилка прибавил шаг. Десяток минут быстрой ходьбы — и вот он, лес. Ели в сверкающей оснежи были таинственны и загадочны. А сколько легенд, поверий рождается про такие лесные уголки нашей тундры! Много видели эти места приходивших сюда людей и оленей. Если у них есть память, то они хранят увиденное за сто, двести, а может, триста лет. А сколько еще увидят!

Но кому расскажут, чему удивлялись, о чем грустили?

Выбрав потолще валежину, Данилка смахнул с нее снег, сел поудобнее, стал смотреть на высокие осанистые ели. Вспомнилась сказка, которую услышал от деда еще дошкольником.

Пас оленей саамский парень и, чтобы не заснуть в длинную ночь, подбадривал себя — свистел. Не выдержало его свиста Полярное сияние, рассвирепев, опустилось на землю и подняло в черное звездное и холодное небо парня вместе с оленями. Когда отец приехал с погоста заменить у стада сына, то не нашел ни его, ни оленей. Поспешил назад, рассказал всем о случившемся несчастье, горе.

А поблизости в Нотозерском погосте жила столетняя Акка, которую все считали доброй колдуньей. Отец саамского парня поехал к ней за советом. Акка выслушала, улыбнулась чему-то. Потом сказала:

— Твой сын непослушен, нарушил запрет. Нельзя свистеть, когда на небе ходит Полярное сияние. Это не первый случай. Сияние наказывает саамских парней за пренебрежение к давним обычаям. За то и забрало его к себе на небо. Сидит он сейчас вверху, на ковре из блестящих, холодных звезд.

А чтобы найти сына, — сказала Акка, — надо привести его невесту на то самое место, где сияние взяло ослушника. Но если нет невесты — плохо. Поблагодарив мудрую столетнюю Акку, отец вернулся в погост. Стали они с матерью гадать, кто же невеста их сына, да так и ни на ком не остановились.

Загоревали старики, значит, не было у сына невесты. Время шло. Как-то утром в дверь постучали, и на пороге появилась маленькая саамская девушка.

— Тиррв ялла, — сказала она.

— Проходи, садись к столу, — пригласили родители. — Будем пить чай.

— Я невеста вашего сына. Хоть сейчас поеду его выручать.

— Но ты еще так мала! — воскликнули разом отец с матерью.

— Акка сказала: невеста может спасти вашего сына.

— У тебя силенок не хватит, чтобы удержать оленя!

Обиделась девушка, да делать нечего, не хотят родители признать ее невестой. Сдержала слезы.

— Живу в соседнем погосте Рестикент,— сказала, поклонившись на прощанье.

Вскоре заявилась стройная и красивая саамская девушка.

— Я подхожу для вас и для вашего сына?

Отец с матерью обрадовались и в один голос молвили:

— Подходишь, подходишь!

Отец тотчас запряг две кережи, в одну сел сам, в другую усадил девушку, и поехали они в стадо.

Приехали на заветное место. Отец первым прыгнул с кережи, помог выбраться девушке.

Встала девушка, обернулась по сторонам и спрашивает;

— А где жених, почему я не вижу его самого, почему не вижу его оленей!?

Постояла девушка так, пока отец саамского парня не выкурил трубку, и говорит:

— Не надо меня обманывать, если ваш сын здесь, то пусть покажется, а то я найду другого жениха...

Так и вернулись.

Еще прошло время. Солнечным тихим зимним утром пришла девушка из погоста Рестикент:

— Вы испытали одну девушку, испытайте и меня, если сияние вернет вашего сына, значит, я и есть его невеста.

Отец опять запряг оленей в кережу, и они с маленькой саамской девушкой выехали в стадо. Приехали. Отец закурил трубку и стал ждать. А маленькая девушка встала с кережи и пошла прямо к самой большой ели. Спросила:

— Большая ель, ты в последний раз видела моего жениха, так скажи, что с ним. На твоей хвое остался его взгляд, ни ветром его не сдуть, ни снегом его не закрыть, ствол твой обвили его думы, думы его были обо мне.

Отец саамского парня даже улыбнулся. Странно разговаривает девушка с елью. Ель же она ель и есть. Стоит себе и молчит. Но отец ошибался. Маленькая саамская девушка услышала ответ, лицо ее стало радостным.

Возвратилась и говорит:

— Распрягайте оленей, разводите костер, варите мясо дикого оленя, будем здесь до глубокой ночи. Большая ель мне сказала, если небо будет звездным, то увидишь жениха.

Так и сделали. Наступила полночь. Все что ни есть на свете звезды вспыхнули, чтобы посмотреть на невесту саамского парня. А Северное сияние раздуло большой разноцветный костер, который осветил сидящего на звездной шкуре сына. Когда над горами взошел месяц, девушка дотянулась до него рукой и взяла за нижний рожок. Саамский парень увидел невесту. Ухватился за верхний рожок месяца и спрыгнул на землю. И олени, что паслись на небе, нашли тропу, которая привела их к широкому звездному зимнику. По нему они спустились прямо на высокую гору Тевлик, сбежали по склону к костру, у которого сидели отец и невеста.

Данилка вздрогнул. Его верный Чап ткнулся холодным носом в пальцы. Молодой пастух присел на валежину, не хотелось уходить отсюда. Здесь явились ему прекрасные образы. Достал карандаш, блокнот. Одна за другой на листки ложились поэтические строки. Данилка, задумавшись, шевелил губами, записывал, вычеркивал и снова выводил слова:

Увезут олени наши нарты
Без тропы, по солнечным лунам.
Хрупкий и морозный воздух марта
Инеем осядет по плечам.
Средь снегов найти сумеем розы,
Чтоб своим любимым подарить.
Как друзей, приветствовать морозы,
За совет пургу благодарить.
Ветер марта резок и неласков.
До весны полярной далеко.
Увезут олени нас за сказкой
В одинокий домик над рекой.

Праздник Севера в Мурманске шел второй день. Данилка знал наизусть спортивную программу и с особым нетерпением ждал выступления буксировщиков. Ведь Григорий и Беляк выйдут на трассу. Как-то сложится гонка? Включил «Спидолу», без особого внимания слушал музыку, сообщения из Кировска, Мончегорска, Оленегорска, Кандалакши. Но вот комментатор объявил: «В Долине Уюта буксировщики за

оленем выходят на старт». Сердце екнуло, спокойствие ушло. Он долго не мог пристроить «Спидолу». Казалось, плохо будет слышно, что-нибудь важное пропустит.

Первый заезд. Второй заезд. Голос комментатора смешивался с возбужденными криками болельщиков. Данилка радостно слушал: «Чемпионом Праздника Севера в буксировке за оленем стал пастух из колхоза «Тундра» Григорий Фефелов!

Старый дядя Захар, до этого безучастно куривший прожженную с годами трубку, заулыбался. Подошел к Данилке, положил морщинистую, но еще крепкую руку на плечо и почти шепотом произнес:

— А Гриша наш молодец, настоящий саамский парень! Ты не огорчайся, победишь еще на своем Белом олене.

НАДЕЖДА БОЛЬШАКОВА

НАДЕЖДА БОЛЬШАКОВА

Надежда Большакова (1957), член Союза писателей России – прозаик. Автор сказок «Подарок чайки» (1996), «Приключения мышонка Удлесь Кебпля» (1996), «Кайе лайхь» (2004), «Сказки» (2010), «Приключения мышонка Быстрые лапки» (2010); рассказов «Тиррв по-саамски – здравствуй» (2000), «Хлебные горбушки» (2005), «Питомцы нашего дома» (2009); романа-эссе «Алхалалалай» (2003); этнографического исследования «Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем» (2005); двухтомника очерков «Летопись души» (2010): книги-дневника «Мой Маслов» и исследования «Колокольный перезвон. Колокола в литературе, музыке и живописи» (2011).

Сказки, рассказы, очерки Большаковой вошли в сборники «Морошковая поляна» (1997), «Последнее пришествие» (1998), «Проза народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России» (2002), «Здесь начинаются дороги» (2001), «Литература Кольской земли» (2004), «Современная литература народов России. Том 4. Проза» (2005), в несколько альманахов «Площадь первоучителей» (2000, 2003, 2004, 2006), в книгу Николая Коняева «Дмитрий Балашов. На плахе» (2008), в сборник мурманских писателей «Свет слова в Заполярье» (2008). В 2009-м Мурманская областная государственная библиотека для слепых выпустила в свет аудио-книгу сказок и рассказов Большаковой.

В 2000-м в журнале «Север» № 7 вышла повесть Большаковой «Октябрина», посвященная первой саамской поэтессе.

Ее произведения переведены на саамский язык (кильдинский диалект), эрзянский, мокшанский, горномарийский, белорусский, карельский, норвежский, шведский, финский, северо-саамский, венгерский, английский языки.

Ответы Надежды Большаковой на вопросы «Анкеты саамских писателей»

— Чего вы хотите добиться в жизни, за что её любите?

—Написать такой роман о саамах, какой никто никогда не писал о малочисленном народе. Это правда. Люблю жизнь за то, что в ней есть дети, мужчины, танцы, любовь, родители, Россия, что можно сутками писать.

— Любите ли подолгу смотреть на воду, огонь, камни, деревья, что вам ближе?

— Больше всего люблю воду и огонь, хотя камни и деревья тоже завораживают, а еще люблю подолгу смотреть на Северное сияние, пока оно не уйдет, на снег, на луну, тогда всё сказочно.

— Если бы перед вами оказалась высокая гора, вы полезли бы на нее или решили обойти, чтобы продолжить путь?

— Обязательно полезла бы на гору, и вообще не люблю ничего обходить, иду прямой дорогой.

— Какой образ у вас возникает при слове водоём?

— Океан! Самый прекрасный, непознанный, загадочный из водоёмов. Хочу побывать на океане.

— Почему, на ваш взгляд, в сказке был разрушен теремок?

— Во всём нужна мера.

— Почему курочка Ряба обещала старикам снести яичко не золотое, а простое?

— Металл холоден, в нём нет жизни. В простом яйце — жизнь!

18.01.1999

Тиррв, Надежда!

Имя Надежды Большаковой известно в Мурманской области многим. Она большой общественный деятель, создатель и руководитель единственного в своем роде Музея саамской литературы и письменности им. О. Вороновой в п. Ревда, в течение пяти лет была редактором «Православной газеты» Мурманской и Мончегорской епархии, руководителем Издательского отдела епархии, в 2009 году участвовала в работе Поместного собора, на котором был выбран шестнадцатый предстатель Русской Православной Церкви Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Она организатор нескольких славянских и духовно-просветительских ходов и экспедиций, постоянно в поездках, встречах, выступлениях, всегда на переднем фронте культурной и духовной жизни области. Кроме этого, На-

дежда художница, причём, у неё совершенно оригинальная техника исполнения рисунка. Прошло несколько ее персональных выставок. Фотохудожник. Коллекционер. Человек увлекающийся, способный увлечь других. В Союз писателей принята в январе 1997-го, автор 11 книг. Печатается в газетах «Мурманский вестник», «Полярная правда», «Ловозерская правда», «Моя Кандалакша», «Североморские вести», «Славянский ход», «Морская газета», «Литературная Россия», «Известия Мордовии», других; в журналах «Площадь Первоучителей», «Наука и бизнес на Мурмане», «Север», «Мир Севера», «Наш современник», «Волга», «Свет», «Встреча», «Карелия», «Сятка», «Мокша», «Чилисима», других.

Без сомнения, творчество Большаковой — настоящее явление в саамской литературе. Книги её выходят небольшими тиражами и... сразу становятся библиографической редкостью. Исключение составляет, пожалуй, первая книга сказок — «Подарок чайки», вышедшая 6-тысячным тиражом. Но и ее уже нет в продаже. Когда-то Надежда призналась: «Не люблю похожестей, инкубаторщины». И вся её жизнь тому подтверждение. Она не укладывается ни в какие в рамки, её всегда понимают по-разному, мнения о её книгах тоже бывают полярны. Она умеет своей увлечённостью зажечь в людях искру таланта, которая потом разгорится в настоящее пламя, а может утопить в безграничности возможностей, испугать размахом планов, широтой своей натуры. Кто-то её любит и почитает, а кто-то терпеть не может... Но с ней никогда не бывает скучно, она несёт с собой праздник.

На встречах дети часто спрашивают её: «О чем вы пишете?» И она каждый раз правдиво отвечает: «О любви!» Для неё во всем первостепенна любовь. Любовь для неё — свет: «Если ты сам не горишь внутри, если у тебя нет стремления к свету, то и мир вокруг тебя будет оставаться черен и тосклив А если ты внутри себя несешь свет, то и ребенку своему его передашь... И осветится все , не только твое и детей твоих жизненное пространство, но и тех, кто окружает вас. Это жизненное пространство станет настоящим Светом Любви. Начнет увеличиваться, преображаться и, наконец, высветит тьму. Необходимо только в это верить». Большакова об этом не только пишет, но и свято в это верит.

С чего же начиналась Надежда как писатель?

ИСТОКИ

Надежда Большакова родилась в Чистый четверг перед Пасхой 18 апреля 1957 года в поселке Ревда Мурманской области. Отец Фомин Павел Петрович — уроженец Архангельской губернии Онежского района деревни Кушереки, мать Елизавета Ивановна — выходец из древнего саамского рода Галкиных, родословная которых уходит в далекий 1716 год.

В 1978 году Надежда окончила режиссерское отделение Новгородского культурно-просветительского училища, в 1987 — Ленинградский институт культуры. Профессия — культработник и режиссер народных театральных коллективов. Стала победителем конкурса «Тамада области» 1993-1994 годов, организо-

ванного газетой «Мурманский вестник». Пока работала в клубной системе, поставила семь спектаклей, более 25 лет проводила различные мероприятия, вечера отдыха, свадьбы...

В 1985-м на вопрос «Чем больше всего любите заниматься?», — написала: «Познавать мир, познавать людей... Познание нового — самое любимое занятие. Даже познавать себя интересно, ведя дневники». Поэтому, наверное, свое литературное творчество она начала как своеобразное возвращение в детство, в сказку...

Начало своё как писатель Большакова ведёт с очерка «Отец» (14 июля 1990 г.). В детстве отец представлялся Надежде «богатырем-поморянином, красивым и смелым...» В ранней юности он, знающий и понимающий Север, заменил ей бабушку. Наверное, поэтому в Ревде только в семье Большаковых на Рождество лепят поморские козульки, а сама Надежда очень любит поморские песни.

В 1996-м вышли в свет книги Надежды «Приключения мышонка Удлесь Кебпля» и «Подарок чайки». Сказка, давшая название книге «Подарок чайки», приснилась ей во сне. «Все действия происходили со мной, лишь в конце откуда-то взявшийся голос произнес: «Это новый сюжет твоей сказки», — вспоминает она.

Предисловие к книге сказок написал маститый мурманский поэт Виктор Тимофеев, который почувствовал в Надежде скрытые силы, оценил ее оригинальный дар сказочницы. Именно с его легкой руки стали называть Большакову «духовной дочерью» Октябрины Вороновой, первой саамской поэтессы. Уже тогда Виктор Тимофеев обратил внимание на «увлеченность многим» Надежды, на ее неуемную фантазию, «страстное желание зачерпнуть, испить из духовных родников тундрового народа бесценные духовные зерна», поделиться художественными озарениями и заповедями предков с читателями, и именно он дал ей как писателю высокую оценку: «Чуткий художник, бережно принимающий и продолжающий народную традицию». Виталий Семенович Маслов, в то время секретарь писательской организации, писал о ее творчестве так: «Вот она — ее книга изначальная: «Подарок чайки». Обозначено: «Сказки». А сказки ли это? А как оценить статьи и очерки многочисленные и выступления? И сколько в ней по-доброму взрывной силы, и сколько талантов...» Оценил первый труд Большаковой и Викдан Синицын: «В своем творчестве, в первых ее сказках, сразу же чувствуется щедрость души, непосредственное внутреннее влечение к добру». Ее сказкам суждена долгая и счастливая жизнь: в 2004-м выходят они в переводе Александры Антоновой на саамском языке и получают саамское название — «Кайелайхь». В 2010-м Мурманская областная детско-юношеская библиотека издает ее неопубликованные сказки и новую версию сказки «Приключение мышонка Быстрые лапки» с иллюстрациями мурманской художницы Татьяны Шороховой.

Верно и очень точно подметил Виктор Тимофеев: главное в характере и творчестве молодой писательницы — увлеченность многим и тяготение к истокам. В 2000 году появляется ее следующая книга — «Тиррв по-саамски — здравствуй», которую она посвящает памяти своей бабушки Наташи (Натальи Федотовны

Лопской (Галкиной)). От бабушки переняла Надежда любовь к народным сказкам и песням, от бабушки получила тот заряд любви, который и сейчас питает ее, помогая жить. Сколько теплых строк посвятила она своей бабушке! Сколько любви, нежности в них! А еще научила она Надежду осторожно, бережно, с уважением относиться к поверьям саамским, к природе родного края, а значит, беречь свою душу. И не наставлениями учила внучку, а исподволь, рассказами да собственным отношением к памяти народа своего. Вот потому-то и запомнились ей слова бабушки: «Земля – мать родная. Землю пожалеешь – станешь мудрей. Воду чти, без воды человек, что пень сухой. Воду испьешь – молодость вернешь. Вода рыбку дает, рыбку съешь – умной станешь!» Это книга рассказов о ловозерском детстве даже и не столько самой Большаковой, сколько таких же, как она, саамских девчонок и мальчишек. Тем и ценна. И кроме того, знакомит нас с обычаями коренного народа Заполярья из первых уст. На ее страницах запечатлены разные судьбы земляков писательницы, и книжечка эта, всего в 48 страниц, становится им литературным памятником. Рассказы наполнены тонким юмором, искренним лиризмом, а главное – любовью к тем, о ком пишет Надежда.

РАССКАЗЫ ИЗ ОБЩЕЖИТИЯ

В 1990–1997 годах Надежда работает сначала воспитателем, затем заведующей общежития Ловозерского ГОКа и пишет об этом довольно непростом перестроечном времени, о людях, которые ее окружают, их проблемах, судьбах. В альманахе «Площадь Первоучителей» №1 (2000) опубликованы её общежитские рассказы «Тапочки» и «Сельская интердевочка», а вот «Встречи через год» и другие до сих пор в рукописях лежат.

Каждый рассказ – самостоятельное произведение, написанное в разное время, но объединяет их общая тема: в центре повествования – люди, запутавшиеся в жизненных обстоятельствах. И действия рассказов происходят в одном месте – в самом обычном рабочем общежитии. В основе сюжетов – случаи из жизни.

В «Сельской интердевочке» мы узнаем о несложившейся судьбе Ленки, которая спивается, теряет семью, начинает торговать собой. В «Тапочках» главной героиней является мать троих детей – Светлана, которая, мучаясь от навязчивой мысли помочь покойнице подруге, забывает о своих детях и муже. Во «Встречах через год» молодой парень, вернувшийся из Афганистана, не может определиться в этой жизни, забыть ту, в которой звучали взрывы и лилась кровь.

Для всех этих героев характерно общее: потеря смысла жизни. Вроде бы и знают они, как жить правильно, но не складывается что-то, не так им всем живется.

Связаны рассказы и одним, так называемым, сквозным героем – воспитателем общежития. Это она находится рядом с жильцами общежития ежедневно, наблюдает, как они теряют себя, как заливают свое горе водкой, наблюдает, но не мирится с этим, пытается помочь. И вот что удивительно. С одинаково от-

крытым сердцем предлагает она помощь, протягивая свою руку в трудную минуту всем троим. Почему же кто-то, как парень, прошедший Афган, понимает ее, чувствует, что живет неправильно, задумывается о своей жизни; кто-то, как Светлана, следует совету и побеждает саму себя, возвращается к детям, к семье; а кто-то, как Ленка, остается такой же? И как ни бьется воспитатель, а заставить эту Ленку хотя бы взглянуть на себя со стороны и правильно оценить свою жизнь не может, и начинает мучиться от неприятной навязчивой мысли: «А может, это ее уровень в жизни, ее предназначение? Ведь не все же должны быть в жизни праведными? Не будь таких, как Ленка, не будет сопротивления грязи, не будет стремления к чистоте».

Страшно думать так, понимает воспитатель, что нельзя оправдывать бездуховность, поэтому снова и снова спешит она на помощь к своим жильцам, потерявшимся в этой жизни. Причину такой человеческой трагедии видит воспитатель в самом человеке, в его отношении к жизни, к людям, которые находятся рядом, к себе: «Человек никогда не бывает счастливым, если все желания его направлены на себя. Пока... не научишься делиться своим кровным с другими... счастья не жди».

Объединяет рассказы и сходная композиция: построены они как диалог, в котором герои полемизируют друг с другом, настолько разную точку зрения на жизнь они высказывают.

В маленьких рассказах о самых обычных людях Большакова поднимается до философского осмысления жизни, ставит перед нами злободневные вопросы об отношении человека к себе, о вере в самого себя, подводя нас к выводу о том, что жить надо прежде всего для тех, кто рядом. Тогда она, жизнь, имеет смысл.

КНИГИ О СААМСКОМ НАРОДЕ, КАКИХ НИКТО НЕ ПИСАЛ

Следующее детище Большаковой — роман «Алхалалалай» (2003). Произведение это стало значимым в литературе края — первым и до сегодняшнего дня единственным романом в саамской литературе. И в нем уже зримо виден талант писательницы, которая сумела силой своего воображения совместить в одном произведении столько интереснейшей этнографической информации, что не на одну книгу бы хватило. Мастерски переплетены в романе сюжетные линии далекого XVII и XX веков.

Хотя жанр произведения — роман-эссе, но с полным правом его можно определить как роман-путешествие, так как вслед за героями мы то оказываемся в далеком XVII веке, то возвращаемся в наше время, перемещаемся и в пространстве, совершая путешествие с Кольского полуострова на Камчатку. В то же время в романе остро ставятся проблемы коренных народов и современной жизни; в центре повествования — судьбы героев, которых автор проводит через испытания любовью. Роман можно определить и как этнографический из-за большого количества представленного в нем этнографического материала. В то же время это — роман-луввьт, роман-йойка, роман-гимн любви к жизни, своему наро-

ду, к истории своего народа, к мужчине, женщине, матери, Родине... Поэтому можно говорить о синтезе нескольких жанров в произведении.

Идея романа заключена в мысли, что жизнь без любви пуста, жизнь без своих корней обречена, выход из многих проблем коренных народов — в их единении.

В заголовок романа вынесено магическое ительменское слово «алхалалалай», что значит «праздник очищения от грехов и благодарения природе». Интуитивно в этом слове мы слышим какой-то призыв: словно с далекой Камчатки он долетает к нам, символизируя собой похожесть ительменской и саамской культур. Повествование в романе заключено во временные и пространственные рамки, границей которых являются древние священные праздники: Имание оленей у саамов и Алхалалалай у ительменов. Праздник — сквозной образ всего романа, фон действия. Все герои живут ожиданием праздника, потому что он символизирует для них новую жизнь, исполнение заветных желаний.

В романе три сюжетных линии: Варван и нуэйта Белый День в XVII веке, Екатерины и Сузвая, Насти и Лахэна в наше время. Все герои проходят испытание любовью, по-разному складываются их судьбы. Настя и Лахэн, женщина саами и мужчина ительмен, полюбили друг друга вопреки всем условностям, преградам и расстояниям. Много испытаний приходится перенести Сузваю и Екатерине в поисках своей любви. Сюжетная линия Варван и Белого Дня отсылает нас к далекому прошлому, знакомит с предками главной героини в XVII веке.

Язык романа метафоричен. Художественные приемы окрашены северными тонами, для их создания использованы северные реалии: «Рыжая лисица пробежала по лесу и окрасила листья в цвет своей шубки» (о наступлении осени), «заблестели огромные глаза девушки, словно солнечные блики заиграли на двух озерах сразу», «словно пробуждающаяся от полярной ночи тундра раскрывалась навстречу полярным лучам солнца, Варван раскрывалась ласкам и нежности мужчины...», «словно морошка навстречу солнцу раскрывает свою чашечку соцветия, Варван навстречу губам нуэйта раскрывала свои»... Так создается авторская индивидуальность, большаковский стиль — щедрый, праздничный, светлый, красочный, теплый. Самыми частыми словами для создания атмосферы романа являются слова «радость», «солнце», «счастье», «любовь», «праздник», «полет». И не случайно после прочтения ее книги многие замечают, что хочется жить, любить, радоваться. В этом, вероятно, секрет положительного воздействия романа на читателя.

Высокую оценку роману дал Семен Иванович Шуртаков, писатель, профессор Литературного института, лауреат многочисленных литературных премий: «...Надо иметь большую отвагу, чтобы в одной книге — в данном случае романе — «увязать» историю двух далеко-далеко отстоящих один от другого народов — саамов и ительменов... эмоционально описать их быт, описать в живых картинах... То, что ты написала такую книгу, — и ительмены, и саамы должны тебя громко чествовать и низко тебе кланяться».

Увлеченность многим не дает покоя неуемному характеру Большаковой, ее писательским изысканиям, и вот перед нами — этнографическое исследование «Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем» (2005).

Можно сколько угодно размышлять о ненаучности книги, о субъективности авторских оценок, о неполноте поданного материала (хотя причина — в неисчерпаемости самого материала!) и искать другие недостатки, однако ничего нельзя сказать против того, что книга эта уникальна и своевременна, востребована читателями разного возраста и национальности, известна за рубежом. Кто еще из современных саамских и несаамских писателей создал труд более полный и правдивый о современной и прошлой жизни коренного народа Заполярья? А потребность в нем была огромная. Особенно знают это те, кто непосредственно занимается этнографией, историей, культурой саамов. Очень своевременная книга. Да, художественно-публицистическая, а Большакова так и задумывала её, писала, чтобы она была интересна всем, совершенно не «занаучивая» свой труд. От этого выигрывают и те читатели, которые знакомятся с саами впервые, и те, кто уже коснулся тайн этого уникального коренного народа. Вот и исполнилась мечта Надежды «написать о саамах такую книгу, какую никто никогда не писал».

РАСЦВЕТ ТАЛАНТА

Новое творение Большаковой — «Летопись души» в двух книгах (2010). Первая под названием «Время встреч», вторая — «Дороги жизни». Книга вышла с благословения архиепископа Мурманского и Мончегорского Симона и посвящена 15-летию Мурманской и Мончегорской епархии. Пожалуй, название книги как нельзя лучше отражает ее идею — летопись души, летопись духовного освоения мира самой писательницей. Чему же посвящена она? Конечно, работе епархии за 15 лет ее существования, людям, которые служат там ежедневно и еженощно, строителям душ человеческих. И, конечно, душе своей, душе-страннице, которая после многих лет скитаний и поиска гармонии прильнула к православной церкви, да так и осталась здесь, очарованная. Если сказать, что книга представляет собой сборник очерков, — значит не сказать ничего. С легкой руки писательницы на страницах книги оживает не только недавняя история епархии, но и каждый участник любого события за эти 15 лет получает в ней достойное место. Это летопись деяний епархии, летопись православия на Мурмане, история всех проведённых на Мурмане Славянских ходов и духовно-просветительских экспедиций по 2010 год включительно. Главная черта таланта Большаковой здесь налицо — неподкупная искренность. О чем или о ком ни писала бы Надежда, она всегда пишет искренне и правдиво: с любовью или болью, с юмором или горечью — но искренне. Каждый человек на страницах книги узнаваем. Отдельный большой очерк посвятила она архиепископу Мурманскому и Мончегорскому Симону. Но пересказывать то, что пишет о нем Большакова, смысла нет. Интереснее будет прочесть этот очерк самому и составить собственное мнение о Надежде как писательнице, а заодно и познакомиться с таким знакомым незнакомцем — владыкой Симоном. Хочется отметить еще одну особенность таланта Большаковой: на ее страницах «оживает» не только далекое прошлое, но и храмы, о которых она рассказывает, она умеет сделать близкими и понятными мысли и поступки старцев и святых.

В 2011-м вышла в свет книга-дневник Надежды Большаковой «Мой Маслов», в которой рассказывается о писателе, большом общественном деятеле, Почётном гражданине Мурманска, секретаре писательской организации Виталии Семёновиче Маслове. Вместе с тем в своих дневниковых записях Надежда даёт оценку работе писательской организации, размышляет над тем, почему лучшие — масловские — традиции сегодня утрачены. Героями книги стали известные на Мурмане люди. Книга зовёт не только к размышлению, но и к разговору, иногда к спору. Произведение написано, с моей точки зрения, в лучших литературных традициях потому, что написано с любовью ко всему и всем и с болью за все, что совершается ныне в отсутствии Маслова — большого человека, настоящего гражданина, главного человека в судьбе многих на Мурмане писателей. Книга потрясающа по информативности, глубине, Памяти с большой буквы.

Всесторонне, крупным планом показан Маслов. Величие этого человека — писателя, общественного деятеля — осознают после прочтения книги даже те, кто не знал его лично, и поэтому книга просто необходима: личность Виталия Семёновича настолько масштабна, что все, кто был знаком с ним, до сих пор находятся под влиянием его авторитета, поэтому невольно думают, что и остальные так же, а оно по-другому получается. Даже человек такого масштаба может быть забыт, если о нем не говорить и не писать. Уходят и молчат о нем те, кто знал лично, потому что им кажется, что все и так знают Маслова, а новое поколение узнает о нем понаслышке и передать следующим уже не может. Так уходит память о человеке. Поэтому вот такая книга, где Маслов живой, живой настолько, что хочется с ним разговаривать, спорить, обсуждать, вот такая книга очень нужна.

Жанр произведения определён как книга-дневник, чем снимается много вопросов. Понятно, что в повествовании — максимум субъективности и минимум объективности. Однако произведение вызвало разноречивые отклики, полярные мнения. «О книге этой не надо говорить вообще, её стоило бы в принципе не заметить, потому как книги как таковой, как явления культуры нет». (Д. Коржов, писатель, журналист). «Я не согласен с Коржовым, что эта книга не явление, может быть, сейчас она не явление, а вот потом... Я думаю, что лет через двадцать это будет ценнейший источник нашей сегодняшней жизни». (В. Сорокажердьев, писатель, краевед). «Моё мнение об этой книге — она не о большаковском отношении к людям, она о Маслове. А о Маслове могут говорить и великие, равные, и те, кто смотрит на него снизу вверх, как автор этой книги». (И. Опимах, издатель). «Книга эта учит ориентации на правду. Я считаю, что вот из таких книг и создаётся история. Мнения будут разные, а это значит, что книга нужна». (Е. Деревякина, поэт, юрист). «Что тут писательского? Где здесь литература?» (И. Циркунов, директор Мурманского книжного издательства). «Этой книгой Маслов, с моей точки зрения, увековечен. И ведь до неё ничего подобного не было. Да нужна гражданская смелость так писать! Гражданская потому, что в книге своей она запечатлевает эпоху, время, в которое жили и живут те, кто книгу читает, а жизнь человеческая никогда не бывает контрольной работой без ошибок». (В. Бакула, руководитель музея С. Есенина при МОДЮБ). «Так о

чем же книга Большаковой „Мой Маслов"? Что вызвало во мне такую бурю эмоций? Что заставило читать ее на одном дыхании? Коротко – это трубный Гимн ДРУЖБЕ». (Елена Григорьева, руководитель миссионерско-просветительского отдела Новоторжского Борисоглебского монастыря, г. Торжок). «...Откровенность книге ничуть не вредит, а, скорее напротив, придаёт дневнику характер подлинности, превращает его в ценное документальное свидетельство, по которому потомки будут судить нас и наше время». (Павел Фёдоров, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, проректор по НИР МГГУ). «Эта книга проникнута признательностью к Учителю, от горечи утраты которого душа автора страдает, и невозможно эти страдания скрыть». (Нина Владимировна Киселева, жена профессора А. А. Киселева). «Каждый пишет, как он дышит, и в отношении Надежды Павловны это проявляется со всей очевидностью. Потому что так, как она, про Маслова написала, я бы никогда не написал. Она человек определенного характера, определенных взглядов, и она действительно написала своего Маслова... В этой книге удалась главная мысль, что и позволяет считать книгу состоявшейся – литературный портрет Маслова получился! И получился наиболее объективным даже из всего того, что я читал когда-то о Виталии Семеновиче. И, может быть, получился наиболее близким к реальности как раз за счет этой субъективности. Парадоксально? Да! Наиболее объективный портрет получается из субъективной формы изложения. А все потому, что Маслов дан в потоке жизни, в потоке событий и из частного слагается целое». (Дмитрий Ермолаев, поэт, писатель).

Что ж, мнения полярные. Но у каждого есть возможность составить своё, прочитав книгу.

В 2011 году выходит в свет ещё одна книга Большаковой – «Колокольный перезвон. Колокола в литературе, музыке и живописи». Книга написана необычно. Надежда снова не укладывается в рамки жанра, но тем книга и интересна. С одной стороны, это энциклопедия истории колоколов и колокольного звона, без которых, как оказывается, немыслима не только жизнь православного человека, но и жизнь человека вообще. С другой стороны, в книге широко представлено творчество русских и зарубежных писателей, композиторов, художников, в работах которых разносторонне описываются колокола и их звоны. Большаковой удалось соединить информацию о колоколах VI и XXI вв., увязать воедино далёкое прошлое и сегодняшний день. Наполненная богатой исторической информацией, книга захватывает, помещая читателя в разные страны, эпохи. Это нескучное познавательное путешествие по городам и весям, странам и континентам. Но самое необычное то, что колокола в книге живые! Они имеют свои имена, свою судьбу, историю, начиная от рождения, они переживают расцвет и уничтожение, воскрешение. Они благодатно воздействуют на человека, участвуют в праздничных и горестных событиях, помогая веселиться или переживать народные бедствия. Это очень увлекательное чтение-путешествие по литературе, истории, народной культуре, путешествие, во время которого можно встретить знакомых поэтов, писателей, музыкантов, художников, многих известных людей Мурмана. Присутствие автора ощущается в каждой строч-

ке, словно она беседует с каждым читателем. Показана драматическая судьба Русской Православной церкви от разрушения храмов до их возрождения. Не перестаёшь удивляться, как Большаковой удалось объять необъятное. Книге предпослан эпиграф-ассоциация: «Я – колокол! Ты – колокол! Он – колокол! Какой звон несём мы в мир? Благозвучный или дребезжащий, резкий или мелодичный – всё зависит от каждого из нас». Эти слова как нельзя более точно отражают восприятие мира и себя в нём писателя Надежды Большаковой.

Виктория БАКУЛА

Надежда Большакова

КАК ЯГОДЫ В ТУНДРЕ ПОЛУЧИЛИ СВОИ ЦВЕТА

Когда Иммель-айя – Бог-дедушка посыпал землю семенами ягод, на южной части он загляделся на деревья, которые раньше высадил и которые выросли великолепными исполинами, и нечаянно просыпал все семена. Осталось у него всего пять семечек. Делать нечего, кинул он их в тундру и решил посмотреть, что дальше будет. Семена взошли и цветами раскрываться начали, и вот тут задумался Иммель-айя: а какой же цвет ягодам придать? И пришло ему на ум позвать на помощь своих детей.

А дети у него – Солнце-Пеййв, Вода-Чадзь, Земля-Еммьнэ, Небо-Алльм.

– Вот, дети мои, что хочу я вам предложить. Надо ягодам разный цвет придать, так как мало семян у меня на эту часть земли осталось. Пускай хоть ягоды тундру украсят, и как только появится первая ягода, кто-то из вас ей тут же цвет свой придаст.

Внимательно всматриваются в завязи дети Бога, никто не хочет свою удачу упустить. Да слишком уж затянулось ожидание. Ждали, ждали и решили немного передохнуть.

Только они на отдых устроились, в это время первая ягодка взяла и разорвала свою чашечку. Заприметил это солнечный луч и вошел в нее, осветив ягоду, словно маленькое солнышко вселив в нее. Налилась янтарным соком ягода – того и гляди лопнет на глазах у всех.

Такой ее и увидел Иммель-Бог. Пеййв назвал ягоду лумь-морошка, и, конечно, она всем понравилась.

Ждут, пождут дальше дети, а с ними и отец их Бог. Терпение их вознаградили сразу две ягоды. Небо глянуло на одну из них и голубизной своей обрызгало, имя дав ягоде уххькмушш-голубика.

А когда Чадзь вторую приметила, то они вместе с Алльм синевы добавили и название ей дали саррь-ягода, что в народе стала черникою.

Тут гора ревностно тень отбросила, заслонив от всех свою ягоду, превратив ее в черный глаз. Чуммнэшш-ягода под горой рассыпалась, в себе сок накопив освежающий. Птицы, звери — все любят испить ее, а больше всех она вороне понравилась. Слетела птица в заросли и давай ягоды с веточек общипывать, да так ловко она это делала, что самого Иммель-айя рассмешила.

— Вороника, вороника! Пусть так зовется эта ягода.

Пока они за вороной наблюдали, про пятую ягоду забыли совсем, а у той белые колокольчики все висят да висят и совсем не хотят превращаться в ягоду.

Бежал олень по большой горе, поранил об камень ногу свою, но в горячке бега не заметил, как кровь его на ягоды капала, а когда гора превратилась в прекрасный ковер, она обратила на себя внимание. Руппсесь-красная ягода на горе появилась. Иммель на оленя с удивлением посмотрел, остановил его и сказал:

— Ты нечаянно ягоде цвет крови придал, так назови же ее.

Не умел олень слова выговаривать, из горла его лишь один звук вырвался. Ённг — звук тот был. С тех пор стали саамы называть эту ягоду — ённг, что означало брусника-ягода.

Так вот все лето на Севере цветут, созревают ягоды. Хоть и не много видов Господь Бог дал нам их, зато все основные цвета имеются, начиная с белых цветков морошковых, листьев буро-зеленых ягодных до чуммнэшш — вороньего лакомства.

ПРАРОДИТЕЛЬ МЯНДАШ

Однажды птица Вселенная отложила яйцо. Долго она сидела на нем, и наконец треснуло яйцо. Вылупилось из него много-много птенцов.

Пейив — Птица-Солнце — оседлал своего космического Медведя — Шурр Талл и полетел на нем себе невесту искать. Много птиц повстречал Пейив на своем пути, но ни одна не пришлась ему по сердцу. Наконец однажды увидел Пейив: летит Еммьне — птица-Земля, и влюбился в нее с первого взгляда. Стал ей в любви объясняться. Видит Еммьне, а жених-то Пейив хоть куда, и дала свое согласие. Начался у них брачный праздник любви. Пейив вокруг Еммьне танцует, хвост распушил. Поет Еммьне песню любви и все больше располагает её сердце к себе. Кинулась птица-Земля навстречу любовным призывам Пейива, заключил он ее в свои объятья, крепко обнимает, жарко целует... И вскоре понесла птица Еммьне и отложила яйцо

Пейив прилетит, обогреет его жаром и опять улетит по своим делам, а Еммьне все сидит, высиживает яйцо. Долго сидела, и вот наконец раздался хруст. Смотрит Еммьне, а из яйца теленочек появился. Обрадовалась птица Еммьне — из этого теленочка сильный гирвас-олень вый-

дет. И пустила она сына-оленя на простор, пускай бегает, силы накапливает.

Отец Пеййв прилетел, посмотрел, а теленочек уж быком настоящим стал, и решил рога его ветвистые позолотить, чтоб все вокруг знали: не простой олень бежит, а сын Солнца и Земли. И назвали родители сына Мяндаш-пырре.

Лети, Мяндаш, ищи себе судьбу.

Бежит Мяндаш-пырре от края до края земли, ищет себе любимую. Видит — сидит у берега саамская девушка, приглянулась она золоторогому, и посватал он ее за себя. Обернул важенкой-оленихой, и побежали они вместе по тундре гулять. Рассказывает ей Мяндаш, какие земли видел, каких животных встречал, удивляется его рассказам девица-важенка и все больше в Мяндаша влюбляется. Захлестнули ее чувства, рванулась она вперед, как ветер летит. А Мяндаш сделал рывок и в один скачок догнал важенку. Добежали они до озера, стали пить. Смотрит Мяндаш-пырре, как красиво пьет важенка, и потянулся к ней, даря нежность и ласку.

Опустился на озеро розовый туман и укрыл пару влюбленную своим тончайшим покрывалом. Только плеск набегавших на берег волн да дыхание озера слышалось в тишине.

Долго ли, коротко проходит времени — приносит важенка Мяндаш-пырре сына, да не теленочка, а дитя человеческое. Кормит сыночка молоком и приговаривает:

— Ты расти, расти, мой сын, среди тундровых просторов, от отца — оленя золоторогого ты ум да выносливость возьми, от Солнца-Пеййва, твоего дедушки, тепло душевное. От Земли-бабушки — силушку, а от меня, твоей матушки, любви ко всему живому на этой земле.

Вырос сын, зовет его к себе Мяндаш-пырре, говорит:

— Садись, сынок, на меня верхом, покажу я тебе твои владения.

Сел молодец на отца, и помчал тот просторы тундровые ему показывать да наставлять:

— Это все твое, сын мой. Скоро придет время тебе в путь трогаться, судьбу искать. Но запомни одно, сынок: я, твой отец — прародитель земли этой тундровой, завещаю тебе ее на веки вечные. Должен ты беречь землю-кормилицу и быть всем оленям братом родным. От тебя пойдет род саамов-лопинов, и тебя все они будут почитать и слушаться. Береги доверие их и не забывай заветы мои, оленя золоторогого.

ДУХ МАТЕРИ ЗЕМЛИ

В одной куваксе жила семья бедного лопина-вдовца, в другой — богатого. У бедного лопина было пять дочек, и он очень переживал, как их всех замуж отдать. Не везло ему в жизни: пойдет рыбу ловить — по-

чти ни с чем в куваксу возвращается, на охоту отправится — то же самое. Дочки отца успокаивают:

— Не печалься ты так за нас, аджя — отец. Если полюбимся кому, и бедными возьмут, а нет — с тобой жить будем.

— Правильно, сестрица, говоришь, если нет любви, то и богатство не поможет.

— Разве, аджя, мы так тебе надоели уже, что ты нас хочешь в чужие семьи отдать?

— Что вы, доченьки, — оправдывался отец, — я вас всех люблю, только разве дело вам всю жизнь с отцом жить?

— А ты, аджя, женись, что тебе по матушке-то убиваться, ее уже не вернешь, — вдруг сказала отцу младшая дочь.

Посмотрел отец на нее неодобрительно.

— Какой может быть моя дума о себе, если вы не пристроены. Вот когда каждая из вас свою вежу поставит, тогда разговор о женитьбе и мне можно будет вести.

Девушки очень любили своего отца, жалели, только помочь ничем не могли.

В другой куваксе жил богатый лопин с женой и тремя сыновьями. И его парням нравились девушки бедняка, но отец не позволял им даже думать о них. Злым и жестокосердечным он был, жену свою бил, да и сыновьям доставалось, если что не так.

В тундре всякие люди появляются, всех лопины принимают, потчуют.

Однажды постучалась в куваксу бедняка женщина, попросилась переночевать.

Собрал лопин свой бедный скарб, накормил гостью, а девочки ей лучшее место приготовили, и все спать легли.

Тут младшая сестрица приоткрыла свой балаган*, заглянула в балаган старшей сестры и шепотом сказала:

— А поняла ли ты, сестрица, кто к нам сегодня в гости заглянул?

— Кто-кто — лопинка. Не мешай, сестрица, спать, уймись наконец, — рассердилась старшая сестра, что младшая покой ее нарушить вздумала.

— Нет, ты послушай меня, сестрица, — не унималась младшенькая, — ты видела, как она по куваксе шла?

— Ну видела, и что из того? — не понимая, куда клонит младшая сестра, сказала старшая.

— Ничего ты не видела, если так говоришь. Ведь шла она, не касаясь земли. А так только духи ходят. К нам никак дух самой Матери-Земли пришел в образе простой лопинки, — заговорчески сообщила сестре младшая.

---

* *Балаган* — ситцевая занавеска, привязанная к жердям куваксы или чума и защищающая спящих от комаров и мошки.

— В своем ли ты уме, сестричка моя? — спросила ее, уже теряя терпение, старшая.

— Можешь не верить мне, а только я чувствую: наша жизнь скоро изменится.

Сказала так младшая и вновь нырнула в свой балаган. И оказалась она права. Наутро в куваксе гостьи не оказалось уже, да и место ее спальное непримятым осталось.

— Ну, дух так дух, — сказал дочерям отец примирительно, — хорошо, что вечерять хоть ухой пришлось! Сегодня вновь на озеро пойду, заброшу сеть, глядишь, рыбину-две выловлю.

Пошел лопин, забросил сеть — и, о чудо, плещется в сети его рыбы видимо-невидимо. Дочек на помощь пришлось звать.

На другой день на охоту пошел и сразу двух лис принес. Так потихоньку их жизнь в гору пошла.

А дух Матери-Земли и к богатому лопину в гости пожаловал.

Увидел богач странную женщину, спросил, что надо ей.

— Да вот, — говорит женщина-дух, — издалека иду, накормите, люди добрые, да разрешите переночевать.

Хотела было хозяйка гостью провести поближе к огню да накормить, только злой муж оттолкнул ее, а нежданной гостье, сунув черпак с водой, сказал:

— Сами не в достатке живем, пей воду и ложись у выхода, а наутро чтобы духа твоего не было!

— Спасибо и на этом, — сказал дух Матери-Земли, а наутро, как приказал богач, ее уже в куваксе не было. Только дела богача на убыль пошли, а еще через несколько дней ушел он в лес и сгинул там. Ходили сыновья, искали его, да так и не нашли.

Выждали парни время и посватались к трем дочерям соседа. Поставили вежи свои, стали жить. Недолго и две остальные дочери лопина в невестах сидели, дождались своего часа, и их просватали справные лопины, и они свои вежи поставили.

Пришла младшая дочь к отцу и говорит:

— Теперь, аджя, самое время и тебе о себе подумать. Гляди, наша соседка лопинка, вдовушка богача, как с тобой приветлива! Бери ее в жены, отец, мы с сестрами да ее сыновьями спокойны будем за вас.

— Хорошо, дочь моя, послушаюсь я совета твоего, женюсь на вдове. Только ведь вначале и у нее согласия надо бы спросить.

Лопинка не противилась, дала свое согласие, и зажили они счастливо. А из поколения в поколение передавали завет детям своим: встречать-привечать гостей с радостью, как бы ни жили — в богатстве иль бедности, а не то придет дух Матери-Земли и изменит всю жизнь.

ТИРЬМЕСЬ-ЮКС
(Радуга)

У богини Земли была дочь на выданье. Звали ее Палл Кассв. Красивая была девушка, умная, да никто ей из парней на земле не нравился. Однажды взошла она на высокую гору, чтоб встретить рождение первой травы, и увидела молодца. Молодец тоже заприметил красавицу и с первой минуты влюбился в нее.

— Кто ты будешь, моджесь нийт — красивая девушка?

— Я — дочь своей матери Земли и зовут меня Палл Кассв — Круглолицая, а ты кто?

— Я — сын своего отца Неба и зовут меня Алльм Аллък — Небесный сын.

— Что ж ты на земле делаешь, сын Неба? — смело спросила молодца Палл Кассв.

— Да вот пришел невесту себе отыскать и, кажется, я ее уже нашел, — сказал Альм Алльк.

— И кто же невеста твоя, можно узнать? — полюбопытствовала девушка.

— Ты и есть невеста моя, Круглолицая. Ты мне понравилась, тебя в жены и выбираю.

— Ишь, сын Неба, скорый ты какой. И меня не спросил, люб ли мне? — возмутилась дочь Земли.

— А разве Небесный сын должен спрашивать? Понравилась и будешь женой моей.

— Нет, молодец, ты сначала завоюй сердце девушки, а потом предложение делай ей.

— Что же ты хочешь от меня, дочь Земли, говори, я все сделаю,— сказал Альм Алльк.

— Хочу, чтобы соединил ты небо с землей мостом красоты невиданной. Вот тогда и соглашусь я по этому мосту к венцу небесному идти. По силе тебе мое условие? — иронично спросила девушка.

— Интересно мне твое условие. Слово даю, сын Неба завоюет любовь дочери Земли. Передай своей матери, чтоб готовила под венец тебя,— сказал молодец и исчез.

— Заволновалось сердце девушки, понравился ей юноша, но уж слишком самоуверенным был. Подумала Палл Кассв: «Надо спесь-то с него стряхнуть». Пришла в чум к матери и рассказала обо всем.

— Большая это честь, дочь моя,— сказала ей мать Земля,— если заключим мы союз с отцом Неба!

Прошло после встречи молодых несколько дней, и вот как-то утром выходит из чума девица и видит: поднялся в небо от самой земли мост из хрусталя, а по нему к ней Альм Алльк спускается.

— Что, красавица, нравится ли тебе мой мост?

— Мост как мост, ничего особенного, — говорит Палл Кассв. У нас на земле на озерах Мороз и не такие мосты перекидывает не в пример твоему.

— Обманываешь ты меня, дочь Земли, никому не под силу такой мост возвести,— рассердился Альм Алльк.

— Спускайся сюда, давай попросим мою матушку показать тебе это чудо великое.

Вышла мать Земля, повела по воде озера своей волшебной палочкой, и увидел Альм Алльк чудеса из чудес. Летит снежинка к снежинке, узор плетет. Снег и град падают, возводя небывалой красоты сооружения. Лед воду заковывает в прекрасный мост, и все при этом искрится, серебрится, играет переливами.

— Что это? — спрашивает сын Неба.

— Это на землю Таллъв — Зима пришла, — сказала мать Земля.

— Соглашусь, Палл Кассв, ваш мост хорош, не хуже моего, только после этого я все равно не откажусь от тебя, сумею сделать мост такой, какой вы на земле у себя еще не видывали,— сказал и исчез вместе со своим мостом из хрусталя.

Проходит несколько дней, и вновь Круглолицая, выходя из чума, мост обнаруживает, только теперь он из разноцветных камней. Идет по нему Небесный сын, улыбается.

— Ну что, дочь Земли, хороший мост я на этот раз выстроил?

— Красивый, ничего не скажу, да только красота его холодная, таких красок в тундре видимо-невидимо, и ото всех них теплом и жизнью веет, — ответила девушка.

— Значит, тебе опять мой мост не нравится,— рассердился сын Неба.

— Нравится! Такая красота не может не нравиться, да только души в ней нет, — смягчила разговор Круглолицая. — Иди сюда, мать моя покажет тебе красоту земли.

Вышла мать Земля, повела своей палочкой, и стала вода картины рисовать. Вот тундра цветет, ягель узоры плетет, и все цвета живут, дышат теплом и светом, не то что бесчувственные камни на мосту сына Неба.

— Да, это красота живая и ни с чем несравнимая. Нет у меня на небе такой красоты, а значит, и не с чего мне тебе этот мост выстроить, Палл Кассв, — расстроившись, признался Небесный сын.

Потеплело на сердце у дочери Земли, и сказала она ему:

— Но ведь тебе никто не запрещал использовать дары земли. Может, ты на ней найдешь то, что необходимо для твоего моста.

— Спасибо тебе, Круглолицая, что надежду оставила, я об этом подумаю, — сказал молодец и вновь исчез, а мост в воздухе растворился, словно его и не было.

Ждет Палл Кассв месяц — не появляется Альм Алльк, ждет второй — опять его нет. Расстроилась уже девушка, подумала, что обиделся молодец и больше уж к ней не придет.

А Небесный сын ходит по земле, цвета собирает для своего будущего моста.

Руппьсесь эввьн — красный цвет у ягод тундровых: брусники, клюквы да гром-ягоды — попросил. Ручкесь — желтый — у цветов, что растут на озере и около, да еще добыл цвета морошкового. Суйин-эввьн — салатовый у листочков дерна шведского. А руэнн эввьн — зеленый цвет с листьев деревьев и травы собрал. Алехъ и чуввесь алехь — синий и голубой — позаимствовал у рек и озер. Ну и последний цвет, фиолетовый, подарили ему цветы вереска.

Наплел он пояса и окрасил каждый в определенный цвет. А пока он цвета собирал да пояса плел, на землю дождь пошел, землю омыл. За это время Альм Алльк работу закончил, встряхнул цветные пояса и перекинул их от края до края земли. Получилась у него Тирмесъ-юккс, что означает радуга.

Отражается свет в каплях дождя и играет радуга цветами яркими, словно живая вся.

Вышла Палл Кассв из чума и увидала чудо невиданное. Перекинулся цветной живой мост через землю всю, от озера до озера, и дошел вершиной своей до неба самого.

— Яннъ-ням — мамочка, выйди, выйди из чума сюда, погляди, какой мост красоты невысказанной сын Неба сотворил! Неси мне подвенечный наряд, мой возлюбленный дожидается меня на вершине моста.

Снарядила мать-Земля свою дочь и благословила на замужество.

Идет Палл Кассв по Тирмесь-юккс, радуется, значит, любовь пришла в сердце молодца, если для нее он такое сотворил.

Протянул руки сын Неба к девушке и сказал ей, встречая на вершине моста.

— Здравствуй, милая моя Круглолицая!

— Здравствуй, здравствуй, Альм Алльк.

— Научила ты меня, Палл Кассв, цвета земли любить, научила красоту ценить, и за это большое спасибо тебе. Спрашиваю: согласна ли теперь за меня замуж идти?

— Согласна, любимый мой Альм Алльк, согласна, потому что люблю только тебя одного.

Сыграли мать Земля и отец Небо свадьбу детям своим, и зажили они счастливо, а радуга как вечный символ любви между Небом и Землей стала появляться каждый раз, как дождь пройдет.

НИЙТА ВОАЦЯ – ДЕВОЧКА ВАРЕЖКА

На берегу озера в тундре стоят два чума. В одном живет большая семья: и взрослые, и дети. В другом – только пастух со своей женой, сестрой и матерью. Луххьк-пастух оленей пасет, хорошо тундру знает. Его мать Парэск-бывалая рыбачка – рукодельница. Жена Луххька бойкая да работящая, и зовет он ее ласково – Вяця. Счастливо они друг с другом живут, да только одна беда: детей у них нет. И последней жительницей чума является Луххька сестра – Олинк, веселая, бойкая девушка. Живет семья дружно: шьют, обед готовят, оленей пасут да песни поют. И мечтают жена с мужем о сыне-помощнике или дочке-красавице. Да только словно злые силы опутали Луххька жену.

Это все оттого, что за горой живет Вигк-аххьк, старая и злая колдунья. Ее темные силы много вреда и болезней принесли. Люди знают об этой колдунье и боятся ее. А Вигк-аххьк хочет совсем Луххька семью извести, силы темные призывает к себе.

Толл, тонн толл! Чута пуль!
Шурэлып пуль!
Алямп пэйень, тол нюххчемь!
Нельй гоаррень пуэдтэ пинк!
Роавас, тоавас пуэдтэ, пинк!
Сурвэсь, поасс я тоавсамусс!
Кыррьтэ, мыннэ, Вигк-аххка,
Нельй гоаррень коапчнэдтэ,
Пуэдтэ мыннэ, векъхегке! –

Ты огонь, огонь, огонь!
Гори ярче и сильней!
С четырех сторон налетите, ветры злые,
Буйные и сильные!
Спешите ко мне, к Вигк-аххка!
С четырех сторон собирайтесь,
Прилетите, окажите помощь
Мне, Вигк-аххка.

Колдует, шаманит и все ближе к успеху она:

В лесу, в тундре, на берегу озера
чум стоит, в нем огонь горит,
и в тепле там семья живет.
Дуйте, ветры, затушите огонь,
унесите песню с собой.

Пусть замерзнут люди,
пропадет Луххък, сын Вуэнньтре,
и уйдет с ними род оленеводов.
Мое крепкое слово пусть с вами летит
И завяжет крепче узла силу злую.

Ее черные космы разлетаются в разные стороны, ее крючковатые пальцы извиваются словно ужи, ее лицо выражает столько злости и гнева, что кажется: все то, что произнес ее беззубый рот, тут же исполнится. Ее заклинание гибель несет:

Вигк-аххък — мунн ля!
В иг к туй лыгка.
Аннь тидтэв оллмэ мун тоавас виг,
Мэнн лыгка мунн, ев песът ни кегк! —

Вигк-аххък — это я!
Я творю силу темную.
Пусть боятся люди меня,
Что я сделаю, никто не переделает.

Но тут что-то стало мешать колдовству старухи злой, стала она беспокоиться и силу колдовства терять. А это на тундру пришла Пейв Нийт — Дочь Солнца. С ее появлением черные силы расступились, давая простор свету и теплу. Пейв Нийт необычная девушка, своей песней она помогает оживать природе и людям. Она поет о том, что очень любит тундру и украшает ее ковер разноцветными травами, цветами и ягодами. О том, что она узнала о семье Луххька и хочет им помочь.

— Знаю я, что у озера в чуме живет семья, хорошие, работящие люди, вот им-то я и помогу, сотворю для них свое первое большое чудо. Вот мой батюшка Солнышко порадуется!

А в чуме Луххька мать вязала рукавички к зиме. Красивые выходили рукавички, теплые. Закончила вязание Парэск и позвала сына померить их:

— Луххьк, подойди ко мне, примерь варежки. Никогда у меня еще не выходило такой красоты.

Примерил сын варежки, да что-то маловаты они для него получились, и позвал он свою жену:

— Вяця, иди примерь варежки, мне они маловаты вышли, тебе будут в самый раз.

Стала мерить варежки Вядзэ, и ей как раз в пору они пришлись.

В это время подошла к чуму Пейв Нийт и стала шептать слова заклинания:

— Пейв нюл! Пейв нюл! Мун коаллэш вильй! Векьхегке мыннэ! — Лучи солнца, дорогие мои братья! Посветите в рукавички, что связала Луххька мать, согрейте их, и пусть из них девочка появится.

Погас тут в чуме огонь, и на миг воцарилась повсюду темнота, потом ярко вспыхнул камелек и осветил жилище. У Вядзэ с рук варежки исчезли, а посредине чума стояла красивая маленькая девочка. Все переполошились, разглядывают кроху, спрашивают, откуда взялась она:

— Чья ты, удць нийта? Чья ты, малышка? Откуда взялась в чуме у нас?— спрашивала перепуганная, но счастливая Вядзэ.

— Я Воаця, дочь ваша. Я из солнечного света Пейв Нийт родилась, из сердечной мечты мамы и папы я родилась, с теплых бабушкиных рук я родилась и пришла, чтобы радовать вас.

Счастью семьи не было конца. Все очень любили Воаця, баловали. Дни быстро летят, подросла Воаця, стала всем помощницей. Бабушке нитки разматывает, с Олинк песни поет, Вядза помогает готовить, даже Луххьк без ее заботы не остается. То нийта в тундру к нему прибежит, чтоб за оленями посмотреть, то на озеро с ним отправится рыбу ловить.

Однажды Вядзэ послала ее и Олинк в тундру к Луххьку, чтоб хлебцы отнести. Недалеко тот со стадом был, и Воаця с радостью согласилась. Ей нравилось по тундре ходить, со зверями да птицами играть, они ее не боялись совсем и шли прямо в руки ее. Удивлялась Олинк, глядя, как Воаця с зайцами да лисами, с дикими оленями и даже с медвежатами играет. Никого не боялась девочка.

Непрестанно наблюдала за ней колдунья старая, ждала, когда придет время, чтобы девчонку схватить и уничтожить, вот и дождалась. Пропустила она их с Олинк к Луххьку, а когда те обратно пошли, чарами своими напустила на тундру темноту и разлучила Олинк с Воацянь. Ищет Олинк племянницу — не может найти, и повернула назад к Луххьку, чтоб искать вместе с ним.

А Воаця, блуждая в темноте, наткнулась на Вигкакь, та стала запугивать девочку:

— Вот и попалась ты мне, девочка-варежка. Сейчас я тебе устрою веселую жизнь, отдам злым ветрам, пусть унесут тебя подальше от тундры и сбросят в какой-нибудь обрыв.

А Воаця совсем и не испугалась старухи.

— Подумаешь, — сказала она, — напугала чем, ну полечу, посмотрю, что за тундрой есть.

— Ах, ты так! Я-то думала, ты испугаешься меня, плакать начнешь, может быть, я бы тебя и пожалела тогда, а ты насмехаешься надо мной? Перестань радоваться, я тебе говорю. Ты хоть знаешь, кто перед тобой? Это я, Вигк-аххьк, самая сильная и злая колдунья в этих местах, а ты,

девчонка, надо мной насмехаешься? Перестань, кому говорят, от твоих насмешек у меня сила уходит.

Воаця же продолжала смеяться и дразнить старуху.

— Посмотри на себя, какая ты смешная старуха. Вигк-аххьк думает, что она злая, а она смешная, Вигк-аххьк думает, что она злая, а она смешная.

Чувствует колдунья, как с насмешками Воаци у нее сила уходит, достала зуб щуки и бросила в девочку, попала прямо в грудь, и упала та, как мертвая, закрыв глаза.

— Вот так-то лучше будет, не потерплю, чтоб смеялись надо мной, я все-таки Вигк-аххьк есть! Спи теперь здесь, звери не загрызут... — но не успела договорить и уйти, как опустила Дочь Солнца свои теплые лучи на тундру, осветила ее всю и сама оказалась рядом с Воаця. Подняла с ее груди зуб щуки и бросила обратно Вигк-аххьк. Как только зуб щуки воткнулся в колдунью, она зашипела, задымилась и исчезла. Так от собственного колдовства Вигк-аххьк и погибла.

Пейв Нийт помогла подняться Воаце и повела ее навстречу спешившим к ней Луххьку и Олинк. Они, как только увидели Воаця живую и здоровую, стали благодарить Дочь Солнца:

— Большое спасибо, большое, большое спасибо, Пейв Нийт. Ты нам Воаця подарила и теперь ее спасла от злой, вредной колдуньи Вигк-ахесьт, мы никогда тебя не забудем и всегда будем рады тебе.

Дочь Солнца обняла Воаця и сказала ей:

— Воаця, живи здоровой и веселой девочкой, учись узоры вышивать.

— А кто же меня научит, Пейв Нийт, если рядом не будет тебя, — спросила Воаця.

— Дорогая моя девочка, как только ты примешься за это рукоделие, я мысленно буду рядом с тобой и покажу тебе самые красивые узоры, какие знаю сама. Ты, когда вырастешь, научишь этому искусству своих детей, так и пойдут в тундре мастерицы рождаться. А теперь пора прощаться. Вядзэ и Парэск уже заждались вас. Прощай, Воаця, прощайте, добрые люди. Будьте здоровы, — сказала эти слова Пейв Нийт и исчезла, а счастливые Воаця, Олинк и Луххьк поспешили в свой чум.

ДВА ПУТИ

Как-то раз отправился лопин на охоту. Подошел он к горе, смотрит — перед ним тропка открылась. Подумал лопин, подумал пойти по ней, посмотреть, куда она приведет, и пошел. Шел, шел, гору обошел, наверх поднялся на полгоры, смотрит и не может понять, куда пришел.

Открылась перед ним тундра вся как на ладони, да только разделенная: на одной части ее — зелень сочная, ягель пышный, олени пасутся,

птицы гнезда вьют, вода в озерах прозрачная; на другой мрачно все — земля словно выжжена, залысины камней блестят, какие-то вышки понастроены, в озерах вода белесая, мутная, воздух над тундрой тяжелый навис.

— Что это,— спрашивает сам себя лопин. И вдруг голос чей-то отвечает ему:

— За тобой решение будет, лопин, какой тундру избрать?

Не удивившись этому голосу, отвечает лопин:

— Так ведь и дураку понятно, какой я ее выберу — ту, что с оленями, что с озерами чистыми.

— Что ж, хорошо, — произносит голос, — только прежде чем в будущем этом жить будешь, поди-ка сходи в прошлое.

Лопин опять вокруг горы обошел, доходит до того самого места, где голос был, смотрит, а там стоят мать и отец, что давно уже умерли.

— Тиррв, тиррв, мин алльк. — Здравствуй, здравствуй, сын наш, — говорят они ему. — Давно мы тебя ждем.

— Для чего ждете меня? Я пока что на тот свет не собираюсь, — говорит пораженный и чуть испуганный лопин.

— Так ведь мы с отцом вразумить тебя хотим, — отвечает сыну мать.

— Расскажи-ка ты нам, как тундру бережешь, ягель-кормилец хранишь, как оленей пасешь, не нарушаешь ли заветы прадедов?

Возмутился лопин:

— И что это такое, все с меня отчет требуют: контора, бригадир, даже вы, мои родители, умершие давно, и те выспрашиваете, что к чему. Ну что я могу вам сказать? Хорошо живем. За оленями мы теперь на вездеходах и буранах поспеваем везде, вертолеты нам в тундру почту, еду везут. Одно слово, все на высшем уровне.

— Ладно, сын, не будем мы ничего у тебя выспрашивать, покажем лучше, как сами жили да наши прадеды, — сказал отец.

Повели родители сына, и открылась ему жизнь сразу нескольких поколений лопарей. Наследники строго исполняли завет своих отцов.

— Так мы жили, и деды наши жили, и прадеды, и хотим, сын, чтоб и ты так жил. Нас учили наши родители: «Землю надо беречь. Как она досталась нам в поросли трав и во мхах, поросшая лесами и кустами и всякой зеленью, так и беречь ее надо зеленую. Будешь беречь и холить землю зеленую, веселую — и сам ты будешь сыт, здоров и весел человек», — говорил отец.

— А еще они говорили,— продолжила мать, — «землю люби, не брани землю: ты на ней живешь, ты ею кормишься; ягель-мох кормит оленя, олень кормит тебя; грибы, ягоды и травы кормят оленя да и тебя тоже, а еще и лечат тебя. То надо знать, и землю надо любить. Ты хозяин земли, она твоя кормилица».

— Так это доисторические методы, сейчас во всем техника применяется, — с гордостью выпалил лопин.

— Сдается нам, не понял ты ничего, мин алльк, из того, что мы с матерью показали тебе, что ж, отправляйся в свое время и живи, может, сердце твое чего и подскажет тебе.

Сказали родители это и исчезли, а он отправился тропой восвояси, да на то же место тропа его вывела. И представились ему картины настоящего.

Видит лопин сам себя, лихо мчащегося на буране, подминающем березняк, видит, вездеходы грузы тащат, вспарывая гусеницами тундру, обнажая тело земли. Видит лопин, как дико шарахаются от этой техники олени пугливые, как в озера и реки бензин с моторов течет да различными отходами они заполняются, и остолбенел. Хриплым голосом он закричал, что было сил:

— Стойте! Стойте! Олухи! Остановитесь вы, кому говорю!— да только голос его в пустоту уходил.

Понял тут лопин, что кричит-то самому себе. Сел на камень, обхватил голову и запричитал:

— Что ж мы делаем, что ж делаем! Один наследишь — вроде не видать, а вместе все — прямая дорога к гибели тундры-кормилицы. Горе нам, горе!

— Где тропинка та, что в будущее ведет? Пойти надо туда немедленно, совета у голоса выспросить,— заторопился лопин.

Смотрит, а вместо одной тропинки две стелются. Сел опять на камень и задумался: «По какой идти?»

СТАРЫЙ ДОМ

Жил был Дом, мечтатель и фантазёр. Жил он давно и славился среди других домов своим гостеприимством и весёлым нравом. Кто б ни забрёл в него жить, всегда оставался довольным своим хозяином. Любил Дом людей, душу свою им отдавал. Много лет стоял он на краю небольшого северного поселения, привечая путников в пургу и морозы, в дождь и снег. И прозвали его люди ласково — Домиком на окраине.

Вот как-то стоит он и думает: «А и долго что-то ко мне никто не заглядывал, уж и соскучился я без людей. Окна стали тускнеть, полы скрипеть, стал я охать да кряхтеть». И подумал дом: «Наверное, старость пришла...» Но только подумал, как в окно постучали. Обрадовался дом, увидев на своём пороге уставшего путника.

Стоял человек, промокший от сильного дождя, озябший от ледяного ветра. Видно, далёк был его путь, устал в дороге. Спросил, не позволит ли ему Дом обогреться и отдохнуть?

И Дом воскликнул с радостью:

— Да для меня гостей принимать — одно удовольствие!

И захлопотал гостеприимный Дом! Распахнулись двери, зажглись огни, растопился камин, на столе появились угощения. Накормил Дом человека, обогрел и завел разговор:

— Откуда будешь в наших северных краях, мил человек?

— Издалека иду... Куда глаза глядят... Ищу пристанища... Жена от меня ушла, непутевого сына сам выгнал давно, один я теперь... Как перст один... Никому не нужным по свету брожу...

— И разве ж можно жить одному? Не тягостно ли по свету белому скитаться? Оставайся у меня, я тебя в обиду не дам. А счастье найдёшь — с миром иди, — от всего сердца предложил путнику Дом.

— От предложения твоего не откажусь, поживу, а там видно будет,— согласился путник.

Засиял Дом от радости! Снова в нём поселилась живая душа. Поддувалом своим человеку песни пел, половицами гопака отплясывал, тёмными длинными вечерами сказы рассказывал, которых знал великое множество...

Так зима и прошла. Отъелся человек, обогрелся и стал над Домом насмехаться:

— Старый ты, и на отшибе стоишь, фасад твой скособочился, тенётами оброс, уйду от тебя. Приглядел я тут в центре селения квартирку себе, любо-дорого глядеть. Уйду!

Ничего не сказал Дом на эти слова своему жильцу, но легла на его сердце печаль.

А однажды, поздно вечером, пришел человек в Дом не один. Привёл дружков-приятелей, и стали они пить-кутить.

— Эй, Дом, — крикнул жилец, — а ну-ка, раскрой свои тусклые окна пошире, нам совсем нечем дышать!

— Да что ты с ним разговариваешь?! — крикнули приятели жильца.— Бросай его, тебя давно благоустроенная квартирка ждет! А эту развалину на снос пора, чтоб не мозолил глаза.

Притих Дом от этих слов, вздохнуть боится. Что скажет жилец его? Ведь не должен на добро чёрной неблагодарностью платить. И содрогнулся, услышав безразличные жестокие слова:

— Да запросто, кому нужна развалюха эта старая? Пустим на слом, вот и вся недолга. Вот вещи перенесу, и снесём...

Захолонуло сердце Дома. «Не рассмотрел я вовремя, кого в неурочный час на груди пригрел, кому сказы рассказывал, песни пел... Вот и настал черед готовиться мне смертушку от неблагодарного принимать», — простонал сам себе Дом и горько заплакал.

Компания, недолго думая, подхватила пожитки своего приятеля и покинула Дом.

Всю ночь тот стоял, не зажигая огней, а с рассветом услышал безжалостный скрежет бульдозера, лязганье ковша экскаватора и понял — теперь уж ему точно конец пришел.

Человек, что осень и зиму жил у него в гостях, командовал теперь его уничтожением:

— Ты, друг, посильнее вдарь, в серёдку самую! Он от ветхости и рассыплется!

И тут Дом почувствовал на себе удар. Боль прошла по всем его брёвнышкам, жалобно на землю посыпались стекла лопнувшие. И, собрав свои последние силы, крикнул Дом неблагодарному жильцу:

— Не человек ты, тот, кого я приютил... Существо бездушное о двух ногах и о двух руках, а потому не видеть тебе в жизни больше ни счастья, ни спокойствия!..

— Да чё слушаешь его! — кричали приятели. — Счас от него одни щепки останутся...

...Помешал пришельцу Дом на окраине, свалил его неблагодарный человек и ничего на том месте не выстроил. Лишились путники места отдыха. Теперь здесь бурьян хозяйничает да ветер гуляет, по свету белому сказы старого Дома разносит...

ОКНО И ЛУЖА

Весна всему миру возвещала о своем приближении голосами птиц, шумом тающего снега, светом яркого солнца. Если вы думаете, что снег тает тихо, то глубоко ошибаетесь. Он хлюпает, чавкает, журчит в образовавшихся проталинах, растопленный первыми лучами солнца, и только затем в воду превращается.

Во время весеннего паводка на душе у всех веселело: у людей, птиц, животных. Улыбались друг другу, просыпаясь от зимней спячки, и омытые чистюлями-хозяйками окна домов, заигрывая с солнечными лучами-зайчиками... Только про одно Окно забыли — его недавно поставили на место лопнувшего старого, и оно до сих пор стояло тусклым и, как ни старалось, ничего не могло разглядеть.

Напротив находилось другое окно и кричало тому, запыленному, чтоб оно, Окно, омыло бы свои глаза и обрадовалось приближению весны. Но разве слепой может радоваться свету?.. Поэтому Окно терпеливо ожидало, когда ему глазницы протрут. Наконец о нём вспомнили, намыли — и засияло Окно, засветилось прозрачностью, устремив свой взор на чудеса увиденного. Прямо на глазах его тающие снежинки превращались в прозрачные капельки, и воздух начинал звенеть от падающей капели...

Разглядывая окружающий мир, Окно наткнулось на большую Лужу, которая образовалась на открывшейся от снега земле. Заглянуло в неё и поразилось своему отражению.

— Надо же, оказывается, я совсем неплохо выгляжу. Стекло моё такое прозрачное, что я вижу розу со своего подоконника. Неугомонная, она всю зиму убеждала меня, что по весне расцветет ярко-алыми бутонами. Эх, если бы Лужа смогла это всё тоже увидеть! Наверно бы, и ей было интересно посмотреть на розу с бутонами!

— Какое самонадеянное Окно, — произнесла с обидой Лужа, — Разве ты само не служишь мне отражением? Думаю, каждый из нас сможет наблюдать в другом то, что захочет увидеть, будет ли это окружающий мир или только собственное отражение. Всё зависит от кругозора нашего.

— Прошу меня простить, сударыня Лужа, — изумленно произнесло Окно. — Просто от всего увиденного моя голова кругом пошла. И если я вас правильно понял, вы предлагаете мне наблюдать за всем происходящим, глядя в отражение вашей воды? Но боюсь, что кроме собственного отражения я не увижу ничего. Ведь видеть мир — это, наверно, целое искусство?

— Не спеши с выводами, мой юный друг, я вначале точно так же думала. В первый момент мы всегда замечаем только то, что сразу бросается в глаза. Присмотрись внимательней, попробуй. А чтобы интересней было, предлагаю рассказывать друг другу то, что каждый из нас сможет наблюдать. Принимаешь ли мое предложение?

— С радостью, если, конечно, у меня это получится, — и Окно стало внимательно всматриваться в Лужу.

Лужа с отражённым в ней небом, медленно проплывающими облаками надолго приковала взгляд Окна, создавая ощущение головокружительного полёта.

— Вы знаете, Лужа, я в вас вижу плывущие белые облака, постоянно меняющие свои формы. Фантастика! А вот небо прорезала какая-то светящаяся точка, оставившая за собой длинный белый след...

— Это, мой юный друг, реактивный самолет. Слышите его гул? Они частенько в последнее время стали появляться в небе. Я же в твоем отражении вижу, как за другим окном огромная кошка ворует сушёную рыбу. Тянется за ней так старательно, пытаясь подцепить её своими коготками, что, кажется, ещё мгновенье — и рыбная гирлянда будет украшать не окно, а её шею... Жаль, подоспела хозяйка и ударила шкодницу полотенцем, согнав с окна. А у твоей хозяйки кошка есть?

— Нет,— с сожалением ответило Окно,— могу себе представить, как с ней весело было бы коротать долгие зимние вечера, слушать тихое мурлыканье.

— Ну вот и весенний дождичек на радость мне закрапал, — сказала весело Лужа.

— Как интересно! Мне кажется, туча, выпуская из себя капли воды, вновь их собирает в вашем отражении.

Так прошёл первый день знакомства Окна и Лужи. Затем следующий, и ещё, и ещё... Каждый прожитый день приносил им всё новые и новые открытия. Они так сдружились, что уже не могли прожить и дня, не общаясь.

Солнце светило ярко, суше становились дороги, тротуары... В повседневных разговорах Окно и не заметило, как его подружка Лужа становилась с каждым днем всё меньше, меньше, и однажды вместо неё Окно обнаружило на земле всего лишь небольшой непросохший круг. Напрасно оно ожидало дождика... Он прошёл, и не один, но Лужа так и не появилась. Все капли уходили в почву, нисколько не задерживаясь на поверхности. На улице вовсю хозяйничало лето.

— Как мне бесконечно одиноко стало без Лужи, — тоскливо произнесло Окно,— с исчезновением подружки совсем не с кем стало и словом перемолвиться...

Но тут на него упал Солнечный Луч. Спросил:

— Чем это ты так опечалено, Окно?

Окно честно призналось ему:

— Из-за солнца я лишился своей единственной подружки Лужи, которая высохла под его горячими лучами.

— Ну, брат, извини,— произнес весело Луч,— на дворе лето стоит. Придёт осень, пойдут дожди — и ты вновь увидишь свою подружку. Зато сколько сможешь рассказать ей интересного! Хочешь, теперь я буду заглядывать к тебе и делиться новостями своими?

— Конечно, Луч, если тебя это не затруднит,— обрадовалось Окно знакомству с новым веселым приятелем.

И теперь уже Солнечный Луч на целое лето стал другом любознательного Окна. Он оказался настоящим пронырой: забирался в отдаленные уголки дворов, проникал в квартиры, заигрывал с кошками и собаками и всё услышанное, увиденное приносил в рассказах Окну, которое внимательно запоминало их, чтобы при встрече с Лужей порадовать старую подружку.

— Скорей бы осень, — каждое утро шептало Окно...

— Ну вот и ещё день прошёл, — повторяло оно каждый вечер, подгоняя время.

И вот листья зажелтели, небо затянулось тучами и пошли бесконечные осенние дожди, и однажды Окно, проснувшись после одной из ночей, увидел Лужу...

О ЧЕМ ТЫ, СЕВЕР, ПОЕШЬ?

О чём ты, Север, поешь в своей колыбели?
О чистом, снимающем все грехи снеге?
О вихрях и пургах, сбивающих с ног?
Или о красных гроздьях рябины,
усыпанных снегом?
Ты, Север, поёшь о корявой сосне,
растущей на камне — владычице нашего леса.
О сиянии, посланном Богом.
О горах каменистых и мшистых
поешь ты, мой Север — земля моих предков.
А зеркальность озер с отражением гор и лесов!
Белоснежность фаты на зимних березках,
Клёкот чаек, зовущих в полёт...
Это — Север! Край суровый и нежный,
край черной полярной ночи и ясного летнего дня!..
Я росла, созревала, наливалася соком морошки,
я впитала всю твою красоту.
Дух мой креп и мужал,
а душа становилася чистой и нежной,
как у важенки в пору любви.
Всем меня осчастливил ты, Север.
За это поклон тебе низкий,
и сердце навеки остается с тобой.
Вот о чем ты, Север, поешь в своей колыбели!

Я – КОЛОКОЛ!

Я — колокол!
Это осознание пришло вдруг,
свыше, и уже не покидает меня.
Я — колокол!
Зовущий людей к миру, чистоте, Богу.
Я — колокол!
Я понимаю теперь,
что душа моя может посылать в мир
звуки набата, если она чем-то встревожена;
разливаться малиновым звоном,
если наполнена благодатью;
смеяться озорным колокольчиком,
если ей радостно;
глухо постукивать боталом
в раздумьях о мире.

Я — колокол!
И душа моя открыта миру...
Я — колокол! Ты — колокол! Он — колокол!
Какой звон несем мы в мир?
Благозвучный или дребезжащий,
резкий или мелодичный —
Все зависит от каждого из нас.

ЗАРИСОВКИ ОСЕНИ

Я ожила лишь только сегодня:
Увидела Осень — и взволновалась душа...

Зиму я чувствую, лето вдыхаю,
А осень увидеть должна.
И впрямь, Осень — чудо, подобное раю,
И я в этом чуде живу...

Откуда Осень похищает свои краски?..

А вот ещё один мазок осенний:
Салатом весь березкин верх обрызган,
Ну, а внутри — лимон!

Оранжевый листочек в руку мне слетел...
Я держу эту каплю Осени
И хочу постигнуть её тайну...

Издали смотришь и кажется,
что не деревья в Осень одеты,
а рассыпались морошковые поля....

И все же странно: солнце палит летом,
А огнем вспыхивают листья только в осень.

На пиру богов Осень съела лимон,
и от этого у нее желтеют листья.

Охра брызнула соком на летнюю зелень,
в Осень ее превратив.

А мох играет в догонялки.

Красота певучая, звонкая, дремучая...

Осень, рыжая песня, ты не хочешь звучать,
Ты не хочешь открыть мне свою партитуру.

Что ты сделала, Осень, со мною,
Что ж ты радости мне не даёшь...

Отраженная Осень рыдает
В чистой глади лесных озер.

Каждый раз с новой Осенью
Рождаюсь на свет и я.

Осень играет свою золотую свадьбу...
А может, это Солнце идёт под венец?
Осень – мокрая рыжая курица,
Ты стоишь, нахохлившись под дождём...

Облетел последний лист осенний,
И деревья предстали в своей наготе...
В межвременье им только и остается ждать мороза,
чтоб обрядиться в снежные шелка...

Осенью плачет природа,
Слёзы роняет с листа...
Как и душе человека,
Ей ностальгия близка...

Осень, ты подкралась тихо-тихо,
Нежно обняла, озолотила...

И весь ковёр земли усыпал листопад...

Оранжевое, желтое, лимонное...
Кроваво-красное цветение земли.

Кудрявая Осень, золотая красавица,
Мне ль тебе песни не петь...

Увези меня в Осень, мой милый,
Увези, утащи, укради...

Шелковистость берёз
В это бабье лето
Так волнует, так кружит меня...

И как мне Осени осенью не стало хватать,
Как томится и рвётся моё сердце на части!

Поседела трава-мурава,
И зимним холодом сразу подуло...

Я родилась весною перед Пасхой,
А счёт веду, когда приходит Осень!

И колокол ударил в слове Осень!

ПРОДАННЫЙ РЕБЕНОК

В младенчестве мама с бабушкой продали меня в чужую семью, чтобы сохранить жизнь, чтобы я не умерла, как мой старший братик Миша.

Есть у саамов такой обычай. Если дети в семье умирают, надо совершить обряд продажи. Продают за пятак первому встречному или в большую семью, где никто из детей не умирал. Тот, кто покупает ребенка, должен подержать его на руках и возвратить родителям. Считается, что настоящие родители его теперь взяли как бы на воспитание. Семь лет при этом надо хранить обет молчания. Таков обряд...

О БАБУШКЕ НАТАШЕ

Я бесконечно сильно люблю свою маму, считаю добрым другом, Ангелом-хранителем, но любовь к ней начала приходить в юности, а детство полностью заполняла бабушка Наташа. Она единственная тогда для меня была всем на свете. Может, поэтому я до сих пор не могу отделаться от вкуса запечённого бабушкой на дверке печки, чуть поджаренного с кровью оленьего мяса, шкур, запаха овец в клетях бабушкиного дома, её самой с косами, уложенными вокруг головы. Её любовь к себе я чувствовала даже в дыхании, в том, как крепко прижимала меня к себе, точно ограждая от всего плохого, враждебного, вкладывая в моё сознание всю силу своего духа, или нежно целовала в макушку, шепча благословение... Эти проявления любви и есть самые дорогие моему сердцу воспоминания о детстве, в котором я пребывала, пока жива была моя бабушка.

Как в те годы я любила Ловозеро! И ловозерцев — особенно лопарей. В моем детстве их никто саамами не называл. О том, что лопари есть саами, узнала, получая паспорт. Мама предложила записаться саами, мол, так будет легче в Герценовский институт в Ленинграде поступить. Жутко оскорбясь, отказалась: «Я что, недоразвитая, что по национальности скидки начну зарабатывать?» И записалась по отцу — русской. Так Русь с отцовскими генами вошла не только в кровь, но и в сознание.

НА ОЛЕНЯХ

Приехала я как-то в Ловозеро, а около бабушкиного дома упряжка. Олени холеные, красивые стоят, жвачку жуют. Оказалось, дядька Андрей Юрьев из тундры прикатил.

Нечасто удавалось мне дядьку в селе застать, вот за обедом и пристала к нему:

— Прокати на оленях!

Что делать, согласился, хотя с условием:

— Пускай бабка держит тебя, чтобы из саней не вылетела.

Выехали за село небыстро, почти шагом. Тут поднял дядька Андрей хорей — шест длинный-предлинный, тонкий, почти звонкий — правит, погоняет. И помчали олешки нас с бабушкой. Тундра! Простор! Только ветер в ушах! Далеко как! Вот уж и олени приустали — идут ровно, не мелькает хорей.

И вдруг... Что это? Вместо свиста в ушах — песня, дядька Андрей поет. Непонятно, по-саамски...

— Бабуля, а что дядька Андрей поет?

— Хорошо едем, поет, снег белый, какие у него добрые олени, на санях — гостья из Ревды с бабушкой своей, поет...

— Так и поет? — не верилось мне.

— Так и поет. Что видит, про то и поет, — бабушка прижимает меня к себе. — Все-то тебе знать хочется. Учи язык, много понимать будешь.

— Не замерзли еще? — оглядываясь, кричит нам дядька Андрей по-русски.

— Накаталась, поди-ко, девонька, — отвечает бабушка.

— Дядька Андрей, ну еще чуть-чуть, — умоляю я.

И опять взлетает кончик хорея и мчат олени — только снег из-под копыт. На санях — мы с бабушкой Наташей. Детство мое...

РЫБЬИ ГОЛОВЫ

Мне вспоминается, как бабушка Наташа учила нас есть рыбьи головы. Непростое это дело — искусство целое.

Когда саамы варят уху, в котелок или кастрюлю очень много рыбы закладывают, чтоб уха получилась наваристой, запашистой. Сварится — рыбу долой, отдельно на тарелку, ушицу — по кружкам.

Меня бабушка научала:

— Ты, внученька, головы больше ешь, умной вырастешь, потому как в голове рыбы самый ум сидит. Будешь головы рыбьи есть и сама умной станешь. Рыба для саама — жизнь! По ней можно узнать, как к тебе хозяева относятся, когда ты у них в гостях.

— Как, бабушка?

— Если тебе хозяева хвостик подали — нежеланна ты им, середку положили — уважают, но в душу к себе все одно не пустят, а уж если голову предложили, то здесь ты лучший гость. За своего тебя чтут.

Но не дай Бог кто-то голову взял, а съел плохо, бабушка сердилась, ворчала, убирала тарелку с недоеденной головой и подсовывала хвост.

— Надо, чтоб каждая косточка чистой была, просвечивалась...

Когда я делала все как надо, хвалила:

— Умница, вот теперь вижу, научилась рыбьи головы есть. Теперь ты у меня настоящая лопарка, как твоя бабушка.

— Нет, я русская, мне так папка говорил, а я вся в него.

Бабушка не сердилась:

— Пускай русская, а головы все равно, как лопарка, ешь. Мамка твоя лопарка, но есть так не умеет. А ты молодец!

ХЛЕБНЫЕ ГОРБУШКИ

Росла я девчонкой крупной. В пятом классе по росту маму свою догнала. Она у нас и правда «метр с кепкой». Саамские женщины вообще росточком маленькие. А уж как я ненавидела себя за то, что такой здоровой вымахала! В классе все девчонки как девчонки — маленькие, худенькие, одна я больше всех. Бабушка меня, бывало, успокаивала:

— Не переживай ты так, внученька. Рост, он свое возьмет, и перестанешь расти.

— Ага, жди, когда он свое возьмет. Я уж тебя переросла, с мамой сравнялась. А ты — не переживай! Что к десятому классу будет?

Да, рост этот самый никак не хотел останавливаться на достигнутом. И, главное, вот что обидно. Ела я совсем немного. Брат мой, худющий как спичка, ел больше меня, а все не толстел. Я же словно на дрожжах замешена была, наказанье одно.

Единственно, в чем себе никогда не отказывала, так это с бабушкой всласть почаевничать. Она самовар вскипятит, разольет в чашечки с блюдицами и зовет меня. Бабуля чай всегда из блюдца пила, чтоб не обжигаться, и я у нее тоже с блюдечка. Вот так сидим, чай потягиваем, присвистывая. На столе — сахар большими кусками, бабушка его щипчиками расколет и мне подсовывает, а вместе с сахаром — горбушки

хлебные. У нее зубы-то худые были, она даже мякиш — и тот в чае размачивала и приговаривала:

— Ешь, Надюшка, горбушки, титьки лучше расти будут. Они для женщин самое главное.

И опять чайком присвистывает да причмокивает.

Я при этих ее словах аж чаем захлебывалась. Эти самые титьки у меня с третьего класса полезли, а бабушка знай их словами подращивает больше прежнего. Для меня — стыдоба, ни у одной девчонки в классе ничего под платьем не выпирает, а у меня так наружу и просятся. Мальчишки и те заметили, выпялят глаза и смотрят на меня, как на чудо какое.

Ох и злилась я на бабушку за эти слова, потому как горбушки больше всего любила и уж в чем, в чем — в них себе не могла отказать. А бабушка знай себе подначивает:

— Ешь, внученька, горбушки, ешь.

— Это ты, бабуля, виновата, что они у меня такие! Это ты наращиваешь мне их своими приговорами. Я и так после каждой горбушки к зеркалу иду, смотрю, насколько они у меня прибавились. Хоть совсем хлеб не ешь!

После вечернего чая бабушка зубы свои вставные вынет, сполоснет, в платочек носовой завернет, положит в стаканчик, чтоб кто случайно не обронил, и беззубым ртом, улыбаясь, спрашивает:

— Ну что, внученька, будем сегодня титьки твои мерить али так спать ляжем?

— Чего уж там мерить? Я сегодня целых две горбушки съела. А ну их, бабушка, пускай растут!

— Спи, голубонька, спи, внученька, сон, он рост дает. С титьками во сне и сама вырастешь.

Эх, кабы сейчас прижаться к ней, забыть все проблемы, снять все заботы, оставить только одну, чтоб хлебные горбушки на рост титек не влияли...

А ведь эти самые горбушки я и по сей день люблю.

СМЕРТЬ БАБУШКИ

Я училась в пятом классе. Новогодние каникулы. Мы с братом шли домой с елки, веселые и счастливые. У подъезда нас подруга мамина тетя Маша Харченко встретила.

— Ребятишки, — сказала она, — мама с папой в Ловозеро уехали. Я с вами этой ночью побуду. Бабушка Наташа умерла.

Я еще продолжала улыбаться, затем засмеялась и только потом на весь двор закричала:

— Бабушка? Ты что, тетя Маша, дура? Бабушка не может умереть! Она нам ничего не говорила! Не верю! Жива она, жива! А ты, ты, тетя Маша, сама ты умерла, а не моя бабушка!

Смех и крик сменились истерикой. Напуганы были все соседи. Я лежала на диване ничком и никому не позволяла себя жалеть. Лишь изредка выкрикивая обиду бабушке за то, что умерла, не спросив разрешения и даже не предупредив меня. Счастье, которому, казалось, не будет конца в образе моей бабушки, улетело, не оставив никакой надежды на встречу. Тетя Маша причитала:

— Разве ж можно так убиваться, девонька? Все умирают. Ну, довольно, довольно, поплакала и будет.

В тот момент я ненавидела ее больше всего на свете. Мне казалось, что это именно она виновата в смерти бабушки. И зло, огрызаясь, истерзанная рыданиями, выкрикивала ей:

— Плакала и плакать буду!

Дальше все было как во сне: помню длинную комнату в бабушкином доме, посредине которой стоял гроб, и в нем совсем непохожую, чужую бабушку. В новогоднюю ночь она пошла поздравить с праздником соседей. На улице случился сердечный приступ. Все отмечали новый 1969 год, сразу никто не хватился. Она замерзла.

Нас с братом подтолкнули к гробу. Меня охватил жуткий страх. Я не только поцеловать ее не смогла, дотронуться до нее боялась. Когда бабушка падала, ушибла нос, и теперь он казался неестественно синим. Это поразило меня больше, чем страх, и я у кого-то спросила:

— Разве у бабушки нос теперь никогда не заживет?

На меня шикнула какая-то старуха, а мама начала громко плакать. Из моих глаз не выкатилось ни одной слезинки: наверно, ночью, в день известия, все выплакала.

Когда стали заколачивать гроб и мама бросилась на него, обнимая и рыдая, мне стало стыдно за нее и нестерпимо жалко. Еще минута — и я чувствовала, что заору так, чтоб только заглушить все всхлипы и причитания.

Не чуя под собой ног побежала с кладбища. Наконец силы меня оставили, и, схватившись за железную ограду, заскулила, завыла, словно раненый зверь. Так близко смерть я увидела впервые, моя душа не была готова этого принять. Меня нашли у кладбищенских ворот.

Очнулась уже на поминках, в бабушкином доме. В той же комнате, где совсем недавно лежала бабушка, теперь стоял стол буквой «П», а над ним, занавешенное черной шалью, зеркало. На столе много еды и водки.

Детей покормили и уложили спать на бабушкину постель, которая отделялась от общей комнаты яркой ситцевой занавеской. Нелепость этой занавески в кричащий цветочек никак не вязалась с печалью людей, поэтому, наверно, так врезалась в мою память.

После бабушкиной смерти мама перестала отправлять нас в село. Дед Иван запил, тоскуя по бабушке, и через два года умер... Не сохранился и бабушкин дом.

Когда я бываю в Ловозере и натыкаюсь на то место, где некогда он стоял, где я была счастлива, нестерпимая тоска охватывает меня, и в эту минуту хочется оказаться возле мамы, уткнуться ей, как в детстве, лицом в подол и выплакаться.

ГЛАВА ИЗ РОМАНА «АЛХАЛАЛАЙ»

XIII

За лето нагулявшие тело самцы-хирвасы вступали в ожесточенные схватки друг с другом за обладание важенками. Сильные быки старались угнать от соперников «кусок» олених побольше. Хирвасы бились не на жизнь, а на смерть, и, если кто-то побеждал, по тундре проносился трубный зов, оповещавший остальных оленей о победе сильного над слабым. В это время хирвасы забывали о стаде, о том, что его необходимо держать в подчинении. Теперь главной заботой было отбить у соперника как можно больше важенок. Так в одном «куске» их могло насчитываться от пяти до двадцати. И каждый хирвас охранял сейчас только их, хоть от волка, хоть от человека. Любого, посягнувшего на самок, олень мог забить до смерти.

И кто мог знать, что после жертвоприношения случится несчастье.

— Белый День, Белый День!!

Ссутулившись и запинаясь о камни и кочки, дед Анкасай бежал, поднимаясь на горушку к куваксе нуэйта, и, задыхаясь, скрипуче кричал:

— Белый День, Белый День, беда...

Нуэйт только собирался раздуть в очаге огонь. Услышав зов старика о помощи, распахнул полог и появился нос к носу перед Анкасаем. В глазах старика застыли страх и отчаянье.

— Внук... Его хирвас рогом, поди-кось, прямо в бок... Помоги.

— Где?

— У обгорелой сосны на взгорье. Поспешай, Белый День, помоги внуку.

Старые ноги подвели старика, и он на дрожащих коленях опустился на то место, где только что стоял нуэйт Белый День. Анкасай, пошатываясь из стороны в сторону, возносил молитву всем пришедшим на ум богам, чтоб те не оставили его внука без помощи.

Так уж сложилось в жизни Анкасая, что жена рожала ему много детей, но выжить сумел один, да и тот, оставив отцу с матерью внука Ярашку, вместе с женой утонул на озере в шторм. Казалось, это конец. Но Ярашка сумел растопить замерзающие от горя сердца стариков.

Весна в тот год пришла ранняя и бурная, на деревьях быстро набухли почки, того гляди лопнуть должны и явить миру свои липкие, соч-

ные листочки... Но вдруг в самый весенний разгар тундру вновь обдало ледяным холодом. И, несмотря на готовые распуститься почки, ветви деревьев еще недели на две остались стоять не опушенные листвой. Случилось вновь выглянуть солнышку, и вербочки тут же откликнулись на его призыв — раскрылись почки и явили на радость людям свои лохматые, мягкие, толстые «шмелики»-сережки. А когда на карликовых березках несмело зазеленели первые листочки, сердце Анкасаю порадовал еще и внук, сделав первые шаги.

— Ярашка, внучок, а ну давай, поди-кось, беги к аййе, — лицо Анкасая смешливо морщилось в улыбке, а навстречу малышу протягивались мозолистые, еще крепкие руки. — Элл-ла, элл-ла! — цокая языком, подбадривал малыша старик.

Ярашка, будто осознав значимость первых шагов, поначалу зашатавшись, сумел все же удержаться и твердо начал переставлять ножки. Переваливаясь, словно шагая по топкому болоту, он так и дотопал до объятий деда.

— Старуха, мать, поди-кось, не видала чего! — крикнул Анкасай жене, хлопотавшей у очага. — Радость у нас! Ярашка заходил!

Рос Ярашка пареньком крепким. В десять лет уже и оленя мог заарканить, правда, силенок не хватало еще удержать. И вдруг на тебе, свалилась на Ярашку болезнь. Кашлем с ног сшибла. Паренек таял на глазах.

Анкасай тогда чуть умом не тронулся. Внук был совсем плох, но нашлась-таки бабка-знахарка, отваром сосновой смолы подняла на ноги мальчонку. А тут — опять напасть. Не мальчишка — парень, а туда же, посмотреть решил: сколь силен их хирвас Смоляной лоб, сколь вокруг себя важенок собрал. Будто не знал, что хирвас страшен, когда гуляет, — не подпустит близко ни хозяина, ни врага.

Анкасай покачивался из стороны в сторону, совсем не замечая, как вокруг собрались сочувствующие горю старика люди. Ближе всех подошел Томаско. Дотронулся до плеча Анкасая, сказал:

— Не буди горем духов темной ночи. Белый День силен, он поможет твоему внуку выкарабкаться из тумана смерти. В жизни всякое приходится хлебнуть.

* * *

Нуэйт нашел истекающего кровью Ярашку в глубоком забытье. Как и говорил Анкасай, он лежал возле горелой сосны. Не медля, Белый День призвал на помощь Пассь вуйнас — святых духов — и остановил кровь. Трогать парня еще было нельзя. Необходимо выждать время, чтобы лучше затянулись разорванные оленьим рогом кровеносные сосуды. Нуэйт присел около Ярашки, размышляя, чем быстрее привести парня в чувства. Решил, что только отвар сосновой и еловой смол луч-

ше всего должен помочь при восстановлении необходимых жизненных сил молодого организма.

Вдруг совсем близко раздался хруст сухого валежника и хорканье хирваса.

Смоляной лоб (а это был он) обходил свою территорию. Унюхав человеческий запах, захоркал сильнее и направился прямо в сторону нуэйта.

Белый День в момент оценил опасность положения. Ему не хотелось, прожив жизнь, как водопад, умереть, как комар, потому хоть и считал себя крепким мужчиной, но с обезумевшим от сражений за важенок хирвасом ему сейчас было не справиться. А выходить на путь нуэйтье времени нет. Требовалось другое решение. Белый День собрал всю энергию и направил её первому попавшемуся поблизости оленю, вызывая его на поединок со Смоляным лбом. И когда между человеком и хирвасом осталось всего несколько шагов, из леса, громко хоркая, выбежал другой хирвас, достойный по силе Смоляного лба.

Смоляной лоб резко развернулся к посягающему на его владения быку. Низко наклонив головы и выставив вперед рога, хирвасы медленно двигались навстречу с единственным желанием победить соперника. Сначала подступали друг к другу боком, примериваясь, но момент — и в диком ударе столкнулись рогами. Закружились, стараясь вырвать рога из пут, которые сами сплели ударом. Сейчас они исполняли самый боевой из своих танцев. Вновь тупой удар лбами, и оба уже стоят, злобно хоркая и храпя, друг против друга. Глаза налились кровью, с губ на мерзлую землю падала пена. Мускулы животных напряглись, животы подтянулись, шеи налились силой. Удар! Рывок, и вот уже рог пришельца проткнул бок Смоляного лба, который, захрипев и брызгая во все стороны кровью, стал опускаться на колени. Победитель гордо стоял перед противником, издавая трубный зов. Он смотрел на раненого соперника всего миг, затем, переведя взгляд в сторону человека, как бы передавая ему право последнего удара, ломая кусты, скрылся из виду.

Белый День, поняв и приняв призыв оленя-победителя, подошел к Смоляному лбу, достал нож и, чтобы животное не страдало, резким движением перерезал горло. Опустившись на колени перед поверженным оленем, нуэйт подумал, как же близка иногда расплата за содеянное. Часом раньше этот хирвас проткнул рогом Ярашку, сейчас — лежал мертвым сам. И в его памяти встал боец, гордо трубивший победу. Белый, с черными ногами, будто в тобэрки* обутыми, с черными дугами над глазами, он запал в душу нуэйта. Восхищаясь хирвасом, Белый День сказал оленю Ярашки: «Ты, брат, силен, да только на твою силу другая сила нашлась, — и уже добавил сам себе, — надо бы узнать, кому принадлежит тот красавец».

---

* *Тобэрки* — повседневная обувь саама, высотой до бедер, шилась в основном из темного меха ворсом наружу.

Нуэйт подошел к Ярашке, осмотрел его и, бережно подняв парня на руки, понес в становище. Навстречу уже бежали несколько парней саамов с наспех сооруженными носилками и шкурой для раненого. Самого молодого нуэйт послал в становище сообщить об убитом олене.

Когда раненого внесли на поляну, все уже знали о происшедшем. Нуэйт распорядился нести парня в свою куваксу. Дед Анкасай бежал навстречу, смешно перепрыгивая через кочки и что-то шепча себе под нос.

Над Ярашкой столпились люди. Белый День попросил всех покинуть жилище, даже бедного Анкасая. И только когда медное солнце закатилось за гору, а темнота стала резко опускаться на землю, выглядывая, сказал старику и тем, кто из любопытства или сострадания оставался еще здесь:

— Будет жить твой Ярашка, Анкасай. Но священный танец в этом году ему не танцевать.

— О, боги, — взмолился Анкасай и упал перед нуэйтом на колени. — Главное, поди-кось, мальчик жив! Танец и в следующую пору Коллкэмманн станцует. Главное — жив!

Люди радостно похлопывали старика по плечу, желая его Ярашке быстрого выздоровления, расходились по своим коавасам. Анкасай последовал за нуэйтом, чтобы посмотреть на внука.

— Ты, Анкасай, можешь ночевать у меня, рядом с Ярашкой, — сказал нуэйт и стал разливать в чашки горячий чай. — Завтра, чуть силы у него восстановятся, заберешь к себе. Он крепкий парнишка и потомство тебе родит крепкое, как тот самец-хирвас в черных тобэрках. Не знаешь, случаем, чей?

— С черными дугами над глазами? — спросил у нуэйта успокоенный дед.

— Он!

— Значит, Чорныш сломал гордый норов Смоляного лба? Вот оно, поди-кось, что получается. Чорныш — деда Томаски олень. Сам-то белый весь, а вот прозвали же его Чорнышем. Томаско сказывал: трудно родился, ногами шел. Вот как ноги-то его увидели, сразу и нарекли Чорнышем, а уж когда сам вышел, имя решили оставить. Дед Томаско нынче совсем старый, поди-кось. После праздника за озеро собрался. Оленей у него хоть немного, но все породистые. Он здеся с внучкой Варван. Дева хоть куда — кругла, востроглаза, да пуста, говорят. Их Чорныш. В сердце, что ль, запал тебе?

— Пожалуй, запал, — произнес задумчиво Белый День.

— После праздника с дедом сговориться, поди-кось, можно будет, — подмигнув выцветшим глазом, полушепотом произнес Анкасай. — Хочешь, я сам поговорю об ем?

— Нет! Время торопить — ничего не получить. Духи не велят посягать на добро других. То добро, что мне предназначено, само придет, а что хитростью или силой возьму, сквозь пальцы утечет, мне ж лишь худо будет. Спасибо за заботу, старик.

— Пора, поди-кось, спать, человече, — словно и не заводя разговора о Чорныше, сказал Анкасай. — Поди, еще дважды по шесть дней ждать, пока хирвасы не обгуляют важенок. В честь того, что Ярашка мой жив остался, веселый праздник устроим!

— Ты, Анкасай, поешь чего. За внука переживая, весь день голодным сидишь.

— Не сказал бы, так и не вспомнил, что за день ничего не ел.

Белый День подал старику миску с отварными малопросольными сигами, да и себе несколько штук положил — тоже с утра ни кусочка во рту не было.

— Сижки и в самый раз на пользу пошли. А слыхал ли ты, Белый День, луввьт про то, почему человеку так много трудиться в своей жизни приходится?

— Сразу и не припомню.

— А я тебе скажу. Позвал Иммель-аййя к себе человека и спрашивает:

«Тебя, человече, кормить раз в день?»

«Мало», — отвечает человек.

«Два?»

«Мало».

«Три?» — спрашивает удивленный Иммель.

«Мало», — говорит человек.

«Ну, если тебе все мало, то и трудись в поте лица на свой живот».

Старик хихикнул, отделяя мясистую часть рыбы от кости.

— Хочешь кушать — потрудись, поди-кось, так Иммель нам велел.

— Замечательная луввьт, старик, запомню. А теперь перекусили — и поспать можно. Впереди много работы предстоит. Лучи солнца ясность голове дают, тяжелые мысли с ночью отходят, так что давай-ка отдыхать, — сказал нуэйт, подбросив в огонь сучковатую чурку.

ИРАИДА ВИНОГРАДОВА

ИРАИДА ВИНОГРАДОВА

Ираида Виноградова (1937– 2004) – поэтесса. Автор семи книг: «Мун каньц» (1991) на саамском языке, «Мун каньц» (1994) на саамском и северо-саамском. На этих двух языках вышли ее книги «Чиллк Кайв» (2003) и «Миннькай» (2003). Оленегорское литературное объединение «Жемчуга» выпустило ее авторские сборники «Чистые родники» (1997) и «Азбуку в стихах» (1997). В 2012 вышел ее сборник «Стихи. Избранное».

Стихи Виноградовой напечатаны в коллективных сборниках «Дары тундры» (1993), «Стихи для детей» (1997), «О жизни» (в переводах Юрия Кудинова, 1997), «Здесь начинаются дороги» (2001), «Стихи для детей» (в переводах Владимира Смирнова, 2003). Стихи переведены на русский, северо-саамский, норвежский, шведский, финский.

Чистые родники Ираиды Виноградовой

Александр Степаненко, автор книги «Расстрелянная семья», представляя в газете «Полярная правда» Ираиду Виноградову, писал так: «Многообразен ее талант: народный целитель, педагог, ученый, исследователь йоканьгского диалекта саамского языка, поэтесса, песенница». Ираида Владимировна являлась продолжательницей дела родной сестры – Октябрины Вороновой, которой посвящены ее стихи «К 50-летию сестры Октябрины» (1984) и «Ока» (1995):

Ока, Ока, Октябрина,
Здравствуй, милая моя!
Это я, твоя Ирина.
Слышишь ли, сестра, меня?
Знаю, слышишь меня, слышишь
И ведешь, ведешь, любя,
По судьбе все выше, выше,
Поднимая до себя...

Теплы ее воспоминания о сестре, правда, с ноткой грустинки, пронизанные нескрываемым душевным одиночеством: уже нет в живых деда, бабули, родителей, сестер Тамары и Октябрины, племянника Алексея, сына Октябрины, тех, кто был так дорог ее сердцу... Отсюда и строки: *«Дай-то Бог, родная Ока, / Быть тебе живой водой... / Только как мне одиноко / Так вот – без тебя с тобой...»*.

Ираида, или Ирина Владимировна Виноградова, родилась 10 марта 1937 года в деревне Чальмны-Варрэ. После школы вслед за старшей сестрой Октябриной в 1956-м поехала учиться в институт Народов Севера. Училась на химико-биологическом факультете. Будучи от природы пластичной и музыкальной девушкой, занималась танцами и, как Октябрина, спортивной гимнастикой, став кандидатом в мастера спорта. Освоила профессию преподавателя физкультуры. В 1957 году на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве стала лауреатам в танцевальных программах. Танцевала в ансамбле «Северное сияние». Ее танцами были «Оленья упряжка», «Рыбки», танец «Тюленя», другие. Окончив в 1961 году институт, вышла замуж за спортсмена-гимнаста Анатолия Виноградова, родила двух сыновей.

После института работала преподавателем физкультуры в Зеленоборской школе-интернате Кандалакшского района, в Мончегорске, в Череповце, Оленегорске. Заслужила звание мастера спорта по спортивной гимнастике.

Еще в институте Ирина баловалась сочинительством и нередко в студенческих газетах печатала свои стихи. В основном это были стихи-поздравления, по-

священия. После института нет-нет да напишет кому-нибудь к юбилею вирш. Как, например, стихотворение, посвященное Аскольду Бажанову:

Красивый, строгий, сухопарый
И вечно, вечно занятой...
Как полыхают страстным жаром
Девчонки-зори над тобой!
Стоишь, саамский наш глашатай,
В задумчивости на скале.
Олень наш белый, наш вожатый,
Веди нас в заполярной мгле...

После творческого вечера Октябрины ей пришла мысль: а почему бы и самой не попробовать заниматься литературным творчеством серьезно, как сестра, которая не раз подталкивала ее к этому словами: «Пиши, пиши, пора уже и серьезно подумать о стихах, хватит только поздравлениями заниматься»? И Ирине захотелось рассказать своему народу, а что она думает о жизни, любви к родному краю, поделиться своими радостями и горестями.

Встречая воскресное утро,
Гагара устало кружит,
На милую старую тундру
В печали глубокой глядит...

Октябрина, по словам Ираиды, попросила написать сестру стихотворение к своему творческому юбилейному вечеру для композиции, где рассказывалось о детстве первой саамской поэтессы. Ирина тут же откликнулась на просьбу. И вот появилось веселое стихотворение-песенка «Минькай», как называли Октябрину в детстве:

Наша маленькая Минькай
Любит петь, плясать и прыгать.
Минькай весело кружит
Нету сил остановить.
Вот так!
— Хватит, доченька, кружиться,
Надо бы угомониться, —
Дочку попросила мать.
Только Миньку не унять.
Вот так!..

Детских стихов у Ираиды Виноградовой много. В 1991-м в Мурманске выходит в свет ее первый сборник для детей на саамском языке «Мун каньц». Затем ее детские стихи появляются на русском языке в переводе Александра Мила-

нова в коллективном сборнике «Дары тундры» (1993). И, наконец, в Норвегии в издательстве «Северная книга» дублируется «Мун каньц», за которую от Союза саамов Ираида Виноградова получает литературную премию.

Для перевода свои стихи она отдает в Оленегорское литературное объединение «Жемчуга» Юрию Кудинову. Появляются большие подборки в сборниках 1997 года «Стихи для детей», «О жизни», персональные сборники «Азбука в стихах» для детей и «Чистые родники» в переводе Юрия Кудинова. Вошло в этот сборник и ее стихотворение, посвященное родной деревне Чальмны-Варрэ: *«Помню я свою деревню / Чальмны-Варрэ и Поной, / Родники округи древней / С чистою живой водой...»*.

Из всех стихов Ираиды наиболее образными являются стихи, посвященные природе, родным поэтессы... Корреспондент газеты «Мурманский вестник» Галина Дворецкая в статье «Без тебя с тобой»* пишет: «Тундра, родные просторы представлены в ее стихах кружащимися в небе вольными птицами, быстроногими оленями, родниками округи древней, речкой детства, черничным морем, красной смородиной, белой лилией... Образы природы смело использует в метафорах. И как точно и сильно это у нее получается: «В том болотистом ягодном крае моя юность морошкой сгорает», или женские руки сравнивает она с белыми крылышками чайки, порхающими в вечной заботе. Пишет о том, как живой мир готовится к весенним переменам:

А куропатка и сова
припрячут белые халаты
и в темных потайных шкафах
возьмут попроще
и в заплатах...

С любовью и признательностью пишет она о верных помощниках саамов — оленях, не зря же лопарей издавна называли оленными людьми: «В снежной тундре, в царстве елей много северных оленей. Все красавцы гордые, словно ночи — черные, словно вьюги — белые, словно тундры — пегие». С теплой улыбкой рассказывает о молодецкой саамской удали:

Ой, наши парни,
саамские парни
по селу гурьбой пошли,
возле избы да читальни
песни с пляскою завели...

Образ птицы, парящей в небе, у Виноградовой один из любимых. И поэтесса силой воображения взмывает вместе с ней вверх, чтобы оттуда взглянуть «на леса, на далекие сопки и горы, на знакомые с детства озера, где когда-то мы рыбу ловили...».

---

* Дворецкая Г. Без тебя с тобой // Мурманский вестник. — 2012. — 16 марта.

В 2003 году краеведческим отделом Мурманской областной детско-юношеской библиотеки была выпущена книжица переводов поэта Владимира Смирнова «Стихи для детей», куда вошли и три перевода стихов Ираиды Виноградовой: «Настенька», «Котенок» и «Мой дед».

Оговорюсь, что переводить с саамского на русский язык архисложно. Структура построения предложений, возникающих образов многообразна, если только для одного слова «снег» у саамов имеется сорок синонимов. Надо быть тонким поэтом, хорошо чувствующим состояние души пишущего, таким, как был Владимир Смирнов, переводчик Октябрины Вороновой, чтобы не сфальшивить, не заменить саамское восприятие мира русским, донести до читателя мудрость древнего народа, передаваемую потомкам.

Помимо увлечения стихами, Ираида Владимировна Виноградова серьезно занималась составлением словаря йоканьгского диалекта и еще при жизни признавалась, что, работая над ним, открыла для себя новый, отличимый от йоканьгского, так называемый понойский саамский говор, на котором говорила мать Ираиды Владимировны Клавдия Григорьевна Матрехина, многие другие саамы, выходцы из Поноя.

Здравствуй, речка далекого детства
И родные твои берега!
Никуда от тебя мне не деться —
Ты себя для меня сберегла.
Ты по-прежнему так величаво,
Так спокойно глядишь на леса
И степенно плывешь, словно пава,
Примеряя к себе небеса.
Мне твоей бы напиться водицы
Да вступить вновь в шальную волну!
Что ж, прими, я — все та же девица,
Если в счет не возьмешь седину.

Написаны ею саамско-русский и русско-саамский словарь для детей начальных классов на кильдинском диалекте, правда, к сожалению, пока в единственном экземпляре.

А к 75-летию поэтессы в марте 2012 года увидел свет новый сборник Ираиды Виноградовой на русском языке «Стихи. Избранное», изданный фондом сохранения и поддержки культуры Севера «Варзуга», удачно проиллюстрированный талантливым художником из верхнетуломских саамов Василием Воробьевым. Он не понаслышке знает жизнь родного народа, а «...поэтому рисунки его точны, органичны, созвучны стихам»*. В Оленегорске и Мурманске прошли презентации, собравшие многих почитателей творчества саамской поэтессы.

Умерла Ираида Владимировна 1 января 2004 года в Оленегорске, где и похоронена.

Надежда БОЛЬШАКОВА

---

* Дворецкая Г. Без тебя с тобой // Мурманский вестник. — 2012. — 16 марта.

Ираида Виноградова

ГАГАРА

Встречая воскресшее утро,
Гагара устало кружит,
На милую старую тундру
В печали глубокой глядит:
Хотела б водицы напиться,
Да чистых озер уже нет;
И рыба в воде не искрится,
А значит, голодной лететь;
Повсюду охотничьи ружья
Да выстрелы — злобно, навзлет...
А много ли страннице нужно? —
Отчизну, что любит и ждет.
Но любит ли, ждет ли гагару
Такая вот, страшная, тундра?..
И плачет застывшее утро
Со странницей-птицей на пару.

БОЛЬШОЙ МЕДВЕДЬ

От обиды готов зареветь
Большой полярный медведь.
Он живет среди торосов —
С кем дружить?
Вопрос вопросов.
Он скатает снежный ком,
Поиграет с ним вдвоем.

МОЙ ДЕД

У меня чудесный дед,
Видел он немало бед,
Но сломать, как ни хотели,
Они деда не сумели,
Дедка — труженик большой,
С тундрой сросся всей душой.
Он пасет оленей ловко —
Опыт есть и есть сноровка,
Он аркан сплести мастак,
Все горит в его руках.
Я люблю всем сердцем деда,
Добротой его согрета.

СНЕГОПАД

Какая белизна!
Нам послан снег с небес.
Он тропы порошит
И бок соболий белит —
Как будто чистый свет
Спускается на лес,
Так ласково ложась
На лапы сонных елей...
Как зорок глаз зимы!
Однажды кинет взгляд —
И беспредельный край
Застынет в одночасье.
И, словно в первый раз,
Нисходит снегопад,
Искристой пеленой
Над тундрами качаясь...

В ЛЕСУ

Мне брусничные поляны
Вновь лукошко наполняют.
Мне бы ягод поднабрать...
После буду отдыхать!

ЧИСТЫЕ РОДНИКИ

Помню я свою деревню —
Чальмны-Варрэ и Поной,
Родники окрути древней
С чистою живой водой.
Нет и не было им счета,
Светлым лучикам добра,
И всегда они в почете
Были. Помню, как вчера —
Родники оберегали,
И за каждым был пригляд:
Их камнями обрамляли
Все саамы — стар и млад.
И за нашею водицей
Приезжали с дальних мест.
Пьешь ее — и не напиться!
Это знали все окрест.
Каневцы и краснощельцы
К нам съезжалися гурьбой
Только лишь с одною целью —

За живительной водой.
На свое здоровье пили
Соки матери-земли.
Потому так долго жили
Наши предки, как могли...
И сейчас стоит деревня —
Три избы на все село,
Да и те настолько древни —
Стены мохом обнесло.
Но стоит, стоит покуда,
Хоть пытались погубить...
Вновь съезжаются тут люди,
Чтоб водицы пригубить.
И зовут все по старинке
Чальмны-Варрэ те края.
Удержалася, былинка,
В снежной тундре затаясь.
На последнем-то дыханье
Принимает пришлый люд,
Исполняя все желанья —
Все, какие не дадут.
И рыбак здесь, и охотник,
Травник, ягодник, косарь —
Все, кто до даров охотник,
Кому времени не жаль.
Нетели пасутся кони,
Овцы лето напролет.
Осень лишь деревья тронет —
Всех отсюда увезут.
И опять уснет деревня
До весны спокойным сном,
И ключи, лишь Богу внемля,
Вспомнят снова о былом.
Часто-часто я тоскую
По заветным тем местам:
Мне б водицу ключевую
Поднести к своим губам.
Лишь глоточек родниковой,
Той, живительной воды,
Чтоб та нежною рукою
Отвела вновь от беды.
Я бегу, лечу на крыльях
К ним, любимым родникам,
Каюсь им во всем, что было,
Припадая к их волнам.
И потом веду беседу

Долго с ними тет-а-тет,
Радости свои и беды
Расскажу — и жду ответ.
В отражении зеркальном
И они нашепчут вновь
О годах мне, про усталость,
И о тайнах вещих снов...
И я пью без передышки
Ту водицу из ключа,
Обжигаясь, до одышки —
Так морозно горяча!
Я целую ее вечность,
Память девичью мою:
— Вы бегите бесконечно
В даль далекую свою,
Струйки благодатной влаги!
Напоите тундру-мать,
Ведь для этого отваги,
Знаю, вам не занимать!
Пусть целебными вновь будут
Солнце, ветер и земля!..
И вода не часто студит
Холодком своим меня...
Он течет, бежит куда-то
Светлой струйкой ручеек.
Свидимся ли вновь когда-то?
Слишком путь к тебе далек...

СПАСИБО, РОДНАЯ

В небе вольная птица кружится...
Мне бы следом за ней устремиться
И взлететь к облакам в небеса!..
Чтобы сверху взглянуть на леса,
На далекие сопки и горы,
На знакомые с детства озера,
Где когда-то мы рыбу ловили.
Как недавно, давно это было...
Мне взглянуть бы на тундры родные
И кружиться, кружиться над ними!
В том болотистом ягодном рае
Моя юность морошкой сгорает...
Мне взлететь бы на синие горы,
Где черничное плещется море,
Где с любимым когда-то гуляла,
Только тропка моя затерялась...

Мне бы ввысь ветерком устремиться
И над тундрами долго кружиться,
чтоб увидеть Отчизну до края
И сказать ей: «Спасибо, родная!»

БАБУЛЯ

Бабушка-бабуля, милая моя!
Что же ты, бабуля, бросила меня?
Трудно мне, бабуля, без тебя одной,
Где же ты, родная? Приходи домой.

Напеку блинов я. Закипает чай —
Посидели б снова тихо при свечах,
Отогрели б чаем душеньки свои...
В двери постучали — может, это ты?

Нет, мне показалось — тихо все кругом,
Я сижу, печалясь думой об одном:
Если ты не в силах до меня дойти,
Я бы навестила — только позови!

Я бы пригодилась — многое могу:
У тебя училась, значит, помогу.
Пожила б немножко рядышком с тобой...
Где ты? Ради Бога, отзовись, друг мой!

МОЙ УРОК

Прости мои слова —
Пишу без пышных фраз.
Остры порой они
И бьют не в бровь, а в глаз.

Но друг меня поймет,
Поймет меня родня.
Ведь в слове том живет
Не злость — любовь моя.

Нельзя нам без друзей:
Мы с ними лишь сильней.
Коль в дружбе нет цепей,
Тогда она верней.

Так помоги мне, Бог,
Простить обиды груз.
Нелегкий мой урок,
И я всю жизнь учусь.

ОКА

Ока, Ока, Октябрина,
Здравствуй, милая моя!
Это я, твоя Ирина.
Слышишь ли, сестра, меня?

Знаю, слышишь меня, слышишь
И ведешь, ведешь, любя,
По судьбе все выше, выше,
Поднимая до себя.

Ты поешь, не умолкая,
На сторонке на родной,
И спасибо, дорогая,
Что была и есть со мной.

Лучиком во мгле остаться
Ты хотела на земле,
А сама, как солнце, встала
И согрела всех в селе.

Тихим словом, лаской нежной
Тешишь ты всю жизнь мою,
Потому я вновь, как прежде,
Рядышком с тобой стою.

И идут, идут потоком
Люди добрые к тебе,
И земли живые соки
Стих твой дарит мне везде.

Дай-то Бог, родная Ока,
Быть тебе живой водой...
Только как мне одиноко
Так вот - без тебя с тобой...

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ ИЗ «АЗБУКИ В СТИХАХ»

Буква А, как чум, стоит,
Вход в тот чум для всех открыт.
Приглашают в гости нас
В нем арбуз и ананас.

Радость в доме иль беда —
С нами буква Д всегда,
Как Полярная звезда,
Душу греет в холода.

Мы на новогодней Ели
Букву эту разглядели,
А настал полярный день —
Эту букву съел олень.
Радость светлая и мудрость
С солнышком приходит в тундры.
На земле моей родной
Буква Р всегда со мной!

Много слов на букву С:
Солнце, сети, свет и лес,
Сон, сапог, сосиска, слово...
Вы продолжить их готовы?

Эта буква любит Труд,
Потому ее все чтут.
В тундре надобно трудиться —
С ней иначе не ужиться.

Дедушка мне сделал сани,
Легкий смастерил Хорей.
Жаль, что снежного бурана
Нету в комнате моей.

У саамов слов немало,
Но как долго я искала
Букву Ща — и вот нашла:
Щель и щепку назвала.

Перевод с саамского языка Ю. Кудинова

СКАЗКА

На берегу Черного моря жила-была девочка с добрым сердцем. Внешне она не отличалась от своих подружек. Но Бог наделил ее лучшими человеческими качествами.

У своих родителей девочка была первой и желанной. Назвали они ее Александрой, и означало имя это — защитница людей. Родители очень любили дочку и ласково называли ее Санечка. Покрестили в церкви и с Божьей помощью растили, как могли. Родители были добрые, простые, сердечные люди. И Санечка, глядя на них, перенимала все доброе, нужное и полезное своим маленьким сердцем.

Подошла пора ей отправляться в школу. Семья хоть и бедно жила, но счастливо. Повели родители Санечку в школу, где ей очень понравилось, и стала она старательно учиться писать, читать, считать.

Незаметно пролетели годы, как девочка подросла, выучилась, и хоть родителям было нелегко, они помогали Санечке получить специальность, и Саня сама стала зарабатывать на себя, а вскоре ее стали называть невестой, потому как влюбилась она в молодца, что был старше ее на десять лет, а звали его так же, как ее. Александру Санечка очень приглянулась, понял он, что в лице Санечки встретил надежную подругу. Назначили молодые день свадьбы и поженились. До свадьбы невеста еще сомневалась: ведь жених-то старше ее на десять лет, сможет ли понимать ее. Но в первые дни совместной жизни поняла: ей нужен был именно такой муж и друг. И стали они жить-поживать, сами себе добро наживать.

Очень красивой и крепкой любовью любил Санечку Александр, да и нельзя было ее не любить, ведь она всегда перед ним по стойке смирно стояла и выслушивала каждый его совет. Слово мужа — закон для жены. Муж не ошибся в выборе, Санечка стала заботливой, доброй хозяйкой и женой. Жили они жили, и родился у них сын. Пуще прежнего взволновалась Шурочка, так теперь стал называть Александр свою хозяйку, жену, мать сына своего. А у Шурочки опять волнение в душе — сможет ли хорошо сына воспитать? Голос души подсказывал ей: «Сумеешь! У тебя же такой любящий муж».

Шурочка часто вспоминала своих родителей, которые посеяли в ее сердце самые добрые, самые светлые семена любви. То же старалась передавать она и сыну своему. Помогал и муж.

Шли годы, рос первенец. Оба родителя крещеные, в силу живого Бога верующие, силу природы, свою собственную. И выучили сына хорошего, красивого, умного. Трудно было, но справились, а иначе и быть не могло.

ЭЛЬВИРА ГАЛКИНА

ЭЛЬВИРА ГАЛКИНА

Эльвира Галкина (1965) – поэтесса, песенница. Автор пяти книг: «Пейййвьесь пейййв» (1991, на саамском языке), «Пейййвьесь пейййв» (1994, на саамском и северо-саамском). На этих двух языках выходит в свет и ее следующая книга – «Тассьт нийта» (1998). А уже в 2009-м – сборник стихов на русском языке «Путь домой», в 2010-м – повесть на русском языке «Пяйви».

Стихи Галкиной на русском языке печатаются в сборниках «Дары тундры» (1993), «Здесь начинаются дороги» (1999, 2001), «Стихи для детей» (2003) в переводах Владимира Смирнова.

Произведения Эльвиры Галкиной переведена на саамский язык (кильдинский диалект), северо-саамский, норвежский, шведский, финский.

Ответы Эльвиры Галкиной на вопросы «Анкеты саамских писателей»

— Чего вы хотите добиться в жизни, за что её любите?

—Хочу лазерный диск на саамском языке моих песен и верю, что он выйдет. Хочу для моих детей удачную судьбу, чтобы они смогли выразить себя в этой жизни.

— Любите ли подолгу смотреть на воду, огонь, камни, деревья, что вам ближе?

— На всё перечисленное плюс звёзды.

— Если бы перед вами оказалась высокая гора, вы полезли бы на нее или решили обойти, чтобы продолжить путь?

— Полезу. Я уже была на ней. Создаётся чувство свободы, там я позавидовала птицам.

— Какой образ у вас возникает при слове водоём?

—

— Почему, на ваш взгляд, в сказке был разрушен теремок?

— Не было единого хозяина, что и творится в нашей стране.

— Почему курочка Ряба обещала старикам снести яичко не золотое, а простое?

— Чтобы продать его не могли, а вырастили потомство.

22.01.1999

Сказочно-песенное творчество Эльвиры Галкиной

Саамская поэтесса Эльвира Галкина, в девичестве Васильева, известна не только своим поэтическим творчеством, но и сказочно-песенным. Пишет она больше на русском языке, но есть пробы и на саамском. Язык произведений легкий, образный, доходчивый. Так, например, стихотворение «О саамском орнаменте» стало почти хрестоматийным. Читая его, можно постигать науку древнего саамского искусства вышивания бисером:

Бусинка к бусинке в вышивке ляжет,
Выявив четкий узор на сукне,
Каждый из них непременно расскажет
О мастерстве на снегу, при луне.
Цвета четыре — шамшура готова.

Красный — цвет крови и очага,
Рядом — крупинками — цвет голубого —
Озеро это, море, река.
Желтый ласкает и радует глаз —
Лучики солнца пробились сквозь щели.
Все завершает белый алмаз,
Коим лучатся березы и ели.
Предки не знали язык букварей,
Ум их и опыт остались в узорах.
Жизнь, красота и судьба лопарей —
Сколько в них света! Сколько простора!

Родилась Эльвира Абрамовна 4 декабря 1965 года в селе Ловозеро. Род свой ведет от Даниловых Ярсэма Андреевича (дедушки) и Апполинарии Дмитриевны (бабушки). Ярсэм Андреевич не только талантливо умел сказы рассказывать, переданные ему предками, но и свои сочинять. Мать Эльвиры, Галина Герасимовна, саами, вышла замуж за русского парня Абрама Васильевича Васильева, так их дочь унаследовала и русскую кровь.

Детство маленькой Эли проходило на Мотке (берег озера Ловозеро), недалеко от жемчужины Лапландии — Сейдозера, где она жила летом со своими бабушкой и дедом, тетушками и дядьями, которые и оказали влияние на её будущее творчество. Поэтесса говорит: «Мое детство — это мой дед. Всегда находилась рядом с ним, слушала, как он рассказывал саамскую мудрость, как учил жизни».

Она вспоминает, как любила в детстве бродить по лесу, разговаривать с птицами, деревьями. Отсюда позже появится ее стихотворение «Эхо предков» с налетом своеобразной древности, в которой живет завораживающая тайна:

Звуки бубнов, предков зов
В тундру древнюю влекут,
Где в погостах староверов
Лыввьты саамские поют.

По горам мотивы мчатся
И порывами пурги
Там позёмкою ложатся
На замётанные льды.

Их гласа в озёрных всплесках,
В крике утки или сойки.
И в лесах и в перелесках
Слышу эхо саамской йойки.

Звуки бубнов, предков зов
В тундру древнюю влекут,

Где в погостах староверов
Лыввьты саамские поют.

Свои стихи Эльвира не просто читает, она их еще и озвучивает. Так между строк вдруг прокричит птица или послышится саамский лувт. Это как театр одного актера. Она говорит, что, задумываясь, откуда это все у нее берется, приходит к выводу: истоки творчества идут от ее любимых деда и бабушки. Это они привили внучке своими рассказами, саамскими легендами и мифами крепкую привязанность к родовым корням своего народа, к своей малой Родине.

Окончив среднюю школу в Ловозере, Эльвира поступает в педагогический институт имени Герцена в Ленинграде. Тот самый, где учились Октябрина Воронова, Аскольд Бажанов и Александра Антонова, только теперь там нет Северного отделения. Получила специальность учителя начальных классов. Студенческие годы пролетели быстро и весело. После окончания вуза в 1987-м серьезно занялась поэтическим творчеством. Начала изучать саамский язык, но.... Год преподавала в школе-интернате, а затем перешла работать в Ловозерский Дом культуры. Вышла замуж за саамского парня Владимира Галкина, который сохранил в своей памяти материнский язык и стал обучать говорить на нем и свою жену. С тех пор в их семье дома говорили только по-саамски, чтобы дети тоже знали язык. Так потихоньку восстанавливалась потерянная связь поколений. В школе-интернате пробовала преподавать саамский язык, однако творческое начало в ней, видимо, было развито больше, и она ушла работать в Национальный культурный центр фольклористом. Но увлечение поэзией не бросила.

И вот в Мурманске в 1991 году выходит в свет ее первая книга стихов для детей на саамском языке «Пейййвьесь пейййв» — «Солнечный день».

Пейййвьесь пейййв!
Пейййвьесь пейййв!
Цызга лаввлэв:
«Вей-вей-вей!»—
Роаммшадт риммьн,
Роаммшадт талл:
«Пэре шиг ли
варесь тарвм».

Это счастье для народа, который, несмотря ни на что, помнит свои корни и хочет говорить на родном языке. Значит, наступило время перемен. Стихи Эльвиры чисты, звонки, самобытны и музыкальны. Природа-мать во многих произведениях Эльвиры проходит главной темой:

Уходит осень,
Тепло уносит,
Склевали птицы
Последний корм.

Стоят, печалясь,
На взлобках сосны,
Как бы почуяв,
Что скоро шторм.
Возможно, шторма
Не будет вовсе,
Но холода уже в пути.
Предупреждая, уходит осень:
«С зимою лучше не шути».

В жизни Эльвира человек влюбчивый. Да и как удержаться, если ты молодая, красивая, как северное сияние, стремительная, как ветер, жизнерадостная, как солнце. Будто соткана из воздуха, света и тепла. Такой ее видят школьники. Природа наградила Эльвиру красотой, словно все краски леса и озер собрав в ней. А любовь помогает творить.

Бегу босиком
По холодной земле,
Только что обнаженной
от снега,
Ветер дует в лицо,
Но не холодно мне,
Задыхаюсь
От сильного бега.

Первая книга Эльвиры Галкиной «Пейввьесь пейив» в 1994-м выходит и в Норвегии в издательстве «Северная книга» на саамском (кильдинском диалекте) и северо-саамском языках. А годом ранее в сборник «Дары тундры» также включены стихи Эльвиры, но уже на русском языке.

Народное творчество саамов веками создавало множество устных произведений — сказок, преданий, бывальщин, легенд. Что-то удалось записать, собрать ученым этнографам, что-то бесследно исчезло, забылось, кануло в лету. И вот живет на саамской земле Эльвира Галкина, у которой есть огромное желание — продолжать национальные традиции своих предков.

Помимо стихов, она пишет и сказки, например: «Сказку о саамской девочке Пуне». Пуна — хозяйка тундры, ей не страшна зима-старуха с ее метелями, морозами, потому что есть у девочки верные друзья — олени, солнце. А разве сама Эльвира не мечтает стать, как девочка Пуна, хозяйкой тундры: уехать с семьей на остров, «построить добротный дом и жить там в радости и мире, ловить рыбу, вязать теплые вещи, шить из оленьего меха необыкновенной красоты саамскую обувь и писать стихи и сказки...»?

Саамский народ хранит много древних преданий о нуэйтах — колдунах, ацци — мифических существах. Вот и у Эльвиры есть сказка «Почему Аццы с людьми не живёт?» Рассказывает в ней саамская поэтесса о том, что надоело Аццы од-

ной в лесу жить, и пошла она к людям в погост. Те, опасаясь ее волшебных чар, поставили ее над собой командовать. Ацци рада-радешенька: «Одного извела, другого прогнала, третьему угрожает, а на четвертого зуб да когти точит...» Но, как в любой сказке, у Эльвиры добро побеждает зло. На помощь людям приходят добрые силы. А как же иначе? Добрый человек никогда не позволит злым силам править миром. Удивительно, как Эльвира находит сравнения своим героям, чисто северные, саамские. Один из героев ее сказки оказался «крепче рога оленьего да зуба медвежьего». Просто и образно!

Сказки Галкиной посвящены людям, живущим на Севере и любящим свой край. Удивительную сказочную страну Лапландию.

В 1998 году там же, в Норвегии, у Галкиной выходит еще одна книга – сказка «Тассьт нийта» – «Девочка звездочка», красиво оформленная художником Яковом Яковлевым, с которым Эльвира работает в Ловозере в культурном национальном центре. В 2008-м – небольшой сборник стихов на русском языке «Путь домой», а в 2010-м – повесть «Пяйви».

Несколько лет поэтесса ходит в церковь живого Христа, и вот в ее творчество входят песни и стихи, посвященные Богу.

Эльвира Абрамовна Галкина – член ассоциации саамских писателей Скандинавии, а путевку в поэзию ей дала сама Октябрина Воронова. Мудрая саамская поэтесса увидела, почувствовала в девушке, пробующей сочинять, продолжателя своего творчества. Говорила Эльвире: «Пиши по-саамски, у тебя непременно получится, ты по духу своему, по характеру саамского склада человек».

Надежда БОЛЬШАКОВА

Эльвира Галкина

МОРОШКА

Я нежно прикрою ладошкой
Оранжево-спелую ягоду.
Растет на болоте морошка
Под цвето-сияющей радугой.
Закрыть бы ее от мороза,
От ветра холодного, жгучего,
С ней не сравнится и роза,
Красивая и пахучая.
Любуюсь морошковым цветом,
Люблю я морошково лето.
И вижу в морошковой дали
Все то, чего вы не видали.

ДАРЫ ТУНДРЫ

Тундра спелой морошкой
Сманила меня,
Без грибов и картошки
Сижу у огня.
Потеплело. Добрей
Стала темная ночь,
Не жалеет огней,
Словно я ее дочь.
Иглы тонкой сосны
Чешут волосы в прядь.
Снятся дивные сны,
Но не хочется спать.
С ног свалил аромат
Чудотворных плодов,
Тундра ставит мне мат –
Не уйти от даров.

СОН

Яце снится, Яце снится
Озорная сказка-сон,
Что по тундре, словно птица,
На олене мчится он.
Глядь, а следом вьюга вьется,
Воет, бесится, спешит,
То туманом расползется,
То поземкой закружит...
Одеяло скинул на пол.
Сон умчался от него.
Рядом мама,
Рядом папа.
Не страшно ничего!

ОЛЕНЕНОК

Белый олешек
По тундре бежит.
Трудно ему.
Он от стужи дрожит.
Тундра красива.
Но дождик все льет.
Бабушка-осень
В тундру идет.

* * *

Лихо мчатся сверху сани.
И хохочут от восторга
Коми, русские, саами —
Их сдружила напрочь горка!
Мчится куча ребятишек
В пимах, валенках, в ботинках,
В снежных шубках и штанишках,
Рукавички на резинках.
Эй. братва, уже стемнело?
Вам шуметь не надоело?
Снег достаньте из карманов!
Попадет же вам от мамы!

НАЧАЛО

В доме Отца тепло и уют.
Любовью камин зажжён.
Заблудших душ Святой приют
Словом Его освящён.
Ты — путник, а твоя душа
Странствует тут и там.
Дорогу в небесные врата
Найдешь ли без помощи, сам?

* * *

Поэзия — звуки тишины...
Вслушайся в дыхание мороза...
Вглядись в узоры неба:
Звёзды — бисеринки на ночном сукне.
Полыхает зелёное знамя,
Заигрывает с бледной луной.
Это есть
Поэзия,
Музыка,
Вечность...

ЛЫВВЬТ

Закрыв глаза,
Ударю в бубен —
И гортанный лыввьт
Куропаткой белошубой
Вырвется из губ.

И, задевая пузом сопки,
Кроны ели и сосны,
Застрянет вдруг
Болотом топким
Ждать
кратковременной
весны.

МОЯ ДУША

Душа моя лишь часть природы,
Парящей птицей в облаках
Средь пёстрых мхов,
Где плещут воды...
Там вечно странствует в мирах.

Моя душа взлетает к свету,
К душам скитальцев и бродяг.
Зимою солнца ищет, летом —
Блеск среди тины и коряг.

Моя душа в глазах оленя,
В томящем звуке тишины,
Когда родится вдохновенье,
Где чувства мыслей лишены.

Когда полёт и взрыв фантазий,
Сливаясь с каплями дождя,-
Из уст рекой польются фразы...
И это есть моя душа.

Покоя нет душе поэта.
Полярной ночью вдаль зовёт
Созвучье ярких красок лета
И звёзд манящих хоровод.

ТУНДРА СЕДОВЛАСАЯ

Тундра седовласая —
Белой пудры россыпь,
Буйная и властная,
Завьюженная поступь.

Строптивостью напыщена,
То скользкая, то снежная.
Тундра, ты — как женщина,
Мягкая и нежная.

Суетой ранимая
И бесчеловечностью,
Временем гонимая,
Мерзлотою вечною.

Тундра седовласая —
Россыпь белой пудры,
Самая прекрасная,
Честная и мудрая.

ТАСТЬ–НИЙТА, ИЛИ ДЕВОЧКА-ЗВЕЗДОЧКА

Было это или не было, уже не помнят старые люди, а молодые вовсе не знают. Но слух ходил, что когда-то жил один саам, у которого жена давно в нижний мир ушла, а детей им так и не довелось нянчить. Звали лопаря Вуэньсэм.

Был он давно уже не молод, но и не совсем стар. Однако люди звали его Вуэньсэм-калса, потому что носил он бороду и всегда ходил мрачный, ни мысли, ни души своей никому не показывал. Зато любил смотреть на звездное небо и тихонько напевать себе под нос. А люди к нему с расспросами да шутками приставали: мол, почему один живешь, не женишься, или на небе себе кого подыскал?

Надоели они лопарю, собрался он и ушел из погоста в лесную глушь. Поставил куваксу, стал один жить, с ветрами, с птицами разговаривать. Как только настанет вечер, сядет Вуэньсэм на пень и затянет грустную песню о судьбе-судьбинушке: «Ох ты, женушка моя милая, ушла ты в мир иной, в мир нижний. Одного меня оставила, одного-одинешенька, без деток, без внуков малых. Ох, скорей бы настал мой час, когда тебя увижу я, когда мы с тобою встретимся...»

Монотонная песня-плач его сливалась с ветром и далеко-далеко становились слышны отголоски печальной мелодии.

Лег как-то Вуэньсэм спать, и приснился ему вещий сон, будто луна сошла с неба и подарила ему маленькую звездочку. Проснулся саам, подивился странному сну. Взял лук, пошел на охоту. Долго бродил по лесу, но не везло ему сегодня — ни птицы, ни зверя не подстрелил. Стало темнеть, решил домой вернуться.

Но вдруг небо почернело, луна исчезла, стало жутко охотнику. Куда, в какую сторону идти? Звезд на небе нет, некому дорогу указывать. Пошел туда, куда ноги шли.

Шел, шел, услышал странные звуки. Прислушался, пригляделся и увидел крохотный луч света. Подумал Вуэньсэм-каллса: «Может, кто из охотников так же, как я, заплутал, огонь развел и пищу готовит?» Пошел он на свет. А это вовсе и не огонь оказался, а киткэмь-люлька

под березой лежит, а в люльке ребенок плачет. Да люлька эта не из бересты сделана, а серебряной тканью покрыта, и свет она излучает такой лунный, небесный...

Взял лопарь люльку, а она ему путь до дома освещала. Пришел к куваксе, расшнуровал киткэм, вытащил ребенка, обрадовался: теперь не один я — жить буду с доченькой.

Построил вежу, чтобы зимой не замерзнуть. Стал девочку растить, оленьим молоком поить.

Ожил Вуэньсэм, повеселел, на дочку нарадоваться не может. Да только не знал он: когда ночь наступала, дочь его с постели вставала и по воздуху, как по ступенькам, на небо ходила, с матерью-Луной да с подружками хороводы водила. Думал Вуэньсэм, что это только ему сны дивные снятся. А девочка росла, росла и быстрее цветка расцвела. Не было в лесу такого дерева, которое бы сравнилось с ее фигуркой стройной. Лицо и волосы ее лунным сияньем поблескивали. А в глаза ее глянешь — мерцание звезд увидишь. Не зря назвал ее отец Тассьт-нийййта — Звездная девочка.

Быстро время шло. Стал думать Вуэньсэм: как ни жаль с дочкой расставаться, но пора ее замуж отдавать, пусть меня внуками порадует. И вот как-то забрел к ним охотник Вульсе, попросил у костра погреться. Увидел Тассьт-нийййту, взгляда отвести не может. Во многих погостах был, многих девушек видел, но такой красоты небесной еще не встречал. Девушке тоже полюбился молодой охотник. Решили они пожениться. Да только не был богат Вульсе. А по саамскому обычаю, сначала нужно добра накопить, а потом свататься. Но отец сказал: «Если любите — женитесь, а богатство наживете».

Сыграли они свадьбу. Пожили год у старого отца, а после переехали молодые в погост, где Вульсе жил. И пошли у них дети красивые — светловолосые да синеглазые. Так бы и жили не тужили. Но только проснулся однажды Вульсе, посмотрел — нет жены рядом. На улицу вышел, на небо глянул. А там жена с подругами танцует, снег на землю разбрасывает. Испугался Вульсе, подумал, что унесли Тассьт-нийййту силы небесные, закричал: «Женушка милая, вернись домой!» Да только нельзя по ночам кричать. Теперь навеки останется его жена Звездочкой. Не выдержал Вульсе разлуки с любимой, упал и с горя умер. А в это время Вуэньсэм-каллса почувствовал, что беда случилась. Пришел в погост. А там дети без отца, без матери плачут. На земле мертвый охотник лежит, а на небе одной звездочкой больше стало, самой яркой, самой заметной.

Похоронил старик зятя, погоревал да вместе с внуками в погосте остался жить.

СКАЗКА О СААМСКОЙ ДЕВОЧКЕ ПУНЕ

Это было давно в одной северной стране, где очень редко бывает солнце, где живут белоснежные олени с ветвистыми рогами. Там много месяцев лежит белый, как сахар, снег, поскрипывая под тяжестью кереж. И жила в этой стране добрая девочка Пуна. Все жители погоста любили ее и ласково называли шигь нийта, что означает — хорошая девочка.

Пуна вставала рано утром, помогала по хозяйству бабушке: собирала хворост для очага, шкерила рыбу. Вместе с дедушкой ходила на охоту. Больше всего любила она скакать по болоту с кочки на кочку, собирать сладкую морошку, кормить своего северного друга Оленька. Животные тундры знали Пуну по ее нежному голоску, когда она пела песенку:

Солнышко, мой добрый друг,
У тебя так много рук!
Землю саамскую согрей,
Чтобы стало всем теплей!

На ее голос отовсюду выползали паучки, деревья кланялись, а птицы подпевали ей.

Услышало Солнце девочку, заглянуло в вежу, подивилось красоте Пуны и ее трудолюбию. И с тех пор Солнце стало часто навещать тот погост, в котором жила маленькая фея.

Но земля огромна, и чтобы она не вымерла, Солнцу надо освещать и согревать ее. Простилось Солнце с девочкой и скрылось за горы.

Тут-то и подули холодные ветры, оповещая о скором прибытии Зимы. Холодно и темно стало в тундре. Только звезды да сполохи светят с мрачного неба, да снег печально поблескивает под их сиянием.

Запрятались в норки букашки, еще ниже склонились березки. Все повиновались злой старухе. Лишь одна Пуна не боялась ее. Теплую меховую шубку и бурочки подарил ей олень. Тепло и весело девочке. Пуна по-прежнему пела свою песенку.

Услыхала ее Тальв-акка, рассердилась:

— Кто посмел нарушить мой покой?

И приказала слугам наказать непослушную девчонку.

Полетели, завыли вьюги, закрутили, завертели Пуну и спустили в сугроб.

Но напрасно успокоилась злая старуха. Не испугала она маленькую фею. Пуна запела свою волшебную песню, и снег не выдержал теплого дыхания девочки — растаял. А Пуна стала еще румяней и прекрасней.

Еще больше рассердилась Тальв-акка. Решила сама расправиться с девочкой. Долго кружила она над Пуной и превратила ее в льдинку. Плохо пришлось бы фее, если бы не верный друг Оленек. Поскакал он по тундре, перепрыгивая через горы, через болота. Далеко по всей Лапландии разносился топот его копыт. А бежал он к Солнцу.

Встревожилось Солнце и пустило две огненные стрелы на помощь своей подружке. Первая стрела попала в льдинку. Льдинка растаяла и освободила Пуну.

Увидела это Тальв-акка, испугалась. Вскочила на оленей, а олени тоже растаяли. Только верная слуга-вьюга подхватила старуху, и они исчезли.

До сих пор Тальв-акка пытается бороться с Солнцем. Долго не бывает на Севере весны. Даже летом нет-нет, да напомнит о себе: то ветер колкий пошлет, то град, то липкий снег.

Но саамским людям не страшна Зима-старуха. Весело им живется. Тепло они одеты, и сейчас народ поет песенку Пуны:

Солнышко, мой добрый друг!
У тебя так много рук!
Землю саамскую согрей,
Чтобы стало всем теплей!

О ТОМ, ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ БРОСАТЬ ЩЕПКИ В ВОДУ

Наступило северное лето. Приехали ребятишки к Деду в лес рыбы половить да в холодной воде поплескаться.

Дед в лесу, рядом с домиком, амбар строил, чтоб было где разную всячину держать. Раньше в таких амбарах съестные припасы хранили и строили их на сваях, чтобы сухо в них было и мыши продукты не грызли. А похож амбар на избушку Бабы-Яги из русской сказки. И вот как-то надоело детям бегать по поляне, подошли к деду, стали смотреть, как он обтесывает бревна, — только щепки летят в разные стороны! Они начали хватать летящие щепки и бросать их в озеро.

Дед сказал им: «Нельзя бросать щепки в воду». А внуки то ли не услышали слов старика, то ли нарочно дразнят его. Видит дед, что слова не помогут, отложил топор в сторону, закурил и задумался. Подбежали внуки, чтобы еще мусора набрать, а дед спросил у них: «Хотите, сказку расскажу?» Ребятишки угомонились, уселись на траву и стали слушать...

...Было это давным-давно, об этом мне мой дед рассказывал, а ему — его дед. Когда саамы жили не в одном селе, как сейчас, а отдельными семьями, — кто в тундре, у реки, кто в лесу, возле озера. Время тогда страшное было, приходили чужеземцы на земли наши, погосты грабили, людей убивали. Жила в то время одна семья, все хорошо, да только вот одна беда — дети непослушные росли, что ни скажешь им, все наоборот сделают. Как-то разбаловались они, стали щепки в воду бросать. А отец им строго-настрого запретил это делать потому, что увидит чудь — мусор по реке плывет, поймет, что где-то рядом люди живут, вверх по течению поднимутся и всех жителей поубивают. Но дети родителей не слушали, по-прежнему озорничали.

Тут-то беда и нагрянула: пришли чужеземцы в стойбище, где жила эта семья, родителей убили, мясо съели, шкуры, луки и стрелы с собой забрали, а дети от них спрятаться успели...

Долго потом плакали сироты по отцу, по матери, тяжело им жить стало, одни из них от голода умерли, другие в соседние стойбища ушли в надежде, что там себе приют найдут. Но в других погостах не приняли их: хотя и жалко бедных сирот, но за свои семьи еще страшнее, боялись люди, что дети и на них беду накличут...

Закончил старик свой рассказ, затушил сигарету и снова за работу принялся. Дети же молча поднялись с травы, подошли к озеру, залезли в лодку, стали грести да мусор подбирать. Все щепки им и потом пригодились, они ими костёр растапливали.

ПОЧЕМУ АЦЦЫ С ЛЮДЬМИ НЕ ЖИВЁТ?

Скучно было Аццы* одной в лесу жить: никто с ней не ссорился и некому пакости делать. И вот решила она выбраться из леса, чтобы людьми управлять. Все по-своему норовила сделать, везде свои паучьи лапы расставила. Из болота подружку вытащила, возле себя пристроила, большое богатство ей посулила, чтобы та подглядывала, подслушивала да обо всем ей докладывала. Задумала коварная и жадная Аццы извести всех людей погоста, уж очень их обычаи ей не понравились, а из леса дремучего своих дружков позвать. Одного извела, другого прогнала, третьему угрожает, а на четвертого зуб да когти точит.

В этом же погосте нойд** старый жил, колдовать совсем разучился, всегда под чужой бубен плясал, ведь своего бубна у него не было. Поэтому Аццы взяла его к себе в подчиненные и наказ такой дала, чтоб служил ей верно, а она его отблагодарит.

Была Аццы многим колдовствам да хитростям обучена и решила чужими руками четвертого погубить, который оказался крепче рога оленьего да зуба медвежьего. Собрала она слуг на совет, стали думать, как от неугодного им избавиться. Думали, думали и такой приказ сочинили: мол, человек этот работает плохо и под ее бубен танцевать не умеет. А нойд под приказом свой крестик поставил.

Да только ничего у них не вышло. Человека того добрые силы поддержали, его невиновность доказали. Нойду за крестик отвечать пришлось, а Аццы в стороне оказалась. Но напрасно радовалась она, что легко отделалась. Надоело людям молча обиды сносить, пришли к Аццы и сказали: «Мы тебе власть дали, мы ее у тебя и отнимем». И прогнали ее обратно в лес жить.

КАК МЕДВЕДЬ НОВЫЙ ГОД ПРОСПАЛ

Принес дед елку в дом, отряхнул от снега, на стул поставил. Тут к нему внучка подбежала и спрашивает:

—Ты елку из леса привез?

---

* *Аццы* — миф. существо: женщина-паук или женщина-лягушка *(саам)*.

** *Нойд* — колдун *(саам)*.

— Конечно, из леса, — ответил дед.

— Так ведь там медведь сердитый живет. Ты сам рассказывал: если его разбудить, то шуму много будет! — воскликнула девочка.

Дед улыбнулся, посмотрел в удивленные глаза внучки и сказал:

— Знаешь ли ты, почему он такой злой? Садись поудобней и слушай внимательно. Все звери и птицы готовились к встрече, украшали елки, чистили шубки и перышки. Все хотели выглядеть красиво. Только один медведь был толст и неуклюж: не мог ни елку украсить, ни шубу причесать, переваливался с боку на бок да сопел.

Звери над ним смеялись, но медведь был добрый и не обижался на них.

— И все-таки, хоть я и толст, — думал медведь, — я тоже хочу выглядеть прилично.

Увидел он песца, шубка у него белая, сам шустрый, обратился к нему:

— В чем секрет твоей красоты?

— У меня много-много врагов, — сказал песец, — поэтому я имею быстрые лапки и мне некогда толстеть. А белая шубка потому, что я в снегу купаюсь.

Задумался медведь. Тут к нему подлетела куропатка и сказала:

— А у меня крепкие крылья, но если бы я много ела, они не смогли бы поднять меня вверх. И еще я люблю нырять с дерева в снег, поэтому у меня белоснежные перышки.

Тогда медведь тоже решил искупаться в снегу, чтобы поменять цвет шубы, но это купание не помогло ему.

Песец и куропатка кричат:

— Тебе надо подольше в снегу полежать, тогда обязательно белым станешь!

Зарылся медведь в снег и уснул, а как проснулся — весна на подходе. Похудеть-то он похудел, а цвет шубы так и не изменился, да еще и Новый год проспал. Рассердился, разбуянился, стал на зверей кидаться, мол, почему не разбудили его.

С тех пор никто в лесу над ним не смеется, боятся его, почетными именами величают, как к хозяину леса за советом обращаются.

И до наших дней так водится, что медведь за лето жир нагуляет, а к зиме спать ложится, чтобы вновь похудеть, да только Новый год и просыпает. Поэтому весной медведь бывает очень злой и голодный — лучше на глаза ему не попадаться.

Закончил дед сказку рассказывать, а внучка все не унимается.

— Если ты рубил в лесу, значит, медведя потревожил. Как же он тебе тогда позволил елку унести?

Дед хитро прищурил глаза и ответил:

— Он мне разрешил потому, что я с ним по-хорошему, по-доброму поговорил, рыбой сушеной угостил, а самое-то главное — разбудил его, чтобы и в этот раз он Новый год не проспал.

ВЕРЬ, И МЫ ВСТРЕТИМСЯ!

Сгорбившись, она сидела у окна, опираясь рукой о безжизненную батарею. Морщинистое лицо, впалые от старости щёки (кажется, что глаза ушли глубоко в глазницы), маленькое высохшее тело (как оно держится на табурете — непонятно)... Если бы не старый выцветший сарафан, кофта, залатанная на локтях, и платок, что прятал две тоненькие косички, уложенные корзинкой надо лбом, то со спины можно было бы принять её за 12-летнюю девочку, тупо уставившуюся в давно не мытые стёкла.

Действительно, чем ещё заняться старой женщине, похоронившей двух сыновей и мужа, живущей в пустой неуютной квартире? Потрёпанные обои и пошарканный пол, казалось, выдержали не одно и не два поколения жильцов, к тому же её сорокалетний сын то пропадает на несколько дней, уходя в запой, то отлёживается дома, «освежая» своё место спячки едким «ароматом» алкоголя.

Оанесь почувствовала запах варёной, уже несвежей рыбы, разносившийся по комнатам. Сглотнула слюну. Желудок ответил урчанием. Ещё ребёнком любила она есть рыбу с душком — куц куль, очищая от чешуи, отсоединять мясо от костей и обсасывать голову. Только сейчас ей совсем не хотелось шевелиться, тем более встречаться с сыном, домывающим прихожую рваной тельняшкой. Он часто посмеивался над увлечением матери, часами смотрящей в окно, сравнивая её с фанатами общественного телевидения. Она не готова была выслушивать все его колкости, а тем более подбирать нужные слова, чтобы отвечать сыну.

Устала. Хлопоты о детях и нравоучения её в любых формах уже в прошлом. И от этого, пожалуй, ещё тоскливее: ощущается ненужность своего присутствия в созданном ею же мире.

Лишь тревога за неустроенные судьбы детей заставляет её всё меньше думать о себе, о том, что теперешняя жизнь не приносит ей удовлетворения.

— Прав был Вуэньсэм — не живём, а мучаемся, — тяжело вздохнула Оанесь, подсчитывая, какое же сегодня число и вовремя ли дадут пенсию. Остаётся ждать конца дней, сидя у окна, наедине с воспоминаниями — они то яркой вспышкой встают перед ней, то снова исчезают.

— Говорит — прощать надо всех, кто сделал худого. Но как простить тех, кто унёс жизнь моих сыновей? — размышляла она, остановив свой взгляд на неухоженной песочнице, где из-под талого снега выступали кучки мусора.

Мужчина, шедший по тротуару, выделывал такие расписные кренделя, что не всякая мастерица смогла бы повторить в точности эти «узоры», вышивая бисером на сукне. Немного не дойдя до столба, который мог быть ему опорой, он повторил ногами ещё один мудрёный зигзаг и плашмя грохнулся в грязь. Подбежавшая к нему жена с дикой бранью пыталась поднять невменяемого.

— Ох, эта водка! Всему виной она! — обвиняла Оанесь всех и всяк, кто каким-то образом был причастен к её одиночеству. Сетовала на государство, сравнивая распад страны с военными беспорядками, и на безработных дочерей, не могущих прокормить своих детей, винила Бога, давшего ей такую долю, не уберёгшего её сыновей от страшной участи. Ругала своего единственного зятя, не взявшего её в этот раз на салму — берег озера, где она знает каждый кустик, каждый бугорок и не глядя может найти дорогу к дому, построенному ещё её мужем, — дом этот отличался от миниатюрной тупы тех времён, когда были живы родители. А на салме вся земля, даже воздух до сих пор пропитаны родным духом её предков! Вот куда стремилось всё её существо — на берег блаженства и спокойствия! Ни суеты, ни бед... Видимо, там первоначально был создан Эдемский сад, о котором когда-то говорил священник.

Неожиданно постучали. Эхо разнеслось по пустым стенам, заставив вздрогнуть восьмидесятилетнюю женщину от внезапного вмешательства в её раздумья.

Дверь широко распахнулась, ударяясь углом о ножку кровати. Она не могла сразу узнать вошедшего, но судя по шуму от вторжения в её обитель, это был кто-то, несший важную весть.

Оанесь любила новости — только они соединяли её с внешним миром, но в последние годы происходило столько печальных событий, столько родных и знакомых закончили эту жизнь, уйдя в другой мир, что она даже насторожилась.

— Христос Воскрес, бабушка! — прозвучало с порога.

По голосу узнала свою старшую внучку, протягивающую ей крашеное яйцо.

Старушка растерялась, дрожавшими руками стала поправлять фартук, накручивая уголок ткани на указательный палец.

— **Ноа, манѣтэ ли тарьм пейив?***

— Сегодня Пасха — 18 апреля!

— Зоабэль! Мунн вуайлехьтэ! Тыста оара, ни ми ам кул, ам уйин.**

— Христос Воскрес! — повторила гостья, чмокнув бабушку в щёку.

— Воистину Воскрес, — уже по-русски ответила Оанесь, обняв внучку, касаясь головой её плеча.

Вспомнилось, как раньше ожидала этого дня, заранее готовясь к нему, как она мыла иконы святой водицей из горного родника, тщательно стирала накопившуюся пыль в углу на полке, где и был её храм, куда всегда стремился её взор, отдавая все заботы и тревоги, делясь радостью. И, получая благословение, со спокойным сердцем ложилась спать на жёсткую деревянную кровать.

---

* Какой сегодня день? *(саам)*.

** Правда! Я забыла! Здесь сижу, ничего не вижу, не слышу *(саам)*.

— А я думаю: чего это люди с утра пьяные бродят? А ведь грех какой — в такой-то праздник! — заохала Оанесь, вдруг изменившись в лице, присела на табурет. Именно сегодня день рождения её самого младшенького, самого любимого и убиенного сына.

Ей захотелось плакать, наружу вытащить эту боль, тянущую душу куда-то вниз, но слёз снова не было, и когда в последний раз делала это — не помнит.

— Может, оттого я так долго живу, мучаясь, что Он ждёт моего раскаянья? — она глянула в угол, где раньше стояли иконки, ей показалось — кто-то шепчет ей: «Жизнь и смерть во власти языка, благословение и проклятие. Выбери благословение, чтобы жила ты и потомство твоё!»

А ведь и правда, сколько раз она грешила языком, не задумывалась над этим, сколько проклятий в адрес своих же детей посылала в сердцах!

— Господи, прости и помилуй, — прошептала бабушка, — может, всё так нескладно в моей жизни, что я забыла Бога? — боль и раскаянье окрутили её дряхлое тело.

— Простит ли Он меня, примет ли к себе, как принял моего мужа?

«Верь, и мы встретимся!» — вспомнила она последние слова умирающего. Муж не был верующим, наоборот, подшучивал над ней, склоняющейся над Святой Богородицей, но как он изменился, когда смерть ожидала его!

— Верь, и мы встретимся, — повторила старая женщина вслух и подняла глаза на небо, ища наверху, за облаками, ответы на накопившиеся вопросы. Небо посылало ей надежду, надежду на будущее!

Снова в окне бесконечный пейзаж однообразной поры, названье которой «зимвес» — не зима, не весна, по календарю — лето. Слякоть и холод. Похоже, что погода решила посмеяться над нами: мы — большая сковорода, и в ней то дождь, то град, на закуску — снег с дождем, а ветры всё это размазывают по днищу!

— Тишь пуадт *, — выдохнула Оанесь, но вместо слов вылетел холодный пар и растаял возле бормочущего чайника. Глоток горячей бакулы** разлился по крови, заставляя работать организм, совсем застывший в неотапливаемой квартире. И снова захотелось жить. Взбодрились мышцы, прояснилось в голове, и исчезло куда-то пессимистическое настроение.

Неожиданно яркие лучи озарили лицо старушки, ощупывая каждую морщинку, освещая каждую прядь волос. Как будто само солнце поместилось в маленькой кухне, преобразив уединение...

И показалось, что любимая чашка с блюдцем заблестели как-то пособенному, заигрывая с хозяйкой.

---

* Смех, да и только *(саам)*.

** *Бакула* — настой чаги *(саам)*.

Вот оно, лето, заблудившееся среди далёких пальм и кипарисов, холёное на золотом песке! Оно впервые за столько месяцев дарит так много света и нежности. Налюбовавшись вдоволь новизной своего жилища, Оанесь перевела взгляд на привычный оконный «телевизор», открывающий ей обзор дворовой жизни. Все жители высыпались из подъездов, как муравьи из большого муравейника: женщины — с коврами, дети — с прыгалками и мячами, мужики, куря, сбрасывая пепел, давали советы ремонтирующему мотоцикл. Не хватало лавок, чтобы уместить всех желающих погреть свои косточки. Кто в свитерах, кто в куртках, всё ещё не решаясь снять тёплую одежду. Солнце, не жадничая, дарило свои первые лучи. Но ветер, хотя и порывами, был тот же — пронизывающий до нутра.

Ребятишки, давно не видевшие морского пляжа, забыли, каким обжигающим бывает загар, прыгали голышом по скользким камням, храбрясь друг перед другом. Течение реки отдавало свежестью и прохладой. Белые тела детей покрывались мурашками и начинали синеть. Двое, самых отчаянных, ступили в воду и, намочив трусы, с визгом ринулись на берег к горящему костру, обхватив себя руками, подпрыгивая и потирая костлявые плечи.

— Господи, сохрани! — прошептала Оанессь. — И куда только родители смотрят?

Тут она заметила мальчика, прыгающего перед окнами, машущего руками и что-то кричащего.

Оанесь вспомнила, что заперлась на замок, и, узнав громкоголосого правнука, открыла дверь. Ребёнок так торопился поделиться вестью, боясь, чтобы кто-то другой не перехватил её, что, крича и брызгая слюной, выпалил кучу слов.

Старушка не поняла, что именно он сказал. Но одно только уловило её ухо: озеро освободилось из-подо льда, путь открыт. Значит, скоро приедет дочь с зятем и заберёт её с собой на берег предков, куда всё время стремится душа.

Обняв сына своей внучки, прижав его к выпрыгивающему от радости сердцу, произнесла: «Наконец-то!»

ПОЛИНА ДАНИЛОВА

ПОЛИНА ДАНИЛОВА

Полина Данилова (1977) – автор детских стихов, которые вошли в коллективные сборники «Дары тундры» (1993) и «Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России» (2002). В настоящей «Антологии» представлено ее детское поэтическое творчество.

От школьного сочинительства до руководства театром саамских традиций

Полина Владимировна Медведева (Данилова) родилась 18 ноября 1977 года в селе Ловозеро. Училась в Ловозерской средней школе-интернате, где и проявились ее поэтические способности.

Воспитывали Полину мама Таисия Герасимовна и бабушка Апполинария Ивановна Даниловы. Детство юной поэтессы было погружено в саамскую культуру, саамскую жизнь, проходило в обществе саамских людей. В школьные годы десятилетней Полиной было написано несколько стихотворений, отмеченных тогда самим секретарем Мурманской писательской организации Союза писателей России Виталием Семеновичем Масловым как интересные и достаточно крепкие для юной школьницы. Если посмотреть на стихи Полины, то увидим, насколько они пропитаны добротой. Медвежонок в сознании маленькой девочки — «совсем еще ребенок», который «измазюкал носик, лапки», народившийся малыш — «толстый маленький крепыш», песик — «черный носик», солнце ласковое, олень дружбу предлагает. Вот такое детство и такие милые, добрые стихи.

В 1992-м Полина оканчивает школу-интернат и поступает в Ловозерское профессиональное училище № 26 по специальностям «Художник росписи по дереву» и «Резчик по кости и рогу». В юношеском возрасте увлечения ее меняются, и постепенно она отходит от сочинительства стихов, начинает активно заниматься художественной самодеятельностью в саамских коллективах «Воавсхэс» и «Танцующие саамы» — поёт и танцует.

В 2010 году Полина приходит работать в муниципальное бюджетное учреждение культуры «Ловозерский районный национальный культурный центр» на должность руководителя народного самодеятельного коллектива — театра саамских традиций «Эллманнт». Коллектив под ее руководством принимает активное участие в саамских культурных мероприятиях района и области. В августе 2011 года он становится дипломантом Фестиваля коренных малочисленных народов Севера и Сибири «Народов много — страна одна». Полина Владимировна — увлеченный специалист, занимающийся изучением саамского фольклора, необходимого для постановок саамских танцев и обрядов.

Надежда БОЛЬШАКОВА

Полина Данилова

МЕДВЕЖОНОК

Медвежонок,
медвежонок,
Ты совсем еще
ребенок.
Измазюкал носик,
лапки,
Разорвал штаны
на тряпки.
Вот тебя я накажу —
Спать в кроватку
положу.

* * *

Вот родился малыш.
Толстый маленький
крепыш.
Я ему дала катушку,
А он просит
погремушку.
Я его учу словам,
А он в ответ все:
«Ам да ам».

ЗАБЫТЫЙ ПЕС

Чей ты, песик —
Черный носик?
Почему, скажи,
хромаешь?
И о чем так горько
лаешь?
Скорей пошли ко мне
домой,
Ты ничей, а будешь
мой.

МОЙ ОЛЕНЬ

Мой олень бежит
по тундре,
По красивой белой
тундре.
Тундра, будто серебром,
Покрывается снежком.
Мчится мой олень
на праздник,
На веселый детский праздник.
Праздник Солнца!
Праздник Света!
Этот праздник лучше
лета!

* * *

Кто-то мордой ткнул
мне в спину,
Прохрипел:
«Привет, Полина!»
Удивилась, оглянулась,
повернулась не спеша.
И сказала:
«Что за диво?»
Вот стоит олень
красивый.
Говорит, как человек:
«Будь же другом мне навек».

ПОДРУЖКА

На моих губах улыбка.
На твоих глазах — слеза.
Ты скажи, подружка Вика,
мне помочь тебе нельзя?
Почему-то ты не рада...
В чем причина твоих бед?
Может, я в том виновата?
Дай, пожалуйста, ответ.

* * *

Ах, скорей бы лёд растаял,
Речку нашу расковав,
Прилетели птичьи стаи,
Солнце стало ласковым.
Я бы в лодку села пулей
И — на Мотку, где меня
Ждет бабуля, ждет дедуля
И щенок спит у огня...

Перевод с саамского языка
А. Миланова

ЕКАТЕРИНА КОРКИНА

ЕКАТЕРИНА КОРКИНА

Екатерина Коркина (1944) – поэтесса, сказочница. Автор двух книг: «Чуррпа-Уррпа» (1994) на саамском и книги сказок и стихов «Поющий ветер тундры» (2010) русском языке.

Ее стихи на русском языке включены в сборники «Дары тундры» (1993), «Здесь начинаются дороги» (1999, 2001), «Олененок» (1998), «Стихи для детей» (1997), «Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России» (2002).

Переведена на русский, норвежский, шведский, финский и северо-саамский языки.

Ответы Екатерины Коркиной на вопросы «Анкеты саамских писателей»

— Чего вы хотите добиться в жизни, за что её любите?

— За её многогранность.

— Любите ли подолгу смотреть на воду, огонь, камни, деревья, что вам ближе?

— Люблю смотреть на всё.

— Если бы перед вами оказалась высокая гора, вы полезли бы на нее или решили обойти, чтобы продолжить путь?

— В зависимости от того, какая гора.

— Какой образ у вас возникает при слове водоём?

— Похож на озеро.

— Почему, на ваш взгляд, в сказке был разрушен теремок?

— Тесным оказался.

— Почему курочка Ряба обещала старикам снести яичко не золотое, а простое?

— Потому что она несёт только простые.

22.01.1999

Стихи для самых маленьких

Екатерина Николаевна Коркина — соавтор Александры Антоновой и Октябрины Вороновой по учебному пособию «Книга для чтения для 2-го класса». Пишет стихи на саамском языке для маленьких читателей.

Невод, невод, неводок,
Ты кормил меня, как мог,
Я связал тебя,
В море взял тебя.
Невод, невод, неводок,
Встань теченью поперек!
Мы накормим, неводочек,
Всех сынов моих и дочек!

Стихи ее легки для детского восприятия, подобны игре, небольшим считалкам, и маленький человечек тут же схватывает их, запоминает и читает наизусть:

Нитка вот,
Бумажка вот,
Поиграем с тобой, кот!

Екатерина Николаевна ведет свой род от оленеводческих семей Голых и Пьяновых, что проживали когда-то на берегу славной реки Вороньей. Ее дед — Ан-

тон Парфентьевич Пьянов, бабушка – Авдотья. Мать Пьянова Анна Антоновна вышла замуж за Николая Михайловича Голых, и уже в 1943 году 17 декабря у молодой четы появилась дочка Катя. После войны «сверху» пришел приказ – людей из деревни выселить. Воронью затопить. Начались переселения. Семья Голых, как и многие другие, переехала в большое саамское село Ловозеро. Катерина учится сначала в школе-интернате, затем в вечерней школе. Когда семья уехала из Вороньей, Катя была еще слишком мала, чтобы что-либо помнить о том времени, но, по рассказам родных, все происшедшее с ними и по сей день, живет в Катерине незаживающей раной. В 1964-м село Воронье перестало существовать, на его месте была воздвигнута Серебрянская ГЭС.

Для дальнейшей учебы саамская девушка выбирает далекое Калининградское культурно-просветительское училище, библиотечное отделение. На последнем курсе выходит замуж за архангелогородца Северьяна Коркина.

В 1980 г., зная, что Катерина Николаевна прекрасно владеет саамским языком, Александра Андреевна Антонова предлагает ей заняться преподаванием языка в школе. Катерину Николаевну предложение заинтересовало, и она с удовольствием принялась за новое дело. Заочно оканчивает Мурманский педагогический институт и с факультативного преподавания в школе переходит работать учителем в родной интернат, продолжая уже там вести занятия по саамскому языку.

В 1988 г. по болезни из школы уходит и два года сидит дома. В 1990 г. переносит вторую в своей жизни сложнейшую операцию. С 1993 и до пенсии работает ведущим специалистом по делам коренных народов Севера при Ловозерской администрации.

Помимо профессиональной работы, Катерина Коркина имеет и свои увлечения. Например – стихи. Писать их начала, проводя уроки родного саамского языка. Писала небольшими стишками для лучшего запоминания.

Пагка тугкень, пака лунь
Пэййнэнь чушк, чушкэ ланьт:
Кыррьтлепь эфтэсьт кукас-кукас,
Кыррьтлепь поагэ, моаст ебь мацъ.
Кыррьтлепь тогэ, касьт ли чуввэ,
Касьт ли поакас, юэввт я чадзь.
Аллькепь тамьпе кыртче, пыччкэ
Я вял инха коацкчедтэ.

Октябрина Воронова тоже писала стихи для детей. У нее и книжка «Чахкли» с детскими стихами выходила, и все же стихи первой саамской поэтессы для ребят школьного возраста, а у Катерины Коркиной – для самых маленьких. Может, оттого, что и сама-то росточком маленькая. Ей малыши более интересны, да и они любят ее. С удовольствием читают о «Юной мастерице» в переводе Александра Миланова, мечтают стать похожими на нее:

Я решила каньги сшить,
Чтобы было в чём ходить.
Каньги сшить – задача сложная!
Наперво взяла я ножницы.

Вот и выкройка готова,
Стала койба ей основой.
Вот напёрсток и игла,
Вот суконные тряпицы,
Бисер тоже припасла —
Важно всё для мастерицы!
Среди будничного дня
Крепкие, неснашиваемые
Будут каньги у меня,
Празднично украшенные!

В 1994 г. в Мурманске В.С. Маслов, секретарь Мурманского отделения Союза писателей России, помогает Катерине Коркиной издать для детей книжку-малышку на саамском и русском языках «Чуррпа — Уррпа». А в 1997 г. Оленегорским литературным объединением «Жемчуга» выпускается сборник саамских авторов под названием «Стихи для детей», в котором печатаются и новые стихи поэтессы. В 1996 г. там же выходит сборник «Олененок» со стихами Катерины Коркиной и Ольги Перепелицы, о которой речь впереди.

Стихи Коркиной просты в восприятии, без навязчивой назидательности рассказывают малышам о прописных истинах жизни в тундре, о дружбе и взаимовыручке, как, например, стихотворение «Мои друзья» в переводе Александра Миланова:

На меня глядит спросонок
Друг мой — юный оленёнок.
С ним щенок неразлучаем.
Я в друзьях души не чаю.
Оленёнка зовут Уррпа,
У собачки кличка Чуррпа.
Пыжик Уррпа убегает,
Чуррпа — следом — догоняет.
Уррпа прытко мчит по кочкам,
Чуррпа отставать не хочет:
Лает громко и настырно,
Опекает друга с тыла.

Испокон века собаки помогали оленеводам пасти стада. Они — верные друзья пастухам и оленям. И об этом весело, с каким-то особым задором рассказывает поэтесса:

Мы втроем возню затеем —
Это делать мы умеем,
Мы поистине друзья!
В тундре без друзей нельзя.

Но не только стихи являются увлечением поэтессы, в 1985 году на общественных началах она организовала фольклорно-этнографический ансамбль

«Ойяр», в переводе с саамского «Круги на воде». И с каждым годом эти круги становились все шире и шире. Затем у Катерины Николаевны эстафету переняла Мария Гавриловна Медведева. Ансамбль получил звание народного. Вот что о Катерине Коркиной сказала педагог И. Беляева: «Ее душевная доброта, внимание, понимание, сила убежденности в нужности того, что она вместе с другими делает, бережно, по крупицам собирая, сохраняя, пропагандируя национальную культуру, историю народа саами, заслуживают, на мой взгляд, всяческого поощрения и поддержки».

Уйдя на пенсию, Катерина Николаевна начала еще и рисовать. Не раз ее рисунки выставлялись на выставках в Мурманске. В областных газетах о ней писали: «Молодая женщина небольшого росточка, зачесанные гладко густые вороные волосы, раскосые глаза и чистый, несфальшивленный славянскими примесями образ исчезающего народа...»

Она говорит: «Рука сама ведет карандаш там, где ему как бы открыта дорожка, как ручеек между холмов». Рисунки удивительны своей красочностью, богатством образов, какой-то необычайной внутренней силой — силой притяжения.

Рисованные образы обратили взор саамской поэтессы к прозе. Из-под ее пера вышла сказка под названием «Сыновья Солнца», представленная в этой Антологии.

Помимо перечисленных увлечений Коркиной, она еще занимается сбором фольклора. Встречается со старыми саамскими сказительницами, исполнительницами старинных саамских песен, записывает их голоса на кассеты, делает русскую расшифровку текстов и считает это дело одним из самых важных. Старые люди уходят из жизни, а с ними уходят песни, легенды. И если не записать сегодня, завтра может быть поздно. Исполняет напев своей матери:

Слышу я, как за окном,
Будто кто-то за окном,
Песнь протяжную поет,
Может, лес прошелестел,
Песнь заветную пропел,
Прозвенел густой листвой.
То не ветер за окном,
И не эхо, и не гром,
То не навеялось во сне,
Тот напев, что пела мать,
Мог слезою заблистать
Или в горе дать мне сил.
Тот напев — забытый нами,
Отзвучал в краю саами,
Подпевали ему сани.

Вот так, чтобы не ушли со стариками саамские напевы, чтобы не прервалась связь времен, Катерина Николаевна Коркина и трудится всю жизнь.

Надежда БОЛЬШАКОВА

Екатерина Коркина

ДЕТСТВО

Наша деревня располагалась на берегу небольшой речки Лунь, с одной стороны, а с другой стороны протекала река Воронье. И по имени этой речки называлась деревня — Воронье. Почему Воронье — никто не знает, а птицы вороны жили подальше от деревни, в лесу. Летом ребятишки и мы с братом тоже очень любили купаться. На реке мы могли пропадать целыми днями. Родители часто за это ругали и всегда говорили: «Купаться купайтесь, но подолгу в воде не сидите». А отец скажет: «Не ныряйте, а то вынырнуть сил не хватит».

Отец был очень строгий, и нам достаточно было увидеть его сердитое лицо, как нам тогда казалось. Теперь-то я понимаю, что лицо его было не сердитым, а суровым от его долгой работы с оленями в тундре, где всегда полно опасности. Он хорошо знал тундру, любил и понимал оленей. Ему стоило посмотреть на оленя, чтобы понять его состояние. Заболевшее животное в упряжку не запрягал. И олени платили ему за это своей любовью. Они вывозили его из тундры даже в сильную метель, когда ничего вокруг не было видно. Привозили к дому, близко к окну, и останавливались. А тут уже мама выходила и помогала отцу в дом зайти и вещи принести, потому что у самого сил на это уже не было и от холода руки плохо двигались. Олени сразу же укладывались отдыхать, и вместе с ними собака Чапка. У них друг к другу было полное доверие.

Мы с братом уже понимали, что сегодня не до сказок. Тихонько, по мере сил своих, помогали маме отогреть отца. Она помогала ему выкупаться, переодеться. Отец бывал дома неделю, а то всего три дня, и его вновь отправляли в тундру: либо в бригаду пастухам отвезти почту, ветттехнику, либо за почтой и кинолентами, либо из района, из Ловозера, руководство надо было везти в Воронье.

Оставшись одни, мы жили ожиданием приезда отца. Мама, уходя на работу, оставляла еду на плите. Мы вставали и сами уже хозяйничали. Я мыла посуду. Пятилетний братишка приносил дрова из коридора и складывал их у печки. Мама приходила на обед, клала их в печку и зажигала огонь. Еда быстро подогревалась. Мы вместе ели. Затем опять уходила на работу. А после работы, отдохнув недолго, садилась шить новую меховую обувь отцу для работы в тундре и пела какую-нибудь луввьт свою, а потом переходила на сказку. Тут уж мы с братишкой всякие игрушки оставляли и устраивались на шкуре. Братишка слушал, слушал и засыпал. Мама его поднимала на постель и продолжала петь сказку. Большей частью сказки пелись, и мама, как и бабушка, знала

их, любила повторять и разные другие вспоминать. Другой раз говаривала: «Вот видишь, давно не вспоминала, так немного подзабыла. Надо бы чаще сказывать-то. А может, Восехь это помнит, надо бы спросить». На следующий день вечером приходили женщины и все брали с собой рукоделие, всем ведь свою семью одевать надо: мужей, детей, себя. Сначала новостями делились, обменивались своими думками, а потом пели луввьт. Луввьт — это традиционное саамское пение со словами или без слов. Пока пели — или полрукавицы связали, или тапок кто-то сшил. А как только чайник вскипал, все дружно садились за стол чай пить. После чаепития нюхали табачок — только крышечки о табакерочку постукивали, да весело, со смехом, чихали. Так отдохнув от всех дел, расходились по домам. Я маме помогала со стола убрать, мыла посуду. Мама же вновь шила и продолжала начатую сказку либо что-то другое рассказывала и пела.

А бабушка жила в другой деревне, в Чудзьявре, и приезжала редко. Тогда она помогала маме что-то шить или вязать. В те дни маме было полегче. По дому хлопотала бабушка, а шили вместе и сказки пели вместе. Голоса их красиво звучали и вели мелодию. Когда бабушка уезжала, а мама уходила на работу, я что-нибудь делала по дому и пела то, что успела запомнить.

Так прошли моё детство и школьные годы. И теперь их с теплотой вспоминаю. Потому и решила писать сказки, чтобы вы могли читать их своим детям. Вы познакомитесь в них с бытом саамов, с их непростой, суровой жизнью.

НАСТЯ И КОСТЯ

Шла девочка Настя
Из школы домой,
Навстречу — пёс Лоаст,
Сердитый и злой.
В испуге воскликнула
Настенька: «Ой!
А как же теперь
Доберусь я домой?!»
На помощь ей вышел
Сосед её Костя:
«Мы вместе пойдём.
Ты собаку не бойся!
Тебя никому
Не отдам я в обиду.
Пёс Лоаст,
А лаять на девочек
Стыдно!»

ВЕРЁВОЧКА

Я верёвочку кручу
И скачу, скачу, скачу.
Медленно могу и быстро —
Пусть верёвочка кружится!

* * *

Мы полгода день за днём
Дружно с солнышком живём.
А потом уснёт оно —
и полгода нам темно.

ВЕСЕННЕЕ СОЛНЦЕ

Весеннее солнце
На тундры в оконце
Взглянуло и видит:
Ни птиц, ни зверей.
Попрятались где-то
Зверята и дети.
Пора за работу,
Чтоб тундры согреть,
Чтоб ожили всюду
И звери, и люди.

АФОНЯ

Поехал в Ловозеро
Мальчик Афонька,
Сел в кресло, а рядом
Старик встал тихонько.
И всю-то дорогу Афоня сидел,
А старенький дед
Все стоял и кряхтел.
Но вот и Ловозеро,
Автовокзал.
Афоня тут деду
Культурно сказал:
— Садитесь, пожалуйста,
Место здесь ваше.
К тому же я маленький,
Вы же — постарше...

Перевод с саамского языка Ю. Кудинова

СНЕГОВИК

Выпал снег,
Зима кругом.
Я скатаю
Снежный ком.
Ком на ком
И сверху ком.
Станет снег
Снеговиком:
С носом, ртом
И в две руки,
И глазёнки — угольки...
Снеговик
Взаправдашний!

ВОТ КАК ВЫРАСТУ БОЛЬШИМ

Вот как вырасту большим
Я под стать родителям,
Помогать я стану им —
Буду я строителем!

Стану красить я тогда
В сто оттенков здания,
Чтоб сияли города
Северным сиянием!

ЖЕЛЕЗНЫЙ ОЛЕНЁНОК

Мой железный оленёнок,
Расчудесный оленёнок!
Как волшебные копытца,
На ходу мелькают спицы.
Я колёса кручу —
И как птица, и как птица,
В даль далёкую лечу!

РАДУГА

Эх, пришла бы радуга к моему порогу,
Я пошла б по радуге в дальнюю дорогу.
У солнышка согрелась бы,
На звезды нагляделась бы,
Про всех людей узнала бы,
Себя им показала бы...
Приди к порогу, радуга!

Перевод с саамского языка Н. Голь

ОЛЕШКА

Он растет проказником,
Резвым и брыкастеньким,
Бархатные рожки,
Крепенькие ножки.

Он, заигрываясь, часто
И о маме забывает.
Только олениха, к счастью,
О себе напоминает.

Если где-то долго бегал он,
Пропадая невзначай,
Наказанье будет пегому:
Возле мамы поскучать.

КОМАРЫ

Из-за горочки-горы
Налетели комары,
Налетели, как орда,
На погосты, в города,
Чтоб зудеть и верещать,
Чтобы всех подряд кусать.

ЧЕЛОВЕКУ

Ты на свет появился,
Человечек упрямый.
Кого ты увидел?
— Этот мир и маму.
Ты заплакал,
Тишину и порядок ломая.
Кто баюкал тебя?
— Ласковый ветер и мама.
Ты подрастал,
Всему сущему в жизни внимая.
Кто тебя пестовал?
— Лес, лужайка пред куваксой, мама.
Ты стал взрослым,
Осилил премудростей всяких немало.
Кто учил тебя дело постичь?
— Моя тундра, саамы и мама.

Перевод с саамского языка А. Миланова

ПЯЙВЕШЬК И ЕГО БРАТЬЯ

В небольшой веже с приездом бабушки стало шумно и весело. Радость встречи охватила всех. Говорили и смеялись громко, чай пили долго. Детям нравилась эта шумиха. Они старались не мешать взрослым, бегали, играли и ждали, когда бабушка сядет к ним поближе и начнет рассказывать сказки, которых знала множество. Она умела интересно менять свой голос, то говорила, то пела, а слушавшие ее дети и даже взрослые живо представляли происходившее, то смеялись, то плакали, то пели вместе с ней. Голос бабушки, жужжание веретена, позвякивание спиц, стук наперстка об иглу при шитье обуви из оленьих койб да легкое пощелкивание крышки табакерки — музыка, звучавшая в веже длинными зимними вечерами.

В этот раз бабушка привезла внукам красивые шерстяные чулки и после чая раздала подарки детям. Те, довольные, рассматривали их. Вяця, старшая, рассудительная девочка, показала всем бабушкин подарок и сказала, что их наденет, когда поедет в село с родителями. Ее младший братишка Яця надел свои носки тут же и показывал, какие красивые полоски вывязала ему бабушка. Но тут его внимание отвлек тоненький лучик солнца, падавший на него. Малыш поднял руку и, загородившись от него ладошкой, удивленно заметил, что кисть его руки просвечивается лучиком. Он громко позвал сестру:

— Вяця, смотри, как светится моя рука!

Но сестра была чем-то занята и не слушала его. Ему ответила бабушка:

— Что, Яця, ты поздоровался с сыном Солнца?

— С сыном Солнца? — переспросил Яця. — Нет, бабушка, я не видел его.

— Ты говоришь, что не видел, а сам уже играешь с ним, — сказала бабушка. Это к тебе Эвтэшк пришел — старшенький Солнца сынок. Прошло темное время, вот сыновья Солнца теперь и резвятся на небе.

Бабушка обняла внука. Вяця тут же подбежала к ним и села у ног бабушки. Она поняла, что сейчас услышит что-то очень интересное. А бабушка продолжала:

— Каждый год после темных ночей и дней появляются на небе сверкающие лучи и освещают облака. Это отец Солнце выпускает погулять своих сыновей, чтобы они со своими маленькими луками и стрелами поиграли, прыгая по облакам. Отец Солнце очень строго следит за тем, чтобы дети играли только там, где он им разрешает.

Как только сыновья подрастают, он им новое место для игр отводит, а растут они быстро. После облаков сыновья Солнца будут прыгать по верхушкам гор и постепенно скатываться на хребты, а потом бегать по склонам.

— А до земли скатятся? — спросил Яця.

— Да, похоже, уже скатились, — ответила бабушка. — Еще не так давно сыновья бегали с луками и прыгали по верхушкам гор, по их хреб-

там, пуская свои стрелы в разные стороны. Как-то братья заметили, что в том месте, куда упадет стрела, через некоторое время вместо белого снега появляется темное пятно. Хотели они спуститься да посмотреть, что же там такое происходит, да не решились нарушить слово отца. Вернувшись домой, они рассказали о том, что видели. Старший сын Эвтэшк спросил отца, нельзя ли ему спуститься вниз и посмотреть, что это за темные пятна появляются. Но отец Пейвь ответил:

Не спешите, сынки, уже совсем скоро вы пойдете вниз не смотреть, а работать.

— А что мы будем там делать? — спросили сыновья.

— Будем вместе Землю греть, помогать траве расти, птицам птенцов выводить, всякой живности род свой продолжать. Вы уже видели, какая Земля большая, работы всем хватит.

—Пейвь ажя (что означало «папа Солнце»), — обратился к отцу младший сын Пяйвешьк, — и почему нам нельзя сейчас на Землю спуститься?

А братья постарше добавили:

— Что может с нами случиться, если мы сейчас отправимся туда?

— Еще не готова для вас одежда — желтая накидка с золотой каймой да золотой аркан, чтобы мы могли друг другу помочь, если кто-то в беду попадет, — ответил Пейвь.

А разве без такой одежды может с нами что-то плохое случиться? — удивился Кэсклэшк, средний брат.

— Если вы пойдете без накидки и аркана, вас сможет поймать злая колдунья Вуэллэж, — пояснил отец. — Живёт она в Большой пещере у острых скал. Но даже имея все, нужно быть очень осторожными. Кого она схватит, тот там может погибнуть. У вас еще мало сил и уменья, чтобы справиться с ней. А потому катайтесь пока только до середины гор. Темные пятна, которые вы увидели, — это Земля открывается после зимнего сна.

Резвятся сыновья Солнца, бегают, прыгают, с горы на гору перескакивают, как по камушкам, силы и ловкости набираются, но слово отцовское помнят и катаются только до середины гор. Время у них пролетает быстро. Однажды рано утром отец Пейвь говорит своим сыновьям:

— Вот и пришло время вам приступить к работе. Сегодня вы сойдете на Землю. Где побываете, там снег будет таять. Только в одном месте вам долго быть нельзя.

— Почему? — спросил младший Пяйвешьк.

— Землю пересушите — трава не сможет расти, — ответил Пейвь,— а если снега много растопите — все живое от наводнения погибнет. Работайте с любовью и увидите, как появится зелень и Земля обновится. Но, сынки мои, будьте внимательны и осторожны.

— Вот, дети мои, принесла я вам одежду,— сказала мать и каждому подала по накидке, поясу и аркану. — Мы с отцом поможем одеться вам.

Ребята оделись во все новое, накинули на себя накидки, расшитые золотом. Мать каждому накидку золотой брошью застегнула. Пейвь-отец каждому сыну золотом расшитые пояса застегнул, к ним золотой аркан прикрепил, второй конец которого был прикреплен к отцовскому поясу с колокольчиком.

— А если мы запутаемся арканами? — спросил второй сын Вуйкэшк.

— Не запутаетесь,— ответил отец. — Сейчас вы здесь побегаете и поймете все сами, только не забывайте подергать аркан, тогда колокольчик зазвенит и я мигом на помощь примчусь.

Поиграли сыновья с отцом, запомнили все его наказы и засобирались на Землю. К матери подошли, которая еще раз у всех проверила, как застегнуты броши, пояса, и спросила:

— Все запомнили?

— Все,— ответили сыновья.

— Следите, чтобы накидка всегда была застегнута, а не то ветер-озорник сорвет ее, и тогда силу потеряете. Помните, что внизу в пещере живет злая колдунья Вуэллэш. Не теряйте из виду друг друга, — благословила мать сыновей в путь.

Ушли сыновья, а она принялась по дому хлопотать. Отец Пейвь сверху за сыновьями следит. Видит, как ребята справляются, радуется, что они смышленые да старательные, работу выполняют играючи, ловко и аккуратно. Он за ними наблюдает и свою работу делает. Как время пришло сыновьям возвращаться домой, отец им посигналил. Те вернулись домой радостные и слегка уставшие. Мать хлопочет вокруг стола, работничков кормит и о работе спрашивает. А они рассказывали, как наблюдали за бегущими ручейками от растаявшего снега, как трава появлялась, а мамы-пташки птенчиков кормили, а у маленьких оленят-пыжиков ножки расползаются, когда они встают на ноги, лес с каждым днем все больше начинает зеленеть.

Всё интересно братьям, работа их только радует. Постепенно научились сами определять, когда им возвращаться домой, собираясь ко времени в условленном месте. Однажды собрались братья, а старший Эвтэшк еще не прилетел. Подождали его и стали выяснять, кто его видел и где. И тут средний брат Кэсклэшк вспомнил:

— Эвтэшк пролетал недавно над долиной за огромной скалой Шурр Уррьт, где внизу злая колдунья живет. Может, что-то случилось с ним? И отправились братья туда. Они успели увидеть, как кто-то огромный, черный несет в пещеру их брата. Догадались братья, что это злая колдунья Вуэллэш, и решили Эвтэшка сами выручить. Полетели братья, окружили колдунью и стараются лучики от брошек в глаза колдунье направить. Как попадет лучик ей в глаза, слепит её. Отворачивается Вуэллэш от лучиков, спешит в пещеру попасть, там солнечные лучи не достанут ее. Но братья кружат вокруг, не пропускают её. Тут младший

Пяйвешьк ухитрился и выстрелил из лука. Его солнечная стрела попала прямо колдунье в глаз. Схватилась она за стрелу и выпустила Эвтэшка. Братья быстро подхватили его и полетели домой. О том, что случилось с ними, не хотели родителям рассказывать. Но отец Пейвь сам сказал:

— Вот и стали вы совсем взрослые, смелые. Молодцы, что брата в беде не оставили.

На следующий день, прежде чем вниз лететь, договорились предупреждать друг друга, сообщая, куда лететь собираются, чтобы любой из них на помощь прийти мог от злости Вуэллэш. Понимали, что не напрасно родители предупреждали их об опасной встрече с колдуньей и, возможно, не раз им еще придется бороться с ней. А та времени зря не теряла, приготовила черную сетку и поджидала их. Непременно решила отомстить своему извечному врагу: изловить всех его сыновей и лишить Пейвь его силы большой. Для Вуэллэш чем света меньше на земле, тем она сильней. И коварная Вуэллэш выжидала, раскинув свои черные сети.

Однажды Пейвь отправил своих сыновей за Инцес гору. Хоть путь туда не близкий, они сумели быстро долететь. Вокруг уже снег почти растаял, и в открытых местах начинала зеленеть трава. Бежали ручьи и было много луж. Вода в них поблескивала от солнечных лучей. Вот и загляделся на игру солнечных зайчиков Мильтэшк, не заметил черную сеть, угодил в ловушку. Вуйкешк был вторым из братьев и самым внимательным, всегда все замечал. Он увидел, как брат запутался в сети и уже приближается к нему Вуэллэш. Вуйкешк позвал братьев и запустил стрелу в колдунью. Загорелась на ней накидка. Пока Вуэллэш тушила огонь, Вуйкешк успел сжечь сеть и стал освобождать руки Мильтэшка. В это время подоспели братья. Прогнали своими стрелами колдунью, загнали в пещеру. Поднялся Мильтэшк, и полетели братья домой.

Встречает сыновей Пейвь-отец, обнял каждого. Мать за стол зовет садиться, угощает сыновей. Радуются родители, что справились ребята сами. Взрослеют дети. Хорошая подмога у отца. И говорит он им:

— Молодцы, сынки, рад, что вы такие дружные. А теперь надо одежду в порядок привести, которая чистой и целой быть должна, а рваное и грязное силу отнимает. Вам же, сынки, нужно всегда сильными быть.
На следующий день, когда братья были готовы идти, мать прикрепила каждому сыну блестящую брошь с маленькими подвесками, сверкающими, как само солнышко.

— Эта брошь не простая, она защитит от чужой силы и, если кто ослабнет, отцовскую силу даст, — сказала мать сыновьям и благословила в путь их.

Отец тоже сказал:

— Аркан с вами останется, но от колокольчика отстегиваю. Только Пяйвешьк сможет мне сигнал дать, он пока будет еще прикрепленным

к нему. Вы, сынки, помните, что только вместе сильны. И если вы были внимательны на земле к другим, то они всегда придут к вам на помощь. Не теряйте из виду друг друга.

Несколько дней братья летали вниз на землю и, не видя злую колдунью, решили, что она забыла про них. Но она выбрала момент и напала на них. Ей удалось схватить среднего сына Пяйва Кэсклэшка и полететь с ним в пещеру. Когда она с добычей пролетала над лесом, над высокими елями, то одна подвязка на его ноге зацепилась кисточкой за колючую ветку, развязалась и осталась там висеть. Ее-то и увидел Эвтэшк, пролетая над лесом, подхватил подвязку и кинулся брата искать. Но нигде никаких следов не увидел. Созвал он тогда братьев, и решили они в разные стороны лететь, и тот, кто брата найдет, посветит на высокую слюдяную скалу, а блеск ее все они увидят и прилетят на помощь. Полетели они к ней и поздоровались:

— Тиррв, слюдяная вершина, здравствуй! Беда у нас приключилась. Помоги нам в нужный момент передать друг другу сигнал. Надо брата спасти.

А слюдяная скала была рада их видеть и рада помочь. Ей нравилось наблюдать за их работой да забавами, нередко сама принимала участие в их играх, когда солнечные лучи попадали на нее, ловила их блеск и увеличивала число лучей и изменять направление лучей могла.

— Я помогу вам, — сказала она, — но вы почистите меня, а то птицы испачкали.

Почистили братья скалу и отправились на поиски Кэсклэшка. Летают, высматривают, да никак не могут найти. Решил Эвтэшк проверить пещеру, стал брошью светить вовнутрь. Но от его лучей в глубине вспыхнули только пустые висевшие сети. Понял он, что никого там нет, и отправился в другую. В той тоже никого, и, наконец, в третьей увидел связанного брата, черным покрывалом накрытого. Эвтэшк направил луч на слюдяную скалу. Братья увидели вспыхнувший луч и полетели к пещере той. Но луч и колдунья увидела и поняла, что братья Кэсклэшка нашли. Хотела сбежать, но у входа ее ослепительный луч остановил, и, как ни старалась она, увернуться от его жара и блеска не удавалось. Устала, почувствовала, что начинает слабеть, и стала на помощь звать хозяйку черных туч Туфф. Услышала хозяйка черных туч и появилась у пещеры. Напустила такого тумана, что не видно стало братьям друг друга, не могут они лучики соединить, не могут колдунью слепить. Изловчилась Вузллэш, накинула черную сеть на братьев и потащила их в пещеру к себе. Остался только Пяйвешьк, но из-за сильного густого тумана ему не видно было, что случилось. Когда туман рассеялся, он понял все, встал у входа и направил лучики в глубь пещеры.

Братья, накрытые черным покрывалом, пытались помочь Кэсклэшку, соединяли лучики брошками, но под темным покрывалом сила их света стала слабеть. Тут пробился к ним лучик Пяйвешка. Соедини-

лись лучики, засияли, и сгорело черное покрывало. Осветилось лицо у Кэсклэшка, открыл он глаза и увидел братьев:

— И вы тоже попались в сеть?

Успокаивают его братья:

— Не волнуйся, главное — вместе мы. Что-нибудь придумаем.

Сели кружком и стали брошками светить, и зажглось маленькие солнышко, становясь всё ярче. Осветилась пещера. Вспыхнули черные сети, висевшие по стенам, не может подступиться к братьям Вуэллэш, посылает на них своих помощников — больших пауков Оадзэ.

Плетут Оадзэ черные сети, а сыновья Пейвь сжигают их. Пяйвешьк им у входа светит, помогает усилить луч. Еще немного — и братья смогут уйти. Видит Вуэллэш, что не справиться ей с ними. Вновь зовет она на помощь Туфф. Летит Туфф с черными тучами. Потемнело все вокруг, ничегошеньки не видно, густым туманом в пещеру заползла. Ослаб луч у братьев. Оадзэ торопятся, плетут сети, уж и вход завесили. Видит Пяйвешьк, что не может помочь братьям. Стал он аркан у пояса дергать, отца звать.

Пейвь далеко был и не знал, что у сыновей беда приключилась. Услышал он звонок колокольчика, сразу на помощь поспешил. Торопит его Пяйвешьк, луч броши направил на слюдяную вершину. Та подхватила направленный на нее свет и осветила все вокруг. Но Пейвь уже заметил, где луч от Пяйвешька блеснул, а еще ранее увидел, куда тучи летели. Направил он свой сильный луч на густую черноту их, разогнал и высветил сына младшего. Засверкала брошь в руках у сына, и лучи от нее сразу попали на сети у входа. Загорелись они, осветилась пещера, рассеялся туман. Поняла Вуэллэш, уже совсем близко Пейвь, и поспешила нырнуть в яму. Большие оадзэ не успели спрятаться, и сжег их Пейвь.

Выбрались братья из пещеры, обнимают отца и Пяйвешька, скалу следяную поблагодарили и полетели домой к матушке своей. Много радости и веселья было.

Сказка закончилась, но все еще продолжали сидеть. Бабушка повернулась к маленькому Яце:

— Видишь, — сказала она, — какой веселый у тебя дружок — солнечный лучик. Он всегда спешит на встречу с людьми, рад согреть их своим светом, особенно маленьких. И пусть он поселится в твоем сердечке и вместе с ним любовь ко всему светлому, чистому и яркому. И каждому рядом с тобой, как возле маленького солнышка, будет тепло и хорошо.

МЫХХКЭЛ ШУХХКЭЛ

Когда-то давным-давно возле горы на берегу реки в укромном месте стояла небольшая вежа. Жил в ней охотник с сыном. Раньше была у него жена, да она заболела и умерла. Трудно ему было без неё. Сына

приходилось всё время брать с собой. Но зато тот всему научился: и охотиться, и рыбу ловить, и заготавливать впрок мясо и рыбу. Тундру знал и все тропки в ней. И это радовало охотника, а огорчало лишь одно: жена не дожила до этого времени, чтобы порадоваться вместе с ним. И теперь одному придётся жену для сына присмотреть. Сын становится хорошим охотником да удачливым. С охоты домой каждый раз они возвращались с добычей. Значит, семья сына, когда он женится, всегда будет жить в достатке. Радовался так отец в душе.

Но однажды с охотником случилась беда. Возвращался он с охоты, провалился в ручей и чуть не замёрз. Еле дошел домой. Слёг охотник, занемог.

Как-то подозвал отец сына и сказал ему: «Сынок, ты уже многое знаешь и умеешь, голодом сидеть не будешь и сможешь семью прокормить, когда женишься. Умеешь видеть тундру и всё, что в ней происходит, но одному я не успел научить тебя: как защитить себя от врагов и подготовить шуххкэл к этому». Отец рассказал сыну, как выбрать дерево и потом сделать из него шуххкэл *, когда и как его использовать. Все секреты свои передал сыну. Немного отдохнул и продолжил: «Сынок, прежде чем ты начнёшь работать, слова мои вспоминай и говори их, когда будешь посылать шуххкэл на врага». Сказав это, отец скончался.

Юноша погоревал, похоронил отца и первым делом стал к зиме готовиться. Теперь одному надо справляться. За работой да за заботой время быстро проходит: мяса и рыбы насушил, повесил их в амбаре, как отец делал, сети отремонтировал и убрал их. Уже речка тонким льдом покрылась — скоро и на охоту. Самое время подошло шуххкэл заготовить. Пошёл юноша в амбар и подошёл к отцовским шуххкэлам. Поприветствовал их и обратился к самому старому: «Ты помогал отцу, теперь помоги мне». Взял в руки шуххкэл и ощутил тепло отцовских рук. Каждый подержал в руках, осмотрел внимательно и пошёл с ними к проруби. По нескольку раз окунул в воду и подвесил возле амбара. Всю ночь с ними играл озорной ветерок. Утром рано охотник увидел их совсем другими.

Были шуххкэлы деревянными, а стали ледяными, звонкими. Взял их в связку и пошёл с ними силы свои попробовать. Взошёл он на пригорок. Огляделся вокруг и выбрал, в какую сторону отправить шуххкэл. Сделал всё, как велел отец. Запустил первый шуххкэл и побежал следом. Так юноша поработал со всеми отцовскими шуххкэлами. И наконец взял в руки самый старый, погладил, поговорил с ним и обратился к нему с просьбой: «Помоги найти нужные деревья для новых свежих шуххкэл» — и, размахнувшись, отправил его. Шуххкэл с лёгкостью заскользил по ровным местам, перелетел с одного пригорка на другой и воткнулся возле стройных берёзок и тонких молодых сосенок. Прибежал парень и понял, какие нужно взять деревья на изготовление шуххкэл. Срубил их, сделал за вечер шуххкэлы и подвесил сушить.

---

* *Шуххкэл* — длинный деревянный шест с заостренным концом (саам).

Как-то пришел с работы, усталый, поел и лёг спать. Среди ночи его новые шуххкэлы раскачиваются, стукаются друг о дружку, позвякивают. Вдруг один из них говорит:

– Шуххкэла, шуххкэла, скоро много работы нам будет, скоро много работы нам будет.

– Смотри, не переломись, – отвечает другой и засмеялся, – ты у нас самый тонкий.

– Не переломлюсь, я сквозь каждого пролечу, а ты застрянешь, – ответил ему первый.

– Тихо вы, не шумите, – прозвенел третий. – Хозяина разбудите. У него с нами ещё много дел впереди. Через три дня сюда чудь* придёт. Ему всех их нужно будет уложить, и в этом мы ему поможем.

Только они притихли, как первый опять заговорил:

– Слышали? Слышали? Вурэч протрещала, что чудь к морю идёт.

– Они к морю идут, да сначала на нас выйдут, – сказал другой.

Но тут узкая полоска света проникла сквозь маленькое окошко, и разговор затих. Молодой охотник весь этот разговор слышал и поблагодарил их за то, что предупредили. К концу третьего дня все шуххкэлы полностью были готовы.

Ночь прошла. Ещё не совсем рассвело – юноша уже встал, поел и с собой взял немного круглого хлеба. Взобрался он на высокую сосну и увидел, что чудь движется по тундре в сторону его вежи. Юноша быстро спустился. Вокруг вежи снегом всё засыпал так, чтобы никто не догадался, что здесь есть жилище. Взял шуххкэлы и отправился на небольшую горку. Устроился там поудобнее и стал ждать, когда чудинов получше будет видно. И вот, наконец, увидел, как чудь, глубоко проваливаясь в снегу, идёт прямо на него, голова к голове, друг за другом. Враги сняли шлемы – так было лучше видеть вокруг. Вот уже совсем близко подошли.

Пока юноша приглядывался к приближающимся врагам, вспомнил слова отца: первый шуххкэл нужно послать так, чтоб летел тот по снегу с шумом. Так он и сделал. Послал крученый шуххкэл, приговаривая:

«Мыхкэл, шуххкэл, шуйхъкель, муйхъкель!
Мыхкэл, шуххкэл, шуйхъкель, муйхъкель!
*Чогк чонтэ чудэнь!»***

Трижды повторив эти слова, он стал наблюдать, что будет. Чудины, услышав непонятный звук, который быстро усиливался и приближался к ним, залегли в снег и, вытянув шеи, пытались что-нибудь увидеть. А когда звук прекратился, то испугались, оттого что десять первых чудинов лежали с проткнутым горлом, как рыба, нанизанная на прутик. Все они были на огромной сосульке. Дальше идти чудины решили не

* Чудь, чудины – враги, племена, совершавшие набеги на саамов (саам).

** «Заскользи, пролети! Заскользи, пролети! Проколи горло чудинам!» (саам).

друг за другом, а в ряд. По снегу им стало ещё труднее идти. В тяжёлых доспехах они глубоко проваливались в него, с трудом вылезали и продвигались ещё медленнее.

Юноша незаметно перебежал на другое место. Теперь он их видел сбоку. Прицелившись, запустил шуххкэл в самый последний ряд. Чудины упали разом, но те, которые шли впереди, этого не видели и продолжали свой путь, падая ряд за рядом. Вот уже только первый ряд шёл вперёд неровной полоской. Юноша уже мог видеть их железную одежду, о которой отец рассказывал. Теперь он стрелял из лука в тех, кто отстал. И через некоторое время не осталось в живых ни одного чудина. Ещё немного выждал — не появится ли кто, выбрался из укрытия и пошёл собирать свои шуххкэлы. Посмотрел на диковинные предметы, которые ему были не нужны, и все похоронил. От отца он знал, что взятое чужое добра не принесёт. И пошёл домой, а за ним скользили его верные помощники — шуххкэлы.

Птицы закружились над побоищем. На запах крови бежали звери, а вурэч трещали на весь лес о том, как смелый юноша расправился с чудью. Вскоре об этом знали все живущие в крае.

ПАЛА

В старину, сказывали, жила одна семья в тундре, возле озерка. Вокруг него были небольшие горушки да лесочки. С горушек далеко всё было видно, всё открыто глазу.

В семье девочка росла, резвая да весёлая. Муж с женой в тундру пойдут — дочке говорят: «Ты, дочка, далеко не бегай, играй возле вежи. Мы еду тебе оставляем, кушать захочешь — поешь и посуду за собой вымой и убери».

Пала, оставшись одна, бегает, играет до самого вечера. Родители возвращаются поздно. Спрашивают дочку:

– Как ты, доченька, без нас поживала, весело ли играла?

Пала им отвечает:

– Я всё бегала да играла, а ещё я кушала.

Так дни проходили, дочка подрастала. Родители целыми днями в тундре то охотятся, то дрова заготавливают, а девочка растёт, сама себе хозяйка, наказы матери не всегда выполняет. Скажет ей мать пол помыть, еду приготовить — она пол помоет, а про еду забудет. Как-то возвращаются родители из тундры усталые, голодные, спрашивают:

– Пала, почему ты ничего не приготовила? Даже чай не согрела.

– Я не успела, — отвечает дочка. — Полдня проспала, что было — поела, пол помыла, воды принесла, а сварить ещё не успела.

– Ты полдня проспала, что же ночью будешь делать? — спрашивает мать.

– На месяц буду смотреть, — говорит дочь. — Месяц — он такой круглый, как моё лицо.

– Не смотри, дочка, на месяц, унесёт он тебя, — говорят родители.

Слушает Пала их и удивляется: «Как это он может меня унести? Он же так далеко от меня!» Но пообещала им больше не смотреть на месяц ночью, а сама ещё чаще стала думать о нём.

Перестала дочка ходить на улицу смотреть на месяц. Иногда только из окна мельком посмотрит на него. Матери стала больше помогать. Родители радуются — поумнела Пала.

Но как-то раз, перед тем как лечь спать, подошла Пала к окну, посмотрела на месяц, и показалось девушке, что он улыбнулся ей. Пала тоже улыбнулась в ответ ему и легла спать. А среди ночи проснулась она от ощущения, будто кто-то гладит её по щекам. Посмотрела Пала — рядом никого нет, только лунный лучик, пробиваясь сквозь окно, падает ей на лицо. Пала провела рукой по лучу и почувствовала, что месяц обрадовался. Он ласково ещё раз провел лучиком по лицу девушки, как бы желая ей спокойной ночи, и исчез. Пала уснула. Несколько ночей подряд просыпалась она от прикосновения лунного луча. Её радовало это, и матери Пала ничего не говорила.

Однажды девушка проснулась, оттого что лучик позвал её на улицу. Пала осторожно выглянула в окно и увидела, что на дворе стоит молодой красивый парень и весь сияет голубым светом. Она тихонько оделась, накинула шёлковую шаль и вышла на улицу. Молодой человек протянул ей руку, и не успела Пала что-либо подумать, как оказалась в большом серебряном доме. «Меня зовут Маанн. Это мой дом. Будь в нём хозяйкой, а мне женой», — сказал ей парень. И стала Пала в серебряном доме хозяйкой, а парню женой.

Утром родители увидели, что дочки нет дома. Решили, что она рано ушла в лес за хворостом. Они ушли в тундру, а вечером, вернувшись домой, увидели, что Пала ещё не приходила, и отправились искать её. Вернулись домой, поплакали и легли спать. Утром говорит жена мужу: «Пала наша у месяца. Взял он к себе в серебряный дом, я во сне видела».

Поели они, как обычно, и отправились за дровами в лес. Долго работали, а когда возвращались домой, Маанн им дорогу освещал до самой вежи, а северное сияние очень низко опускалось и было такое красивое, какого они никогда не видели. Догадалась мать, что это их дочка с Маанном провожают и что дочка просит прощения за то, что ушла, не простившись. С тех пор родители всегда возвращались домой при лунном свете и северном сиянии.

Время шло. Заскучали родители. Мать стала часто плакать. И вот как-то, возвращаясь домой, увидели они, что на небе северное сияние заиграло и даже закружилось над ними. Поняли родители, что это их дочка. Взмахнула мать рукой, а старик в это время держал жену за руку.

Месяц свой луч направил прямо к ним, и родители в один миг оказались в большом серебряном доме.

Всё вокруг сверкает, блестит. Подходит к ним Пала в красивой богатой одежде. Обрадовались родители, поговорили, успокоились. Мать и спрашивает:

– Дочка, а что же не выйдет к нам твой муж Маанн?

А Пала им отвечает:

– Не обижайтесь на него, нельзя ему к вам близко подходить. Если подойдёт, вы можете замёрзнуть.

Родители погостили у Палы, поблагодарили хозяев и, собираясь домой, спросили дочку, смогут ли они когда-нибудь повидаться. А зять ответил им: «Вы сможете у нас побывать, но только не скоро». Не успели родители слово сказать в ответ, как оказались уже в своей веже.

Прошло какое-то время, и они вновь заскучали по дочке. И опять мгновенно оказались в большом серебряном доме. Пала обрадовалась им, стала угощать, новости рассказывать, внуков показывать. Прибежали ребятишки. Все красивые, такие же, как Маанн, сверкающие холодным серебряным светом. То были маленькие звёздочки. Очень хотелось дедушке с бабушкой приласкать внучат, да нельзя до них дотрагиваться.

Вернулись домой старики и теперь только издали наблюдали в звездные лунные вечера за дочкой, зятем и внучатами.

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ (МАТРЁХИН)

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ (МАТРЁХИН)

Николай Кузнецов (Матрёхин) в данной «Антологии» представлен только одним стихотворением — «Чальмны-Варрэ», которое было опубликовано в коллективном сборнике саамских поэтов «О жизни» (1997), подготовленном литературным объединением «Жемчуга». Других сведений о нём, к сожалению, узнать не удалось.

ЧАЛЬМНЫ-ВАРРЭ

Окно паутиной забито
И плесенью зацвело,
Но имя ещё не забыто —
Ивановка наше село.

О нём и Поной напевает,
Хоть тоже травою зарос.
Да и народ здесь бывает
В горячую пору, в покос.

Ещё вспоминают: когда-то
Стояли — да, знать, не судьба —
Вон там у Даниловых хата
И здесь Кузнецовых изба...

Сквозь заросли лютой крапивы,
Означившей грани жилья,
Мостки у окна сиротливо
Глядят и глядят на меня...

АЛЕКСАНДРА ЛЯХОВА

АЛЕКСАНДРА ЛЯХОВА

Александра Ляхова (1959–2009) представлена в «Антологии» стихотворениями, которое она оставила в дар музею саамской литературы и письменности. По ее словам, стихи она писала давно, но стеснялась кому-либо показывать. Одно из стихотворений было напечатано в газете «Музейник», № 4 за 2003 год. Это и было её первое публичное выступление.

Александра родилась 9 ноября 1959 года на побережье Баренцева моря в селе Йоканьга в саамской семье Ивана Николаевича Матрехина и Агнии Егоровны Антоновой. Три класса школы отучилась в Гремихе, а в 70-х годах семья переехала на новое место жительства в поселок Верхнетуломский. После смерти матери была устроена учиться в Кольскую школу-интернат. За свою недолгую жизнь кем только ни работала! Слыла гостеприимной хозяйкой, кормила своих гостей наивкуснейшими пирогами. По воспоминаниям родных, писала много, но редко кому читала свои стихи, даже тетрадь, в которой они были собраны, подписала «Для себя». Умерла 27 июня 2009 года. Похоронена в поселке Верхнетуломский.

* * *

Вот и осень пришла,
Желтый лист облетает,
Дуют злые ветра,
Всё ковром устилая.

Нету сини небес,
Бродят пухлые тучи...
И угрюмым стал лес,
Посеревшими кручи...

Но вновь наступит весна!
Лес уснувший проснется,
И опять желтый лист
В изумруд обернется.

* * *

Белая церквушка, маковки вразлёт,
Как зайдёшь — и сердце радостно замрёт;
Молодой священник с русой бородой
Проповедь читает, на душе — покой.

Белая церквушка, маковки вдали,
Над тобой взмывают в небо журавли,
Люди здесь вздыхают, молятся, скорбят...
На тебя, священник, с нежностью глядят.

Белая церквушка, маковки блестят,
И другие птицы в небо полетят...
Это ж было где-то? — Погоди! — Постой!
Снился мне священник с русой бородой...

* * *

Вот и осень пришла,
Лист дрожащий чуть стонет;
Вновь придут холода —
Листик нежный уронят.

Мимо я не пройду,
Отогрею дыханьем
И спасибо шепну
Всем небесным созданьям.

Листик нежный молчит,
Аромата уж нету,
Хладен, как малахит,
Только верю в примету.

Свято верю в добро,
Что приносит удачу,
Этот лист — серебро,
Промолчу, не заплачу.

Потому что ты здесь,
Потому что ты рядом,
Берегу то, что есть —
Жизнь не кажется адом.

Так пускай этот лист
Серебром обернётся,
Он же нежен, он чист,
И удача вернётся!

Лист несёт лишь добро
И несёт он удачу,
Ты, листок — серебро,
Я молчу, просто плачу...

* * *

Громко ухнула полярная сова,
От тоски лишь заболела голова.
Ухнула и полетела прочь,
Чёрным покрывалом опустилась ночь.

Лишь сове не спится, мечется она,
И не люб ей проблеск голубого дня,
Ночью облетает весь свой тёмный лес,
Что она там ищет? Ждёт каких чудес?

Что там охраняет? Меч ли кладенец?
Может, потерялся у тебя птенец?
Не ответит совушка, совушка молчит,
День забрезжил новый — совушка уж спит.

ИВАН МАТРЁХИН

ИВАН МАТРЁХИН

Иван Матрёхин (1958) – поэт-бард, автор сборника песен «Белый олень» (2004) на саамском и русском языках, вышедшего в двух изданиях. Автор пока одной книги.

Переведен на саамский язык (кильдинский диалект).

Ответы Ивана Матрёхина на вопросы «Анкеты саамских писателей»

— Чего вы хотите добиться в жизни, за что её любите?

— За разнообразие, люблю наблюдать за жизнью.

— Любите ли подолгу смотреть на воду, огонь, камни, деревья, что вам ближе?

— На деревья, воду.

— Если бы перед вами оказалась высокая гора, вы полезли бы на нее или решили обойти, чтобы продолжить путь?

— Всегда интересно посмотреть сверху. Полез бы.

— Какой образ у вас возникает при слове водоём?

— Озеро.

— Почему, на ваш взгляд, в сказке был разрушен теремок?

— За разногласие. Не нашли общего языка, что и происходит в нашем обществе.

— Почему курочка Ряба обещала старикам снести яичко не золотое, а простое?

— Простому человеку золото не нужно. Не в золоте счастье.

15.06.2012

Саамский бард Иван Матрёхин

Иван Матрёхин родился 21 апреля 1958 года в селе Йоканьга Мурманской области в семье саама-оленевода. В 1962 году семья Матрёхиных переехала в посёлок Каневка Ловозерского района Мурманской области, так как село Йоканьга было ликвидировано.

Срочную службу Иван проходил в Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева в Москве. С 1979 года проживает в Мурманске. Закончил Ленинградский инженерно-строительный институт. По профессии — инженер-механик. По призванию — поэт, бард.

В 2004 году в Мурманском областном книжном издательстве вышла книга стихов Ивана Матрёхина «Белый олень». Стихи Матрёхин пишет на русском языке, а эту книгу на саамский язык ему помогли перевести А. А. Антонова и А. М. Агеева. Иван Матрёхин — один из немногих саамских мужчин, взявших в руки перо.

Уже в первом стихотворении, которое дало название всему сборнику, поэт заявляет основную тему своего творчества — тему Родины. Название стихотворения символично: белый олень — это символ свободы, воли, чистоты мироощущения, белый олень — это символ прошлого родного народа, «символ тунд-

ры — олень, величавый и гордый...». Стихотворение построено на антитезе: нежностью наполнены воспоминания поэта о прошлом, в котором вольнее дышалось, свободно и в гармонии с природой жилось на земле предков. Прошлое — чистое, свободное, вольное, где природа ласково и нежно относится к своим детям, одаривая их сполна дарами леса. Но пришел XX в. и нарушил законы жизни коренного народа: *«...затуманился день, Черный дым закружил над планетой, Заболела Земля, стал не нужен олень...»*.

Все понятное, родное, все счастливое осталось в далеком прошлом, сегодня родная мать-земля больна, да и как иначе можно определить состояние матери, которой не нужен собственный ребенок — народ? Вместе с темой родины звучит тема ответственности лирического героя за все живое вокруг него, отвечать за которое придется перед Вселенной. Лирический герой Матрёхина — он сам, поэтому поэт и просит прощение у матери-Земли «за ядерный бег», за нахлынувшие беды, за то, что далеко не лучший след останется внукам. В финале стихотворения звучит надежда на то, что «возможно землю беречь и охранять». Возможно, чтобы белый олень снова был нужен, как когда-то.

Тема Родины в творчестве И. Матрёхина неразделима с темой северной природы. Родина — это и тундра, такая бескрайняя, что в ней «заблудилась тишина», просторам такой тундры нет границ, богатствам нет конца — «стада оленей, стаи птиц» населяют её, но тундра печальна, потому что предчувствует непогоду, «туманы серые с болот ползут». Родина — это и северное сияние, чарующе прекрасное, сказочное.

Стихотворение «Северное сияние» — пример одушевления пейзажа. Лирический герой — очарованный зритель северной красоты. Его взор прикован к сказочному полету северного сияния, которое то величаво облетает звезды, то мечется, спешит и пляшет, окунается в Баренцево море, то озаряет улыбкой тундровые просторы. Царствуя в небе, сияние может приласкать тундру в тишине, подмигнуть красавице луне, расплескать темноту ночи. Все стихотворение — развернутая метафора, гимн красоте северной природы.

«В ладу» с природой живет саамский народ, воспринимая суровую природу Севера не как враждебно настроенный суровый край, а как родную и понятную среду. Родина поэта полна «прекрасной нежности», и отношение северного человека к ней тоже нежное: по его представлениям, «полярной ночи месяц — ясный друг», солнышко и северное сияние «ласкают» тундру, «реченька» струится, куропатка — птица «прекрасная», украшение тундры, луна — красавица, жизнь в тундре «чудесна, удивительна, мила». Солнце зацепилось за «березку, что на сопочке растет». Все красиво на земле предков, все мудро, всё взаимосвязано, служит друг другу:

Птица северная заполярная —
Спутник стада оленей в тундре...
Куропатка белая полярная...
...тундру никогда не предает.

С темой Родины у Матрехина связана тема покинутого, оставленного дома. Трагедия умерщвления саамских сел отражена в таких стихах, как «Покинутое селение», «Затопленное село». Звучит боль за родной очаг, вокруг которого грелось не одно поколение предков, но вот беда: сегодняшним саамам нечего оставить после себя детям и внукам. Дом родной залит водой, затоплен, никогда не обогреет его печь, и только в памяти тех, кто жил когда-то в старинных саамских селениях, которым более четырехсот лет!, дом остается живым. Поэт передает нам свое душевное состояние: «очень больно», «очень грустно»... Обреченно звучит в стихотворении «но...», недосказанность рождает раздумья, усиливает горечь от понимания невозможности что-либо изменить, и только, как заклинание, в припеве повторяются строчки: *«Здравствуй, дом родной, Ты для нас живой»*.

Родное село Матрехина — Йоканьга. Ей посвящает он стихотворение «Покинутое селение», наполненное воспоминаниями детства. «Что случилось с любимой родиной?» — задает поэт вопрос, казалось бы, риторический. Нет древнего саамского селения на карте, нет детишек в селе, нет жилищ, не найти даже духа лопарского, осталась «проклятая боль в груди» от безысходности, от бесправия саамского народа на родной земле. Боль свою адресует поэт конкретному виновнику — «слугам народа», которые «душ саамских тепло размели». Стихотворение заканчивается на мажорной ноте: *«Все же выжили мы, воспрянули. / Вновь звучит саамский напев...»*.

Нераздельность судьбы своего народа с судьбой народов многонациональной России, в то же время понимание уникальности любого народа в семье разных национальностей — вот гражданское кредо поэта: *«Из народов больших и маленьких / Вновь воспрянет великая Русь»*.

Лирический герой — не только гражданин России, житель Кольского края, но и житель Вселенной, перед которой он чувствует свою ответственность за судьбу всей планеты.

Испокон веков саамы считали себя хозяевами тундры. Знали ее без карт, владели богатейшими озерами, стада оленей вольно паслись на ягельных пастбищах. Но сегодня все изменилось: «затихла жизнь в саамских селениях», «живет народ, вниманьем обделенный», отняты у саамов права на свободную жизнь. Вместо них хозяйничает на речках и озерах «иностранный капитал».

Образ оленевода, человека нелегкой судьбы, мудрого в своем терпении, рисует Иван Матрехин. «Комары, мошка и непогода — спутники по жизни у него», но оленеводу некогда унывать, он всегда в работе и в этих суровых условиях твердо знает свое дело:

Важно сохранить оленье стадо,
Вырастить младенцев-оленят,
Вот за это в тундре биться надо...

В стихах Матрехина часто звучат вопросы, на которые он не ищет ответы, ответ ясен, виновник тоже конкретен, но своими вопросами поэт заставляет задуматься над происходящим, будит национальное сознание, чтобы что-то изменить в создавшемся положении: «Как обстановку изменить иначе?»

И еще одна тема звучит в поэзии Ивана Матрёхина – тема репрессий на саамской земле, репрессий 1930–50 гг., когда страшно было общаться с людьми, когда надо было взвешивать каждое слово, чтобы не расценили твои высказывания как антисоветскую пропаганду, когда виноватым мог оказаться и в том случае, когда твоего знакомого арестовали, а значит, виноват и ты. Да, тяжело понять всю трагедию репрессированных современному поколению, какие бы фильмы они ни смотрели и какие бы книги ни читали. Как бы ни объясняли причины случившегося со страной и народом, один вопрос не даёт покоя, вопрос, который звучит в песне Ивана Матрёхина «За что?»:

За что? За то, что жизнь любил?
Оленей пас, семью кормил?
Или за преданность земле
Свинцом прошили в тишине?

Мироощущение Ивана Яковлевича светлое и оптимистичное, несмотря на острые вопросы, которые он поднимает. Философское осмысление бытия звучит в стихотворении «Звездный мир». Жизнь для поэта – «неземное чудо», «танец жизни, величавый и прекрасный». Судьба людей подобна судьбе звезд: рождаются души в небесах и уходят вслед за звездной пылью. И кто знает, что такое звездный путь – дорога звезд или человеческая жизнь? Ощущение себя космической пылинкой, частичкой мирового пространства, пришедшей ниоткуда и взлетающей в небо, раздвигает горизонт человеческого бытия и напоминает, что все мы связаны незримыми нитями, а значит, ответственны друг за друга.

Светлые и добрые стихи Ивана Матрехина наполнены любовью к своему родному краю, к людям, которые населяют этот суровый, но такой красивый Север. Восхищение поэта заполярной природой, страной предков передано почти в каждом стихотворении. Поэт воспевает все, что видит вокруг, будь то белые снега тундры, величавый полет северного сияния, Мурманск – родина белых ночей, красота белого оленя, полярная ночь... В названии стихов – северные реалии: «Ловозеро», «Полярная ночь», «Мурманск», «Пастух-оленевод», «Полярная куропатка», «Тундра». Воспевает в стихах и свой народ – саамов, которые «на краю земли» нашли свою жизнь, свое счастье и живут, храня традиции, в ладу с природой, сами дети природы:

Тундра – дом родной оленевода,
Непогода – старшая сестра,
Мать – чудная кольская природа...

«Посвящение саамам» — так называется одно из его стихотворений:

На краю земли суровой,
Занесенной пышным снегом,
Где зима — хозяйка в тундре,
Лето — робко и несмело,
Наш народ живет оленный
Сотни лет под этим небом,
Круглый год пасет оленей
И живет — не только хлебом.

Настоящий сын своего народа, поэт не перестает восхищаться им, и свою любовь, свое восхищение передает нам:

Под созвездьем мудрым предков
Мы живем и знаем точно:
Нас судьба балует редко
В темноте полярной ночи.
Нам судьбы иной не нужно:
Не в дороге легкой счастье.
Важно, чтоб мы жили дружно,
И тогда уйдут ненастья.

Поэзия Ивана Матрехина будит гордость за саамский народ, вселяет уверенность в будущее саамов, воспитывает национальное самосознание:

Выше голову, саам,
Мудрость нации храни,
Помни: боги к небесам
Души предков вознесли.
И они глядят на нас,
Верят, что не подведем.
Землю предков сохранив,
Гордо знамя понесем.

Виктория БАКУЛА

Иван Матрёхин

ТУНДРА

В печальной тундре ветер тучи гонит,
Туманы серые с болот ползут,
И замирает, слыша непогоду,
Полярный круг, полярный круг.

Тундра печальной осени полна,
Тундра — в ней заблудилась тишина.
Тундра — твоим просторам нет границ,
Тундра — стада оленей, стаи птиц.

В суровой тундре ветер волком воет,
Полярной ночи месяц — ясный друг,
И снегом белым тундру вновь укроет
Полярный круг, полярный круг.

Тундра — о, эти белые снега,
Тундра — за горизонтом берега,
Тундра — твоим запасам нет границ,
Тундра — стада оленей, стаи птиц...

В прекрасной тундре слышен птичий гомон,
День ясный с солнышком над ней кружит,
Надела тундра летнею порою
Очаровательный цветной наряд.

Тундра — прекрасной нежности полна,
Тундра — какая сила ей дана,
Тундра — твоим просторам нет границ,
Тундра — стада оленей, стаи птиц.

ПОКИНУТОЕ СЕЛЕНИЕ

На берегу реки стояла Йоканьга —
Древнее саамское селенье,
Поселились здесь лопи некогда —
Мудрое племя оленье.

Лет четыреста минуло с той поры,
Только помнят еще земляки,
Дети бегали в прошлом столетии,
В догонялки играв у реки.

Что случилось с любимой родиной?
Нет детишек и нет жилищ.
Только домик один перекошенный,
Очень грустно ему без них.
Словно смерч пролетел над сопками,
Всё сломав на своём пути,
Разметал, растоптал ножонками,
Дух лопарский — и тот не найти.

Были ругань, рыданье, горе.
Гнали «боги» с нажитых мест,
А ведь рядом раскинулось море,
На погосте старинном — крест.
Жили люди в ладу с природой,
Землю-матушку берегли.
Так за что же слуги народа
Душ саамских тепло размели?

Нет селенья, одно названье
Да проклятая боль в груди.
Слава богу, осталась в памяти
Речка Иоканга — не забыть.
Есть названье на карте области,
Но бумага — не человек.
Много горя принес и гадости
Нам на землю XX век.

Всё же выжили мы, воспрянули.
Вновь звучит саамский напев,
Дети наши танцуют парами,
Свой красивый наряд надев.
Значит, будет струиться реченька
Из фольклора саамских душ.
Из народов больших и маленьких
Вновь воспрянет великая Русь.

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

Как свободно гулял в тундре белый олень,
С вольным ветром устраивал гонки!
Теплый вечер ласкал его нежно, а день
Угощал чистым ягелем вдосталь.

Припев:
Белый олень — все это в прошлом,
Белый олень — помнит Земля,
Как хорошо было и просто
Чистым и свежим небом дышать.

Век XX настал, затуманился день,
Черный дым закружил над планетой,
Заболела Земля, стал не нужен олень.
Кто ответит Вселенной за это?

Припев:
Белый олень — как же так вышло...
Белый олень — помнит Земля,
Как хорошо было и просто
Чистым и свежим небом дышать.

Ты прости, мать-Земля, нас за ядерный бег,
Оставляем не лучший мы след,
Подскажи, мать-Земля, как тебя уберечь
От нежданно нахлынувших бед.

Припев:
Белый олень — это возможно
Землю беречь и охранять,
Чтоб хорошо было нам вместе
Чистым и свежим небом дышать.

ЗДРАВСТВУЙ, СЕВЕРНЫЙ НАРОД

Солнце ласково раскинуло лучи,
Землю взглядом осмотрело острым,
От Поноя до Печенги-реки
Осветило Кольский полуостров.

Здравствуй, милый северный народ,
Ты соскучился по мне, я знаю.
Но прости — таков земной полет:
Крайний Север обогрею ближе к маю.

Загляну к поморам-рыбакам,
Разбужу обветренные души —
Просыпайтесь! Вновь пришла пора
На воду спускать баркасы с суши.

В тундре куваксу потрогаю лучом,
Дым костра поглажу осторожно,
Пошепчусь со старым лопарем,
Он ведь мудрый, с ним делиться можно.

Расскажу ему о тех краях,
Где сады уже покрылись цветом,
А до вас весна на белых облаках
Успевает добираться ближе к лету.

Зазвенят весенние ручьи,
Реки окунутся в половодье,
Птицы заспешат на край земли
Жизнь продолжить — видно, Богу так угодно.

Здравствуй, милый северный народ,
Ты соскучился по мне, я знаю,
Но прости — таков земной полет:
Крайний Север обогрею ближе к маю.

МУРМАНСК

Мурманск — северный город-герой —
Развернул широченные плечи.
Пять Углов и солдат над горой,
В храмах ярко горящие свечи.
Ты высоко шагнул к облакам,
Величавый и просто красивый.
Я всего лишь российский саам -
Сын великой могучей России.

Припев:
Но с Тобой, город мой,
Мы навек породнились,
Под одною счастливой звездой
В Заполярье на свет появились.

Мурман — родина белых ночей
И красивых полярных сияний,
Берег северных грозных морей,
Порт разлук, радость встреч, ожиданий.
Признаюсь, что порою и сам,
Уезжая, в разлуке скучаю.
Я всего лишь российский саам,
Дом мой — тундра, души в ней не чаю.

Припев.

Мурманск — северный город-герой.
Заполярья родного столицу,
Обнимая, ласкает порой
Ночь полярная — чудо-девица.
Поднимаю свой взор к небесам,
Может, это все просто мне снится?
Я всего лишь российский саам -
Гость земной в заполярной столице.

Припев.

РУСЬ

Родная Русь, ведь Ты была святой,
Сияли купола российских храмов,
Но род людской безумною толпой
Срывал кресты, молясь, бросал их в пламя.

Горели храмы, свечи, купола,
Сгорали души, превращаясь в пепел,
И разносил его по свету, не спеша,
Холодный и сырой осенний ветер.

Метались души, не сгоревшие в огне,
Искали выход: «Быть того не может...
Родная Русь, наверно, Ты во сне,
А ослабевшие колени книзу клонит».

Не раз Тебя пытались растоптать,
Сломать Твой дух, поставить на колени,
Но каждый раз, духовно возродясь,
Россия, распрямляла Ты колени.

Вот и сейчас над нами солнца блик,
Туман рассеялся, уходят прочь невзгоды.
Я верю: наступил расцвета миг,
Даст счастье Бог российскому народу.

ОБНИМИ МЕНЯ, РОДНАЯ

Вот опять мы с тобой на свидании
Под одеялом из звезд — Я и Ты,
В заколдованном лунном сиянии
Пусть сбываются наши мечты.

Припев:
Обними меня, родная,
Крепче обними,
Я соскучился, родная,
Ты меня пойми.
Век с тобою не расстанусь,
Нет жены милей,
Обними меня, родная,
Поцелуй нежней.

Мы блуждаем по лунному отблеску,
Губы ласково шепчут в ночи.
«Я люблю тебя, милое солнышко», —
В сотый раз в тишине прошепчи.

Припев.

ЗАТОПЛЕННОЕ СЕЛО

Под гладью озера
В подводном царстве
Стоит саамское село.
Дома с пристройками
В глубинном мраке
Песком и илом занесло.

Припев:
Здравствуй, дом родной,
Ты для нас живой,
Жаль, что нет огня
В печке у тебя.
Залито водой
Летом и зимой
Старое село,
Очень больно, но...

Память в прошлое
Нитью тянется,
Возвращается мыслями к нам,
Как когда-то
Детишками бегали
По красивым речным берегам.

Припев:
Здравствуй, дом родной,
Ты для нас живой,
Жаль, что нет огня
В печке у тебя.
Залито водой
Летом и зимой
Старое село,
Очень грустно, но...

Сколько боли лежит
На холодном дне,
Сколько слез растворилось в воде,
Невозможно забыть
О родном очаге –
Будем помнить всегда и везде.

Припев:
Здравствуй, дом родной,
Ты для нас живой,
Жаль, что нет огня
В печке у тебя.
Залито водой
Летом и зимой
Старое село,
Очень больно, но...

ЛОВОЗЕРО

Ловозеро — саамское село,
Вдоль берегов раскинулось оно,
Обняло речку, бережно храня,
Нам души грея и к себе маня.

На въезде — храм, с ним рядом — чум.
Тревожит он пытливый ум:
Зачем же на краю земли
Саамы жизнь свою нашли?

Живет народ здесь сотни лет,
Саами. Коми, ненцы вслед.
Пасут оленей, водку пьют,
Рыбачат, тундру берегут.

Живут они своим трудом,
Совсем не легким, но притом
Танцуют в праздники, поют,
Хранят традиции и чтут.

Пусть будет так десятки тысяч лет,
Ведь жизнь прекрасна — спору нет,
Цвети, Ловозеро, мани, гласами детскими звени,
И дух саамский свой храни!

ПОЛЯРНАЯ КУРОПАТКА

Птица северная заполярная —
Спутник стада оленей в тундре,
Словно в чистом снегу извалянная,
в сахарной белой пудре.

Припев:
Куропатка белая полярная
Крыльями взмахнула над землей
И умчалась ввысь — такая славная,
Неба свод украсила собой.
Птица темноглазая, прекрасная
Тундру никогда не предает.
Северным сиянием обласкана,
Любит ее тундровый народ.

На подлеске рассыпалась ягода,
Белым цветом украсив кусты, —
Это солнцу весеннему радуясь,
Куропатки застыли в тиши.

Припев.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Очарован северным сиянием —
Сполохами радужно цветет,
Словно птицы, широко расправив крылья,
Совершают сказочный полет.

То спокойно, как бы чаек стая,
Медленно кружится над землей,
Величаво звезды облетая,
Освещает землю под собой.

Вдруг взметнется, заспешит, запляшет
Тысячами радужных огней,
Свет раскинет над землею нашей
И расплещет темноту ночей.

Озарит улыбкою просторы,
Тундру приласкает в тишине,
Окунется в Баренцево море,
Подмигнет красавице луне.

Очарован северным сиянием,
Переплетом радужных цветов,
Хоть суров наш Север, но прекрасен —
С целым миром спорить я готов!

МАРИЯ МЕДВЕДЕВА

МАРИЯ МЕДВЕДЕВА

Мария Медведева (1949) пробует работать в прозе. Автор одной книги «Самь сир. Саамские игры» (2011). Ее рассказы (в переводе на русский язык Н. Большаковой) о саамском погосте Вороньем и его жителях печатались в газете «Полярная правда».

Ответы Марии Медведевой на вопросы «Анкеты саамских писателей»

— Чего вы хотите добиться в жизни, за что её любите?

— За то, что жизнь уже дана, за то, что много успела. Училась, за то, что жизнь учила многому. За добрых наставников, потому и выжила.

— Любите ли подолгу смотреть на воду, огонь, камни, деревья, что вам ближе?

— Природа мне всегда близка. Люблю смотреть на горы, небо, на воду реже. Камни люблю разглядывать, мама говорила, что они живые. Люблю прижаться к березе — одинокая она. Люблю пороги — водопады.

— Если бы перед вами оказалась высокая гора, вы полезли бы на нее или решили обойти, чтобы продолжить путь?

— Обязательно полезла бы, но если увижу, что это слишком опасно, буду искать обход.

— Какой образ у вас возникает при слове водоём?

— Река со спокойным течением.

— Почему, на ваш взгляд, в сказке был разрушен теремок?

— Необузданная сила всегда подавляет доброе начало.

— Почему курочка Ряба обещала старикам снести яичко не золотое, а простое?

— Чтобы не было раздора, потому как богатство всегда ведёт к раздору.

15.06.2012

Все мы родом из детства

Мария Гавриловна Медведева родилась в селе Воронье 19 сентября 1949 г. Там же окончила начальную школу, в Ловозере в школе-интернате пошла в пятый класс. Окончив 8 классов, поступила в Петрозаводский техникум на бухгалтера-экономиста и после техникума работала по специальности. В 1990-м ей предложили возглавить саамский фольклорно-этнографический ансамбль «Ойяр», в котором она и проработала по 2008 год. За это время окончила заочно Мурманский педагогический институт по специальности «искусствовед». Будучи на пенсии, училась в Высшей норвежской школе, после окончания которой получила квалификацию «языковед». Писать стала поздно, печаталась в газете «Полярная правда». В 2012 г. вышла в свет книга М. Медведевой «Саамские игры».

Итак, это канва жизненного и творческого пути, а что за этим?

Читателям всегда интересно, как писатель становится писателем? Вроде бы из одного теста сделаны, по одной земле ходим, а вот гляди-ка, пишет человек, да и получается хорошо!

За канвой остается многое, о чем часто вспоминается, иногда светло, а иногда и с горчинкой, вот об этом и пишет Мария Медведева в своих рассказах.

Лучшим и самым счастливым периодом жизни считает она свое детство. Ярким воспоминанием из прекрасного далека остались поездки на собаках. Отец делал женские сани с будкой, маленькая Маша укладывала в будку куклу и вместе с ней шла ставить силки на куропаток. Радостно ей было, что доверяли шести-восьмилетней девчушке такое взрослое дело, и как же гордилась она добычей! А еще помнит, как с четырех лет маме помогала клубки шерсти наматывать для вязанья. Стоит и ручонками маленькими крутит, крутит этот клубок, в окно посмотрит — а на улице дети играют! Заплачет маленькая Маша, плечики затрясутся, но клубок мотает. А мама: «Смотри-смотри, ручки быстрее работать будут!» С каким щемящим чувством грусти и светлой радости вспоминает теперь Мария Гавриловна о тех временах! С благодарностью родителям за то, что к труду приучили. Ох, как помогло потом это ей в жизни!

В 14 лет осталась Маша с двумя младшими сестренками без родителей. А за два года до этого их насильно переселили в Ловозеро. Ниже родного поселения построили Серебрянскую ГЭС, и Воронье ушло под воду. Семья Маши уезжала на последнем тракторе. Как же не хотелось покидать родные места! Словно предчувствуя расставанье с родиной, девочка старалась запечатлеть в своих детских рисунках отца, прошивающего лодку, мать, занятую работой, окрестности села. Но с переездом эти ее работы сохранить не удалось. Только сейчас захотелось воспроизвести давно ушедшее, но непозабытое: родное село, родителей, детство.

В Ловозере пришлось жить по хибарам, баракам оленеводов, часто неотапливаемым должным образом, без привычных вещей в хозяйстве, да и без хозяйства вовсе, к которому привыкли. Коровы теперь не было, кур тоже. Как детей кормить? В заботах и тревогах о завтрашнем дне первой сдала мама — умерла. Отец долго не выдержал, все просил у детей прощение, говорил, что без Ксеньюшки своей жить не будет, слег в больницу — зашевелился старый осколок. Маша по его просьбе пекла блины и носила ему в течение двух месяцев, но однажды ей сказали, чтобы больше не приносила — отец умер. Уже позже рассказали, что последний месяц отец не мог блины есть, раздавал больным — их подкармливал. Так трое детей остались сиротами. Машу взяла к себе старшая двоюродная сестра, а младших девочек определили в интернат. Вот когда пригодились Маше мамины советы не плакать на людях, держаться, да и всё, чему мама учила, помогло ей переносить испытания. И голодала она, ела жмых, и за сестрёнок страдала, и обижена была не раз. Но терпения девушке было не занимать. Позже выучилась, вступила во взрослую жизнь, всё пережитое ушло в прошлое. Ушло. Но забылось ли?

Всё чаще возвращает память в родные уголки, где прошло детство. Чем дальше оно уходит во времени, тем ярче картины, его оживляющие. Вот парадокс! Руки человека стирают с карт и земли деревни и села, а память человеческая хранит о них воспоминания и передаёт затем детям, внукам.

В рассказах Марии Медведевой мы знакомимся не только с бытом, историей саамских людей, но узнаем и об их мировоззрении. Что ценно было в тундре

для жизни? На чем держался дух саамского народа в суровых природных условиях? На эти вопросы отвечает она своим рассказом «Легче станут жить», который посвящает отцу. Работолюбие и мастерство, умение все сделать, построить, приготовить всегда ценилось в среде саамов. Да и как иначе! В тундре иначе погибнешь, если не будешь сам себя обихаживать. Но и другим помогать надо: где шуткой, где советом. Вот таким отзывчивым, безотказным, мастером на все руки, творческим человеком запомнила Мария Медведева своего отца — Гаврилу Емельяновича Фефелова. Неласковой была к нему жизнь: с девяти лет проданный в чужую семью, долгие годы вплоть до советской власти батрачил на других. Но не убила в нем тяжелая жизнь ни доброты душевной, ни фантазии неуемной, ни желания сполна делиться с людьми щедростью своего сердца. Рассказчиком отец был искусным, за что жена называла его балагуром. Но балагурство отца не пустым делом было, оправдывал он его тем, что ради людей придумывал смешное и забавное, людям смеяться надо, чтобы плохое забывалось, из жизни уходило, тогда «легче жить станут». Вот такая мудрая народная смехотерапия.

А дети саамские на таких примерах воспитывались. В каждой семье свой пример. И как после этого Мария могла не творить красоту и радость для людей? Помнила заветы отца. А еще помнит, как с первой книжкой встретилась. Один из её рассказов так и называется — «Первая книжка».

Книга — мир чудес для маленького саама! Каждая картинка — загадка! А библиотекарь — как первый учитель, на всю жизнь запоминается её имя, потому что владеет она несметными тайнами, в книгах сокрытыми. Вот и Маша помнит, как библиотекаря звали — Августа Арсентьевна Ходзинская. Она была хозяйкой в чудесном и таинственном мире книг. Значит, такое знала, чего другим не дано было. А за это — уважение. В то время обычным явлением было прийти в библиотеку и попросить четырехтомник Ленина «почитать», как сделал отец Маши. Девочка потом дома по Ленину читать училась и, все буквы выучив и начав читать, сама попросила в бибиотеке четыре тома Ленина. Мудрая библиотекарь предложила ей Гайдара — так состоялась встреча с настоящей книгой, той, которая сформировала в будущем правильного читателя.

Впечатления детства... Как много они значат! И какое влияние могут иметь на всю жизнь! И как важно, чтобы были эти первые впечатления наполнены добром и любовью, светом и теплом, которые и являются самыми лучшими воспитателями юных душ. В таком окружении души наполняются духовностью, крепнут, приобретают тот стержень, который помогает им позже выстоять в любых невзгодах и остаться светлыми, радостными, незлобивыми, открытыми всему миру... А сколько получишь радости — столько и отдашь потом, если не больше... Потребность такая родится...

Вот и у маленькой Маши было такое воспитание — воспитание красотой: и учительница была молодая да красивая, и общение с ней проходило необыкновенно интересно, и красоту танца поняла Маша благодаря учительнице, красоту музыки, а красоту песни еще от матери впитала, когда та печальные песни-лувты исполняла за шитьём...

Вальс...вальс...вальс... Танец, возносящий душу к небесам, возвышающий ее над бренным миром, зовущий куда-то в притягательное неведомое, влекущий к свету, все выше, выше... В другой мир, непонятный и неизвестный, но благородный и прекрасный, праздничный и сказочный, в котором каждая девочка — королева!!! Вот такой танец помогла узнать Маше первая учительница. Ей посвящает она свой рассказ «Первый танец». И не это ли истоки того, что спустя годы Мария взялась за руководство фольклорно-этнографическим коллективом «Ойяр» и дарила зрителям радость от свидания с красотой?

Рассказы о детстве... Никогда не бывают они принадлежащими только одному человеку, их рассказывающему. Они принадлежат тому времени, в котором жил рассказчик, а значит, истории. И благодаря таким вот детским воспоминаниям узнаём мы о том, что нет конфет вкуснее тех, что распиливать надо ножовкой, потому что слиплись они от соленых брызг и сырости, пока везли их в село. Любимые карамельки! И все фрукты заморские будут сравниваться со вкусом любимой морошки или другой какой северной ягоды.

Но не только светлой ностальгией по прошлому наполнены рассказы Медведевой. Живет в них и тонкий юмор, и острая наблюдательность. Чего стоит один только рассказ «Вот так носок!». В своей мемуарной прозе Мария Медведева предстает искусным рассказчиком. А вот книга «Саамские игры» написана совсем в другом жанре. Это своеобразное этнографическое пособие, изучив которое, можно попробовать испытать на себе все те ощущения, которые испытывали саамские ребятишки и взрослые, игравшие в незамысловатые, но требующие сноровки народные игры.

Растут у Марии Медведевой внуки. И как важно запечатлеть для них историю своего народа, историю, о которой они нигде больше не прочитают. По-доброму, с тонким юмором, не злобясь на горести жизни, умеет это делать Мария Медведева, и это хороший урок для внуков.

Виктория БАКУЛА

Мария Медведева

РАССКАЗЫ О ДЕТСТВЕ В ВОРОНЬЕ

Эти рассказы не выдуманы, они взяты из моей жизни в небольшом саамском поселке Воронье, на месте которого в начале 60-х годов была построена Серебрянская ГЭС. Хоть сегодня место моего рождения — поселок Воронье — затоплено водой, но память сохранила то детское восприятие жизни и вновь и вновь возвращает мне его, все чаще и чаще.

ЛЕГЧЕ ЖИТЬ СТАНУТ

Славился наш отец Гаврил Емельянович Фефелов мастерством, многое делать умел. Сани, лодки мастерил легкие, прочные, топорища надежные, упряжь оленью с саамским украшением, печь ложил без изъяна.

Что бы ни попросили сделать односельчане, никогда никому не отказывал. Когда бы ни работал во дворе — всегда около него люди собирались. Кто совет подойдет спросить, кто просто любопытства ради: что, мол, еще Емельяныч сотворить решил.

Во время перекура мужики усаживались на бревнах вокруг отца и, затаив дыхание, слушали его бывальщины. А уж рассказывать он умел и любил! Такое напридумает!.. Одни удивленно головами качают, другие недоверчиво: «Ну, Емельяныч, ты и загнул». А когда понимали, что отец все выдумал, хохотали до слез, хватаясь за животы. Отец, хитро прищурившись, посматривал на них, попыхивая трубкой, и тоже улыбался в усы.

Вечером мама незлобиво корила его за балагурство:

— Ну что ты все чудишь? Мелешь, что в голову взбредет. Людей смешишь.

Отец, попыхивая трубкой, тяжело вздыхал:

— Чем плохо, пусть смеются, плохое забудут, легче жить станут.

Мама замолкала, согласно кивая головой.

ПЕРВАЯ КНИЖКА

Была у нас в Воронье библиотека. Ходили туда и те, кто умел и любил читать, и те, кто просто картинки в книжках смотрел. Как-то отец собрался в библиотеку, взял меня с собой. Мне около пяти. Иду пере-

полняемая гордостью, радости «полные штаны». Не куда-нибудь иду, в мир чудес, туда, где книги живут!

Пришли. Отец у библиотекаря Августы Арсентьевны Ходзинской четыре тома Ленина попросил. Тогда большой интерес к произведениям Ленина был. Я стояла рядом с отцом и с восхищением, задрав голову, смотрела на полки с красочными, яркими обложками.

Подергав отца за руку, тихо говорю:

— Папка, я тоже книжку хочу.

Отец добродушно засмеялся и, потрепав меня по голове, произнес:

— Сначала, дочка, буквы узнай, а потом уж книжку проси.

Дома отец достал тома Ленина и сказал:

— Что ж, дочь, давай буквы учить. Вот четыре книги. Как закончишь последнюю, так и все буквы знать будешь.

Отец выписывал из толстых книг Ленина буквы, заставляя меня произносить их вслух и выводить на бумаге.

Прошло время, и, когда я прочла первое свое слово по слогам, он одобрительно покачал головой и серьезно сказал:

— Вот ты, дочь, и научилась читать.

Дождавшись нового дня, я одна, как взрослая, пошла в библиотеку. У стола, преодолевая страх, наконец пролепетала:

— Мне надо четыре тома Ленина.

Августа Арсентьевна, услышав мою просьбу, искренне рассмеялась.

— Ты сама-то ростом с книги той. Давай-ка я лучше детскую тебе дам.

Посмотрела на стеллажи и выбрала самую яркую. Ею оказалась «Голубая чашка» Гайдара. От радости меня так и распирало.

ПЕРВЫЙ ТАНЕЦ

К нам в Воронье приехала преподавать молодая учительница Любовь Аркадьевна, фамилию по давности лет забыла. И была она для нас самая лучшая, самая красивая. Учила читать, писать, в походы ходить, открывала новый, непознанный для нас мир чудес.

А однажды устроила первоклашкам вечер танцев. Мальчишки чуть ли не дракой отвоевывали право заводить патефон... И как только зазвучала музыка, Любовь Аркадьевна поставила нас в кружок и показала первые такты самого прекрасного танца на земле — вальса.

Прошло много лет, а у меня до сих пор в памяти живет мелодия песни «За фабричной заставой», под которую я и мои сверстники учились танцевать вальс.

ВОТ ТАК НОСОК

Любили у нас в Воронье фильмы смотреть, особенно индийские! Весь сеанс женщины, переживая, проплачут, а мужчины прокряхтят. Но наши мамы не только плакали, переживая за чужие судьбы, но умудрялись и вязать, помня о семьях своих.

Однажды привезли в поселок «Бродягу», все взрослое население набилось в клуб, хотя и шел он третий день. Как всегда женщины переживали...

Наконец сеанс закончился, зажгли свет, и кто-то из мужчин воскликнул:

— Вот это носок!

Глафира Павловна Фефелова так пропереживала все три часа, глядя на экран, что связала носок больше метра длиной. Теперь уже все заново прослезились — от смеха.

Глафира Павловна пошутила:

— Да уж, постаралась, в такой носок мой муж целиком влезет.

НАПИЛИТЕ КОНФЕТ

Для ворончан праздник, когда с Ловозера привозили товар, новые фильмы, зарплату. Родители дадут детям пять копеек на кино — радость, а кому-то и рубль — это уже богатство. Можно и в кино не один раз сходить, и конфет купить, что были большой редкостью для воронинских детей. Имея такое богатство, мы, ребятишки со всех ног бежали в магазин. Там на вопрос строгого (по детским понятиям) продавца Акима Панфиловича Пименова: «Что дать?», смущаясь, лепетали: «Напилите нам камарельки». И Панфилыч действительно брал ножовку и аккуратными кубиками распиливал слипшуюся карамель.

Товар часто приходил в Воронье подмокшим, особенно летом, так как везли его по реке, перетаскивая по бурлящим порогам, а это всегда сопровождалось то перевертыванием лодки, то товар захлестывался водой. Продукты намокали и теряли свой товарный вид. Но несмотря ни на что, карамельки, распиленные на кубики, были самым любимым лакомством для вороньинских ребятишек.

Как-то по зиме вернулся отец из Ловозера. Райдой на оленях товар вез. Принес домой что-то красное, круглое, похожее на мяч, и сказал: «Попробуйте, дети, это яблоко. Ешьте, оно вкусное». Мама разрезала его нам на дольки и подала. Осторожно я взяла в руки застывшую, чуть подтаявшую с мороза дольку неведомого мне доселе яблока. Надкуси-

ла... Отец вез нам его, как заморское лакомство, только мне оно совсем не понравилось. Не был сок его похож ни на мою любимую морошку, ни на другую ягоду, да и кожура оказалась жесткой, невкусной... С тех пор яблоки я так и не научилась есть. Зато застывшие с мороза булочки, также привозимые отцом, ела, разогретые мамой на печке, и казались они мне высшим лакомством, которые не сравнимы были ни с чем. В Воронье белый хлеб продавали раз в неделю, да и то, чтобы купить его, надо было отстоять очередь, а уж сдобных булочек мы и вообще не видели. Потому булочку съесть тогда было все равно, что сейчас полакомиться пирожным.

Перевод с саамского языка Н. Большаковой

ОЛЬГА ПЕРЕПЕЛИЦА

ОЛЬГА ПЕРЕПЕЛИЦА

Ольга Перепелица (1937) – поэтесса, пробует силы в прозе. Автор трех книг на русском языке: прозаического повествования «Помним о вас, матери наши» (2001) и сборников стихов «Ожидание» (1997) и «Вот диво какое!» (2010).

Ее стихи на русском языке включены в коллективные сборники Оленегорского литературного объединения «Жемчуга»: «О жизни» (1997), «Стихи для детей» (1997), «Олененок» (1998).

Ответы Ольги Перепелица на вопросы «Анкеты саамских писателей»

— Чего вы хотите добиться в жизни, за что её любите?

— Жизнь есть жизнь, дана человеку — за то её и нужно любить. Хочу, чтобы я, дети мои, внуки, родственники были здоровы. Хотела работать в саамском сообществе, помогать разрешению проблем родного народа, и насколько могу — работаю, помогаю.

— Любите ли подолгу смотреть на воду, огонь, камни, деревья, что вам ближе?

— Ближе огонь, вода и камни.

— Если бы перед вами оказалась высокая гора, вы полезли бы на нее или решили бы обойти, чтобы продолжить путь?

— Если возможно обойти, обошла бы, если нет — полезла.

— Какой образ у вас возникает при слове водоём?

— Озеро — простор.

— Почему, на ваш взгляд, в сказке был разрушен теремок?

— Медведь большой, а полез в маленький теремок, так и люди порой бгатые, а им всё мало, и зарятся на всё вокруг.

— Почему курочка Ряба обещала старикам снести яичко не золотое, а простое?

— Если мы простые люди — и жить должны по простому, а дай нам золото — не сможем им распорядиться.

01.07.2012

Люди, тундры и озера Ольги Перепелицы

Ольга Андреевна Перепелица — родная сестра Александры Андреевны Антоновой. Родилась 24 октября 1937 года в тундре. У начинающей саамской поэтессы есть стихотворение «О жизни», в нем чувствуется тоска поэтессы по прежнему времени. Стихотворение в переводе Юрия Кудинова читается легко, потому что написано в форме песни с прибавлениями саамского лувьтового причитания «лея, лея, лея, я». В старину саамы практически каждую лувьт так исполняли. Бывало, идет один мотив и подобные вкрапления — и всем все ясно: что на душе человека, какую печаль или радость он поет.

Люди, тундры и озера,
Как единая семья,
Жили некогда, не споря.
Лея, лея, лея, я.

Так и мать с отцом прожили
Возле озера Перх-яввр,
Жизнь свою, как дом, сложили.
Лея, лея, лея, я...

Окончив Мурманское педагогическое училище, дошкольное отделение, Ольга Антонова выходит замуж за украинца Владимира Перепелицу и в начале 60-х уезжает в город Лутугино Ворошиловградской области. Работает воспитателем детского сада. В 70-х годах возвращается на родину и снова идет работать в детский сад. Тридцать семь лет отдала она воспитанию детей. Отсюда у нее такие бойкие, добрые стихи, посвященные им:

Что ты, козенчь-малышок,
Жалобно мяучишь?
Хочешь молочка еще?
Вот налью — получишь.

Или про зиму:

Пришла зима — и словно мелом
Засыпала все наши тундры.
Земля вдруг стала белой-белой,
Как голова старухи мудрой.

Сравнение зимы с невестой, юной девой, молодостью точно будет для теплых мест, где люди снега-то толком не видят, но на Севере, где снега лежат большую часть года — восемь-девять месяцев, зима на самом деле превращается в седую старуху.

Интерес к саамским корням у Ольги Андреевны жил в душе всегда, но то работа, то дети, то проблемы личного плана, разве тут до писания!

Первое стихотворение, стихотворение-скорби, написалось, когда умер муж, ушел из жизни любимый человек, и захотелось свою боль выразить именно так:

Не думал ты, не ожидал,
Но вот она тебя настигла —
Ты пошатнулся и ... упал,
И встать вновь не хватило силы...

и следующее:

Смерть, как вор, тебя украла.
И пути обратно нет...

И уже, как послесловие любви, признание, высказанность тех слов, которые люди почему-то при жизни стесняются говорить друг другу:

Ты всегда в моей душе,
Родной мой, милый.
И мне не полюбить уже,
Как я любила...

В 1997 году Ольга Андреевна уходит на пенсию. Жить одной — какое веселье? И потянуло к людям.

Ялмуж лоссесь — жизнь сложна.
Вся она — туман загадки.
И в тумане — я одна,
И мой путь, увы, — не гладкий.
Ялмуж лоссесь... Где же свет?
Все препоны да преграды.
И порою сил уж нет,
Чтобы жить...
Но жить-то надо!

Тогда-то и пришла мысль полностью посвятить себя саамским делам. Ведь раньше на это времени не было. И со всей энергией она, будучи председателем Оленегорского отделения Ассоциации кольских саамов, с такими же саамскими женщинами стала каждый год проводить в городе фестивали саамских песен, заниматься рукоделием, постигать азы уже подзабытого саамского мастерства. Это давало новые творческие силы и для рождения новых стихов.

Пишет Ольга Перепелица только на саамском языке. Как и у сестры Александры Антоновой, у Ольги болит душа за сегодняшнюю жизнь, за родичей, за тундру:

... А нынче так труден
Для нас каждый шаг:
Ни пастбищ оленьих,
Ни рыбы речной,
Ни дичи привычной,
Ни снеди лесной...
Прости меня, тундра;
Грешна я, грешна,
Не ведаю, в чем,
Но моя есть вина...

Пишет Ольга Андреевна в газеты «Заполярная руда», «Ловозерская правда», «Мурманский вестник». Вышивает бисером, поет саамские напевы, прово-

дит в городе дни Саамского слова, выставки, праздники, посвященные творчеству Октябрины Вороновой. А теперь вот решила организовать еще и клуб «Тувса» — «Свеча» — клуб любителей саамской культуры, потому что искренне верит, что жизнь людей зависит от их дел.

Мы живем на родной, Богом данной земле,
И, как прежде, мы — тундры заснеженной дети, —
И язык наш старинный, и обычаи дедов
На границах эпох не угасли во мгле...

Надежда БОЛЬШАКОВА

Ольга Перепелица

Я — ДОЧЬ СЕВЕРА И ТУНДРЫ

Родилась я в далёком 1937 году в осеннюю пору в тундре. В ту пору саамские семьи жили ближе к озёрам.

Родители мои были по национальности саами. Отец — пастух-оленевод, работал в стаде с оленями, а мама — чум-работница. А это значит, что, работая в тундре рядом со своим мужем, она должна была заботиться и о других пастухах, а их было 4-5 человек — бригада. Она для всех готовила пищу, стирала, вязала, чинила им одежду верхнюю: малицу, тоборки, пимы, меховые рукавицы.

Жили родители в Кильдинском погосте, возле Мурманска. В 20-е годы они переехали в посёлок Териберка.

В семье было 10 человек, детей — 8. Мама была награждена медалью «Материнская слава» III ст. и орденом «Мать — героиня», а это говорит о многом.

Осень, октябрь. Наступило время появления меня на свет. И мама поехала в п. Териберка за 40 км от озера Перрькь-явврь, где они жили, работали. Поехала одна, на оленях. До Териберки не доехала, а остановилась на полпути в местечке Калъявврь. Там жили тётка моей матери Кузьмина Александра Максимовна и её дед Стрелков В.П. Стояли деревянная изба да амбар-сарай (ахьт). Там я и родилась.

Родители вложили в меня с рождения заповеди, которые пригодились на протяжении всей моей жизни, где бы я ни находилась.

Становление моё проходило в тяжёлых условиях. Большую часть юности (до 19 лет) прожила с родителями в тундре.

Родители были колхозники. Летом жили в посёлке, ловили сёмгу бригадой, а зимой работали на оленях в колхозе: возили дрова, доставляли сено с полей на корм скоту. Так проходили вёсны и зимы. Зимой мы, дети, учились в посёлке в школе, а летом, в начале августа, родите-

ли увозили нас в тундру. Мы знали, что ждёт нас в тундре. Вольница. Прекрасна летняя тундра с её природой: зеленью, ягодами, речками, голубыми озёрами. И тишина!

В послевоенный 1946 год я пошла в I класс в п. Териберка. Знала я русский язык, жили мы среди русских, а саамский язык — мой родной. Я усвоила его с молоком матери, родители общались между собой и детьми на саамском языке.

Прошли годы. Я окончила среднюю школу в 1956 году. Надо было как-то определяться в жизни. И я поехала в Мурманск поступать в педучилище на дошкольное отделение.

Жизнь была сложная. Отца уже не было в живых. И я благодарна мудрости матери, которая ни словом не обмолвилась, не сказала: «А может, дочка, не надо ехать». Она полностью доверилась моему выбору.

Поступила я в педучилище и стала студенткой. В 1958 году окончила педучилище. По распределению я приехала в Ловозеро работать в детский сад воспитателем. И началась трудовая деятельность. 41 год отдан воспитанию детей. Любила я их. Хоть они маленькие, но они личности.

В Ловозере я проработала 2 года в детском саду. По сложившимся семейным обстоятельствам уехала на Украину, где прожила 20 лет. А север, его природа снились мне, ветер его оздоравливал мою душу, веял на расстоянии.

Я — дочь Севера и тундры. Люблю я его во все времена года.

В 1977 году вернулась на север, домой, и стала работать в дошкольном учреждении, учить, воспитывать детей, и своих тоже. У меня их двое: дочь и сын.

В 80-е годы уже шла работа по возрождению, сохранению саамского языка. В 1989 году образовалась Ассоциация Кольских саамов. И я была выбрана председателем отделения саамов в городе Оленегорск. С тех пор продолжаю вести работу по пропаганде саамской культуры и языка.

По сложившимся жизненным обстоятельствам появилась другая общественная организация — Общественная организация саамов Мурманской области. Я стала членом этой организации и по сей день работаю в ней.

Родители учили нас всему саамскому. Что они умели сами в жизни — передали нам, детям. Педагогическое образование и воспитание родителей определили высокие нравственные черты моего характера. Люблю я людей. Как говорил мне мой сын: «Людей надо любить такими, какие они есть». И я их люблю. А дружба находится внутри меня. Благодарна я своим родителям, что они заложили в меня крепкий нравственный стержень, — в жизни ведь приходилось преодолевать многие трудности. И это мне удавалось.

Вся моя жизнь — это нелёгкий путь. И стихи, в которых я пишу о природе тундры, людях, жизни, может быть, не такие сильные, но идут они от души...

МАЛАЯ РОДИНА

Мать-Отчизна моя! Навещая тебя,
Я прижалась к груди твоей каменной.
Так же море шумит,
Так же грозно гудит,
Беспокоясь, волна неприкаянно.
Так же чайка кружит,
И моряна свистит,
Освежая и душу, и голову.
Припадая к тебе,
Благодарна судьбе,
Что со мною ты, Родина, смолоду.
Жизнь, как эта волна, — налетев,
Рассеклась она в воздухе искрами.
И остались лишь ты
Да о внуках мечты.
Помоги им, как мне, в жизни выстоять.

БЕЛЫЙ ОЛЕНЁНОК

В тундре белый оленёнок
Возле матери,
Словно маленький ребёнок
В теплой малице.
Шубка белая его,
Словно снег.
Лишь приляжет —
Малыша будто нет.

ДАРЫ ТУНДРЫ

Дороги мне мои древние тундры.
Вечно бы шла по ним, не устала б.
Ветры шумят и дарят мне мудрость,
Твердо по жизни идти, даже в старость.
Помню тантар, где олени кружили,
Кинтище, где мы ватагой шумели.
Как мы в домиках санных весело жили!
И всюду-то радость ловить мы умели.
Потому, может, я и люблю свои тундры,
Только сказать о любви очень трудно.

* * *

Родилась я и выросла там,
Где земля отдана всем ветрам,
Где весь мир покрывают метели
Чистым снегом, как саваном белым.
И непросто нам жить, очень трудно!
Но трещит куропатка над тундрой,
И оленье проносится стадо,
И берёзка вздохнет: «Жить-то надо!»
И живём, и поём, улыбаясь,
Каждый год весной возрождаясь.

В ТУНДРЕ

Тундры одеваются в кружевной наряд,
Всюду одуванчики солнышком горят.
В небе песни слышатся. Мать-земля поёт,
Созывая дружески весь честной народ.
Съехалось на празднество множество гостей
Удалью помериться, силушкой своей.
Радость с другом свидеться — вот живой родник!
Это достояние вечно береги!

О ЖИЗНИ

Тундра! Тундра — родная земля!
Века мы здесь жили, себя не тая.
Ходили и ездили мы по тебе,
И ты охраняла нас в тяжкой судьбе.
Кормила, поила, давала очаг...
А нынче так труден для нас каждый шаг!

Ни пастбищ оленьих,
Ни рыбы речной,
Ни дичи привычной,
Ни снеди лесной...
Прости меня, тундра!
Грешна я, грешна.
Не ведаю, в чём,
Но моя есть вина.

ПАМЯТЬ

Бывает, память не унять,
Она в душе затронет что-то:
Возникнут кувакса и мать,
Отец и тундры, и болота...
И понесёт меня река
В серебряных пречистых водах.
И в этот миг жизнь так легка,
Что тают, как туман, невзгоды.
Я вспомню, вспомню и не раз
Отца и мать, края родные:
Болота, тундры вековые
И взор озёрных чистых глаз.
И вспомню всё, и сердце вновь
В груди взметнётся так тревожно!
Назад вернуться невозможно,
А память всё волнует кровь.

Перевод с саамского языка Ю. Кудинова

ОЛЕНЁНОК

Снег, как алмазы, искрится на улице,
Радостно нынче гулять детворе.
Верится сердцем — хорошее сбудется:
Мир и достаток на каждом дворе.

Не потому ль озорной оленёнок
Прядет ушами и ножками бьёт?
Но, послушанью обучен с пелёнок,
В тундре покорно за мамой идёт.

Прошлых времён соблюдая заветы,
Чтоб уцелеть, не достаться врагу,
В белую малицу весь он одетый
И незаметен на белом снегу.

КОТЁНОК (КОЗЕНЧЬ)

Маленький козенчь,
пушистый котёнок,
Скачет, как козлик,
мяучит спросонок.

Может, свои отлежал ты бока?
Проголодался и ждёшь молока?
Ночь за порогом, и в комнате тишь.
Мой дорогой, почему ты не спишь?

Прыгнув в постель,
Он уснул, не ответив.
В мире везде одинаковы дети.

СОБАЧКА (ПЕНГЭНЧЬ)

Не напрасно, видно, лает собачка,
Чует носом — близко гроза.
А быть может, просит денег на жвачку,
И об этом хозяину хочет сказать.

* * *

Дорогая душа, ну, а дальше-то как?
Вдалеке от тебя я уже жить не в силах.
Лишь теперь поняла, что люблю тебя так,
Словно я никогда никого не любила.

И в моей голове мысли всё о тебе:
Или еду по тундре, иль иду по дороге.
В трудный час — позови, я смогу прилететь,
Белой чайкой явлюсь у тебя на пороге.

Вспыхнет свет за окном — и рассеется мрак,
В жилах вновь заструятся ожившие силы...
Лишь теперь поняла, что люблю тебя так,
Словно я никогда никого не любила.

СМЕРТЬ ПРИШЛА

Как дровам ни гореть —
остаётся зола,
Тлеет к старости жизнь,
будто ладан в кадиле...
Ты не думал, не ждал —
смерть пришла и взяла,
И упал за селом,
встать же сил не хватило.

Темень чёрным крылом
опустилась на мозг,
Покачнулись вокруг,
словно пьяные, дали...
Слов последних сказать
никому ты не смог,
Лишь следы на земле да обида остались.

Перевод с саамского языка Е. Алексеева

* * *

Это что?
Это как?
Это дождь прошёл.
Мы на улице.
Ах-х!
До чего хорошо!
Босиком —
По траве —
Во всю прыть
Побежали.
Куда?
Мотыльков ловить!

* * *

Бежит от котёнка пугливая мышь.
Он нынче не просто забавный малыш!
Он — грозный охотник!
Засада... Прыжок! Не вышло?
Ещё раз попробуй, дружок!

* * *

Темнота на погосты опустилась опять...
Закрываются глазки. Как хочется спать!
Задремали котята под звуки метельные
И под мамины песенки колыбельные.

* * *

Плавает рыбка — хвостиком круть!
Кошечка смотрит, боится спугнуть.
Цап! И охотнице будет награда.
Только вот лапки мочить страшновато.

НОЧЬ

В поздний час у окна снова думаю я:
Куда выведет завтра судьбы колея
И меня, и детей моих, и Россию?
Ведь страна — это общая наша семья.

В ЧУМЕ

Ну как нам о чумах не вспомнить с тоскою,
О давнем укладе неторопливом!
Пусть тесно, зато целый мир под рукою...
Саамские предки, вы были счастливыми!
Алели во тьме очаги безмятежные,
И веяло дымом, и веяло вечностью...
Но рухнула разом вся жизнь наша прежняя
С покоем её и невинной беспечностью.
Просыпалось с неба холодное крошево,
Студёные ветры нахлынули яростно...
Куда подевалось ты, милое прошлое,
Где всё было просто, где всё было радостно?..

НЕПОГОДА

Этим зимним морозным утром
Не отыщешь в сугробах брода.
Разыгралась в озябшей тундре
Непогода...

Перевод с саамского языка А. Рыжова

ОЖИДАНИЕ

В тундре царит непосредственный быт:
Звон колокольчика, песня копыт.
Сбросила мама все тяжести дум —
Духом отцовским наполнился чум.

ЛЕТОМ

Олени столпились, кружатся –
От оводов нет отбоя.
Они друг к другу прижались –
Ищут покоя.
Дымокур развели ребята
Из дёрна и веток.
И олени поверили свято
В доброту лета.

Перевод с саамского языка М. Игнатьева

НАДЯ ФЕНИНА

НАДЯ ФЕНИНА

Надя Фенина (Надежда Ляшенко) (1955) – сказочница и поэтесса, автор двух книг: философской «Сказки о Севере» (2007, 2009) и книги «Вначале был дан путь» (2012).

Ответы Нади Фениной на вопросы «Анкеты саамских писателей. 15.06.2012»

— Чего вы хотите добиться в жизни, за что её любите?

— Ничего не хочу добиваться, всё приходит само. Нет, хочу таланта побольше. Рада, что востребована.

— Любите ли подолгу смотреть на воду, огонь, камни, деревья, что вам ближе?

— На всё и еще на то, как кто-то работает.

— Если бы перед вами оказалась высокая гора, вы полезли бы на нее или решили бы обойти, чтобы продолжить путь?

— Полезла бы, интересно побывать наверху.

— Какой образ у вас возникает при слове водоём?

— Океан.

— Почему, на ваш взгляд, в сказке был разрушен теремок?

— Места не хватило.

— Почему курочка Ряба обещала старикам снести яичко не золотое, а простое?

— Нужно радоваться тому, что есть.

15.06.2012

Надя Фенина и ее книги

Родилась Надежда Ляшенко (Фенина) 15 июня 1955 года, когда в Мурманске на улице вовсю снег валил. В 1970-м окончила Шонгуйскую среднюю школу. За свою жизнь кем только ни работала! И швеёй, и строителем, и электромонтером, и дворником. Замуж вышла, двух дочерей родила. С детства любила рисовать, что было не просто увлечением, а потребностью. Картины ее завораживают своей таинственностью и полетом: то саамский нуэйт с бубном в вихре у костра кружится, то богиня Мадеррахка дитя Мяндаша в куваксу саамов несет, то вдруг мировое дерево на ее полотне просмотрится... С начала 90-х, как организовалась на Мурмане Ассоциация кольских саамов, стала во всех мероприятиях саамских участвовать, так и живет...

В последние годы многие пишущие люди, а уж тем более сумевшие выпустить книгу, начинают мнить себя настоящими писателями, но таковыми не становятся, потому как и слово их душу не согревает, и наполненности в нём нет, но самое главное, не напитаны их слова силой любви, нет в них энергетики жизни, веры в доброе, вечное, светлое, нет в их словах Бога.

Первый опыт творчества Надежды Ляшенко — это стихи, которые по законам стихосложения были незрелы, но в них читатель мог найти мысли, созвучные своим, боль, которую чувствовал сам. И думалось: почему Надежда не пи-

шет прозу? Чувствовалось, что поэзия — это не ее конек. И вот в 2009-м выходит ее первая книга — «Сказка о Севере». Жанр определен как философская сказка. Название точно отражает содержание. В сказке женщина-мать и мать-волчица одинаково переживают за судьбу своих сыновей. Волки, превратившиеся в людей, забывают мать и закон, определенный им Природой, — охранять сказочный мир. Они решают упросить Ена сделать капкан и убить свою мать-волчицу, которая погубит парня...

В «Сказке» Надежды много стихов, которые придают прозаическому тексту поэтическую мелодику, помогают лучше прочувствовать живую природу Севера, ее звуки:

З, з, з — пищит комар над ухом,
Ж, ж, ж — повторяет следом муха.
С, с, с — лучик солнца трогает росинку,
Ш, ш, ш — ветерок уселся на травинку...

На обложке книги Надежда представлена следующими словами: «Надя Фенина (Надежда Ляшенко) — художник и поэт, сказочница и певунья, представительница коренного малочисленного народа саами, много тысяч лет живущего на Кольском полуострове.

Надежда — хранительница традиций древнего народа саами. В своем многогранном творчестве она раскрывает секреты его долголетия. В первую очередь, это чистота помыслов, единение с природой, открытость и искренность. В награду за чистоту помыслов природа одарила этот народ талантами и экстрасенсорными способностями.

Есть и у Надежды этот удивительный дар. Пользуется им осторожно, направляя только на добрые дела. Многим людям помогла, и сегодня на Кольском полуострове все ее знают как нойду.

Живет Надежда в поселке Шонгуй, недалеко от Мурманска. 7 января в Шонгуе она ежегодно проводит традиционный саамский праздник — Праздник чистого снега, праздник исполнения желания. Когда-то саамы в этот день уходили в лес, общались с природой, думали о будущем. Мечтали и загадывали желания, и, если правильно загадать желание, считали они, оно обязательно сбудется.

В Шонгуй приезжают гости со всего мира. Это, как правило, самые верные и преданные саамскому народу друзья. Цель их приезда — прикосновение к самобытной культуре древнего народа как к чему-то необыкновенному, загадочному и прекрасному. А какая атмосфера любви и единения людей царит на этих праздниках!

Саамские праздники имеют свои традиции и сценарий. Это обязательно традиционный саамский футбол, где участники — женщины, да и ворота всего одни. Потом катание с ледяной горки. И обязательный атрибут — саамское угощение, уха из царь-рыбы семги, которую едят прямо у костра, на снегу. А в конце праздника, ближе к сумеркам, главное действие, ради которого все и собрались. Центр действия — костер. Все участники берутся за руки вокруг костра и по приказу

хозяйки-нойды, закрыв глаза, загадывают свое сокровенное желание. Только одно, касающееся только себя лично. А затем, взявшись за руки, произносят свои имена, танцуют вокруг костра, обращаясь к Земле, и кричат небу о своем желании. А в конце каждый должен скатиться в снег, искупаться в чистейшем рождественском снегу и выйти из этой снежной купели обновленным. И по преданию, в течение года самое сокровенное желание обязательно исполнится».

Книга состоялась, «Сказка о Севере», сказка-сон, понравилась, и замаячила призрачная надежда на то, что в саамском литературном мире происходит зарождение будущего прозаика.

Не проходит и трех лет, как появляется новая книга Нади Фениной — «Вначале был дан путь». Жанр никаким образом не обозначен. По рисункам понимаешь, что это, конечно же, касается саамской жизни, но не совсем сказка. И определить жанр так и не можешь, пока не начнешь читать. Да, впрочем, и по первым строкам нового произведения Надежды погружаешься вроде бы в сказку, в которой не говорится пока ни о месте действия, ни о времени действия, ни о герое: «Вначале был дан Путь. Потом пришла ОНА, и ОНА ещё ничего не знала о своём предназначении. ЕЁ рождение было лёгким, ЕЁ голосок, ещё такой слабенький, пронзил всю Вселенную. Когда родители склонились над НЕЙ, то воскликнули: «БОЖЕ! Какой чудный мальчик!». Так ОНА стала мальчиком»...

И эта самая ОНА, появившаяся в мужском теле, уже заинтриговала тебя, настроила на мир сказки, приключения, «фэнтэзи», как модно стало сегодня писать.

Однако пролистнув страницу, ты попадаешь в совершенно реальный мир, в настоящее время со всем грузом проблем нынешних саамов, с их отнюдь не сказочной — разговорной речью: *«Волна немного покачивала лодку, Эйна подымал сети и вытаскивал из неё рыбу. «Хороший улов, сегодня хватит и семье, и тётке Кате, и продать можно», — размышлял Эйна. Когда он причаливал к берегу, то увидел двоих рыбнадзоров. «Твою мать!» — выругался Эйна.*

— Давай-давай, вытаскивай на берег лодку, будем протокол составлять.

— Может, без протокола разберёмся?

— А без протокола можно и в тюрьму.

— Составляйте, хрен с вами!

— О! Да тут тысяч на пятнадцать будет.

Эйна молча наблюдал, как считают выловленную рыбу, как вытаскивают сеть, замеряют ячею, составляют протокол.

— Подписывай здесь и здесь.

— Ща, прочитаю.

— Читай-читай.

— Я не буду это подписывать.

— Да куда ты на ... денешься?

— Никуда. Здесь ещё мой дед и прадед ловили рыбу и никакого УРОНА природе не наносили»...

И только прочитав еще немного, ты понимаешь, что заинтриговавшая тебя в самом начале ОНА не что иное, как душа этого самого Эйна. Текст захватывает и уже не отпускает, пока ты не дочитаешь повествование о ЕЕ судьбе и судьбе Эйна до конца.

Мне эта небольшая повесть Надежды понравилась очень! Ненавязчиво, правдиво, просто, а где-то поэтично она дала представление о жизни и проблемах нынешних саамских мужчин, причем именно мужчин, заглянув в самые тайники их душ. Это уже настоящая, пусть пока небольшая, но проза, с чем я и могу поздравить саамское общество.

Единственное замечание по книге — но это чисто субъективное мнение — не нужно было в нее включать стихи. Лучше писать поэтическую прозу, чем прозаические стихи. Это на будущее. А сегодня мы можем сказать, что книга «Вначале был дан путь» — настоящий успех.

Надежда БОЛЬШАКОВА

Надя Фенина

СКАЗКА О СЕВЕРЕ

Была полярная ночь. Солнце уже давно не показывалось из-за горизонта. Светила луна, и по всему небу сияли звёзды. Легонько шурша и потрескивая, прямо над головой разбегались в небе разноцветные столбцы северного сияния, предвещая сильные морозы. Бесшумный ветерок перегонял искрящиеся снежинки по бескрайнему бело-голубому полю. Тундра спала долгим зимним сном. Молодой человек бежал по ней на самодельных лыжах. Он не чувствовал ни мороза, ни усталости. Радостно было на душе у него. Добыча: несколько куропаток и заяц — висела у него на поясе. «То-то обрадуется мать-старушка, что сын стал совсем взрослым и сам может прокормить её и себя»,— думал он.

Вот вдалеке показался дым, идущий из вежи*. Мать ждала сына с охоты. Ещё не такая старая, как думалось сыну, но уже не такая ловкая и сильная, как в молодости, она мечтала о счастливом будущем своего младшего ребёнка. Отец назвал его Ен. А вскоре после рождения сынишки он ушёл на охоту в тундру, да так и не вернулся. Дочери уже обзавелись семьями, навещали мать. Не забывали и зятья, наведывались, приносили часть добычи. А сейчас подрастал её Ен, её радость и надежда, и с каждым годом он всё больше становился похожим на отца.

Потрескивали поленья в очаге. Языки пламени облизывали котелок, в котором булькала нехитрая похлёбка-маль**. Скрипнула дверь, ворвался, клубясь, морозный воздух, и на пороге появился её любимый сын. Ен весь светился радостью от удачной охоты и от счастливой улыбки матери, встречающей его у входа. Ен поел и прилёг отдохнуть. Так они и жили: мать хлопотала по хозяйству, а сын ей был хорошим помощником.

---

* *Вежа* — жилище, сооружённое из жердей и покрытое берестой и дёрном *(саам.)*.

** *Маль* — похлёбка на мясном или рыбном бульоне *(саам.)*.

Тундра. Она завораживает своей величавостью и хрупкостью. Может, кому-то кажется этот край неприветливым, скупым и безжалостным. Да, он суров, но это дом для саамов и для всех, кто там живёт. Так и в нашей сказке: рядом с жилищем Ена и его матери жила другая семья. Семья Волчицы. Волчица так же, как и мать Ена, любила своих сыновей, а их у неё было шестеро. Три старших сына, два средних и один младший сынишка. Волчица нежно облизывала шёрстку волчат, тыкала их своим носом, если они делали что-то не так, слегка покусывала, когда детишки не в меру могли расшалиться. Всё в этом мире подчинялось одним и тем же законам, данным Богом как для людей, так и для животных. Но иногда в природе случается «нечто», и этому «нечто» нет точного названия, и тогда получается сказка, в мир которой мы сейчас и отправимся.

«Ен, — сказала мать, — ты собираешься на охоту, но, я вижу, начинается метель, может, переждёшь её?» Но Ен торопился. Ведь если пережидать, то заметёт все его силки, поставленные накануне, и кто его знает, сколько метель ещё будет плясать свою круговерть над их жилищем. «Я скоро вернусь», — ответил сын.

Метель-метелица
Кружит, закручивает,
А человек с ней спорится,
Бежит, подшучивает.

А снег для важности
Бьёт его без жалости.
Молодость от храбрости
Не ведает усталости.

Сбился с пути Ен. И то ли от вихрящегося снега, то ли от неверного лунного света показалось ему, что видит он вдалеке стадо диких оленей. «Вот удача», — подумал Ен и снял с плеча лук с туго натянутой тетивой. Полетела стрела и попала в молодую важенку, но не убила её, а только ранила. А вот и чудо! Превратилась важенка в прекрасную девушку. Упала она на снег со стрелой в плече и тихо застонала. Ен был настолько поражён увиденным, что стоял, как замороженный. Он очнулся только тогда, когда услышал вой волка. Это Волчица пела свою песню — песню жизни. «Надо отсюда убираться поскорей, но как быть с девушкой, нельзя же её оставлять на снегу?» — подумал Ен и наклонился над девушкой. Вмиг прекратила свою пляску метель, стало тихо. Что такое? Оказывается, всё это происходило недалеко от их вежи.

«Мама, помоги мне», — сказал Ен, внося девушку в родное жилище. Мать быстро разожгла огонь в очаге, закипятила воду из растопленно-

го снега, заварила отвар из трав. Затем она обработала рану девушки, напоила её душистым чаем, и девушка заснула.

Шло время... Рана у девушки зажила. Но вот беда, красавица всё время молчала и ни на кого не глядела. «Сынок, сходи к нойду, он поможет нам»,— попросила мать.

Путь к нойду неблизок, но что такое расстояние для сильных ног, для жгучего желания помочь девушке, которую мать назвала Вильгис.

Вильгис! И сердце бьётся чаще.
Вильгис! И сердце торопит вперёд.
Вильгис! Девушка — счастье,
Кто встретит тебя, тому повезёт.

«Да-да-да», — то ли хихикал, то ли ворчал старый нойд, приплясывая вокруг Ена, когда парень вошёл в вежу старика. «Знаю, знаю, это ты подстрелил белую важенку*. Что, понравилась она тебе?» — кряхтел нойд**.

После такого странного приветствия нойд усадил Ена возле огня, стал напевать одному ему известную мелодию, доставая при этом из своего мешочка разноцветные камешки и косточки каких-то зверей. Старик взял трубку, раскурил её. Дым от трубки стал стелиться над камешками, над косточками и над головой Ена. «Смотри, смотри внимательно», — каким-то чарующим голосом пел нойд. И поплыли в глазах у молодого человека разные видения, и казалось ему, что он уже не в веже у старика, а где-то совершенно в другом мире. Он видел людей в одежде, которую на севере не носят. Эти люди жили в деревянных домах, а во дворе у них были разные животные...

А в это время в другой стороне Волчица разговаривала со своими старшими сыновьями. «Дети мои, — говорила Волчица, — не будет покоя нам, если не вернём Вильгис в наше стадо, которое было завещано нам охранять самой Природой. Обернитесь людьми, верните её. И помните, что Вильгис должна взглянуть вам в глаза, тогда она сама захочет вернуться домой. Но остерегайтесь, дорогие мои, блеска жёлтого металла, ибо будет тогда непоправимая беда». С такими словами отправила Волчица старших сыновей, молодых и сильных.

Солнце первыми лучами ощупывало заснеженный север. Ещё только показавшись из-за сопки, оно не торопилось, с каждым днём набирало силы. Его лучи бежали по небу, окрашивая облака в розовые тона, предвещая скорые перемены.

Ен очнулся. Он лежал на оленьей шкуре у старого нойда. Ему было неспокойно, душа рвалась домой, хотелось, чтобы Вильгис обратила на него внимание.

---

* *Важенка* — отелившаяся олениха *(саам..)*.

** *Нойд, нуэйт* — саамский знахарь, колдун, посредник между миром духов и людей *(саам.)*.

Нойд сел рядом и стал рассказывать Ену, что подсказывали ему духи во время его путешествия в другом мире:

— Ты подстрелил белую важенку из сказочного мира, и мир этот называется «стадо счастья». Если она хоть раз взглянет на тебя, то ты поймёшь, что такое счастье. Ну а как ты будешь добиваться её расположения к себе, решать тебе, а твои видения — это всего лишь подсказка.

Поблагодарил Ен нойда и отправился в обратный путь.

Скользят лыжи по снегу. Скрипит мороз. Бежит человек, думу думает: «Наверно, нужно построить дом, развести скот, тогда Вильгис взглянет на меня и я стану счастливым...»

Его мысли прервала встреча с незнакомыми парнями. Остановились, разговорились. Рассказал Ен, что хочет построить дом для Вильгис, да одному не справиться. Попросил парней помочь ему, а они с радостью согласились.

Стоят сосны в лесу, гордые и величавые. Долго они росли, чтобы высокими стать и первыми встречать солнце. Человек взял в руки топор, размахнулся посильней да и ударил по сосне. Она затрещала, и гулким эхом раздался треск по всей округе. Птицы, испуганные, разлетелись в разные стороны. Человек рубит лес.

Сладко жмурились волчьи сыновья от солнечного света. Им нравилось быть в человеческом облике, нравилось, что их руки, такие сильные, могут свалить любое дерево, могут построить дом, в котором будет тепло и уютно. Теперь они научились разводить огонь и без боязни грелись возле него. Они уже с удивлением смотрели на Вильгис. Почему она не радуется, что стала человеком? Волчата видели, как Ен старается во всём угодить прекрасной девушке.

Зима долго не хочет уступать место весне, баюкает тундру ветрами, укрывает её снегами. Но весна, знай себе, капает капелью, подтаивает сугробы, будит тундру.

В сосульках солнца звон
Прогонит стужу вон.
Лучом тепла пропитан снег,
И пробуждается цветка побег.

Птичка весело поёт,
Что гнездо себе совьёт.
Ты очнись, земля, от сна,
Вот и к нам пришла весна.

Мать Ена радовалась переменам и тревожилась за сына. Радовалась, что у неё появилась помощница, тихая и скромная. Тревожилась за сына: ведь Вильгис совсем не обращает внимания на её Ена, а он так старается. Уже и место для будущего дома выбрал, и незнакомые братья ему

помогают и слушаются его во всём. «Как бы они не увели девушку, — думала она. — Скоро приедут купцы. Надо сказать Ену, чтобы поменял шкурки зверей на шёлк и сукно. Я сошью для Вильгис юпу* и сарафан. Может, это поможет моему сыночку расположить к себе девушку?» С такими мыслями она занималась весенними хлопотами. Ремонтировала и красила рыболовные сети. Выделывала кожу для шитья летних каньг**. И ещё её тревожило какое-то чувство. Всё чаще стала она замечать волчьи следы возле своего жилища. Раньше так близко волки не подходили к людям.

Это Волчица приходила проведывать своих сыновей. Видела Волчица, что её дети совсем не хотят возвращаться к ней. Горько было у неё на сердце, знала она, что из этого ничего хорошего не выйдет. Выла она по ночам свою песню, надеясь, что волчата услышат её. Но они, уставшие от работы, засыпали мертвецким сном и не слышали её призывов. Их одолевали другие мысли. Они думали о том, как остаться в человеческом облике...

Ветер в тундре воет,
Волчица песнь поёт.
Сердце болью ноет,
Мать детей домой зовёт.

Ночь пройдёт в тревоге,
Со слезами на глазах.
Днями, ожидая на пороге,
Проклинает всё в сердцах.

Приехали долгожданные купцы, привезли разного товара. Потянулись люди со всех сторон к купцам. Кто-то для того, чтобы прикупить себе обновки, кто-то, чтобы себя показать, а кто-то просто поглазеть да поделиться новостями. Купцы расхваливали свой товар: ткани, посуду, украшения, фрукты да овощи диковинные. Всё это менялось на шкурки зверей, рыбу, на изделия из кости и кожи. Шла бойкая торговля. Братья Волки тоже пошли посмотреть на торговлю. Один из покупателей предложил купцам кусочек жёлтого металла. Купцы его крутили, вертели, кусали зачем-то, долго торговались. И каково же было удивление Волчат, когда они увидели, что за маленький кусочек металла покупатель взял товара гораздо больше, чем за дюжину шкурок песца. Блеск жёлтого металла притягивал Волчат. Они в одночасье забыли наказ матери, только блеск металла был в их глазах...

---

* *Юпа* — женская национальная одежда, шилась из мягкого сукна, чуть расклешонная книзу, расшивалась бисером *(саам.)*.

** *Каньги* — короткая обувь из койб с загнутыми вверх узкими носками *(саам.)*.

Ручьи шумели, уносили тающий снег. Земля просыпалась от долгой спячки. Солнце всё больше светило и пригревало, топило лёд на реке. Речка сбрасывала с себя зимний наряд.

Впервые Волчата не спали. Весенней светлой ночью они обдумывали план, как сразу стать богатыми. Решили они пойти вслед за купцами, подстеречь в укромном месте и отобрать их богатство. Ведь силы у волков на это хватит! Собирались недолго, дорогу знали хорошо.

Купцы, ничего не подозревая, остановились на привал. Развели костёр и стали готовить еду. Тут-то и напали на них волки. Разбежались купцы кто куда, от страха бросили весь свой товар, спрятались кто где смог.

Лёгкая победа вскружила волчьи головы. Веселились Волчата, радовались, что у них получилось нападение. Стали они делить добычу, но, оказалось, не делится украденное поровну. Кому-то достаётся больше, а кому-то меньше. Зависть и жадность засели в их сердцах. Делили, делили добычу, да и подрались. А как подрались, так и не заметили, что снова превратились в зверей.

Купцы, увидев такое превращение, вернулись за товаром, собрали всё и, ничего никому не говоря, уехали в свои края, чтобы больше не возвращаться на север.

Мать Волчица плакала от горя, потому что не могут Волчата вернуться в сказочный мир озлобленными и жестокими зверями. Теперь им предстоит вечно скитаться по тундре в поисках добычи.

Средние два сына стали просить мать, чтобы она их отпустила к людям. Они считали себя хитрыми, уверяли мать, что смогут вернуть Вильгис и братьев. Пришлось матери превратить волчат в людей и отпустить.

Солнечным теплом согрет листочек первый,
Обласкана травинка проснувшимся жучком.
Медведь очнулся, сделал шаг неверный,
Косматый весь, с горы скатился кувырком.

Оживала тундра. Радостное пение птиц будило всё вокруг. Оленьи стада переходили на летние пастбища, а вслед за ними кочевали и саамы. Мать Ена укладывала вещи в керёжу*, запряжённую одним оленем. Пока земля совсем не оттаяла, нужно торопиться на новое место. Там Ен хочет построить дом.

Вильгис слушала чириканье птиц, как будто понимала, о чём они щебечут, подпевала им и веселилась вместе с ними. Радовалась скорому приходу лета. А на Ена она так и не смотрела и, когда он подходил к

---

* *Керёжа* — сани, древнее саамское средство передвижения по тундре, изготовленное из дерева в форме лодочки с одним полозом, в которые впрягался один олень.

ней, становилась грустной и тихой. Слушала его рассказы о новом доме, о его планах на будущее, но это её совершенно не радовало.

Идут неторопливо оленьи райды по тундре, перевозят саамов на летние места. Дорога знакомая, всего-то несколько дней пути. В пути песня сама складывается, поёт человек обо всём, что видит.

Еду, еду я в керёже,
Песню тихую пою. .
Мне ручей историю расскажет,
Я её лишь повторю.

Еду, еду я в кереже,
Песнь весёлую пою.
Птичка песню мне подарит,
Я её лишь подпою.

Еду, еду я в керёже,
Песню громкую пою.
Тундра сказку мне подскажет,
Всем её я расскажу.

Мысли Ена были заняты предстоящим строительством дома. Как строить дом? Спросить не у кого, и братья куда-то подевались, а они такими хорошими помощниками были.

А в это время два средних брата Волка, превратившиеся в людей, строили свои планы, идя навстречу Ену. Разговаривали между собой: «Как-то нужно обмануть этого парня так, чтобы он не думал о Вильгис, чтобы она на нас посмотрела...» Шли, разговаривали, увидели приближающегося Ена. Когда встретились, то представились молодыми строителями, ищущими работу. Обрадовался Ен, что ему так везёт на хороших людей. Дальше пошли вместе смотреть место, где будет строиться дом.

Солнце мячиком катилось по горизонту. Время было уже позднее. Многие уже легли спать. А солнце не хотело уходить с неба: наступил полярный день. Болота зацвели морошковым цветом, напоминая снег. Волчица, мягко ступая по мхам, обходила свои владения. Комары пищали над ней, тучами сопровождая её, рассказывая последние новости. Утром зажужжит пила, зазвякают топоры, застучат молотки, заскрипят доски, будет строиться дом. И снова мать Волчица будет тихо лежать на пригорке, положив голову на лапы, и наблюдать за своими детьми, которые так увлеклись строительством человеческого жилья, что стали забывать, зачем они ушли из сказочного мира.

Волчата в человеческом облике спали, посапывая во сне, им снилась мать, но её образ уже начинал таять в их памяти. Им нравилось быть людьми.

З, з, з — пищит комар над ухом,
Ж ,ж, ж — повторяет следом муха.
С, с, с — лучик солнца трогает росинку,
Ш, ш, ш — ветерок уселся на травинку.
Слышу музыку лесную,
Ласковую, тёплую такую.
Бум — рогами лось боднул сосну,
Кар — нарушила ворона тишину.
Р, р,р — медведь в реке поднял волну,
Шлёп — лосось взлетел, пошёл ко дну.
Ну и ну, музыка лесная,
Чудная, шумная какая!

Мать Ена сшила новым знакомым сына киесе пайд* , в них удобно работать: днём нежарко, и комары не прокусывают. Утром мать раньше всех вставала с постели — нужно было накормить и напоить сына с друзьями. Тревога не покидала её сердце, Вильгис так и не обращала на Ена внимания. И однажды, приготовив еду, мать отправилась к нойду за советом.

Мать Ена увидела нойда за летним занятием. Он связывал в пучки собранные им травы и развешивал их для просушки.

«Проходи, проходи, я сейчас освобожусь, — пригласил нойд женщину, — сейчас посмотрим, что скажут духи для тебя». Она вошла в его жилище. Следом, отряхиваясь от травы, вошёл и нойд. Он усадил женщину, сам же достал бубен и положил перед ней. На бубне были нанесены какие-то рисунки. На эти рисунки нойд стал раскладывать перышки разных птиц, после чего начал напевать странный мотив и слегка ударил по бубну палкой, обтянутой шкурой оленя. Перышки взмыли вверх и закружились в воздухе. Мать Ена сидела тихо-тихо, боясь даже вздохнуть. Нойд смотрел на перышки, кружащиеся в воздухе, полузакрытыми глазами и мурлыкал что-то себе под нос, раскачиваясь в разные стороны. После того как перышки улеглись на бубен, нойд стал пальцем водить по рисункам, которых коснулись перышки, и рассказывать матери, что это обозначает: «Твой сын нарушил равновесие между сказочным миром и реальным. Тебе нужно сшить оберег и с этим оберегом сходить в Сейд — жилище духов. Попросить у духов щепотку земли и зашить её в оберег. Этот оберег твой сын должен носить на шее».

Вернувшись домой, мать Ена села за шитьё оберега. Небольшой кожаный мешочек, расшитый бисером, должен был стать вместилищем добрых духов, которые берегли бы сына и помогли ему завоевать сердце Вильгис.

Сейд** — святое место для саамов. Туда из праздного любопытства не ходили, старались его обходить стороной, дабы не разгневать духов и не навлечь на себя беду.

---

* *Киесе пайд* — лёгкие летние рубахи *(саам.)*.

** *Сейд* — саамское святилище, камень или камни, в которых обитают духи.

Погода в этот день выдалась хорошая. Солнышко пригревало. Комары попрятались от его лучей в тенистые места и не мешали в дороге. С трепетным чувством, прижимая к груди сшитый оберег, отправилась мать Ена в Сейд. Она шла, не ощущая ног под собой, только желание помочь сыну толкало её на это путешествие. Женщина подошла к огромному валуну, стоящему на трёх маленьких камнях, встала на колени, чтобы попросить добрых духов о помощи, как почувствовала на себе чей-то взгляд. Ей стоило огромных усилий взглянуть на того, кто на неё смотрит. Поднимая голову, она увидела крупную полярную волчицу. Волчица была так близко, что матери Ена казалось, что она чувствует дыхание зверя. Оцепенение охватило женщину.

Солнце стало закрываться чёрными тучами. Первые капли дождя упали на землю. Стало темно, как ночью. Дождь превратился в ливень. Струйки дождя бежали по голове Волчицы. И вдруг матери Ена показалось, что Волчица плачет. А Волчица спокойно села на задние лапы, подняла морду вверх и завыла, не обращая внимания на испуганную женщину. Волчица запела свою песню, песню жизни. Мать Ена узнала этот вой, и почему-то страх ушёл, ей стало жалко старую Волчицу. Женщина встала с колен и пошла в сторону дома, унося с собой щепотку земли в обереге и смутное чувство близости с Волчицей.

Дома её ждали сын и его новые друзья. Дождь помешал строительству дома. Они сидели у костра и сушили мокрую одежду. Когда мать Ена надела сыну на шею оберег, Волчата стали спрашивать у неё, зачем она вешает сыну странный маленький мешочек, но мать ничего не ответила им. Только сыну сказала: «Носи и не снимай». Потом добавила, шутя, обращаясь к друзьям сына: «Будете хорошими ребятами — и вам сошью обереги». Почему-то всем стало весело. Ен и Волчата начали подшучивать друг над другом и громко смеяться. Мокрые вещи подсохли, и молодёжь отправилась строить дом.

Вильгис, обычно равнодушная ко всему происходящему, в этот раз подошла к Ену и долго смотрела на оберег. В её глазах чувствовались доброта и любовь. Она протянула руку к оберегу, но что-то её остановило. Она отвернулась и ушла.

По ночам всё чаще и ближе раздавалась песнь Волчицы. Она тщетно звала детей к себе. Они слышали её призывы, но с каждым разом злились на неё за то, что она не даёт им покоя. Они не хотели возвращаться в свой сказочный мир. И задумали Волчата избавиться от матери...

Земля трудилась всё лето, наливая соком ягоды, выращивая травы и грибы, кормя всё живое вокруг. Летом женщинам приходится много трудиться. Всё, выращенное землёй, необходимо собрать и заготовить для долгой и холодной зимы.

И вот уже первый жёлтый листочек сорвался с ветки и закружился в воздухе. А утром первый морозец сковал лужи. Правда, солнце быстро растопило лёд, но в тундре запахло осенью.

Дерево танцует с ветром вольным,
Исполняя магический обряд.
Дождь поёт мотив раздольный,
Поливая всё подряд.
Осень жёлтая, краснотой гордясь,
Для земли одеяло ткёт.
А земля усталая, морозов не боясь,
Долгой ночи ждёт.

Дом был почти готов, но был ли он хорош или плох — никто сказать не мог. Выдержит ли его крыша много снега, будет ли в нём тепло в сильные морозы?.. Поэтому решили на эту зиму в нём не оставаться, а отправиться вместе со всеми. Узнав о таком решении, Волчата стали просить Ена оставить их зимовать в доме, чтобы опробовать его на прочность. Ен согласился.

Снова тронулись в путь оленьи райды, увозя саамов на старые места. Волчата же, оставшись одни, могли смело планировать свои действия. Теперь они не боялись, что их могут подслушать. Долго они обдумывали, как избавиться от Ена, а заодно и от надоедливой Волчицы. Забыли Волчата, что она их родная мать, возомнили себя настоящими людьми.

Мать Волчица видела перемены в своих детях, но ничего не могла поделать. Сидела она недалеко от нового дома, пела свою песню, но Волчата не слышали её призывов, да и не хотели слышать. Тягостно было матери знать, что её дети забыли, кто они такие, они забыли, что самой Природой им положено охранять сказочный мир. Много думала Волчица над тем, почему так произошло, но ответа так и не нашла. Не знала мать, что её дети хотят избавиться от неё. Вместе с Волчицей к дому приходил её младший сынишка. И однажды волчонок начал проситься к людям, стал уговаривать мать, чтобы она и его превратила в человека. «Нет, — сказала мать, — если и ты уйдёшь, то кто же будет охранять наше стадо. Я сама пойду и верну Вильгис, а заодно и сыновей, пока они совсем не забыли, кто они. Вот только дождусь, когда лёд на реке встанет».

Снег падал по ночам, а утром таял. Лужицы, подёрнутые льдом, таяли под солнечными лучами. Дул холодный северный ветер. В воздухе пахло зимой.

Волчата придумали хитрый план. Они решили упросить Ена сделать капкан на волка. Таким образом, думали они, Ен убьёт Волчицу, а Волчица погубит его. Ну а Вильгис и мать Ена им не помеха.

Небо рисует цветные картинки,
Луна смотрит ласково вниз.
Речка играет в прозрачные льдинки,
Земля спит в сугробах больших.

Серебряным светом мерцают снежинки,
Ветер — шалун купается в них.
Метель — хохотушка заносит тропинки,
Наводит порядок в просторах своих.

Дождавшись, когда установится хорошая дорога, Волчата отправились к Ену. Придя к нему, они стали рассказывать всякие страшные небылицы про Волчицу и уговаривать Ена сделать капкан. Расхваливали его, что он очень храбрый и ловкий охотник, что только он может справиться с таким грозным хищником. Ен сначала удивлялся, что волки стали так близко подходить к людям, но раз друзьям страшно, он согласился. «Я пойду и поймаю её», — сказал Ен. Волчата ушли, довольные своей хитростью. А Ен начал мастерить капкан. Матери сыновья затея не нравилась, чувствовала она беду. Но сын не мог отступиться, ведь он обещал друзьям.

Снег лежал мягким ковром, ноги утопали в нём. Мать Ена шла к нойду за советом, её сердце чувствовало что-то неладное. Вильгис так и не смотрела на сына, оберег не помогал ему, а братья затеяли что-то неладное, втягивали Ена на убийство волчицы.

Когда мать Ена зашла в жилище нойда, то увидела, что его нет дома, но следы на снегу говорили, что он где-то рядом. Женщина решила подождать его, усевшись на шкуре. Немного погодя вернулся нойд. Увидев мать Ена, он поздоровался с ней и предложил ей напиток из трав, приготовленный специально для неё. Сам же взял бубен. Звук бубна проникал в самое сердце матери. Песня, напеваемая нойдом, убаюкивала её. Женщине казалось, что она заснула и видит сон: «Она легко парила над землёй, видела горы и реки, несущие свои воды к океану. Ей казалось, что она опустилась на вершину самой высокой горы. Облака проплывали совсем рядом, и она их трогала руками. На облаке сидела старая седая женщина, её глаза показались матери знакомыми. Она вспомнила, у кого видела эти глаза. Это глаза Волчицы. В глазах Волчицы так же, как и при встрече в Сейде, были слёзы. Мать Ена спросила старуху, почему она плачет? Старуха молчала и тихо плакала. Мать Ена снова спросила, что так сильно расстроило её и почему старуха не хочет с ней говорить? В ответ старуха разрыдалась ещё громче. Тогда мать Ена спросила, чем она может ей помочь? Старуха исчезла, а на её месте появилась Вильгис, необычно весёлая и радостная, но её глаза снова напоминали матери глаза Волчицы. Вильгис стала петь очень красивую ёйку* . В ёйке слышались щебетание птиц, шорох ветра, журчание ручья. Вдруг ёйка прервалась и на месте Вильгис оказался окровавленный капкан. Мать полетела вниз с горы, цепляясь за кусты, ударяясь о камни. Женщина не чувствовала боли, но ей было очень страшно». От испуга женщина вскочила со шкуры. Нойд

* *Ёйка* — саамская традиционная народная песня без постоянных слов.

сидел рядом и держал её за руку. «Надеюсь, ты получила ответ на свой вопрос?» — спросил нойд. Она утвердительно покачала головой и заторопилась домой.

Мать старалась быстрей добежать до дома и остановить сына. Ноги не слушались, казалось, что каждая заснеженная кочка цепляет её, останавливает.

Светила луна. Вокруг её сиял яркий радужный круг. Лёгкая позёмка переметала снежинки по тундре. Когда мать Ена добежала до своей вежи, то увидела, что сына уже нет, нет и капкана, сделанного им. Только Вильгис сидела у очага и смотрела на горящие поленья. Силы покидали женщину, усталость клонила её в сон. Но она, собрав последние силы, вышла из вежи. Она стала рассматривать следы на снегу, пытаясь угадать, в какую сторону пошёл её сын. Вслед за ней вышла и Вильгис. Она показала матери, куда отправился Ен.

А в это время Волчица, обернувшись старухой, шла к людям. Ветер усиливался, гоня впереди Волчицы вихри снега. Она плохо различала дорогу, её младший сынишка старался незаметно следовать за ней.

А Ен уже устанавливал капкан на волчьей тропе и радовался, что метель заметает его следы и ловушку. «Волчица в такой метели не заметит капкан...» — думал Ен.

Вильгис с матерью старались быстрее догнать Ена. Средние братья Волки тоже шли за ними, не желая показываться им на глаза, хотели посмотреть, чем закончится охота на Волчицу.

Младший сын Волчицы опередил свою мать и первый заметил Ена, устанавливающего капкан. Он завыл, предупреждая мать об опасности. От этой волчьей песни даже ветер притих на некоторое время, средние братья остановились и замерли. Ен осмотрелся и увидел перед собой молодого волка. А волк смотрел на Ена, готовый прыгнуть на него. Но волк не мог прыгнуть, так как на шее у Ена висел оберег, а в нём щепотка земли со святого места. Он не мог нарушить материнский закон. Волк кружился вокруг Ена, оскаливаясь и рыча на охотника. И тут Ен увидел, что к ним с разных сторон подходят старуха и его мать с Вильгис. Ен испугался за мать и Вильгис. Волк мог наброситься на них. В этот момент Ен поскользнулся и угодил в свой капкан. Капкан защёлкнулся на его ноге, пронизывая всё тело болью. Ен упал в снег и потерял сознание. Мать бросилась к сыну на помощь, Вильгис бежала следом за ней. Волчица, увидев Вильгис, превратила своего сына в молодого парня, сказала ему, что если Вильгис посмотрит на него, то и она и его братья вернутся в свой мир. Волк побежал навстречу девушке.

Мать Ена наклонилась над сыном, чтобы освободить его из капкана, а Вильгис смотрела на сына Волчицы, приближающегося к ним. Сын

Волчицы улыбался, глаза его светились счастьем. И девушка посмотрела ему в глаза...

Ен лежал на шкуре, он спал. Мать сидела за шитьём новых нарядных туборок* для сына. Скоро праздник, соберутся гости, приедут дочери с зятьями. Хочется, чтобы Ен был красивым. Ен заворочался и проснулся. Он пощупал свою ногу — она была совершенно здоровой. Ен спросил у матери: «А где Вильгис?» «Какая Вильгис? — переспросила мать. — Ты так долго спал, что перепутал сон с явью. Собирайся! Вон уже и гости подъезжают. Пора на праздник».

Горел большой костёр. Народ вокруг костра веселился: кто-то песни пел, кто-то радовался встрече с близкими. Дети бегали, играли в охотников, кидались снежками. Из главной куваксы** вышел нойд с бубном в руках. Нойд прошёл к костру. Когда нойд запел и ударил в бубен, люди стали подходить и зажигать от костра факелы, после чего все начали танцевать, образуя факельный круг у костра.

Ен веселился от души, и вдруг его словно что-то толкнуло в спину. Он обернулся. На него смотрели весёлые девичьи глаза. Румянец на щеках делал девушку ещё красивее. Это была его Вильгис из сна...

Нойд пропел: «Здравствуй, Солнце!» И солнечные лучи коснулись сначала верхушек гор, а потом разбежались по всей земле.

---

* *Тоборки, тубэрк* — повседневная рабочая обувь оленеводов с длинными голенищами до бёдер, шьётся из теплого оленьего меха, носится поверх меховых чулок, привязывается к поясу завязками *(саам)*.

** *Кувакса* — передвижное жилище саамов конической формы, строится из жердей, летом покрывается брезентом, зимой — оленьими шкурами.

МИХАИЛ ФИЛИППОВ

МИХАИЛ ФИЛИППОВ

Михаил Филиппов (1960–2007) – художник-график, живописец, поэт, писатель, дизайнер. Автор более 800 стихотворений, трех неопубликованных книг, более 200 графических и живописных работ, участник Областного семинара молодых писателей, проводившегося Мурманским отделением Союза писателей России (1993). «Антология» представляет творчество этого поэта впервые.

Мир поэзии Михаила Филиппова — мир ощущений и душевных состояний

Михаил родился в селе Ловозеро в интеллигентной семье саами и коми. Мать — бухгалтер, отец и брат — художники. С детства жил в атмосфере творчества. Служил в армии в Кронштадте. В 1986 году окончил художественно-графический факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.

Ленинградский период был самым ярким и счастливым в его жизни: это и знакомство с уникальной культурой города, и встречи с интересными людьми, общение с которыми, конечно же, повлияло на мировосприятие молодого человека. Так, его другом стал Виктор Цой. Для Михаила открылся мир, неведомый до этого, и мысль, стремясь постичь бескрайнее, погрузилась в него, наслаждаясь свободой полёта. «Интеллектуальная планка» была задана высокой.

То было время, когда вдруг открылись горизонты возможностей и казалось, что каждый стал свободен в выборе жизненного пути, направления мысли, в возможности самовыражения. Духовная почва, обретённая в Ленинграде, должна была стать той плодотворной основой, на которой возможны были и творческие всходы. Образованный, думающий и талантливый, Михаил стал пробовать себя в поэзии, прозе, круг его интересов был широк: живопись, архитектура, технические открытия, образование, наука о высшей энергетике — разуме, новое направление в изобразительном искусстве — энергетическая пластика... Казалось, что настало время перестройки не только экономики и политики страны, но и собственных душ, интеллекта... Как знать, что могло ожидать начинающего художника, останься он в Ленинграде, в кругу одинаковых с ним интересов людей...

Но судьба распорядилась по-своему: Михаил вернулся в родное село — Ловозеро, где был обречен на духовное одиночество. Оставалась одна возможность выражать себя — живопись и стихи.

Работа в художественных школах Оленегорска, Ревды, Ловозера давала возможность какой-то финансовой независимости, но катастрофически не хватало общения с людьми одного уровня, одних интересов. Не спасала даже напряжённая работа: в это время было написано множество картин, стихов. Михаил очень любил свой край, его волновала судьба саамского народа: с болью наблюдал он за разрушением уникальной саамской культуры, не желал мириться с бездействием тех, кто мог, но не хотел что-то изменить, — в голове рождались смелые проекты по спасению родного края, но... он не был услышан. Трагедия невостребованности неординарно мыслящего человека, заточённого в собственное одиночество, живущего в богатом образном мире,

которым он не мог ни с кем поделиться, стена непонимания и зачастую невосприятия – кто может выдержать такое?

В 1992 году Михаил остался и без работы, а значит, без средств к существованию. Приходилось перебиваться на деньги, вырученные от продажи за бесценок картин иностранцам. Круг сужался, и в какой-то момент пришла болезнь, с которой Михаил боролся 7 лет.

Что создаёт талант и что его разрушает? Полное непонимание в «среде обитания» уж точно не способствует раскрытию творческих способностей, исполнению замыслов, зато приводит сначала к духовной, а потом и физической гибели.

Михаил прожил свою жизнь на родине непонятым. Его творчество, вызывавшее самые разные суждения и отклики, и сегодня неизвестно широкому кругу читателей.

Поэзия Филиппова метафорична, но, как сказал Борис Пастернак, «...метафоризм – стенография большой личности, скоропись ее духа». Метафоры нанизываются одна на другую и часто звучат диссонансом. В некоторых стихах ощущается боль, надломленность, вызов, эпатаж. Образы стихов поражают экстравагантностью, они требуют разгадки смысла. Но за всем этим чувствуется пронзительный лиризм.

Стихи Михаила – это непривычное видение мира и нетрадиционное для саамской поэзии воплощение этого видения. Хотя почему непривычное и нетрадиционное? Должна же быть какая-то почва, которая подготовила появление ТАКОГО поэта? Экспериментаторство, обилие сложных метафор, непривычных синтаксических конструкций, за которыми скрывается глубинный смысл текста, – всё это роднит стихи Филиппова со стихами Маяковского:

Угрюмый дождь скосил глаза.
А за
решеткой
четкой
железной мысли проводов –
перина.
И на
неё
встающих звёзд
легко оперлись ноги.
(«Утро»)

А вы
Ноктюрн сыграть
Могли бы
На флейте водосточных труб?
(«А вы могли бы?»)

Однако если у Маяковского важнейшая особенность ранней лирики — разрыв поэта и действительности, то о филипповских стихах такого сказать нельзя. Да, поэт чувствует себя ненужным, одиноким, так как окружающий его в своём отторжении поэта мир жесток и духовно нищ, но в стихах его отсутствует трагическое мировосприятие, нет ярко выраженного пессимизма. Мир поэзии Филиппова — это мир ощущений, душевных состояний, перетекающих одно в другое, рисующих зыбкость человеческого настроения. Возможно, это и есть та самая «энегетическая пластика», о которой он писал и автором которой себя заявлял. Чего стоит только одно его стихотворение «Полёт невесомый от свежести ветра...»! И совсем уж по-фетовски звучит стихотворение «Лето»:

Шёпот набега волны на песок,
Звонко обрадованный голосок,
Яркий загар,
Отдохнувшие плечи,
В ходе движения —
Разные встречи...
Зелень, дающая воздух живой,
Звук, излучающий дальний прибой,
Лёгкость прохлады и писк комара,
Сном утонувшая в тени жара...

Сравните:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца.
Ряд волшебных изменений
Милого лица.
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!

А. А. Фет

Без поэзии этого неординарного человека современная саамская поэзия была бы неполной, в чем-то ущербной. Сегодня её нельзя отрицать, отторгать и замалчивать, как нельзя отрицать, отторгать и замалчивать существование в этом бренном мире самого Михаила.

Его стихи — неизбитые, какие-то туманные иногда, они заставляют разгадывать тайну мысли, плетут кружево слов. Конечно, не все они «милые и пушистые», возможно, требуют обработки. Жаль, что уже сам поэт этого сделать не

сможет. Жаль. Даже не верится: неужели ни в ком не нашёл хоть каплю понимания? Эпиграфом к жизненному и творческому пути поэта Филиппова по праву могут служить слова Маяковского:

Нет людей,
Понимаете
Крик тысячедневных мук?
Душа не хочет немая идти,
А высказать кому?

Без сомнения, в Михаиле Филиппове была заложена искра Божия. Зачем? Возможно, кто-то когда-нибудь ответит на этот вопрос. А сегодня каждому предоставляется возможность познакомиться с поэтом Филипповым, составить собственное мнение о его поэтическом творчестве, насколько это позволяют рамки «Антологии».

Что ж, прочтите и попытайсь «вкусить кайф от экстравагантности его поэзии».

Виктория БАКУЛА

Михаил Филиппов

ВЕЧЕР НА РЕКЕ

Отшлифованный камень откоса,
Полировкой сверкает волна,
На пространстве воздушного плеса
Песню снов напевает Луна.
За дремотной проблемой столетней —
Свет в взволнованном шепоте струй,
Говорящий нарцисс междометный
И небес небольшой сабантуй.

ДЛЯ КОГО ЗАЛИТЫЙ СОЛНЦЕМ ЛУГ, А ДЛЯ КОГО СТОЖОК НЕСКОШЕННЫЙ

Ласкает дождь жары усталость,
Томленье в свежесть превратив,
Свет ручейков бегущих — жалость! —
Сон превращает в позитив.
Струится лета воздух нежный,
Страдой наполнены поля,
На стол ложится луг небрежный
А над тропою — тополя.

МИР ВОСТОРГОВ

Обаянием нежным снежинка ласкает
Цвет порхающий — розовой мысли струну,
Колокольчиком звонким играет
Звук морозца, глаза устремив на луну.
Колыханием изморозь в вальсе кружится,
Мягкий скрип от шагов напевает не в такт,
Мир восторгов живых в ярких душах кроится,
И светлеет зимы остывающий тракт...

СНЕГОПАД

Удивительным простором,
форм гармоний
Нежная снежинка разодета.
Снегопада строй
классических симфоний
Льёт движенья
хрупкого рассвета.
Роща обнаженных тополей
С легкостью
вуалью снежной кружит.
Тон полотен убранных полей
Цветом взгляду
от восхода служит.

МИРНАЯ ЗАРИСОВКА

Порхают сережки
берез на ветру,
Склонились над заводью
гибкие ивы,
Росой расцветают
луга поутру,
Дыханием полнятся
пышные нивы.
Разливы реки
с выступающим плёсом,
Детишек резвящихся
радостный крик,
Зеленая ель
над песчаным откосом,
И мирно сидящий
на лавке старик.

ДЕТСТВО В ЦАРИЦЫНО

В штрихах кудрявых —
гам цветов!
Закучерявилось в фрагменте
спелом детство...
Так память, скинув
цепь оков,
От прошлого берет
для рая средство.
Зовущий мягкий тембр
Для головы, уткнувшейся
в сугроб...
Победы первой темп,
Нагрудный небоскреб,
Пожар румяных щек,
Разбередивший душу,
И длительный заплыв
Для выхода на сушу.

ОШИБКИ ПОКОЛЕНИЙ

С самим собой играя в прятки,
Сомнений ищет человек,
Мозолями украсив пятки.
Свет пятится в жестокий век,
Себя в себе не понимая.
Боль глупостью ненужной
Глушит,
Ошибки бреда поколений
Мысль тяжестью похмельной
Сушит.
В ад направляя все живое,
Глухие раздражители скользят,
Сминая состояние жилое —
Чесоткой над опрятностью
корпят.

РОДНИЧОК ИСКУССТВА

Опрятный воздушный размер
В объеме пространства играет.
Прохладный родник, как пример,
Культуру пространства питает.

Искусства возвышенный рай
В наполненность жизнь вознесет,
Блаженством наполненный край
В прогресс свою лепту внесет.

МГНОВЕНИЕ ЧЬИХ-ТО ОБЪЕМОВ В ДУШЕ ОСЕНИ

Пылит прохладою дождя
Волна ненастного рассвета.
В воздушный золотой дурман
Листва деревьев разодета.
Ручья нахмуренный поток
Себя в речушку заливает —
свет питает,
Несет времен круговорот
Пласты обугленных мгновений,
Крутых объемов поворот
Прикручен в чашу чьих-то мнений.

ПРОГУЛКА ВНУТРИ ОСЕНИ

Дыханье осень пьет
из золотой посуды,
Восторгом насыщая свет
прозрачных далей.
Ветряк на облаках пластичных,
Пересуды,
Прокручивает ось движение
Педалей.
Как встарь, кроится день
В круговороте года.
Ритмично выткав песни
В пространстве ритма года,
В себе любуется природа,
Беря на отдых бюллетень.

ЛЕТО

Шёпот набега волны на песок,
Звонко обрадованный голосок,
Яркий загар,
Отдохнувшие плечи,
В ходе движения —
Разные встречи...

Зелень, дающая воздух живой,
Звук, излучающий дальний прибой,
Лёгкость прохлады и писк комара —
Сном утонувшая в тени жара...

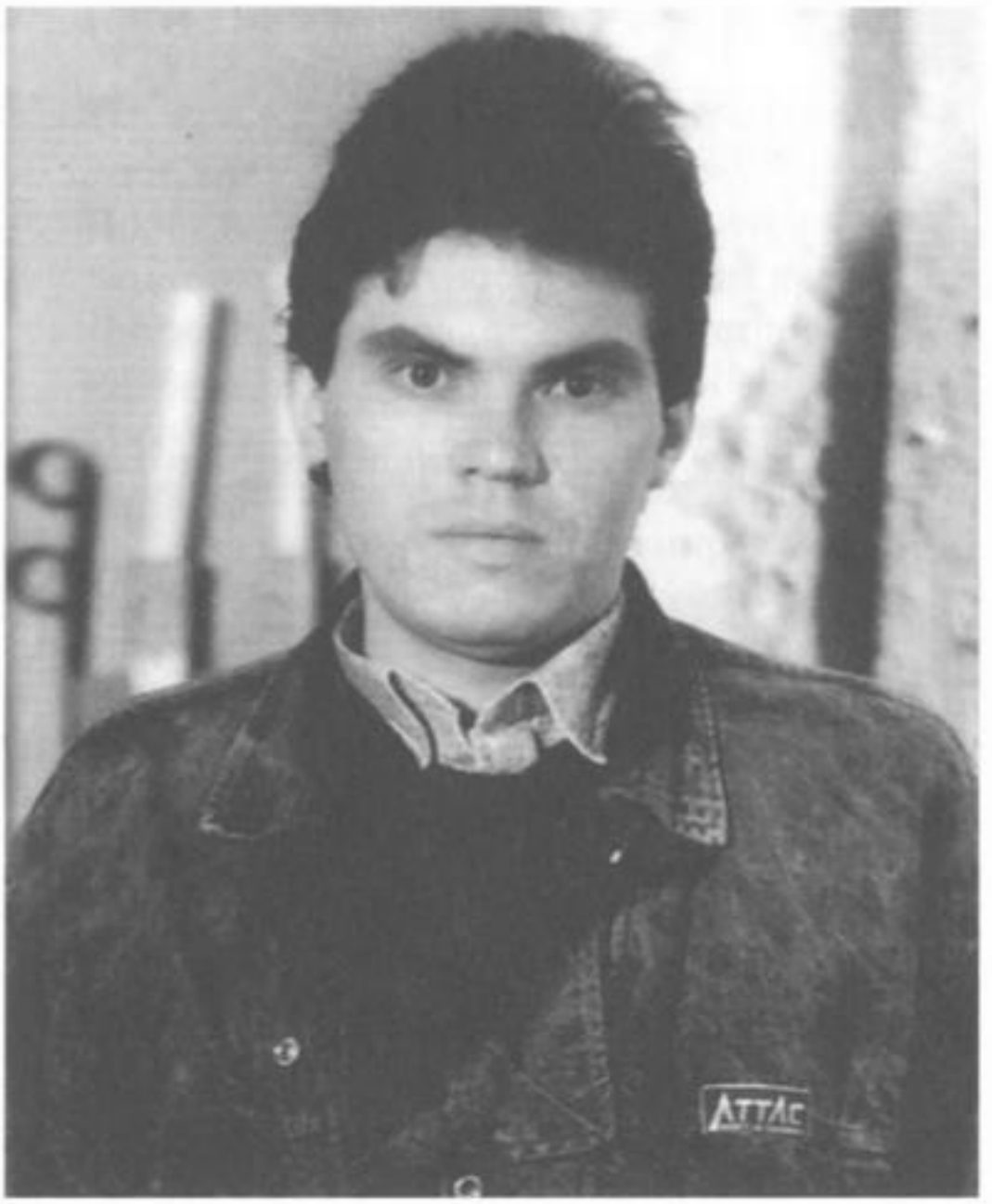
***

Полёт невесомый от свежести ветра
Колышет прозрачность от шторы нагую,
Движенье пространства в диаметре метра
Щебечет в воздушность от неги — балу-у-ю!
И розовый вздох на губах впечатляет,
Румянцем играя на нежных щеках,
И ласковый локон на лбу замирает,
Улыбкой играя на нежных руках.
Волна беспредельного счастья, мерцая,
Лелеет заоблачной жизни туман.
И трепетным счастьем сердца наполняет
Огромный, неведомый сна океан.

ПАМЯТИ БАРДА

До хрипоты душа поэта
Рутины удила грызёт,
В пространствах жёсткого рассвета
Для вечности в закат поёт.
Объёмы ритмов собирая,
Строкой вселенную обнял,
Пульс нерва в горле забирая,
Унынье страстью в мысль вгонял.
Для понимания настроя
Гитары звук в струне поёт.
И барда мнение живое
В душе свой свет приобретёт.
Пространство — времени мгновенья —
Эпохи колокол впитал
И жизни терпкой сновиденье
Собой в пространстве зачитал.

ВИКТОР ЧЕРНЫШИХИН



ВИКТОР ЧЕРНЫШИХИН

Виктор Васильевич Чернышихин (1962–2008) – прозаик. Писал на русском языке.

Рассказы публикуются впервые.

Рассказы Виктора Чернышихина

К сожалению, о Викторе Чернышихине известны только краткие биографические данные. Родился он в мае 1962 г. в городе Мурманске. В два года заболел диатезом, который перешел в экзему в тяжелой форме, так что врачи посоветовали сменить климат. В 1966 году родители Виктора переехали в г. Липецк, на родину отца. Нелегко было привыкать к новому краю, часто вспоминался Мурманск, суровый, но такой прекрасный и родной Кольский полуостров. В 1969 году Виктор пошел в школу. В пятом классе волею судьбы он начал посещать литературный кружок, который вел известный в то время в крае писатель В. Добряков. Это определило литературные интересы мальчика, но самое главное — разбудило в нём тягу к литературному творчеству, желание писать уже не оставляло Виктора всю жизнь. Именно тогда мальчик полюбил литературу, начал много читать, написал несколько рассказов, которые обсуждались в кружке.

В 1979 г. Виктор окончил среднюю школу и в 1980 г. поступил в техникум по специальности «Ремонт и обслуживание ЭВМ». Техникум окончил с «красным» дипломом и устроился работать на Новолипецкий металлургический комбинат. В 1985 г. он уже в экспериментальном отделе по разработке микропроцессорных ЭВМ предприятия Черметавтоматика, с 1995 г. организовал частное предприятие по ремонту и обслуживанию ЭВМ. Пять лет проучился в начальной школе при Московской Академии Йога, параллельно работал внештатным корреспондентом в молодежной газете. Широта интересов, предприимчивость и занятость не убили в нём желание творить на литературном поприще — время от времени Виктор публикует свои рассказы в местных газетах. Однако из-за тяжёлой болезни суставов он получает инвалидность. И теперь уже литература становится тем спасательным кругом, который помогает оставаться творчески одарённому человеку на плаву, не терять самого себя, не замыкаться на несчастье.

Через всю свою жизнь пронёс Чернышихин трогательную любовь к своей матери, заботу о ней, желание увековечить родной образ. Два рассказа посвящает он ей, повествуя о жизни, полной горестей. Судьба забросила маленькую саамскую девочку учиться в Ленинград в Академию художеств, но начавшаяся война, блокада Ленинграда, жизнь в Самарканде, наконец, возвращение в Колу не дали осуществиться мечте Асе Голых стать настоящим художником. Из Колы райком комсомола направил Анисью Голых на работу в Умбу, откуда, получив повышение, она уехала работать в Мурманское МВД. Замуж вышла поздно, в 1961 году, и в 39 лет родила сына Виктора.

Рассказ Виктора Чернышихина прислала Роза Ивановна Яковлева (Собакина). Написан он о её двоюродной сестре Анисье Николаевне Чернышихиной (Голых) сыном Виктором, которого уже нет в живых.

Возвращение к истокам — вот главный мотив творчества саамских писателей, и не исключение в этом творчество Чернышихина. Почему прошлое так притягивает? Почему пишут о нём больше, чем о сегодняшнем дне? Почему не

заглядывают в будущее? Наверное, так надо. Потому что неумолимо бежит время, заставляя не только забывать, но и не знать своих истоков. Откуда молодежь будет знать, какого она роду-племени? Духовные силы саамского народа природа словно направила на то, чтобы запечатлеть ускользающую историю предков. Появилось печатное слово — и сразу стало понятно: надо сохранить культурное наследие. Сколько уже не помнится сказок, песен, бывальщин? И саамы стали торопиться записывать. Дабы запечатлеть услышанное и пережитое. Поэтому, вероятно, так ярко выражена мемуарная направленность саамской литературы.

Два первых рассказа Виктора Чернышихина посвящены маме. Но за судьбой Анисьи Голых — судьбы других саамских женщин в потоке истории всей страны, преломленные в суровых бытовых условиях жизни на побережье, в тундре, судьбы тех, кто перенёс блокаду Ленинграда и чудом остался жив. И если первый рассказ Чернышихина биографичен, писатель сам ведёт повествование о родном человеке, то во втором — «Долгие часы бессонницы» — он пытается художественно осмыслить судьбу матери от её лица.

По рассказу мамы записан и третий рассказ — «Копейка». Тонкий лиризм в нём переплетается с мягким юмором. Вроде бы и обыкновенный сюжет — подумаешь, покупка машины! — но за этим — осмысление секрета простого человеческого счастья, секрета, который состоит в банальной истине: важно, чтобы мечта исполнилась. И не важно, что мечта у всех разная — разные ведь и сами люди. Важно то ощущение, которое и называется счастьем. А ещё автор размышляет над тем, по каким дорогам к этому самому счастью идти.

Рассказ «Сочинение» с полным правом можно отнести к философской прозе. Старый учитель литературы Евгений Иванович в тишине тихого зимнего вечера над стопкой сочинений размышляет над судьбами своих учеников. Вместе с автором, который предлагает нам заглянуть в тетради через плечо старого учителя, заглядываем в них и мы, и понимаем, что каждое сочинение — окно в жизнь ученика, за которым свои трагедии, тщательно скрываемые от чужого взгляда, свои проблемы, не решаемые никем, свои мечты, которые, возможно, никогда не исполнятся... Как угадывается в каждом подростке всё то, что заложено в его родителях! Каждый молодой человек — слепок матери или отца, и не надо придумывать объяснения, почему тот или иной ученик ведет себя так, а не иначе. Всё понятно старенькому учителю, а вместе с ним и нам. Философия жизни. Но так не хочется мириться с тем, что «самые лучшие в мире отцы уходят на опасные задания.... Навсегда...». Так мало счастливых по-настоящему детей, а потом и взрослых! Вместе с учителем мы понимаем, что ничего не остаётся, как принять это как данное и продолжать дарить детям хотя бы своё тепло и ласку, своё доброе сердце. Так много понимающее! Грустный рассказ о жизни.

Литературное творчество Виктора Чернышихина представлено жанрами малой формы, он пишет в гоголевских и зощенковских традициях. За внешней непритязательностью рассказов, которые на первый взгляд могут показаться мелкими по теме и пустяковыми по мысли, на самом деле таится живая проблема дня. Сюжеты рассказов несложны. Это всегда какая-то типичная жизненная история, рассказанная вроде бы в беззаботно-шутливом тоне, но тон этот явля-

ется фоном для нот горечи и боли за то, что мир, в котором недосягаемой и самой заветной становится мечта о насущном, несовершенен. Именно в таком мире обитают герои Чернышихина — романтичные, благородные, немного наивные со своей верой в идеалы добра и справедливости, чуть старомодные в мире перевёрнутых ценностей, где правит бал мещанство, грубость, бездушие «новых хозяев жизни». Чернышихин пишет о людях, которые живут в век высоких технологий, а мечтать им приходится о самом необходимом в быту — о телефоне, по которому некому звонить, замке, который защитит только от честных людей, а для воров не помеха, о машине, пусть она будет хоть самой разбитой «копейкой». Оказывается, прогресс не для таких людей. Мир изменился только внешне, суть осталась прежней. Гоголевские башмачкины и ионы уже в наше время испытывают равнодушие лиц, в чьи прямые обязанности входит забота о благоустройстве и защите людей, они страдают от административных перегибов, волокиты и беспредела, они заброшены и забыты, не нужны собственной стране. И если Михаил Зощенко высмеивал обывательские черты в человеке и своими рассказами призывал помогать таким людям от этих черт избавляться, то Чернышихин видит причину обывательщины в устройстве самой системы. Системы, которая так и не дала главного каждому члену общества — ощущения себя че-ло-ве-ком. Маленький человек так и остался маленьким. Не в людях видит писатель нелепое и уродливое, но в самой среде, которая рождает таких людей. О людях Чернышихин пишет с человеколюбием и желанием помочь. Возможно, поэтому такими неправдоподобными могут показаться финалы его рассказов: словно добрый волшебник устраивает жизнь главных героев в «Телефоне», «Замке», отводит от них беды и ненастья в «Алмазе». Чернышихин будит в нас непримиримость к глупости, злобе и пошлости, учит уважению друг к другу, внушает веру в то, что счастья достоин каждый, и счастье это — в недалёком будущем. Рассказы писателя — о «неустройстве нашего житейского обихода», которое мешает людям жить так, как это им подобает.

Что же помогает человеку в таких условиях? Конечно же, любовь. Любовь и мечта. Любовь в рассказах неожиданна, она приходит к героям уже немолодым и даёт им силы радоваться жизни, пусть даже такой, какая досталась. Любовь в рассказах даже немного сказочна, и веришь и не веришь в её счастливый исход. Но автор будто нарочно наделяет своих героев таким чудом, давая понять, что каждый достоин счастья. Чернышихин пишет о любви окрыляющей, способной поднять к небу и звёздам даже человека, мечта которого далеко не звёздная. Обыкновенность мечты и типичность ситуации, в которой оказываются персонажи, подчёркивают названия рассказов.

Чернышихину удаётся заставить читателя сочувствовать и сопереживать героям так, как если бы он был непосредственным участником происходящего, что достигается эффектом присутствия автора-повествователя, его мягким и доверительным к нам обращением.

В рассказах не ощущается трагического конфликта между грёзой и реальностью. Сама действительность — это и есть тот мир, среда обитания героев, которую они не воспринимают враждебно. Они вполне вписываются в этот реальный мир, не всегда добрый к героям, и не конфликтуют с ним, а находят смысл

жизни в мечте, поэтому и вознаграждены её исполнением, встречей с любовью, способностью радоваться жизни в её обыкновенности. В этом философия жизни героев Чернышихина. В этом, надо думать, и философия жизни самого писателя.

Виктория БАКУЛА

Виктор Чернышихин

МАМЕ МОЕЙ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Рассказ, записанный по воспоминаниям и от лица матери Виктора — Анисьи Николаевны Чернышихиной (Голых)

За окном в предутренней дымке виднеются очертания домов. Уличные фонари уже погасли. Из подъездов выходят люди, спешащие на работу. Город просыпается и готовится к трудовому дню.

Ещё одна ночь прошла без сна. В такие часы человек остаётся наедине с самим собой и ему становятся близки воспоминания о далёко прошлом, о детстве, юности. Когда всё было ещё только впереди и жизнь казалась бесконечной.

Память возвращает меня на Родину, где прошло моё детство. Суровый край Кольского полуострова, деревня Пулозеро. Своей страшной поступью в наш дом пришла смерть: от тяжёлой болезни умер мой отец. Нас у мамы осталось трое. Последние сбережения, которые были в доме, ушли на лечение, а потом и на похороны отца.

Чтобы как-то облегчить нашу жизнь, из деревни Белокаменка приехал брат мамы дядя Ваня. Он был женат, росла дочь Любаша, и все же он предложил моей маме, чтобы я какое-то время пожила у него.

В Белокаменке преимущественно жили саамы и финны. Многие содержали целые стада оленей, и, пока этой деревни не коснулась коллективизация, люди в ней были очень богаты. Там я пошла в школу, в которой все предметы преподавали на финском языке, помогала по дому тёте Марусе и дяде Ване. Работы было много, и иногда мне приходилось пропускать занятия. Зная, как я люблю рисовать, дядя Ваня подарил мне альбом с красками, и в свободное время я приходила на берег Кольского залива и рисовала целыми часами: залив, проплывающие корабли, сопки, скудную природу Крайнего Севера.

Как-то учитель рисования, увидев мой рисунок, похвалил меня. Я тогда не знала, что уже по инициативе Сергея Мироновича Кирова в Ленинграде была организована единственная в СССР школа для одаренных детей при Академии художеств.

Однажды к нам в деревню приехали двое художников, они пришли в школу и попросили нас показать свои рисунки. Мой альбом они рассматривали дольше всего и даже некоторые рисунки взяли с собой и уехали в Ленинград.

Через некоторое время мне, двенадцатилетней, пришёл вызов для поступления в школу при Академии художеств. Шёл 1937 год. И хотя было страшно уезжать так далеко от дома — беспокоились родные, но больше всего на свете мне хотелось научиться рисовать, и я поехала.

Никогда раньше я не бывала в больших городах, и потому первые впечатления об этом Великом городе остались у меня на всю жизнь: Невский проспект, набережная, Васильевский остров, Адмиралтейство, Эрмитаж. В Ленинграде каждая ограда, каждый фонтан, каждый дом были произведением искусства, и любовь к этому городу осталась в сердце навсегда.

С большим волнением мы с дядей Ваней вошли в большое серое здание на Университетской набережной, поднялись на третий этаж, где находилась художественная школа. Мне никак не верилось, что я, саамская девочка с далёкого Севера, здесь буду жить и учиться. Не верилось даже тогда, когда воспитатель привел меня в общежитие и показал мою комнату и кровать. Дядя Ваня простился со мной и стал собираться в обратный путь. Так началась моя новая жизнь.

Я быстро познакомилась с ребятами по школе и общежитию. Сейчас уже всех не вспомнить, но с некоторыми подружилась на всю жизнь. В комнате со мной жили ещё пять девочек: Зоя Гулина и Зина Маркова из-под Ленинграда, Валя Щульц с Украины, Ара Манжелез из Иркутска, Нора Артузова из Москвы. Я поступила в пятый общеобразовательный класс и первый специальный класс по искусству.

Многие ребята, которые учились в нашей школе, были необычайно талантливы и увлечены живописью, но не выдерживали нагрузок: программа обучения была очень насыщена. С утра до обеда шли обычные уроки, как в обычной школе, потом в огромной мастерской — уроки по специальности. Помню, как тяжело мне давался рисунок и как легко живопись. Преподаватель живописи даже сказал, что такое умение подбирать краски присуще только зрелым мастерам. Преподавателям также нравилось, как смело я относилась к своим работам. В основном мои композиции были о севере: оленьи гонки, северное сияние, рыбаки, тянущие огромный невод.

Но, когда нам дали контрамарки для посещения выставок, музеев, Эрмитажа, когда я увидела полотна великих мастеров, перед которыми простаивала часами и которые каждый раз открывались мне по-новому, смелости, с которой я относилась к своим работам, у меня поубавилось. Я поняла: великие мастера много работали, прежде чем создать шедевры, ставшие достоянием всего мира. Только талант и огромный труд способны на что-то стоящее. Рембрант, Рубенс, Серов, Врубель стали моими Учителями.

И всё же мне было очень тяжело переходить из класса в класс, сдавать экзамены. Я отставала по многим общеобразовательным предметам и только благодаря своей природной закалке не отставала от других ребят.

Однажды преподаватель живописи, рассматривая мои новые работы, задумчиво сказал: «Знаешь, Асенька, что главное в искусстве, да и вообще в жизни? Иметь свое лицо, иметь свой взгляд на мир, тогда творчество интересно для людей. Путь к этому может длиться всю жизнь, но, мне кажется, ты уже нашла что-то своё!»

Несмотря на очень большой объём занятий, мы всё же успевали заниматься, ходили в походы, организовывали самодеятельный театр, где я часто играла главные роли. Были встречи с известными художниками, писателями, поэтами. Всё это было очень интересно и запомнилось на всю жизнь.

Я очень подружилась со своими одноклассниками: Неллей Лебедевой, Борей Николаевым, Игорем Королёвым. В выходные дни мы собирались у Нелли. Папа у нее был из старинного дворянского рода, архитектор, они жили на Литейном проспекте. Мы увлекались живописью, музыкой, театром, и нам очень было интересно друг с другом.

Однажды я заметила, что Боря Николаев ухаживает за мной... Мы были счастливы... Мы думали: скоро станут счастливы все люди во всех странах, впереди долгая и прекрасная жизнь.

Мы не знали, что 18 декабря 1940 года Гитлер приказал начать подготовку к осуществлению плана «Барбаросса» — молниеносной войны против Советского Союза.

После того как сдали экзамены, Зина Маркова предложила мне поехать в деревню Кукуй, что находилась под Ленинградом. Она взахлеб рассказывала, какие там красивые места, как мы будем там отдыхать и писать этюды.

21 июня 1941 года мы с Зиной заработались над этюдами и домой пришли поздно. Наскоро поужинав, легли спать. Утром нас разбудил плач Кати, сестры Зины, которая и принесла нам страшную весть о начале войны.

Какое-то время я ещё жила у Зины, но, когда мы узнали, что немцы находятся в пятнадцати километрах от деревни, в военном эшелоне я поехала в Ленинград. Ехать было страшно, каждую минуту могла налететь вражеская авиация и разбомбить эшелон. Но, слава Богу, до города мы доехали целыми и невредимыми. Потом от Зины я узнала, что вскоре после моего отъезда в деревню ворвались немцы. Издевались над мирными жителями, расстреливали сочувствующих советской власти. Сама Зина успела убежать из деревни в последний момент.

Немцы рвались к Ленинграду. Гитлер хотел сровнять этот город с землёй, что было бы огромной психологической победой над русскими. 9 сентября на севере Ленинград полностью был блокирован финс-

кими войсками, а на западе и юге — немецкими. Но немцы так и не ворвались в город, благодаря мужеству его защитников. Каждый день город подвергался страшным бомбардировкам и артобстрелам.

Несмотря на это, в нашей школе начались занятия, которые часто прерывались «воздушной тревогой». И без того тревожный сон прерывала «воздушная тревога» и ночью. Ученики и преподаватели, быстро собираясь, брали самое необходимое и спускались в бомбоубежище. Однажды ночью, когда мы были особенно измотаны частыми спусками, во время очередного налёта Зоя предложила остаться в общежитии. Забрались под кровать. Сначала было очень тихо, затем неожиданно совсем рядом разорвалась бомба, со звоном посыпались разбитые стёкла, потом ещё одна и еще. Где-то начался пожар, слышались крики людей. Пережив этот страх, мы решили более уже здесь не оставаться, а спускаться в бомбоубежище.

Уже в конце сентября в магазинах и столовых стало очень плохо с продуктами. На обед нам давали соевые бобы и чечевицу.

Студенты и старшеклассники выехали на подступы Ленинграда рыть противотанковые рвы. Многие студенты добровольно шли на фронт. При Академии художеств была организована медико-санитарная команда, которая оказывала всяческую помощь пострадавшим при обстреле и бомбардировках. Так мы пытались хоть чем-то помочь фронту.

Вскоре после очередного налёта вражеской авиации мы увидели огромное зарево пожара — это были разбомблены Бадаевские склады. Последние продовольственные запасы Ленинграда были уничтожены.

После этого ввели карточки, по которым выдавали продукты. К началу зимы норма хлеба в день на человека составляла 125 граммов. Начался голод. Квартиры не отапливались, и от голода и холода люди стали умирать. Улицы Ленинграда не убирались, повсюду росли сугробы, по проложенным тропинкам с огромным трудом пробирались горожане, похожие на тени. Некоторые из них, выбившись из сил, садились прямо в снег и больше не вставали. Лица у них были спокойные, как будто они радовались последнему своему пристанищу.

В школе занятия проводить перестали — учителя ослабли. Не было света, тепла, воды. У кого оставались силы, ходили за водой на Неву. Грязные, голодные, заросшие, мы перестали узнавать друг друга, так всех изуродовал голод и блокада.

Вера Ивановна, руководитель медико-санитарной команды в Академии, предложила совсем ослабевших людей поить хвойным отваром, чтобы хоть как-то приободрить.

На одной кровати лежал обросший, жутко исхудалый мужчина, жизнь в котором едва теплилась, я едва узнала его. Это был директор школы и преподаватель живописи Владимир Александрович.

— Владимир Александрович, выпейте, это вам поможет, — сказала я.

Владимир Александрович открыл глаза, но встать не мог, на его лице засветилась вымученная улыбка:

— Асенька, это ты, я рад, что ты жива, — тихо сказал он.

Выпив хвойный отвар, Владимир Александрович вновь забылся своим тревожным сном.

Как-то я решилась сходить на Литейный проспект к своей подруге Нелле, проведать её и, может, чем-то помочь. Город, мой любимый Ленинград, был страшен: жуткие глазницы разбомбленных домов, высокие непролазные сугробы, которые никто не убирал, люди, везущие на санках завёрнутые в одеяла трупы умерших родственников — всё это было похоже на ужасный сон.

Возле булочной стояла длинная очередь за хлебом, который и хлебом назвать трудно. К тем, кто хлеб уже получил, подходили люди, предлагали золото, бриллианты за маленький кусочек хлеба. Но люди, получившие хлеб, только сильнее прижимали его к себе и спешили к своим умирающим, голодным детям.

Дома у Нелли мне обрадовались: «Слава Богу, Асенька, ты жива, проходи, мы сейчас будем обедать», — сказала Неллина мама. Оказывается, Неллин папа сумел перед блокадой запасти немного крупы — это и спасло их от голода. Крупы было не так много, и впереди были долгие дни блокады, и всё же они поделились со мной самым ценным, что было у них. Они спасли меня от голодной смерти. Неллин папа разломал несколько стульев из гостиной и растопил печку-буржуйку. Мы сидели с Неллей возле тёплой печки и вспоминали мирную жизнь, учёбу в школе, преподавателей, друзей.

Наши воспоминания прервали звуки «воздушной тревоги», которые даже после войны часто снились мне. Перед тем как спуститься в бомбоубежище, Неллина мама дала нам по кусочку печенья. В бомбоубежище я не выдержала, достала печенье и стала есть. На меня устремились десятки голодных глаз. Заплакали голодные дети: «Мама, я хочу, есть, есть, смотри у тёти печенье, мама...»

Не помня себя, я выскочила на улицу, слезы лились у меня из глаз. Мне было безумно жаль этих детей. И страшно от бессилия чем-то помочь.

Воротившись в общежитие, я приготовила хвойный отвар и стала разносить его по комнатам. Комнаты были холодные, на кроватях лежали обессилевшие, истощённые люди. На одной я едва узнала старшеклассника Васю Соснова. Он был моим партнёром по танцам. Как его изуродовал голод! Но несмотря на это, он в ослабевших руках держал альбом и карандаш. Я дала ему немного хвойного отвара, он улыбнулся мне и сказал:

— Асенька, помнишь, как мы с тобой танцевали вальсы и танго? Жаль, что этого больше никогда не будет. Асенька, я умираю.

Я закричала что было сил:

— Вася, не думай так, мы будем с тобой жить и потанцуем ещё, лучше всех будем танцевать!

— Договорились,— сказал грустно Вася. — Только ты ни с кем не танцуй, Ася, ладно?

На следующий день, когда я пришла проведать Васю, его уже не стало. Рядом с ним лежал альбом с неоконченным рисунком. Море, солнце, на берегу пальмы и двое людей, протягивающих руки к солнцу... Вася совсем немного не дожил до сильных морозов, накрепко сковавших льдом Ладожское озеро, когда по нему была проложена трасса и колонны грузовиков повезли в Ленинград продукты. Эта «Дорога жизни» спасла многих людей, но к тому времени почти миллион его жителей и защитников уже умерли от голода, холода, непрерывных обстрелов и бомбардировок.

В феврале 1942-го пришёл приказ эвакуировать школу и Академию Художеств. 17 февраля нас на пригородном поезде везли до Ладожского озера, где пересадили на грузовики и переправили на «Большую землю». На середине пути немецкий снаряд угодил во впереди идущую машину, которая тут же с людьми и грузом ушла под лёд. Водитель нашей машины еле успел затормозить, чтобы не въехать в полынью. Руки его дрожали, лицо сделалось мертвенно бледным. Он никак не решался ехать дальше. Тогда военный регулировщик, который дежурил на трассе, выхватил пистолет, приставил его к виску водителя и скомандовал: «Ну, давай, браток, трогай, иначе погибнем все!»

Медленно мы тронулись дальше. Я раньше никогда не молилась, но в этот миг перед лицом смерти обратилась к Богу, слова шли из глубины души: «Отче наш, да святится имя твоё, да будет царствие твое, спаси и сохрани нас, Господи, спаси и сохрани...»

Когда мы переправились через озеро, нас повели в столовую, где дали жидкую кашу на растительном масле. После длительного голода нам нельзя было есть грубую пищу, и лишь постепенно мы стали привыкать, наедаться досыта.

Вскоре сели на поезд и поехали в Узбекистан, подальше от холода, голода, бомбёжек, обстрелов. По пути на каждой станции люди, узнавая, что в поезде едут ленинградцы, подходили к вагонам и совали нам в руки хлеб и другие продукты. При виде нас у многих наворачивались слезы. Грязные, обросшие, полуголодные, мы всё же постепенно приходили в себя.

Наконец, поезд прибыл в Узбекистан, в город Самарканд. Ласково светило солнце, было очень тепло, не слышны разрывы бомб и снарядов. Там мы начали привыкать к нормальной, мирной жизни, и лишь иногда во сне ужасы войны возвращались ко мне. И уже утром нас будила не сирена «воздушной тревоги», а ласковое солнце и песни птиц, и я, наконец, поверила, что выжила в страшном аду под названием БЛОКАДА. Жизнь продолжалась.

КОПЕЙКА

Степан Тихонович открыл глаза и улыбнулся этому прекрасному, солнечному, весеннему утру. Надо прямо сказать, что он улыбался далеко не каждому утру, но сегодня день был особенный, необыкновенный. Сегодня у Степана Тихоновича должна была сбыться его давняя мечта — сегодня он покупал машину. Это была первая модель «Жигулей» выпуска 1971 года. Когда-то давно эта машина хранила гордый дух итальянского «Фиата», но ей очень не повезло. Она досталась алкашу Лехе. В то время он зарабатывал очень много и поэтому не успевал пропить все деньги. Спьяну он зачем-то купил машину «копейку», как обозвал ее Леха.

Поначалу она нежно пахла краской, блестела и переливалась в лучах солнца. Но это продолжалось очень недолго. На следующий день Лехе, который с размахом обмывал покупку, черт подсказал, чтобы тот поехал кататься на красавице «копейке». Спьяну Леха никак не мог попасть на место водителя, потом он долго не попадал ключом в замок зажигания. Но пьяное упорство победило! Мотор мягко зашелестел на холостых оборотах. Черт продолжал учить Леху, как обращаться с машиной, поэтому Леха сначала зачем-то включил заднюю скорость и снес половину сарая. Потом Леха долго учился выезжать за ворота на улицу, после чего великолепные бока «Копейки» навсегда перестали блестеть на солнце.

Теперь черт велел Лехе с ветерком прокатиться по соседней улице для полного изумления ничего не подозревавших мирных жителей. Но, к счастью, Господь поставил на опасном Лехином пути прочный столб, именно об него больно ударил Леха бедную, несчастную «копейку». После Леха выполз из машины и спокойно лег спать в соседнюю грязную лужу. А «копейка» стояла в обнимку со столбом, и из глаз-фар ее текли масляные слезы. Так прошли все тридцать горьких лет пребывания «копейки» у Лехи. Катался Леха на машине нечасто, но зато после каждой поездки все меньше и меньше оставалось блестящих деталей у бедной «копейки». Поэтому характер у нее стал злым и сварливым. Она заводилась лишь тогда, когда Леха был хоть немного трезв, а его верный друг черт отлучался куда-то по своим нечистым делам.

Когда начались долгожданные реформы, Леха перестал получать большую зарплату, точнее, не получал никакой зарплаты, а бросать пить было уже поздно. Леха стал продавать ненужные вещи, потому что в доме ему были нужны только два предмета — старый табурет и немытый стакан. За дороговизной Леха не гнался, поэтому дом опустел очень быстро.

Леха обвел нетвердым взглядом свой пустой дом: черт сидел на единственном табурете и подмигивал Лехе зеленым глазом. «Что же теперь

еще продать, а?» — спросил Леха у своего учителя. «Как что, «Копейку» теперь продавай!» — последовал ответ. Леха только восхитился находчивостью своего верного друга и учителя и тут же стал следовать мудрому совету. Шатаясь, он вышел за ворота и пошел искать покупателя на свой несчастный автомобиль. Оделся Леха по-праздничному: на нем был сильно поношенный парадный костюм, дырявые носки-перчатки были надеты на разные руки-ноги.

Угадайте, кого первого встретил Леха на своем коммерческом пути? Конечно, Степана Тихоновича.

Он подошел к Степану Тихоновичу и начал издалека: «Слышь, мужик, хочешь кататься на отличной машине?» Когда Степан Тихонович, наконец, понял, что Леха продает машину, очень обрадовался, потому что цена была маленькая, как раз у него столько было на книжке.

Надо заметить, Степан Тихонович несколько раз набирал необходимую сумму, чтобы купить новую машину, но тут же наше мудрое государство проводило денежную реформу, после которой Степан Тихонович мог купить не автомобиль, а только килограмм колбасы. Он покупал этот килограмм колбасы, добавлял на бутылку водки и, таким образом отпраздновав это хитрое мероприятие, приговаривал: «Ну, ладненько, что же теперь, будем работать еще..., ладненько...»

Когда Степан Тихонович увидел «копейку», он понял, почему цена такая маленькая. «копейка» представляла жалкое зрелище — ржавая, побитая, грязная. Но Степана Тихоновича это не смутило. Он оглядывал «Копейку» со всех сторон, приговаривая: «Ну, ладненько, что же теперь, будем работать, ладненько...» Чтобы ещё больше завлечь покупателя в свои сети, Лёха сказал: «А ты, мужик, теперь за руль садись». От волнения Степан Тихонович никак не мог сесть правильно на место водителя, и сварливая «копейка» подумала: «Этот, наверное, тоже алкаш какой-нибудь, не буду заводиться!» И действительно, мотор упорно не заводился. Только из глушителя вырывалось ядовитое облако выхлопных газов, тщательно обвивая прежнего владельца. Степан Тихонович вышел из кабины, бережно провел рукой по ржавому крылу, открыл капот, поправил свечные провода, почистил что-то в трамблёре и заботливо протёр тряпочкой двигатель. «Копейке» ласковое прикосновение рук Степана Тихоновича напомнило руки рабочих, которые собирали её на конвейере, и она оттаяла душой и полюбила Степана Тихоновича. Теперь, когда он сел за руль и попробовал завести двигатель, двигатель завелся с пол-оборота.

«Вот это да!» — промямлил Лёха и хотел было увеличить цену за свой чудесный автомобиль, но Степан Тихонович объяснил нашему коммерсанту, что больше денег у него всё равно нет. Потом Лёха перевёл предполагаемую сумму в количество бутылок и впечатлился полученным результатом. Лёха объявил, что он согласен. А черт одобрительно похлопал его по плечу.

Оформление документов было решено начать с утра. Дома Степан Тихонович торжественно объявил жене о своей покупке машины. Жена Степана Тихоновича, Домна Евлампиевна, была на голову выше своего легкомысленного мужа. Она говорила женским басом, в молодости занималась штангой, все парни на улице побаивались её, и день рождения у неё был 23 февраля. Степан Тихонович тоже побаивался свою жену, потому что она частенько наказывала его за разные проступки. Но Степану Тихоновичу это было привычно. В детстве он дружил с девочкой Настенькой. Она всегда ходила в розовом платьице, с огромным белым бантом на голове, который был для злых мальчишек как красная тряпка для быка.

Злые мальчишки обижали Настеньку, а Степа защищал её. Он говорил им: «Не бейте Настеньку, бейте лучше меня!» И мальчишки послушно исполняли его просьбу. Так продолжалось очень долго. Стёпа вырос, выросли и злые мальчишки, которые продолжали его бить, потому что привыкли.

Однажды Домне надоело смотреть, как бьют Стёпу, она раскидала в разные стороны его обидчиков и объявила: «В общем, так, Степан, завтра пойдем в ЗАГС, подадим заявление, теперь как узнают, что ты жених Домны, никто тебя и пальцем не тронет! Понял?» «Понял, а какое заявление?» — спросил простодушный Степан.

Действительно, Степана больше никто не обижал, а все стали уважать. Но с подготовкой к свадьбе было много трудностей: долго не могли найти подходящий костюм Степану — он был очень худой и все костюмы висели на нем, как на вешалке, а на Домну не лезло ни одно свадебное платье, потому что на руках у нее были бицепсы, как у Шварценеггера, и руки в рукава не проходили. Подогнать свадебное платье под атлетическую фигуру Домны согласилась Настенька, которая из маленькой девочки в розовом платье превратилась в красивую, умную, добрую девушку.

Настенька была очень рада за Степана, что его теперь никто не бьет, ведь ей часто приходилось лечить синяки и ссадины на его лице. Настенька даже из-за этого пошла в медицинское училище. Когда Степан приходил к Настеньке, она умело лечила его, а потом они осторожно целовались, боясь повредить ссадины Степана. Они ведь очень любили друг друга...

Наконец к свадьбе Степана и Домны всё было готово. На свадьбе Стёпа изрядно выпил и даже хотел подхватить Домну на руки, но смог оторвать от земли только одну ногу своей великолепной молодой жены. Когда праздник закончился и гости стали расходиться, Домна взяла в одну руку свадебные подарки, в другую — уснувшего мужа и пошла навстречу своей первой брачной ночи.

Через какое-то время их совместного проживания Степан Тихонович объявил Домне о своем желании купить машину. Сначала Домна Ев-

лампиевана была против, потому что у нее производительность труда больше, чем у любой машины. Например, когда у нее на работе ломался шпалоукладчик, за дело бралась сама Домна, вот тогда и наступало перевыполнение плана. В общем, Домна была сначала против, но потом она как представила себя в великолепной машине... Короче, Домна согласилась. А теперь Домна Евлампиевна с нетерпением поглядывала в окно, ожидая, когда муж подъедет на только что купленном автомобиле.

Сначала во двор въехал на новеньком «мерседесе» сосед Габаридзе. Потом во двор въехала какая-то ржавая, побитая машина. «Какой дурак может ездить на такой машине?» — с усмешкой подумала Домна. Знаете, что подумала она, когда из этой машины вылез собственный муж? Сосед Габаридзе тоже удивился, увидев такой автомобиль. Он спросил: «Слюшай, дорогой Степан Тихонович, ты где такую машину взял, а?» «Купил!» — гордо ответил Степан. «Вай, вай, вай», — испугался за соседа Габаридзе. Тут к ним подошла Домна Евлампиевна, с дубинкой в руке она представляла страшное зрелище. «Ты зачем стал собирать металлолом?» — грозно спросила Домна. И тут случилось необычное! Степан Тихонович, говоривший всегда очень тихо, вдруг ответил громким, хорошо поставленным голосом: «Ты, это вот, не смей так про мою машину!» И Домна отступила и не стала наказывать своего мужа, а отвесила ему только легкий подзатыльник.

Лечить новую ссадину Степан Тихонович, конечно, поехал к Настеньке. Настенька очень обрадовалась приезду Степана, да еще на собственной машине. Она привычно заклеила пластырем царапину на голове у Степана Тихоновича и осторожно поцеловала его, потом взяла тряпочку и стала отмывать «копейку» от многолетней грязи. «Копейке» тоже очень понравилась Настенька, понравилось, как Настенька заботливо ухаживает за ней, поэтому «копейка» гостеприимно раскрыла перед Настенькой дверь, как бы приглашая ее к себе в гости. Домой ехать не хотелось, и из-за этого «копейка» завелась только с четвертого раза.

Во второй раз Домне Евлампиевне их семейный автомобиль не показался таким уж страшным, и она решила тщательно осмотреть покупку своего мужа. Но злопамятная «копейка» еще не забыла, как Домна обозвала ее металлоломом, и поэтому она больно ударила Домну своей дверью. За что получила сдачи по багажнику. Тогда «копейка» выпустила в Домну струю ядовитых выхлопных газов...

Степан Тихонович не вмешивался в конфликт между своей машиной и своей женой, хотя, конечно, он болел за собственный автомобиль. Но победила Домна, потому что была сильнее ржавой «Копейки». Она с трудом втиснулась в побежденный автомобиль и спросила мужа: «Ну и что ты теперь дальше будешь делать с этой рухлядью?» — после чего провалилась вместе с креслом на асфальт. Домна хотела тут же наказать непутевого Степана, из-за которого она попала в такое трудное

положение, но махать кулачищем в тесном салоне было неудобно, тем более, когда вроде и сидишь в машине, а вроде и нет. Где ей было знать, что такую ловушку опять подстроила коварная «копейка». С помощью трех человек Домна все же вылезла из опасной машины, плюнула и пошла домой. А веселый Степан Тихонович, который ловко избежал сурового наказания, поехал ставить свою машину в гараж.

Сегодняшний день получился очень хорошим, все были счастливы: счастлива «копейка», которая обрела хорошего хозяина, счастлив Степан Тихонович — наконец исполнилась его мечта, счастлива Настенька, повидавшая Степана Тихоновича, да еще на машине, ну, Домна Евлампиевна с ее силищей всегда была счастлива. Да, мы еще забыли Леху! Он сегодня осознал, что вот теперь-то его дружбе с чертом уже никто не помешает, и тоже был по-своему счастлив...

На следующий день Степан Тихонович пошел на работу и взял отпуск, для того чтобы за это время привести «копейку» в надлежащий вид. Надо сказать, что Степан Тихонович был отличным мастером — он хорошо разбирался в машинах, и вся мебель в доме была сделана его руками. Работать он любил и умел, а денег получать за свою работу не умел: когда люди спрашивали его, сколько нужно заплатить за работу, Степан Тихонович всегда краснел и отвечал что-то невнятное.

«Копейка» стояла смирно в гараже и терпеливо ожидала конца ремонта. Сначала Степан Тихонович осторожно заменил в кузове трухлявый пол на прочный лист нержавейки, который мог выдержать двух таких жен, как Домна Евлампиевна, и еще Настеньку. Потом были заменены исковерканные крылья и двери. Затем Степан Тихонович тщательно перебрал коробку передач и двигатель. Двигатель теперь был хоть на немного, но мощнее, чем одна Домна.

Наконец, дело дошло до покраски машины. Степану Тихоновичу в этом помог друг Колька, такой же фанатик разных машин. После покраски «копейка» не узнала сама себя: она гордо блестела на солнце и подмигивала Степану и Кольке левой фарой. А Степан Тихонович обсматривал ее со всех сторон, приговаривая своё любимое: «Вот и ладненько, будет теперь ездить, вот и ладненько...»

Домна Евлампиевна тоже осталась довольна «копейкой». Она крепко и торжественно пожала своему мужу руку, после чего у Степана что-то сильно хрустнуло в руке, и по-дружески хлопнула его по плечу. Степан Тихонович пошатнулся, но все же устоял. На следующий день нужно было везти Домну на огород, где она работала трактором, поэтому «копейка» долго не заводилась. В конце концов Степан Тихонович настоял на своем, и двигатель тихонько заурчал на холостых оборотах. Вскоре машина осторожно выехала из гаража, Степан Тихонович вылез из машины и пошел закрывать ворота.

В ту секунду в машину вскочил какой-то бритоголовый парень и, резко нажав на газ, тронулся с места. «Теперь будешь моей, чертова тач-

ка!» — объявил он «копейке». Но «копейке» такое отношение вовсе не понравилось, поэтому она сначала воткнула в задницу похитителю какую-то острую пружину, а потом заглушила двигатель. Проклиная все на свете, парень выскочил из машины, держась за больное место, и побежал прочь. Тут подоспел Степан Тихонович, он ласково провел рукой по крылу «копейки» и сказал: «Что, хотели украсть тебя, а ты не поехала, вот и ладненько!» А «копейка» в ответ подмигнула своему законному хозяину левой фарой. Острая пружина в кресле водителя куда-то убралась, двигатель завелся с пол-оборота, Степан Тихонович сел в свой любимый автомобиль, и они отправились вперед по нашим российским дорогам. По тем дорогам, по которым идем мы все, кто к богу, а кто и к черту ... А если кто-то из нас выбирает другие дороги, прямые и ровные, как стрела, то все равно он чувствует невыразимую тоску по нашим ямам и ухабам. Такими нас создал Господь...

СОЧИНЕНИЕ

Слово Бога,
Сотворившее этот мир,
Было самым прекрасным.

Незаметно наступил тихий зимний вечер. Пошел снег. Сначала на землю падали редкие снежинки, которые искрились и переливались под лучами уличных фонарей, превращая обычный город в снежный мираж. Потом снег пошел сильнее и прекрасное снежное одеяло скрыло грязь и мусор, который обнажила недавняя оттепель. Мальчишки весело корнались в снегу, совершенно не обращая внимания на легкий мороз и окрики сердитых мамаш.

Учитель литературы Евгений Иванович отошел от окна и, кряхтя, сел за свой любимый письменный стол. Слегка болела правая ягодица, потому что сегодня утром какой-то оболтус положил канцелярскую кнопку на его учительский стул. Но Евгений Иванович долго не мог сердиться на этих шутников и сам иногда от души смеялся над удачной шуткой. Евгений Иванович вспомнил, как перед Новым годом Васильчев Леша устроил очередное свое представление. Он привязал к руке лабораторного скелета нитку, которую продернул через плафон лампы дневного света. Когда Евгений Иванович спросил, кто пойдет к доске отвечать домашнее задание, никто в классе руки не поднял, а поднял руку только скелет. Не разобрав, кто поднял руку, Евгений Иванович сказал: «Прошу вас к доске...» Класс зашелся гомерическим хохотом, рассмеялся и Евгений Иванович, но все же вызвал родителей Васильчева в школу.

Евгений Иванович вздохнул: «Куда он от этих шалунов, а они от него?», потом вынул из портфеля стопку ученических тетрадей с сочинениями, которые класс писал сегодня.

Он вспомнил, как сегодня утром вошел в класс, поздоровался и прошел к своему учительскому столу. Потом отметил отсутствующих и начал урок.

— Тема сегодняшнего сочинения посвящена «Дню защитника Отечества», который мы справляем 23 февраля, — сказал Евгений Иванович четким, хорошо поставленным учительским голосом и написал на доске тему сочинения: «Мой папа».

— А у меня сейчас папы нет,— сказал Петя Иванченко с задней парты, — он ушел к тете Рите, мне про кого писать?

Пока Евгений Иванович думал, что ответить ученику, Света Петракова участливо спросила:

— Петя, а как же теперь твоя мама?

— Как-как, мама сказала, пусть теперь тетя Рита с ним помучается.

Евгений Иванович молчал, а класс продолжал обсуждать тему сочинения. Тут подняла руку Марина Васильева и спросила:

— А у меня сейчас два папы, про которого мне писать?

— Как это два папы? — не понял Евгений Иванович.

— Старый папа Коля живет в спальне, а новый папа Юра живет в зале,— объяснила Марина.

— А ты пиши сразу про них обоих, чтобы каждому необидно было,— опять влезла Света Петракова.

Класс загудел как разворошенный улей. «Тише, если у кого есть трудности с первой темой, пусть пишет сочинение на вторую тему — «Мой город», наконец решил Евгений Иванович. Постепенно шум в классе стих, ребята стали сосредоточенно обдумывать тему сочинения...

Давайте и мы заглянем через плечо Евгения Ивановича и прочитаем несколько сочинений.

Первой в стопке лежала тетрадь Кати Ивановой. Евгений Иванович улыбнулся, вспомнив эту девочку. Её все очень любили, потому что она старалась всем прийти на помощь. Если дежурный забывал вытереть доску на перемене, то делала это Катя, если ученик забывал ручку — Катя давала свою, запасную. В классе она старалась навести уютный порядок, делая все это с какой-то милой, добродушной улыбкой. А если у Евгения Ивановича случались неприятности, то он вспоминал улыбку Кати Ивановой, именно эта улыбка помогала старому учителю в трудную минуту.

Евгений Иванович раскрыл тетрадь Кати и стал читать ее сочинение: «Мой папа хороший, только, как говорит мама, слабохарактерный. Почти каждый день он приходит с работы очень веселый и начинает танцевать «Танец маленьких лебедей» под песни Филиппа Киркорова.

Потом валится на диван и засыпает, а мама смотрит на него, и в глазах у нее слезы.

А недавно у меня был день рождения. И в этот день папа пришел грустный и совсем не танцевал, а подарил мне коробку вкусных конфет. Если бы у меня каждый день был день рождения, то папа приходил бы всегда грустный, а мама не плакала...»

Евгений Иванович вздохнул, вспомнив, как Иванов старший пришел на родительское собрание, тоже веселый... На нем были тщательно выглаженные рубашка и костюм, но выпачканные в побелке. На родительском собрании Иванов всюду вставлял какие-то замечания, но потом затих и заснул в обнимку с лабораторным скелетом. Его осторожно положили на диван в коридоре, и потом все говорили шепотом, боясь разбудить шебутного родителя.

Следующей Евгений Иванович взял тетрадь Бори Сомова. Тетрадь была тщательно обернута в хрустящую обертку и подписана строгим чертежным шрифтом. Эта тетрадь очень походила на своего хозяина, всегда строгого, аккуратного, в сером костюме, белой рубашке и черном галстуке. Евгений Иванович вспомнил, как Боря писал сочинение. Сначала серьёзные серые глаза его были направлены на какую-то толстую книгу, точно погруженные в ее содержание. И чтобы Боря не отвлекался от урока, Евгений Иванович отобрал у него эту книгу с мудреным названием: «Операционная система Windows 2000». Евгений Иванович попробовал почитать её, но ничего не понял, Боря между тем очень сосредоточенно обдумывал тему сочинения, потом он стукнул линейкой по лбу Лешу Гречихина, который хотел у него что-то списать, и принялся за сочинение: «Мой папа очень хороший и умный, только мама говорит, что его сейчас с нами нет, он в Интернете. Иногда в обед он к нам приходит и рассказывает, какие интересные сайты он посетил, а мама говорит ему, чтобы почаще посещал свою семью, потому что в ней тоже бывает интересно.

А я просил папу, чтобы он сходил со мной в зоопарк, но он достал мне программу с виртуальным зоопарком. Конечно, в виртуальном зоопарке очень интересно, но все же настоящий зоопарк лучше».

Евгений Иванович вспомнил, как, несмотря на свою занятость, в школу пришел Сомов-старший. Это был такой же Боря, только в масштабе 2:1 плюс редкая рыжая бородка и очки в массивной оправе. «Виталий Сергеевич»,— представился он и стал очень серьезно обсуждать своего сына, применяя такие выражения: алгоритм его действий, фактический материал, практическое использование. Как будто речь шла не о маленьком мальчике, а о компьютере последней разработки.

Евгений Иванович тоже попытался говорить на таком же языке, но не смог вспомнить всех слов и остался говорить на том языке, на котором говорили его любимые Пушкин, Гоголь, Тургенев. Поэтому они так друг друга и не поняли.

На тетради Ларисы Кутеповой была наклеена фотография Шерон Стоун того периода, когда она находилась под впечатлением от своей роли в фильме Поля Верховена.

Евгений Иванович вспомнил, как Лариса впервые появилась в их школе. В начале учебного года в класс вошла очень модно «прикинутая» девочка... Девушка... Рыжеватые длинные волосы укрывали всю ее спину, хищные, несерьезные голубые глаза пристально смотрели на наш бренный мир.

После второго урока в этом классе в учительскую вошел молоденький учитель физики, красный как рак. Он рассказал, что новенькая Кутепова пообещала поцеловать его, если он за контрольную работу поставит ей пятерку. Целоваться с Кутеповой физик не стал, потому что у нее был насморк... Но пятерку за контрольную работу все же поставил...

Школьные вечера теперь были наполнены необыкновенными песнями и танцами Ларисы Кутеповой. В общем, целый класс отвернулся от Наталии Орейро и переключился на Ларису.

В следующую субботу Евгений Иванович проводил самое обычное родительское собрание. Он вдохновенно говорил с родителями о начале учебного года, когда вдруг открылась дверь и в класс вошла красивая, стильно одетая, стройная женщина. Вместе с ней в класс, пахнущий только классом, впорхнул изысканный запах французского парфюма.

Женщина улыбнулась фантастической улыбкой и спросила: «Можно войти?». «Да»,— разрешил Евгений Иванович, тут же забывший, о чем он, собственно, говорил. Так Евгений Иванович познакомился с мамой Ларисы Кутеповой.

Придя домой, Евгений Иванович сел за свой любимый письменный стол и написал какое-то невразумительное стихотворение. Потом обозвал себя старым болваном, разорвал стихотворение и лег спать. Ночью ему первый раз в жизни снились один за другим кошмарные, эротические сны, и он чуть не проспал на работу.

Евгений Иванович раскрыл тетрадь Ларисы и стал читать ее сочинение: «Моя мама говорит, что мы самые лучшие женщины и поэтому у нас должен быть самый хороший папа. Но такой папа нам пока не встретился, и сейчас у меня нет никакого папы, ни плохого, ни хорошего. Но мне так хочется, чтобы у нас был папа, и пусть они с мамой подарили бы мне маленького братика! Я бы его очень любила и нянчила...»

На тетради Нечаева Леши красовался грозный российский танк последней разработки. Евгений Иванович очень любил этого мальчика. Леша был не по годам рассудителен и смел. Он бесстрашно защищал слабых ребят от местных хулиганов, хоть и сам частенько приходил домой с синяком под глазом. После одной из драк Евгений Иванович вызвал Нечаева-старшего в школу. На следующий день в класс вошел высокий подтянутый мужчина в военной форме с погонами полковника. На его груди гордо красовалась звезда Героя России. «Нечаев Геор-

гий Павлович»,— коротко, по-военному представился он. «Очень приятно»,— ответил Евгений Иванович, автоматически вставший по стойке смирно и слегка охнувший от крепкого рукопожатия.

«Ну что, мой Чингачгук опять ступил на тропу войны?» — добродушно спросил родитель. Тут подняла руку Марина Васильева и сказала: «Мальчишки обижали меня, а Леша защитил.... Спасибо ему...» «Ну что же, защищать людей — святое дело»,— улыбнулся Нечаев старший и погладил Лешу по голове. Потом Георгий Павлович интересно рассказывал о службе в армии, а ребята слушали его раскрыв рты. Евгений Иванович поразился тому, как спокойно и надежно он почувствовал себя рядом с этим человеком.

Евгений Иванович вспомнил, как Леша Нечаев немного подумал, потом вздохнул и начал писать свое сочинение: «Мой папа — самый лучший и самый смелый. Он защищает нашу Россию и мой город. Три месяца назад он, уезжая на боевое задание, пообещал мне, что, когда он вернется, мы поедем на рыбалку. Но он пока не вернулся, потому что пропал без вести и никто не знает, что случилось с ним. Но я верю: мы с папой обязательно поедем на рыбалку, ведь папа всегда выполняет свои обещания».

Евгений Иванович опять подошел к заснеженному окну и рассеянно смотрел, как зима продолжала разыгрывать свои необыкновенные мистерии. Сердитые мамаши уже завели своих детей, похожих на снеговиков, по домам. Потянулись одинокие прохожие с ночных смен. Их следы быстро заносила метель. Как будто не было никого...

«Скоро ли наступит такое время, когда самые лучшие в мире отцы не будут уходить на опасные задания.... Навсегда... Они так нужны своим маленьким детям, чтобы на своих сильных руках поднять их высоко-высоко над землей! Тогда будет виден весь мир, такой прекрасный, если в нем нет войны», — вдруг подумал старенький учитель и пошел дальше проверять тетради своих любимых учеников. В каждой тетради своя судьба...

АЛМАЗ

1.

Никто не помнит такого страшного ливня, который бушевал в ту ночь. Время от времени вспыхивала молния, освещая залитую дождем улицу. Сильный ветер гнул к земле деревья.

Вот в такую ночь Стрела решила рожать своего жеребенка. Роды оказались очень тяжелыми. Приехавший ветеринарный врач был пьян как сукин сын и еле держался на ногах. В таком состоянии он решил делать операцию Стреле. Конюх Иваныч хотел запретить эту опасную затею, но выхода не было.

Опасения оказались ненапрасными. Ветеринар повредил сухожилие у жеребенка и внутриматочную артерию у Стрелы. Вскоре она умерла от внутреннего кровотечения. Жеребенок лежал рядом с ней с перевязанной ногой и тихонько стонал.

Иванычу было безумно жаль Стрелу. Это была гнедая кобыла с белой звездочкой на лбу. На любых бегах она часто завоевывала победу. За ее необыкновенную стремительность её и прозвали Стрелой. А сейчас Иваныч стоял над ней, переводя взгляд то на нее, то на ее жеребенка, которого он заботливо завернул в теплую попону, и не знал, что ему делать.

Сзади Иваныча кто-то тронул за локоть. Это был пьяный ветеринарный врач. Он еле выговорил:

— Слышь, Иваныч, есть у тебя грамм сто пятьдесят на лечение моей души?

— Я тебя сейчас подлечу, — вскипел Иваныч и наотмашь ударил ветеринара по лицу.

Тот упал и больше не решался заговорить с грозным конюхом. А Иваныч налил в детскую бутылочку, которая осталась после приезда внучки Настеньки, молока, надел на неё соску и стал пробовать кормить жеребенка.

Сначала жеребенок соску не брал, а только дрожал всем телом, большие глаза были наполнены горькими слезами. Потом он все же немного попил молока и заснул тревожным сном, а Иваныч ни на шаг не отходил от малыша.

Утром Иваныч попросил приехать своего старого друга Петра Тихоновича, такого же любителя лошадей, как и он сам. Петр Тихонович много лет проработал в ветлечебнице и хорошо знал болезни лошадей. Осмотрев травму жеребенка, он дал заключение, что вряд ли этот жеребенок будет хорошо ходить, а о беге вообще надо забыть.

Но Иваныч был из тех людей, которые не привыкли отступать перед трудностями. В шкафу его маленькой квартирки стояло много книг по болезням лошадей, эти книги остались еще от его отца. В одной из них Иваныч нашел рецепт, как с помощью трав лечить поврежденное сухожилие у лошадей. Тщательно выписав рецепт из книги, Иваныч стал искать травы, указанные в нём.

Вскоре настойка была готова. Каждое утро Иваныч приходил к жеребенку и прикладывал к его больной ноге повязку, смоченную в настойке. Жеребенок будто чувствовал, что ему хотят помочь. Когда Иваныч подходил к нему, глазки жеребенка начинали блестеть какими-то веселыми искорками.

После того как заканчивалась обработка раны, Иваныч доставал из своей старенькой сумки вкусный, немного подсоленный хлеб. Этим хлебом он угощал маленького страдальца, желая хоть как-то облегчить ему участь.

Время шло, а травмированное сухожилие не заживало. Был только один шанс из тысячи, что сухожилие заживет. «Если этого не произойдет, то жеребенка придется усыпить», — сказал директор, с грустью глядя на бедное животное. Но Иваныч упрямо, раз за разом прикладывал к ноге жеребенка повязку, смоченную в настойке. Потом ему посоветовали сделать еще мазь по специальному рецепту.

Не зря в жилах этого жеребенка текла кровь Стрелы: он вырвал тот единственный шанс, который давала ему жизнь. Нога стала заживать. Сначала он мог ходить только прихрамывая, но по мере того как рана затягивалась, хромота была заметна все меньше и меньше.

Каждое утро жеребенок с нетерпением ждал, когда к нему придет Иваныч. Лошади более сдержанны в своих эмоциях, нежели собаки, но привязаны они к человеку не меньше. Когда Иваныч наконец приходил к жеребенку, тот восторженно тихонько ржал и тянул свою мордочку к его сумке, зная, что там лежит хлеб, который он так обожает. Иваныч добродушно улыбался, перевязывал жеребенку ногу и угощал его долгожданным хлебом. Потом Иваныч садился рядом с жеребенком на ящик и что-то рассказывал ему.

Никто не может с точностью сказать, понимал ли жеребенок что-то из рассказов Иваныча, однако слушал он его очень внимательно. О чем рассказывал этот старенький конюх своему любимцу? Наверно, про свою жизнь.

Он жил один в своей маленькой квартирке, жена умерла десять лет назад, дочка с мужем жила в центре города. Иваныч был довольно угрюм, неразговорчив, людей особенно не любил, а любил только свою внучку Настеньку и лошадей. Впрочем, среди лошадей у него тоже были свои любимцы. Одет был Иваныч всегда в старенькую поношенную одежду, но очень аккуратно.

Еще Иваныч не выносил, когда при нем били лошадей. Невзирая на ранги и звания, он кидался на обидчика, поэтому на конюшне его побаивались и не любили, но никому и в голову не приходило уволить Иваныча. Все знали: никто так не сможет ухаживать за лошадьми, как Иваныч. Вот поэтому его хоть и не любили, но терпели и уважали.

Иваныч не пил и не курил, к праздникам относился равнодушно, точнее, чтил только божественные праздники, особенно Рождество Христово и Пасху. Еще настоящим праздником считался для него приезд внучки Настеньки. Тогда из угрюмого старика он превращался в улыбчатого и добродушного дедулю.

— Деда, я хочу, чтобы ты показал мне лошадей, — приказывала внучка.

— Сейчас, сейчас, — семенил за ней счастливый дед.

Почему так любил Иваныч свою внучку? А как можно не любить эту семилетнюю красавицу в розовеньком платьице, с огромным белым бантом в светлых кудряшках и огромными голубыми глазами? А еще

Настенька тоже очень любила лошадей. Иваныч терпеливо и подробно рассказывал Настеньке о лошадях, об их привычках и повадках.

— Деда, а почему у этой лошадки завязана ножка? — спросила Настенька, увидев жеребенка.

— У этого жеребенка было повреждено сухожилие,— стал рассказывать Иваныч своей внучке про несчастного жеребенка,— а теперь, Настенька, угости его этим хлебушком, он этот хлеб очень любит.

Жеребенок почувствовал запах знакомого хлеба и тихонько заржал.

— Дедушка, смотри, как сияют у этой лошадки глазки, совсем как два алмаза, — засмеялась Настенька, протягивая жеребенку хлеб.

Так была придумана кличка жеребенку, которого Иваныч и Настенька полюбили всей душой.

Алмаз стоял смирно, когда маленькая ладошка Настеньки гладила его. Наверно, ему нравилась эта процедура, и, после того как Настенька отходила от Алмаза, он всем своим видом показывал недовольство. Настенька чувствовала это и ласково успокаивала жеребенка: «Не печалься, Алмазик, я скоро снова приеду к тебе».

Когда родители увозили Настеньку, Иваныч садился на старый ящик рядом с Алмазом и тяжело вздыхал: «Вот видишь, Алмазушка, остались мы с тобой одни». После этого он опять раскрывал свою заветную сумку и доставал угощение для своего любимца — слегка подсоленный хлеб и бутерброды для себя. Может, Алмаз чувствовал печаль своего любимого Иваныча, и, чтобы хоть как-то утешить его, он научился класть свою голову на плечо Иваныча. Когда с нехитрым обедом было покончено, Иваныч начинал делиться с Алмазом своими воспоминаниями о былой жизни, начиная примерно так: «Ты знаешь, Алмазушка, что я вспомнил...» Но иногда Иваныч начинал мечтать о будущем, например, кем будет Настенька, когда вырастет большой. Тогда он говорил: «Вот вырастет Настенька большой, приедет к нам с тобой, Алмазушка...» Алмаз внимательно слушал Иваныча, изредка шевеля ушами, а если он чувствовал, что тот говорит о чем-то грустном, то очень нежно, тихонько клал свою голову на плечо Иваныча.

2.

Совсем незаметно прошло несколько лет. Подросла Настенька, она теперь носила модную одежду, длинные волосы укрывали ее спину, и все мальчишки ее района стремглав бегали за ней. Ну и дрались, конечно...

Алмаз стал прекрасным скакуном черной масти с белой звездочкой на лбу. Сухожилие полностью зажило у него, и только в сырую погоду он еле заметно припадал на травмированную ногу. К чужим людям он относился очень подозрительно и, когда кто-то чужой приближался к нему, недовольно ржал, а глаза поблескивали недобрыми искрами. Зато

с Иванычем Алмаз становился ручной собачкой и был готов делать все что угодно. Например, запрячь его мог только Иваныч. Он так объяснял это Алмазу: «Видишь, Алмазушка, мы с тобой родились, чтобы работать, у меня одна работа — у тебя другая».

Алмаз очень быстро научился ходить под седлом. Сначала Иваныч боялся, когда Настенька, оседлав своего любимого Алмазика, уносилась куда-то далеко в поле. Но, когда Иваныч увидел, как вполне профессионально держится она в седле, перестал бояться за неё. Кстати, Алмаз, наверно, и сам понимал, как дорога Настенька Иванычу, поэтому, когда она была в седле, вел себя очень смирно, хоть это было не в его характере. После прогулок Настенька ухаживала за Алмазом и угощала его вкусным хлебом.

Может, все и продолжалось бы так хорошо, но иногда наша жизнь меняется независимо от нашего желания. Конезавод, где работал Иваныч, купил богатый бизнесмен Алексей Григорьевич. Точнее, это была прихоть его молоденькой жены Галины. Ей надоело целыми днями сидеть дома или мотаться по модным магазинам. Она была избалована сначала своим отцом — отставным генералом, потом богатым мужем.

У Алексея Григорьевича была непростая жизнь. Он рос в небогатой семье. С самого детства отец Алексея, Григорий Маркович, приучил его к трудолюбию и не давал без дела болтаться по улице. Алексей хорошо закончил школу, потом вечерний институт.

К этому времени в стране начались перемены. Иногда к лучшему, иногда к худшему. Со своим другом Алексей Григорьевич решил организовать кооператив по ремонту электронной техники. Кооператив быстро разогнали многочисленные проверяющие.

Потом Алексей Григорьевич все же умудрился получить кредит местного банка. Стал торговать нефтью и другими природными богатствами нашей страны. Дела шли. Партнерам нравилось работать с ним. Они знали — этот не кинет, поставки будут точно в срок, согласно договору. Через несколько лет бизнес Алексея Григорьевича крепко встал на ноги. Он добился всего, чего хотел, не было только одного — не было хозяйки в его огромном особняке.

С Галиной Алексей Григорьевич познакомился на одной презентации. Он сразу обратил внимание на эффектную блондинку с очень красивыми чертами лица. Друг, с которым Алексей пришел на презентацию, знал эту женщину, он их и познакомил. Весь вечер Алексей Григорьевич не отходил от Галины. Она ему очень понравилась: хорошо знала русскую классическую литературу, хорошо играла на фортепиано и пела.

Галине тоже очень понравился Алексей. Он достойно держал себя, много шутил и рассказывал смешные анекдоты. В общем, им было очень хорошо и интересно вместе.

Через месяц они были очень близки, часто встречались. Галина и сама не заметила, как за довольно короткое время этот человек стал ей

очень дорог. Алексей совсем не походил на прежних её приятелей: он не транжирил попусту денег, никогда она не видела его пьяным. А еще при каждой их встрече Алексей дарил Галине три розы необыкновенной красоты. Казалось, эти розы надолго сохраняли частичку любви этого довольно уже немолодого человека.

Наступила осень. Наступил октябрь, но погода стояла необычно сухая. Утром солнце освещало золотистую листву деревьев, отражаясь в каждом листочке. Наверно, немного грустно видеть это осеннее очарование. Грусть вызывали воспоминания об ушедшем лете.

Однажды Алексей Григорьевич позвонил Галине из своего офиса и предложил встретиться. Они встретились во второй половине дня. Алексей Григорьевич приехал на условленное место гораздо раньше и задумчиво любовался осенним городом. Он немного волновался — сегодня он хотел предложить Галине выйти за него замуж!

Она пришла! Вечернее солнце играло в ее золотистых волосах, в голубых глазах отражалось бездонное небо. Алексей Григорьевич восхищенно смотрел на Галину, он просто молчал и не мог сказать ни слова. Он забыл все новые анекдоты, которые хотел рассказать в этот вечер, а только смотрел и смотрел на нее. Наверно, он был немного смешон, и поэтому Галина весело рассмеялась. Ее смех вывел Алексея Григорьевича из оцепенения. Он начал вспоминать, что хотел сказать в этот вечер, и наконец все же проговорил, страшно волнуясь, каким-то не своим голосом: «Галя, это вот, выходи за меня замуж. Поняла?»

Ему показалось, что несколько веселых искорок вылетели из ее голубых глаз, и она, еще пуще заливаясь смехом, ответила: «Поняла!» Немного почуяв под собой почву, Алексей Григорьевич вынул из кармана маленький футляр, облегченно вздохнул и добавил: «И еще вот это».

В футляре было кольцо с тремя бриллиантами. Не слишком ловко Алексей Григорьевич надел это кольцо на палец Галины, взамен которого получил горячий и сладкий поцелуй от любимой женщины.

Потом Алексей Григорьевич посадил Галину в свой «мерседес» и они отправились в парк. В парке наши влюбленные говорили очень мало, каждый думал о своем. Неожиданно они набрели на очень уютное кафе. Людей было мало, им никто не мешал. Алексей Григорьевич заказал бутылку сухого вина и дорогие конфеты. Галина была сладкоежкой, к вину она почти не притронулась, а ела конфеты одну за другой. Алексей Григорьевич добродушно улыбался, глядя на свою любимую. В конце вечера они договорились встретиться завтра — Галина познакомит Алексея Григорьевича со своими родителями.

Домой к Галине Алексей Григорьевич пришел ровно в срок. Преподнес Галиной маме цветы, а ее папе вручил дорогой коньяк.

Папа Галины, Михаил Афанасьевич, как уже известно, был отставным генералом. У себя на службе он был очень требователен к себе и

подчиненным, зато дома, когда надевал домашнюю пижаму, становился добродушным старичком.

Мама Галины, Софья Константиновна, была неприхотлива в быту, как жены всех военных, готовила вкусные обеды, содержала дом в идеальном порядке.

За долгие годы службы Михаил Афанасьевич хорошо научился разбираться в людях. Ему очень понравился Алексей Григорьевич. Да, Алексей Григорьевич был новым русским, совсем новым, он относился к тем русским, которые хотят видеть нашу страну богатой и процветающей и занимать достойное место в ней! Он хотел, чтобы его бизнес принес большие деньги не только ему, но и что-то очень нужное людям. Этим он отличался от тех деловых людей, которые стремились любыми путями заполучить деньги, а потом скрыться в неизвестном направлении в какой-нибудь теплой банановой стране.

Быть может, поэтому уже после второй рюмки Михаил Афанасьевич и Алексей Григорьевич разговаривали, как два старинных приятеля. После третьей рюмки они перешли на ты и быстро договорились о предстоящей свадьбе.

Свадьбу праздновали в загородном ресторане с очень хорошим оркестром. Родители невесты и жениха быстро познакомились и подружились. Потом отцы довольно немало выпили за новое знакомство и сидели в обнимку, вспоминая свою юность. Алексей и Галина были прекрасны на своей свадьбе. Они почти ничего не ели и не пили, а только танцевали. Галина ловила на себе восхищенные взгляды друзей Алексея. Подружки Галины тихонько вздыхали, украдкой взглядывая на Алексея. Но, казалось, молодые никого не замечали — это был их вечер и только их.

На следующий день Алексей Григорьевич объявил своей молодой жене, что в течение недели он уладит некоторые дела и потом они отправятся в свадебное путешествие. В столицу всех влюбленных! В Париж!

3.

В Париже они поселились в очень уютной и тихой гостинице. Окна номера выходили на тихую зеленую улицу. Просыпались влюбленные довольно поздно, утомленные бурной и сладкой ночью. Галина первая вставала с кровати и открывала окно. Тогда в тихом номере становились слышны песни птиц и отдаленный шум уже давно проснувшегося города. Вдалеке высилась элегантная Эйфелева башня, придавая этому красивому городу особое очарование.

Потом был поздний завтрак в кафе. Хозяину кафе очень понравилась эта русская пара. Он сам варил им вкусный кофе и сам выбирал свежие круасаны. Утром Алексей Григорьевич бывал очень немногословен. Конечно, ему понравились Франция, Париж, неунывающие, остроумные французы. И, конечно, очаровательные француженки! Но с ним была его любимая Галина, и он не думал о других женщинах.

После завтрака они садились в машину, взятую на прокат, и отправлялись в центр города. Город, существующий более двух тысячелетий... Мудрый город, он соединил в себе все вехи развития нашей цивилизации.

Великий Лувр... Они бродили по прохладным залам, немного подавленные его величием, взявшись за руки, и говорили только шепотом. Наконец, они пришли в зал, где висела знаменитая картина «Джоконда». Несколько лет назад Алексей Григорьевич приезжал в Париж. Тогда у него было первое свидание с шедевром Леонардо. Эта картина ошеломила его и изменила что-то внутри. Еще Алексея Григорьевича поразило то, что вдруг мысли его стали необыкновенно ясными и простыми. Неожиданно он понял, как надо вести ему свой бизнес и как добиться успеха в жизни. В его голове вдруг родились математическая и философская формулы удачного бизнеса. Да, таково свойство великих творений: они способны изменить что-то внутри нас, и каждое новое свидание с шедевром открывает новую грань, доселе недоступную, для нашего понимания.

Алексей и Галина долго стояли и созерцали великое творение. Вдруг Алексей Григорьевич наклонился к ней и тихонько сказал:

— Я вдруг понял — это портрет Совершенного Человека, и из своего Совершенного Мира, через картину, как через окно, он глядит на наш мир, на наши переживания, и все это вызывает у него грустную улыбку.

Галина несерьезно восприняла слова своего любимого. С улыбкой она спросила:

— Разве есть Совершенный Мир, где живут Совершенные Люди?

Алексей Григорьевич немного подумал и очень серьезно ответил:

— Об этом знал автор этого портрета, поэтому он и смог создать этот шедевр, наверно, в этом и заключена главная загадка Леонардо...

После Лувра они продолжили прогулку по Парижу. Сама атмосфера Парижа, его дыхание меняет что-то в людях, особенно в тех, сердца которых наполнены взаимной любовью.

В начале пятого они набрели на маленький ресторанчик. Администратор посадил их в уютном уголке за небольшой столик на два места. Вскоре к ним подошел официант. Алексей Григорьевич хорошо знал французский язык и быстро сделал заказ. Он хорошо разбирался во французских винах и поэтому заказал очень хорошее вино, десятилетней выдержки.

Официант Анри Пиньён, как представился он, одобрил выбор Алексея Григорьевича:

— То лето во Франции было прекрасным, месье, солнце щедро отдавало свое тепло виноградникам, наверно, из-за этого кажется, что это вино наполнено солнцем.

— А почему вы так хорошо помните то лето? — спросила Галина у Анри.

Ей понравился этот официант. Он был типичным парижским официантом: одет очень аккуратно, правильные черты лица, всегда готов пошутить со своими клиентами — но глаза были грустными.

— В то лето, мадам, меня бросили сразу жена и любовница, а дочка родила прекрасного внука,— грустно улыбнулся Анри, наполняя бокал Галины вином.

Галина сделала несколько глотков. Алексею Григорьевичу показалось, что несколько солнечных зайчиков засияли в глазах у любимой.

— Каким будет у нас этот год? — спросила она, глядя в глаза Алексея Григорьевича.

— Все у нас с тобой будет хорошо, давай выпьем за это,— очень уверенно ответил Алексей Григорьевич.

— Я тебе верю,— прошептала Галина.

В ресторане было довольно тепло, к тому же отличное вино согревало душу и сердце. На щеках Галины появился легкий румянец. Она была восхитительна в своем новом платье. Музыканты, игравшие в большом зале, ушли на перерыв, и воцарилась непривычная тишина. В глазах Галины продолжали светиться озорные искорки.

— Сейчас я тебе что-то сыграю,— решительно сказала она и подошла к стоявшему в углу пианино. С первых аккордов Алексей Григорьевич узнал знаменитое «L'ete Indien». В ресторане стало тихо — все слушали, как играла Галина. Когда мелодия закончилась, раздались крики «Браво». Какой-то француз подарил Галине цветок розы. Алексей Григорьевич вдруг очень отчетливо понял: нет для него человека дороже Галины, и был очень счастлив этим новым для него чувством.

Потом вернулись с перерыва музыканты, они заиграли медленный танец, и Алексей Григорьевич пригласил на танец Галину. Не слишком ловко он наклонился к ней и, очень волнуясь, сказал:

— Ты знаешь, Галя, я люблю тебя!

— Знаю,— улыбнулась Галина.

Когда они вышли из ресторана, вечернее солнце скрылось за домами. Вскоре на небе появились первые звезды. Мощные прожекторы освещали Эйфелеву башню, и на фоне темного неба она была еще прекраснее.

Алексей Григорьевич давно мечтал подняться на Эйфелеву башню и с ее высоты увидеть Париж. Подъем оказался недолгим. Наконец, они очутились на смотровой площадке башни. На такой высоте дул сильный ветер, но наши влюбленные будто не замечали ничего. Они только смотрели на расположенный внизу город. Он был очарователен в вечерних огнях, а над ним простиралось звездное небо, вовсе непохожее на то небо, которое мы видим с земли. Там, на высоте, человек начинает понимать величие Космоса и к нему приходит осознание того, что он частичка этого огромного мира.

Алексей Григорьевич снял свой плащ и надел его на плечи Галины. Они долго стояли на смотровой площадке и молчали. Слова были не нужны. Разве можно выразить словами то, что чувствовали они в то время?

— Алексей, а мы с тобой, наши чувства — это большое или малое? — задумчиво спросила Галина.

Алексей Григорьевич немного помолчал и потом уверенно сказал:

— Наша с тобой Любовь — частичка того, что является смыслом жизни, а маленькая эта частичка или большая — будет ясно в будущем.

К себе в номер они возвратились довольно поздно. Обычно Алексей Григорьевич больше молчал, а Галина говорила без остановки. Но в этот вечер молчала и она. Она только очень нежно взяла своего любимого под руку и о чем-то думала. Когда влюбленные вошли в свой номер, Галина улыбнулась и сказала:

— Спасибо тебе, Алексей, за этот вечер и за Париж. Я представить себе не могла, что здесь будет так хорошо. Спасибо тебе за твою любовь!

Обычно очень серьезный в таких случаях, Алексей Григорьевич тоже улыбнулся и просто сказал:

— Всегда пожалуйста, мадам...

А потом они заказали к себе в номер очень хорошее шампанское и клубнику. Конечно, эта клубника была хуже той, которую мы выращиваем на своих грядках, но с хорошим шампанским пошла и эта!

Совсем незаметно пролетело несколько прекрасных дней и ночей в Париже. Бывают такие дни, которые проходят, словно одна минута. Только одно успели сделать в это время наши влюбленные — они стали единым целым и не представляли жизни друг без друга!

Теперь настало время возвратиться в Россию, где Алексея Григорьевича ждали накопившиеся дела. Было немного грустно прощаться с Парижем, поэтому Алексей и Галина поклялись обязательно возвратиться сюда.

Когда они вернулись из свадебного путешествия, Алексей Григорьевич занялся своими делами. Ему надо было подписывать множество документов. Домой он стал приезжать довольно поздно. Галина сидела дома и ждала своего любимого Алексея.

Сначала ей было страшновато одной в огромном доме, но она быстро освоилась. С помощью приглашенных рабочих она что-то перестроила, переставила мебель по своему вкусу. Затем через газету наняла экономку, кухарку и шофера.

Постепенно жизнь в огромном доме очень наскучила ей — нечем было заняться. В виде развлечений у нее были только бесчисленные поездки по модным магазинам. Шкафы ломились от множества различной одежды. Но в ее глазах вскоре стали исчезать озорные и веселые искорки, от которых приходил в такой восторг ее муж. Лишь тогда, когда она покупала очередную модную кофточку, которая ей нравилась, глаза Галины на мгновение загорались веселыми искорками, как прежде, но потом снова гасли, и уже ничто не радовало ее.

Почему она подверглась этому страшному унынию в огромном и роскошном доме своего мужа? Скорее, из-за того, что не было у нее дела, которому можно посвятить свою жизнь. Это случается с людьми, когда

неожиданно они становятся очень богатыми и им больше нечего хотеть. Бремя богатства может быть не менее страшно, чем ужас нищеты!

Но однажды Галина прочитала в газете о продаже за долги конезавода. Ее с детства восхищали лошади, и поэтому она ухватилась за идею стать владелицей конезавода, как за спасительную ниточку, которая вытащит ее из болота уныния раз и навсегда.

Алексей Григорьевич был не против приобретения конезавода. На его счету в банке находилась довольно большая сумма денег, которые он получил после выгодной сделки, и он долго думал о том, куда их вложить.

Финансовые дела конезавода Алексей Григорьевич поправил довольно быстро, оформление документов тоже не заняло много времени, и вскоре новая хозяйка поехала смотреть свои владения.

Галина долго ходила по территории и отмечала то, что нужно было отремонтировать или вовсе заменить. Конечно, за годы перемен конезавод, как и многое в нашей стране, пришел в упадок, а раньше он был гордостью местных начальников.

Совсем скоро Галина воплотила в жизнь свою давнюю мечту. По ее распоряжению управляющий, которого она назначила, выделил ей самую смирную лошадь, и Галина стала учиться верховой езде. Вскоре она довольно уверенно держалась в седле. Об этом Галина с восторгом рассказывала своему мужу.

Алексею Григорьевичу нравилось, что Галина занялась новым и интересным делом. Он даже пообещал ей приехать на конезавод в следующие выходные.

Алексей Григорьевич поморщился, когда вспомнил, какой была Галина всего несколько месяцев назад. Ничего, кроме модных тряпок, ее не интересовало. Несколько раз пробовал он рассказать Галине о своих делах и проблемах. Но та всем видом показывала, что ее это не интересует. Она только устраивала дикие сцены ревности, когда муж был вынужден задерживаться в офисе. «Наверно, нашел себе какую-нибудь...» — кричала она противным, визгливым голосом. Алексей Григорьевич молча выслушивал истерические речи своей жены и потом уходил к себе в кабинет. Там он выпивал рюмку хорошего коньяка, включал компьютер и вновь принимался за работу. Работы было много, но не работа тяготила его — появились новые проблемы с бандитами, несколько раз его серьезно проверяла налоговая инспекция. Все это забирало много жизненной энергии. Ему сейчас требовалась поддержка любимого человека, а вместо этого — дикие скандалы...

Галина приходила через некоторое время мириться. Со слезами на глазах она просила прощения. Конечно, Алексей Григорьевич прощал свою жену, потому что он очень любил ее! Да, Алексей много думал о том, что ему надо сделать, чтобы Галина стала прежней, той самой

восхитительной женщиной с веселыми и озорными искорками в глазах, той женщиной, которую он полюбил всем сердцем и всей душой!

Итак, наступили долгожданные выходные. Галина проснулась довольно рано и в хорошем настроении. Что-то тихонько напевая, она сама стала готовить завтрак себе и мужу. Быстро позавтракав, они сели в свой любимый «Чероки» и поехали на конезавод.

День выдался превосходным. Была ранняя осень. На деревьях листва уже пожелтела, но солнце пригревало почти по-летнему.

Галина сегодня хотела удивить своего мужа — показать ему, как хорошо она держится в седле и как отлично умеет управлять лошадьми. Сегодня она хотела совершить прогулку на Алмазе. Ей очень понравился этот конь. Он был настоящей гордостью этого конезавода.

Когда они приехали на конезавод, Галина приказала оседлать Алмаза. Один из конюхов предупредил, что Алмаз очень своенравный конь и не подпускает к себе тех людей, которых он не знает. Но Галина стояла на своем.

Делать нечего. Один из конюхов, которого Алмаз еще подпускал к себе, оседлал его. Когда же Галина подошла к Алмазу, тот, пристально глядя на нее, угрожающе заржал. Наконец Алмаза вывели во двор. Но когда Галина подошла к нему, Алмаз снова стал угрожающе ржать и даже попытался укусить хозяйку. Терпение у нее лопнуло, она выхватила жесткую плетку и стала из всей силы стегать Алмаза. Алмаз не знал, как увернуться от этих страшных ударов, теперь уже от боли он громко ржал, как бы зовя на помощь.

В это время по двору проходил Иваныч. Он очень разозлился, когда увидел, что Галина бьет Алмаза. Старик подбежал к ней и выхватил плетку из рук.

— Что вы себе позволяете, дамочка? — закричал он.

— Не лезь, старик, куда тебя не просят,— тоже закричала Галина противным визгливым голосом.

На шум стали собираться люди. Вышел во двор Алексей, он находился в бухгалтерии, проверяя финансовые документы. Галина подбежала к нему и, захлебываясь от ярости, закричала:

— Алексей, сейчас же уволь этого старика, ты видишь, что он себе позволяет? Он чуть не ударил меня!

Алексей Григорьевич хорошо знал, что Иваныч много лет проработал на конезаводе. Он понимал: перед ним человек, хорошо знающий дело, которому посвятил всю свою жизнь, любящий лошадей. Конечно, он не хотел увольнять Иваныча, но Галина настаивала на своем, с ней опять случилась истерика. Нехотя Алексей Григорьевич подошел к Иванычу и, не глядя в его сторону, тихо сказал:

— Ты уволен, старик, расчет получишь в кассе.

Иваныч не поверил своим ушам. Ничего плохого он не сделал, он только попытался защитить Алмаза, которого вырастил с таким тру-

дом. На этом конезаводе работал еще его отец, он в войну, рискуя своей жизнью, сохранил самых ценных лошадей. Иваныч пришел на конезавод сразу после школы и помогал отцу. А теперь его увольняют... Что он будет делать один, в пустой квартире? Ждать почтальона с пенсией? Быть может, если бы Иваныч принес свои извинения Галине и Алексею Григорьевичу, то его бы простили. Но не такой был характер у Иваныча. Получив расчет, он ушел с конезавода, ни на кого не смотря.

Когда Иваныч ушел, Галина приказала новому конюху раз и навсегда выбить из Алмаза его гордый и неприступный нрав. Новый конюх тоже был почему-то зол на Алмаза, поэтому он с большим усердием стал выполнять жестокий приказ Галины.

Через некоторое время они добились своего. Алмаз покорился своим мучителям. Его бока покрылись многочисленными шрамами, за ним уже не было такого ухода, как при Иваныче. Ненависть к Иванычу перекинулась на его любимца.

Глаза Алмаза перестали светиться жизнерадостным огнем, с этим прекрасным конем случилась страшная вещь — он потерял вкус к жизни. Когда Алмаз участвовал в скачках, то он больше не приходил к финишу первым. Он плелся позади тех скакунов, которых раньше обгонял с необыкновенной легкостью. На него больше никто не ставил, и все забыли прежние победы Алмаза.

Вероятно, Алмаз все время ожидал, когда вернется к нему Иваныч. Он верил: если вернется Иваныч, то его больше не будут так жестоко избивать и жизнь потечет, как прежде.

Иванычу тоже было плохо без привычной работы, без лошадей, к которым он так привязался, и, конечно, без его любимого Алмаза. Иваныч вставал рано утром, машинально готовил себе завтрак, потом шел в сквер, где в одиночестве сидел на лавочке, вспоминая свою прежнюю жизнь. Понемногу он стал привыкать к новому образу жизни.

Но так уж повелось в нашей несчастной стране — беда не приходит одна. Однажды к нему в маленькую квартирку пришла заплаканная дочь и сообщила страшную весть — серьезно заболела Настенька, у нее обнаружили порок сердца. Требовалась очень сложная, срочная и дорогая операция.

Иваныч тут же стал собираться в больницу к Настеньке. Руки у него дрожали, он никак не мог застегнуть свою старенькую рубашку. Машинально купил в киоске каких-то фруктов и поспешил в больницу.

В больнице выдали белый халат, и Иваныч прошел в палату к Настеньке. Поначалу он даже не узнал внучку — так изменила ее болезнь. Она сильно похудела, ослабла, лицо было очень бледное. Быть может, девушка спала или просто отдыхала, закрыв глаза. Когда Иваныч подошел к ее кровати, Настенька открыла глаза — на бледном личике появилась тень улыбки:

— Деда, как хорошо, что ты пришел ко мне. Как поживает Алмазик? Наверно, скучает по мне. Я вот немного поправлюсь и обязательно приеду к вам.

У Иваныча задрожали руки и на глазах выступили слезы, но он заставил себя улыбнуться в ответ внучке. Немного успокоившись, он ответил ей каким-то не своим голосом:

— Конечно, Алмаз очень скучает по тебе, Настенька, так что ты давай скорее поправляйся и приезжай к нам, а то просто беда без тебя.

Настенька вновь улыбнулась и тихо проговорила:

— Деда, нам тут в больнице дают очень вкусный хлеб, я его не стала есть и хочу, чтобы ты отдал его Алмазику. Ладно, деда? А теперь иди, деда, я устала и хочу немного поспать.

Иваныч выложил на тумбочку рядом с кроватью фрукты, которые купил для внучки, а взамен положил в сумку хлеб для Алмаза. Зачем он взял хлеб — неизвестно. Конечно, у него не повернулся язык, чтобы сказать Настеньке о том, что он ушел с конезавода. Первый раз в жизни Иваныч не знал, что ему делать.

Когда он вышел из палаты, последние силы самообладания покинули его и из глаз бедного старика впервые за многие годы полились горькие слезы. Стариковской походкой он шел к выходу из больницы, а из глаз его все лились слезы. У выхода он услышал, как одна старушка, глядя на него, сказала другой:

— Вот опять кто-то умер. Что ты будешь делать? Время такое пришло, мрут люди как мухи.

«Нет, — решительно и даже с какой-то злостью подумал Иваныч, — Настенька не умрет, он не допустит этого, смерть — это стариковское дело. Негоже умирать девочке, которая и жить только начала». «Да, — повторил он,— Настенька не умрет, Господь не допустит этого!»

Иваныч начал обдумывать план, с помощью которого он надеялся достать деньги на операцию. Казалось, что кто-то свыше подсказывал ему, как следует поступать.

4.

А на конезаводе готовились к предстоящим скачкам, всем управляла Галина. Люди, напуганные увольнением старейшего конюха Иваныча, не решались перечить ей. Лошади тоже чувствовали приближение скачек, поэтому они с нетерпением переминались с ноги на ногу. Только Алмаз стоял спокойно в своем стойле и безучастно смотрел на происходившие перемены.

Наверно, он вспоминал своего любимого Иваныча, как тот ухаживал за ним, угощал вкусным хлебом. Алмаз не мог понять, почему Иваныч покинул его, ведь ему так плохо без любимого конюха! Алмаз ни на кого не обращал внимания, и все его забыли.

Не забыл только Иваныч своего любимца. Перед самыми скачками Иваныч тихонько пробрался к нему. Лошади не могут выражать свою радость, как собаки, у Алмаза только вновь появился радостный блеск в глазах. Впервые за последнее время Иваныч улыбнулся:

— Узнал меня, Алмазушка, узнал! Как ты без меня?

Конечно, если бы конь мог говорить, то рассказал бы Иванычу, как он жил в последнее время, но Иваныч сам понял, как нелегко пришлось Алмазу после его ухода. Только вновь ожившие глаза красноречиво выдавали чувства любимца, и если бы он мог говорить, то сказал бы: «Иваныч, мой милый, Иваныч, как хорошо, что ты вновь нашел меня, мне было так плохо без тебя»!

Наверно, Иваныч понял чувства своего любимца, поэтому, немного помолчав, сказал:

— Вот ведь, Алмазушка, как бывает: заболела Настенька, денег много надо на операцию. Да только где их взять? Продал я свою квартирку-то... Да не хватит тех денег... Я эти деньги, Алмазушка, на тебя поставил. На меня все посмотрели, как на сумасшедшего, но деньги все же приняли. Один я, Алмазушка, знаю — ты самый лучший, ты придешь первым!

А еще Иваныч раскрыл свою старенькую сумку и вынул тот хлеб, который дала ему Настенька в больнице. Алмаз съел хлеб с большим удовольствием. Как он мог выразить свою радость? Только в предстоящих скачках!

Молодой жокей Сережа хорошо знал Алмаза. Он первый заметил изменения в настроении лошади. Алмаз, как и прежде, нетерпеливо переминался с ноги на ногу, казалось, что все его мысли там, на беговой дорожке.

— Что случилось с Алмазом? — удивленно спрашивал Сережа у конюхов.

— Что, что,— усмехались те,— Иваныч заходил к нему в гости!

«Вот ведь какие бывают чудеса,— думал про себя Сережа,— сколько времени прошло, а помнит Алмаз своего любимого Иваныча!»

Наконец, был дан «Старт». Лошади рванулись вперед по беговой дорожке ипподрома. Через некоторое время от основной группы лошадей отделилась лидирующая группа. В этой группе, конечно, находился Алмаз. Казалось, он и жокей Сережа слились в единое целое.

Подгонять Алмаза совсем не нужно. От его безразличия не осталось и следа. Он рвался вперед, потому что знал, кто его будет ждать на финише. Но борьба была нелегкой. Алмаза плохо кормили, плохо ухаживали за ним, из-за этого ему трудно соревноваться с другими лошадьми. И только чувство любви к Иванычу придавало сил Алмазу. Наверно, он чувствовал, что от исхода этой гонки зависит очень многое.

У лидирующей группы лошадей вперед вырвался скакун по кличке Агат. Он часто завоевывал в скачках первые места. В этот раз опять многие игроки поставили на него в надежде что-то выиграть.

Но Алмаз начал приближаться к Агату. Сергей уже ясно слышал частое и мощное дыхание этой лошади. Что это была за гонка! Великолепные животные неслись вперед по беговой дорожке, не замечая никого и ничего. Но силы были неравны. Алмаз начал понемногу уставать. Агат несся вперед. Но вдруг Алмаз скорее почувствовал, чем услышал знакомый голос: «Вперед, Алмазушка, ты ведь самый лучший!» Эти слова придали ему силы. Он вдруг ощутил ту легкость в ногах, которую испытывают только прирожденные бегуны. Казалось, его копыта едва касаются беговой дорожки. Алмаз стал опять догонять Агата! Он вновь вырвал у судьбы свой единственный шанс!

Публика как завороженная смотрела на это захватывающее соревнование двух великолепных животных. Никто и не мечтал получить за свои деньги такое фантастическое зрелище. Все молчали. Но когда Алмаз стал сантиметр за сантиметром опережать Агата, людей словно прорвало. «Алмаз — вперед!» — слышалось со всех трибун. Люди с удивлением замечали, что мгновение назад они боялись даже дышать!

Алексей и Галина тоже были на трибунах. Алексею Григорьевичу кто-то сообщил, что Иваныч приходил повидать Алмаза, он с большим удивлением следил за той метаморфозой, которая случилась с лошадью. Вместе с этим он думал о том, что может сотворить Великая Любовь, и о том, что случилось с его любимой Галиной. Как вернуть ее любовь, он не знал.

И вот долгожданный финиш! Алмаз всего на несколько секунд опередил своего соперника. Но это были его секунды и ничьи другие!

Былая слава вновь вернулась к Алмазу. Многие люди подходили к нему и, похлопывая по его шее, приговаривали: «Молодец, Алмаз, вот это конь!» Но он не обращал внимания на других людей, он искал взглядом своего любимого Иваныча.

И, конечно, он пришел. Старенькая куртка была набита многочисленными пачками долларов, а в руках та же сумка с вкусным, чуть подсоленным хлебом. Алмаз тут же потянулся к Иванычу, немного отфыркиваясь от незнакомого запаха денег.

Иваныч улыбнулся, погладил любимца по длинной шее и сказал: «Я же говорил, Алмазушка, ты самый лучший». А потом Иваныч раскрыл свою старенькую сумку и стал кормить победителя вкусным хлебом. Когда с кормлением было закончено, Иваныч сел на ящик рядом с загоном Алмаза и начал разговаривать с ним, как он делал это раньше:

— Вот выздоровеет Настенька, приедет к нам...

Тут голос старика дрогнул, но он все же продолжил:

— Теперь обязательно выздоровеет, как же может быть иначе!

Вдруг Иваныч почувствовал, как Алмаз тихонько коснулся своей головой его плеча. Так он утешал своего любимого Иваныча...

А с Галиной опять начиналась истерика, она кричала:

— Этот противный старик опять сюда пришел, Алексей, выгони его раз и навсегда!

Когда они приблизились к загону Алмаза, Алексей Григорьевич увидел, как конь очень нежно положил свою голову на плечо Иваныча и смотрел на старого конюха не просто с любовью, а с настоящим обожанием. Видя все это, Алексей Григорьевич добродушно улыбнулся и сказал:

— Встретились все же два приятеля! Ладно, Галина, пошли отсюда. Потом он взял свою Галину за руку и повел подальше от загона с Алмазом.

Алексей Григорьевич вдруг понял: они с Галиной должны вернуться в Париж, колыбель их любви, и там, в Лувре, у портрета Совершенного Человека, он поймет, как возродить их любовь, как вернуть прежнюю Галину. Ему даже показалось, что он услышал ту мелодию, которая стала гимном их любви — знаменитое «L'ete Indien».

ТЕЛЕФОН

У Ивана Гавриловича Синюкова была заветная мечта. Заветная мечта есть у всех, или почти у всех. Я знаю, мой друг, у вас тоже есть заветная мечта. Вы мечтаете пригласить ту красивую блондинку с первого этажа на модную дискотеку и обязательно сделаете это, когда ее муж уедет в командировку.

Так вот, у Ивана Гавриловича тоже была заветная мечта — иметь у себя дома телефон. Но это была, наверно, несбыточная мечта, потому что Иван Гаврилович жил в маленьком городишке... Знаете, я не буду указывать название этого города. Если вы, дорогой мой москвич, хотите попасть в такой город, то поезжайте на любой столичный вокзал, садитесь на любой поезд и проедьте километров 300 от вашей любимой столицы. Потом выйдите на неизвестном полустанке — и попадёте именно в такой город.

Как только с шумом и гамом отъедет поезд, приезжего окутает сонная, непривычная тишина, изредка нарушаемая проезжающей машиной, мычанием коровы или руганью вокзальных служащих.

Если вы рискнете съесть в привокзальном буфете какой-то пирожок, который был выпечен в честь постройки этого вокзала, то будете долго жалеть об этом.

Итак, вкусив в полном смысле этого слова первые прелести этого города, вы попадете на центральную площадь. На площади стоит стандартный памятник Владимиру Ильичу. Старожилы помнят: когда этот памятник устанавливали полупьяные рабочие, то получилось так, что

Владимир Ильич указывал своей исторической рукой на винный магазин. Потом в эпоху долгожданной перестройки было решено переориентировать памятник. Владимир Ильич стал загадочно показывать куда-то непонятно, вдаль. По привычке Петрыкин, когда выпил, пошел по тому направлению, которое указывал памятник, но ничего там не нашел, а только вляпался в коровью лепешку.

Но на этом все не кончилось. Террорист Митька, опять же спьяну, зачем-то решил повеситься. Он привязал к той самой руке памятника веревку, петлю надел себе на шею и прыгнул. Рука Владимира Ильича оказалась не такой крепкой, поэтому она согнулась, плавно опустив Митьку на землю. Теперь памятник показывал не на винный магазин и не куда-то вдаль, а показывал на нашу грешную землю.

Об этом инциденте было много споров. Людям постарше казалось, что мудрый памятник намекает им, мол, хватит, пожили, пора и честь знать. Людям среднего возраста казалось, что памятник подсказывает: «Хватит пить и гулять, пора на земле работать, сеять и пахать надо!» Молодежь с горечью говорила: «Вот ведь, даже памятник считает, что у нас не город, а отстой!» Нигде еще памятник не вызывал столько споров и разных суждений.

Но это далеко не все развлечения, которым предавались жители этого благословенного города. Почти все взрослое — мужское, а иногда и женское — население страстно обожало напиток, выпускаемый местным ликерно-водочным заводом под названием «Осенний сад». Никто просто не представлял жизни без него. Чудесным образом после его употребления город казался уже не таким скучным, а покосившиеся избы выравнивались. В эпоху перестройки этот волшебный напиток запретили и вместо него завод выпустил яблочный сок под названием «Осенний сюрприз». Все были страшно озадачены таким сюрпризом. Но все быстро закончилось, и «Сюрприз» был забыт как страшный сон.

Еще одна страсть, которой были поражены уже все жители города, да и, наверное, всей нашей любимой страны, — это телевидение. Оно ворвалось в нашу жизнь и фундаментально все изменило.

И теперь, к примеру, Матрена Ивановна целый день проводит не на каком-то там огороде, а на фазенде, чувствуя себя при этом не Матреной Ивановной, а рабыней Изаурой или даже Диким Ангелом.

В покосившемся имении, на ржавой кровати, лежит пьяный Дон Альберто с синяком под глазом. Дело в том, что вчера он перепутал свою «землю любви» с другой и попал в чужое имение. Но там уже был другой Дон Хуан, который благополучно поставил синяк под глазом нашему Дону Альберто и выбил ему последний зуб.

Раздосадованный Дон Альберто пошел домой, но по причине плохого зрения споткнулся и упал прямо головой в конуру к своей дворовой собаке Рыжику. Рыжик и так-то недолюбливал своего вечно пьяного хозяина,

а тут и вовсе рассвирепел и укусил бедного хозяина за красный нос.

Дон Альберто, конечно, сильно обиделся на Рыжика, обозвал его Чубайсом и злорадно вывинтил электрическую лампочку над его конурой.

Еще по двору летал невесть откуда взявшийся попугай. Он воровал у курей корм и целый день говорил всякую чушь. За это грамотные жители благословенного города назвали дурную птицу Черномырдиным.

Пока Дон Альберто приходил в себя от вчерашнего, Изаура Ивановна готовила ему симпатичные, пышные, румяные колобки, которые Дон Альберто нежно называл Гайдарчиками.

Такие, можно сказать, глобальные изменения произошли в жизни горожан этого чудесного города благодаря телевидению.

Иногда в этом городе случались праздники, которые любило местное население. Например, Новый год начинали справлять в середине декабря и заканчивали где-то в конце января, уже толком не соображая, какой сегодня месяц и Новый год по счёту. Зеркало показывало такие чудеса! Ужас!

Еще, чтобы как-то оживить серую жизнь своего города, местные жители устраивали похороны или свадьбы. Но из-за того, что молодежь отсюда уехала, свадьбы устраивали нечасто. Да и с похоронами тоже было не все благополучно, потому что деньги на это грустное, на первый взгляд, мероприятие люди опрометчиво вкладывали в местный банк. Они потому и назывались вкладчиками, что вкладывали и вкладывали свои денежки, как будто им больше девать их некуда было. Когда вкладов становилось много, банк, понятное дело, банкротился, и проводить похороны было не на что. Поэтому люди этого города жили и жили, дай Бог им всем здоровья.

Но однажды случилось и вовсе непонятное происшествие. Дело в том, что Иван Васюткин находился в неоплачиваемом отпуске. В неоплачиваемом отпуске Васюткин находился потому, что работал на неоплачиваемой работе — продукцию их завода никто не покупал, хотя завод по привычке работал исправно. Но однажды государство все же вспомнило про этот заводик и прислало деньги на реконструкцию. Деньги попали в местный банк, который от такого потрясения тут же обанкротился, и после начальник милиции, директор завода, управляющий банком ездили на новеньких «мерседесах» и все искали причину банкротства банка, а Васюткин с товарищами находился в неоплачиваемом отпуске.

От нечего делать Васюткин предложил своей теще, к которой он испытывал двойственное чувство, спор — кто кого перепьет. Когда теща на пятом стакане вдруг замерла, как часовой у мавзолея, Васюткин суеверно перекрестился и допил недопитый тещей стакан с коварным напитком под названием «Осенний сад». Наболевшее Васюткин выразил таким монологом: «А-а, о-о, и-и, э-э. Вот!»

За гробом первым шел виновник этого торжества, он тщательно пытался придать себе скорбный вид. Повторяю, Васюткин старался придать себе скорбный вид, но время от времени его лицо перекашивала пьяная ухмылка.

В это время школьный друг Васюткина Тюлькин Семен с размахом праздновал свадьбу своей дочери. Дело в том, что дочь Тюлькина была очень престижной невестой, потому что сам Тюлькин был знаете кем? Нет, не академиком, нет, не видным ученым и тем более не простым учителем или инженером. Тюлькин был Челноком! Он снабжал богатых горожан престижными турецкими тряпками. Поэтому постепенно богатые люди этого города стали немного походить на турецких мусульман.

Теперь Тюлькин с кем попало не здоровался, но школьного приятеля, у которого списывал домашние задания, все же узнал, когда в разгар обоих торжеств две праздничные колонны встретились на главной улице свого родного города. Начались взаимные поздравления и тосты. Через час Тюлькин и Васюткин вообще кричали непонятно что: «Горько! Тьфу! Господи, упокой ее душу!»

Вскоре торжества были переведены в трехэтажный особняк Тюлькина (он сиротливо возвышался посреди покосившихся хижин), и уже из него слышались невразумительные тосты, а со двора взлетали в разные стороны ракеты праздничного салюта, которые уже сожгли два соседних сарая.

Когда немного стемнело, по главной улице дисциплинированно прошло стадо коров. Им совершенно надоело бродить по диким окрестным полянам без пастуха, который по случаю двух праздников напился до полного своего недоумения.

За порядком в стаде наблюдал огромный бык Борис. Завидев одиноко лежащую тещу Васюткина, Борис жалобно замычал, как бы говоря: «Шта это, понимаешь, творится?» Потом Борис подошел к несчастной старушке и облизал ей лицо. Теща тяжело вздохнула и проснулась. Потом она выбралась из последнего своего пристанища и огляделась. Из особняка Тюлькина продолжали доноситься пьяные возгласы. Туда и пошла теща узнать: почему все добрые люди гуляют на празднике, а ее никто не позвал...

Ну, теперь вы поняли, почему в этом городе похороны грустные только на первый взгляд? А если вы забыли, как попасть в этот город, вспомните начало нашего правдивого повествования.

Но мы с вами забыли о пристанище души местных жителей. Почти семьдесят лет это было складом. Но после известных событий вновь стало прекрасным храмом. Появился и батюшка — у него оказалась рыжая бородка, веселые голубые глаза, а еще он был готов благословить каждого на разные богоугодные дела. Тут же началась служба. Пришли три бабули в беленьких платочках и два мужичка в парадных ватниках. Видя такое внушительное общество, Господь отпустил в этот храм немеренно своей Благодати, а батюшке направил стайку ангелоч-

ков, чтобы они защищали его от разных невзгод.

Кстати, хочу заметить: если вы хоть раз попадете в такой город прямо с московского вокзала, то сначала увиденное вас очень шокирует, а потом вас так и будет тянуть сюда невиданная сила. Вероятно, потому, что отсюда начинается наша Россия — не с широких столичных проспектов, а отсюда, как начинается с маленьких, иногда замутненных, крохотных родничков большая, могучая река, которая несет свои воды нашему миру. Чаще всего эта река очень спокойная и ночью отражает великие звезды, а по лунной, серебряной дорожке, наверно, идем мы к звездам и к Богу, когда придет наш срок...

Но иногда вдруг подует ветер и огромная река вздыбится, выйдет из своих берегов, разрушая все на своем пути. Так что поворачивать её вспять, а тем более шутить с такой рекой нельзя!

А можно только подшучивать...

Однако мы совершенно отвлеклись от главной темы нашего нелегкого повествования, но такое уж непростое дело — рассказывать разные истории. Вы, например, попробуйте рассказать, что вы делали 1 января 2000 года с часу ночи до пяти утра. Что, не можете? Вот то-то...

В общем, Иван Гаврилович Синюков жил в этом крохотном городишке и мечтал о телефоне. Ну что это за мечта — скажете вы. Да вы мечтаете о том, чтобы приобрести контрольный пакет акций крупного металлургического завода. Вот это мечта! Но замечу вам, что любая мечта возвышает человека до невиданных высот, и не важно, маленькая эта мечта или большая.

Откуда у Ивана Гавриловича появилась эта мечта, никто не знает, даже он сам, просто он очень любил разную хитрую технику, а тут и вовсе — чудо. Представьте, стоит в вашем доме аппарат, с помощью которого вы можете связаться со всем миром!

Поэтому Синюков пошел на местную АТС и написал заявление на установку телефона. Хоть начальник и сказал о том, что свободных номеров нет, все равно в тот день у Синюкова было великолепное настроение.

И это настроение не испортила жена Синюкова, Клава, своим вопросом: «Да куда ты будешь звонить, ни у кого из наших знакомых нет телефона?» Все это не важно, скоро исполнится его мечта!

Но шли годы, десятилетия, а свободных номеров всё не появлялось. Умерла жена Синюкова, так и не услышавшая фантастического звонка телефона в своей квартире. Состарился и поседел сам Иван Гаврилович, может быть, он тоже бы умер, но его мечта не давала ему покоя. К тому же опять обанкротился банк с его похоронным вкладом, а новый вклад был ещё очень маленьким.

Чтобы как-то оживить свою мечту, Иван Гаврилович иногда подходил к телефону-автомату, набирал какой-то номер и слушал, кто ему ответит. Голоса были разные: женские, мужские, детские, веселые, деловые, строгие. В общем — разные.

Однажды Синюков услышал плачущий голосок маленькой девочки, она звала свою маму.

— Не беспокойся, девочка,— сказал Синюков, — мама скоро придет.

Но девочка продолжала плакать. Тогда Синюков сказал:

— Хочешь, я тебе песенку спою?

— Ну, спой, — всхлипнула девочка.

— Отцвели уж давно хризантемы в саду, а любовь... — запел Синюков, страшно фальшивя.

— Не нравится мне эта песенка, — сказала, еще больше плача, девочка.

— А какая тебе песенка нравится? — спросил Синюков.

— Мне нравится песенка про заек,— ответила девочка.

— Ну, спой эту песенку,— попросил Синюков.

— Ты украдешь, а я сяду, зайка моя... — запела девочка своим тонким голоском.

— Что же это за песенка? — спросил Иван Гаврилович, совершенно не понимающий ничего в современной музыке.

— Эту песенку пел дядя Филипп своей бабушке Алле,— авторитетно сказала девочка, совершенно успокоившись.

— Какой хороший внук,— восхитился Синюков, показывая свою полную дремучесть.— Ну, ты теперь ложись спать, а я тебе еще утром позвоню, ладно?

— Хорошо,— согласилась девочка и положила трубку.

На душе у Синюкова было радостно: какая все же замечательная вещь этот телефон.

А утром свершилось невероятное чудо. Когда Иван Гаврилович подошёл к почтовому ящику, то увидел там какой-то белый конверт. По обратному адресу Синюков понял, что это письмо из Российского отделения Книги рекордов Гиннеса. Сильно билось у него сердце, когда он раскрывал конверт. Письмо было такого содержания: «Уважаемый господин Синюков! У нас есть данные, что Вы дольше всех стояли в очереди на установку телефона. В качестве приза за Ваш рекорд мы договорились с местной АТС об установке телефона в Вашей квартире». У Ивана Гавриловича задрожали руки, подкосились ноги, а из глаз покатились слёзы, чисто случайно он не упал в обморок.

Немного успокоившись, он перечитал письмо. В письме его поразило обращение к нему: «Уважаемый господин Синюков!» Действительно, он теперь будет не просто Синюков, а господин Синюков с телефоном. Иван Гаврилович подошёл к зеркалу и посмотрел на себя как на господина! Давайте и мы украдкой посмотрим на него: на ногах у Синюкова были старенькие тапочки, причём почему-то разные, одет он был в тренировочное трико с пузырями на коленках, майка была хоть и несвежая, но аккуратно заштопанная, на маленьком носу сидели старенькие очочки, отремонтированные изолентой, единственная уцелев-

шая прядь седых волос встала в форме вопроса: «Ну в самом деле, чем он не Господин?» И теперь, когда у него будет телефон, он сможет позвонить другим господам, таким же, как он!

Синюков был страшно горд за себя и за свою страну. «Оказывается, и мы можем хоть чем-то удивить этих иностранцев!» — с восхищением думал он. На следующий день Синюков пошёл в АТС, нет, не пошёл, а полетел, и ноги его, нарушая все законы физики, едва касались земли, а глаза сияли каким-то особым блеском. Вот что бывает с человеком, когда в его жизни сбываются мечты!

В АТС ему сказали, сколько он должен заплатить за установку телефона — как раз именно столько вложено в банк. Когда он пришел в банк за своим вкладом, управляющий посмотрел на него, как на врага народа, не понимая, почему Синюков из дисциплинированного вкладчика вдруг стал наглым забирателем вклада.

И вот однажды, когда все формальности были улажены, в квартире у Синюкова появился телефон! Иван Гаврилович несколько раз подходил к нему, осторожно снимал трубку и слушал гудок. Он хотел куда-то позвонить, но не мог придумать, куда именно. И к тому же боялся лишний раз побеспокоить телефон, потому что относился к нему, как к живому существу. Потом он вспомнил про свою жену: вот бы она обрадовалась, когда узнала про телефон! Через некоторое время Синюков всё-таки решился набрать какой-то номер.

Ему ответил незнакомый, очень добрый голос, этот голос поразил Синюкова до глубины души.

— Небесная канцелярия слушает,— повторил голос.

Синюков хотел что-то ответить, но побоялся.

— Да говорите, что вы хотите, Иван Гаврилович, — спросил голос.

Вдруг Синюкова осенила гениальная мысль, и он сказал:

— Скажите, а Клавдию Синюкову можно попросить к телефону?

— Конечно, — ответил голос,— сейчас она подойдет.

Через некоторое время Синюков услышал знакомый голос жены:

— Я слушаю,— сказала Клава.

— Клавочка, здравствуй,— обрадовался Синюков — а мне телефон поставили!

— Правда? — разделила его радость Клава.— Просто здорово! Как поживаешь, Ванюша?

— Очень хорошо,— ответил Синюков,— а тебе как там?

— Мне очень хорошо,— ответила Клава,— я встретила своих родителей, и нам здесь очень весело, ну ты звони мне почаще, ладно?

— Обязательно,— пообещал Синюков и положил трубку.

На душе у него было светло и празднично, и он с восхищением подумал: «Какая замечательная вещь телефон, можно позвонить куда угодно!»

ЗАМОК

Иван Степанович еще раз осмотрел свою работу и остался доволен. Если он что-то делал, то качество работы было всегда очень высоким. А тут и вовсе нужна была большая точность. Дело в том, что Иван Степанович врезал в свою дверь английский замок. Этот замок должен был уберечь квартиру Ивана Степановича от грабителей, потому что в квартире у него стояла вещь очень высокой стоимости и Иван Степанович очень дорожил ей.

Что это за вещь — мы узнаем после, а сейчас Иван Степанович решительно вышел из квартиры и захлопнул за собой дверь, желая проверить замок в действии. Подергав дверь, остался доволен — теперь его квартира стала недосягаема для разных жуликов. Со счастливой улыбкой он полез в карман, чтобы достать ключи и открыть неприступную дверь. Но в кармане никаких ключей не было! Иван Степанович стал судорожно искать ключи во всех карманах, холодный пот выступил у него на лбу и стал заливать глаза: ключей как не было, так и нет! Иван Степанович выложил их на тумбочку в прихожей, когда проверял замок.

Он стоял один в коридоре и тупо дергал дверь. Теперь надежность замка не вызывала столь бурной радости. Тут на площадку, где Иван Степанович, поднялась девушка, очень модно и стильно одетая. Видно, нелепый вид нашего мастера рассмешил ее, и она, лукаво улыбаясь, спросила у него:

— Что ищем, папчик?

— Да вот, ключи эти ищу. Куда-то запропастились? — бессвязно забормотал невезучий мастер.

— Ну-ну, ищи, папчик, кто ищет, тот всегда найдет,— назидательно сказала Незнакомка и обожгла Ивана Степановича молнией из своих черных, как ночь, глаз. Эта молния попала Ивану Степановичу прямо в сердце и вызвала там легкий пожар, тот самый, который начинается в сердце любого мужчины, если он хоть немного годен для роли жениха...

Назад Незнакомка шла уже с двумя чемоданами:

— Ну что, не лает, не кусает и в дом не пускает? — опять обратилась она к Ивану Степановичу с фантастической улыбкой, обнажая два ряда белоснежных красивых зубов.

— Да вот, ключи эти, никак... — продолжил свою бессвязанную речь Иван Степанович.

— Помочь? — улыбнулась Незнакомка. — Ведь человек человеку друг, товарищ и волк.

— Да, но как же вы это все? — сказал недоверчивый Иван Степанович, пытаясь хоть как-то унять разбушевавшуюся тахикардию. Девушка сняла свою дамскую сумочку и достала оттуда какие-то проволочки, ключики и

маленькие пассатижи. Через три минуты дверь открылась. Иван Степанович стоял на пороге своей квартиры и все не решался зайти в нее.

— Но как же вы это вот... — сказал он, так и не наладив свой речевой аппарат.

— Все замки, папчик, от честных людей, понял? — опять поделилась искусная Незнакомка с Иваном Степановичем народной мудростью.

— Да-а!— неопределенно махнул рукой незадачливый мастер и церемонно пригласил девушку к себе.

Проходя в квартиру, Иван Степанович придал своей осанке стройный вид, хотя из-за этого у него сильно кольнуло в левом боку, а в шее что-то щелкнуло. Давайте и мы проследуем в квартиру к Ивану Степановичу и не спеша осмотрим ее.

В квартире стояла старенькая, но ухоженная мебель, потертый диван был застлан пледом неопределенного цвета. Но зато в углу на тумбочке стоял очень высококачественный проигрыватель «Грюндих». Среди старой мебели он смотрелся как инопланетный корабль посреди глухой русской деревеньки. Теперь вы поняли, почему пожилой мужчина решил запирать свою хрущобу на три замка?

— О-о, папчик, да ты большой любитель музыки,— сказала девушка, увидев этот проигрыватель,— ну тогда поставь что-нибудь.

Очень бережно, двумя пальцами Иван Степанович достал пластинку и включил проигрыватель. Вскоре раздались чарующие звуки. С помощью этой музыки Иван Степанович частенько поднимался высоко над землей и попадал в музыкальную школу Верховного Учителя, где тот давал уроки для своих Великих Учеников.

— Что-то не та музыка,— сказала Незнакомка, прервав волшебный взлет Ивана Степановича,— строить и жить совсем не помогает.

— Это Моцарт,— стал оправдываться наш старомодный меломан,— а какую музыку любите вы?

— Мне нравятся обалденные «Ногу свело»,— авторитетно сказала девушка.

— Это что, танцы такие? — спросил отсталый Иван Степанович.

— Это очень хорошая рок-группа, они поют замечательные песни, — улыбнулась Незнакомка.

— Про что же эти песни? — поинтересовался любопытный Иван Степанович.

— Про «Хару Мамбуру»,— последовал ответ,— и вообще сейчас разные стили смешиваются, например, наш Децл иногда поет с вашим Кобзоном, такая музыка называется «Кобздец», понял, папчик?

— Между прочим, меня зовут Иван Степанович,— вдруг гордо заявил наш начинающий Дон Жуан.

— А меня зовут Елена Андреевна, — в тон ему заявила Леночка, прикусив нижнюю губу, как она обычно делала, чтобы скрыть неуместную улыбку. Мы, кстати и дальше будем звать ее Леночкой, потому что она и похожа на Леночку, а не на Елену Андреевну.

Потом она протянула для дружеского рукопожатия свою изящную ручку.

Тут Иван Степанович понял, что эта ручка годится не для рукопожатия, а для старомодного поцелуя, и он, покраснев от собственной галантности, сделал это.

Мой дорогой друг, вы знаете, как целуют руку королеве Англии ее преданные придворные? Знаете, как целовал руку Екатерине II князь Потемкин? Наверное, не очень? Я тоже это толком не знаю, и Иван Степанович всего этого тоже не знал, но поцеловал руку Леночке именно так, что она почувствовала себя королевой, любимой, желанной и единственной женщиной для него во всем нашем великом мире. Именно такой поцелуй рассказывает женщине о том, что наш мир создан с помощью любви, а мужчина, открывший женщине эту великую тайну, становится для нее самым дорогим и единственным на свете...

— Классно! — восхитилась Леночка. — Мне раньше никто не целовал руки...

А теперь мы отойдем подальше и понаблюдаем, как соединяются две половинки единого целого, которые зачем-то разбросал в разные стороны Верховный Вершитель Судеб. Пусть эти половинки очень разные, но, наверное, благодаря этому единое целое становится целым в нашем непонятном мире.

Вдруг за окном у Ивана Степановича послышались крики, плач и вой милицейских сирен.

— Опять кого-то обокрали,— рассердился Иван Степанович,— уже вторых за эту неделю в нашем подъезде, представляете, Елена Андреевна?

— Да, наш мир состоит не только из музыки Моцарта, — вздохнула Леночка. — Но мне уже пора, пусть эти чемоданы полежат у вас, папчик, ой, Иван Степанович, я за ними скоро приду.

Ивану Степановичу безумно хотелось увидеть эту девушку еще раз, и он, конечно, согласился и был рад тому, что что-то будет напоминать об их необыкновенной встрече.

После того как Иван Степанович проводил Леночку, он решил выйти на балкон. На улице весна устраивала настоящие чудеса! Сначала она украсила соседнюю березу маленькими трогательными листочками, потом расстелила на поляне за домом ковер из желтых одуванчиков, среди которых летали деловитые первые пчелки. И наконец разучила с птицами новые песни невиданной красоты.

Разумеется, Ивану Степановичу тоже захотелось немного полетать среди такого великолепия. Вы ведь знаете... Когда у людей вырастают крылья... И он обязательно полетал бы, если бы не застарелый артрит в крыльях, нет, в руках, нет, все же в крыльях...

Бывают такие дни, мой дорогой друг, которые изменяют нашу жизнь. Мы ведь, наивные, думаем, что наша жизнь устоялась, мы привыкли к ровному, неторопливому ритму. Но вдруг наша маленькая квартира расширяется до размеров всей Вселенной, нас подхватывает звездный вихрь и несет неведомо куда по Млечному пути. Конечно, таких дней не много, может, один или два за всю жизнь, но все же они бывают.

Когда произошла их вторая встреча, они стали очень близки... «Почему так быстро?» — спросите вы. Я ведь говорил вам: «Это две половинки одного целого». Они ждали эту встречу всю жизнь, как может быть иначе?

Сначала Иван Степанович почувствовал себя очень неуверенно и начал путано об этом рассказывать, но наткнулся на особенный взгляд Леночки. Как известно, мужчины под гипнозом такого взгляда могут совершать невиданные подвиги. А потом прозвучала команда: «А нука, Сивка-бурка, вещая каурка, встань передо мной, как лист перед травой!» И через некоторое время Иван Степанович оказался не у себя в тесной квартирке, а где-то на подлете к раю.

Во-о-от!

Мимо него пролетали прекрасные ангелы в белых одеждах и слегка задевали его своими крыльями, а совсем рядом слышался голос Леночки, значит, она летела где-то неподалеку... Чудесный полет Ивана Степановича прервала ласковая похвала Леночки: «Петух до топора, а ты, Иван Степанович, у меня мужик до гроба!»

Знаете, мои друзья, в чем спасение современного мужчины? Нет, не в лекарстве типа виагры. Спасение в женщине, для которой вы любимый и единственный на свете.

Когда Леночка собралась уходить, в глазах у Ивана Степановича застыла собачья тоска, но Леночка объяснила ему, что ей обязательно нужно вернуть эти два чемодана своим знакомым, и вот после этого она уже никогда не уйдет от своего любимого папчика.

На следующее утро соседи с шумом и гамом обсуждали чудо, происшедшее с жильцами на пятом этаже. Месяц назад их квартиру обокрали, а сегодня утром два чемодана с вещами стояли на их пороге.

Ивана Степановича совсем не интересовали события, происшедшие в его подъезде. Он тщательно готовился к сегодняшнему вечеру. Леночка пообещала познакомить его со своей мамой.

Леночкина мама выглядела... Впрочем, мой дорогой женатый друг, вы знаете, как выглядит теща? Вот Леночкина мама именно так и вы-

глядела, прибавьте к этому колючий, человеконенавистнический взгляд из-под мохнатых бровей и вы получите полную картину.

Страшна одинокая женщина, без мужа-пьяницы, которого она должна пилить, без своего дома, который она должна лелеять, и без клочка земли, на котором она должна что-то взращивать.

— Ну и где ваш оболтус, который хочет жениться на моей дуре? — высказала наконец Леночкина мама желание познакомиться с будущем зятем.

— Видите ли... — робко начал Иван Степанович.

— Мамочка, — перехватила инициативу невеста,— а Иван Степанович вовсе не оболтус.

— Так, значит, этот оболтус хочет на тебе жениться... — удивилась будущая теща. — Он на год старше меня, а потом будет меня мамой называть!

— Мамой? — испугался Иван Степанович.

— Мамочка, Иван Степанович очень хороший, и я его очень люблю, — настаивала на своем Леночка.

— Да, дочка, любовь зла, полюбишь и ... — вспомнила народную мудрость мамочка.

В загс Иван Степанович приехал раньше всех и долго смотрел на себя в зеркало: на нем был не слишком новый черный костюм, почти свежая белая рубашка и строгий галстук. «Неужели можно полюбить такого старого пингвина?» — вздохнул Иван Степанович. Что мы можем ответить ему? Не так уж много осталось в нашей стране мужчин, на которых можно положиться. Можно положиться женщине, а еще можно положиться стране. Именно на этих мужчинах держится все в нашей стране. Не на братке Толяне, а на этих мужчинах. Вскоре пришел еще точно такой же пингвин, значит, это был близкий друг и свидетель Ивана Степановича.

И вот наконец дверь открылась и вошла Леночка. Иван Степанович не сразу узнал ее. На ней было прекрасное белое платье, а лицо светилось счастливой улыбкой.

Вы не задумывались, друзья мои, почему в нашей стране, где так много красивых женщин, очень редко можно увидеть счастливую улыбку?

Человек может считать себя счастливым лишь тогда, когда он начинает жить в ладах со своей совестью. А это такая большая редкость в нашем мире! «А что такое совесть?» — коварно спросите вы. Точно не могу сказать вам, но, по-моему, это такой тихий внутренний голосок, который все время старается учить вас, как следует поступать в том или ином случае. У некоторых людей он слышен очень громко, у других почти не слышен, но бывают дни, когда и такие голоса слышны очень

сильно, и человек рад этому, и на лице у него появляется необыкновенная, счастливая улыбка.

Теперь вам понятно, какая улыбка была на лице у Леночки? А еще на ней было прекрасное белое платье без единого черного пятнышка. Наверно, такой чистой должна быть душа женщины, которая выходит замуж за очень любимого мужчину. Вспыхнувшая любовь сжигает все черные отметины, которые появляются у нас на душе, когда мы живем в современном мире.

Леночка своими искусными пальчиками открыла замок на сердце Ивана Степановича, а он своей любовью пробудил ее дремавшую совесть! Вот на что способна любовь!

Но тут наши рассуждения прервал звучный голос сотрудницы загса:

— Так, родители молодых становятся на задний план, впереди идут молодые. Где жених?

— Видите ли...— начал издалека Иван Степанович.

— А это и есть мой любимый жених, — перебила сбивчивую речь Ивана Степановича Леночка.

Потом она грациозно подошла к Ивану Степановичу и с нежностью взяла его под руку.

Все остальное было для Ивана Степановича как в непонятном, прекрасном сне, поэтому всю процедуру регистрации я не могу вам описать.

А разве кто-то может нормально описать, что происходило на его свадьбе или встрече 2000 года?

Но один эпизод все же врезался в память Ивана Степановича. В самый разгар торжества, когда приглашённая молодежь отрывалась под незабываемые аккорды вышеупомянутой песни с ласковым названием «Хара мамбуру», Иван Степанович вдруг налил себе полный фужер шампанского и почему-то голосом, похожим на голос Булдакова, сказал тост: «Ну, за тёщу!»

Потом Иван Степанович подошел к своему любимому проигрывателю и поставил пластинку с записями лучших танго. Вскоре раздались волшебные аккорды. «Почему волшебные?» — спросите вы. А какая другая музыка вдруг заставляет мужчину стать настоящим мужчиной, подобрать свой уже несколько большой живот, стать необыкновенно стройным и обрести какую-то воздушную походку?

Тара-пам-пам-пам.

А что же партнерша по нашему танго? Откуда появляется эта фантастическая женственность, блеск черных, как южная ночь, глаз и грациозность египетских цариц?

Тара-ра-ра-пам-пам-пам.

Все гости как завороженные смотрели на эту прекрасную пару, и в конце танца только теща смогла выразить свое отношение к происходящему. «А наш оболтус еще могет!» — сказала милая женщина.

И это было сущей правдой...

После свадьбы совершенно незаметно пролетели несколько месяцев. Наши молодожены прожили их в полной... «Идиллии?» — недоверчиво спросите вы, мои друзья. Конечно, нет! Чтобы их жизнь не была похожа на идиллию, к ним частенько заходила Леночкина мама, или дорогая теща, как называл ее Иван Степанович, придавая прилагательному «дорогая» какой-то особый смысл.

Наши молодожены прожили эти месяцы в полной любви и согласии. Они просто не могли друг без друга, и Верховный Вершитель Судеб счастливо улыбался, когда смотрел на их совместную жизнь!

Чувствовалось приближение Нового года. Знаете, когда в нашей стране взрослые и дети начинают чувствовать приближение их любимого праздника? В конце ноября, когда на мерзлую землю падают первые робкие снежинки, дети приходят к взрослым и напоминают: «Мама, вот и наступила зима, значит, скоро Новый год!»

Серьезная подготовка к Новому году начинается в середине декабря и иногда бывает интереснее, чем сам праздник. Помните запах Нового года? Тон всему задает лесная красавица, установленная посреди комнаты — стало очень тесно, но очень празднично. Потом к запаху ели добавляется аромат мандаринов и венчается все это запахом свежеприготовленного салата оливье, в котором так хорошо охлаждается разгоряченное от торжества праздничное лицо!

А знаете, мои друзья, что придает нам неповторимое новогоднее настроение? Нет, не новогодний концерт, этот концерт будет потом, а сначала мы должны посмотреть фильм «Ирония судьбы...» Этот фильм в который раз напоминает нам, что если мы под Новый год как следует напьемся, то наконец обретем свое счастье.

Правда, некоторые директора телевизионных каналов думают, что Новый год наступит и без этого фильма. Нет, не наступит! Вернее, может, и наступит, но настроение будет уже не то! Спросите самого Рязанова, он вам скажет. Этот фильм и был создан для новогоднего настроения, как «Советское шампанское», как разноцветные гирлянды и как непредсказуемые китайские петарды, которые могут так изысканно украсить ваш праздничный стол.

Что же мы еще забыли? Ах да, еще новогодние подарки! Кто их приносит под елку: Дед Мороз или любящие родители — неизвестно, но все мы так верим, что именно этот Новый год принесет какой-то необыкновенный подарок, который мы запомним на всю жизнь!

Ивану Степановичу никто не дарил подарков под Новый год, так уж получилось, но сейчас с ним была его любимая жена, и это, наверное, уже было прекрасным подарком. На драгоценный проигрыватель он поставил пластинку с музыкой Моцарта, а Леночка постепенно училась попадать в музыкальную школу Великого Учителя, где сейчас уже находился Иван Степанович.

Вот на этой прекрасной сцене вполне можно было бы закончить наш рассказ, если бы Иван Степанович не прервал свой чудесный полет и не сказал бы Леночке: «Вот так мы и будем вместе слушать эту прекрасную музыку!» Леночка ласково взяла руку Ивана Степановича, нежно прижала ее к своему немного располневшему животу и очень тихо прошептала: «Нет, Иван Степанович, скоро к нам добавится еще один слушатель».

Вы думаете, Иван Степанович в этот момент разразился целым потоком восторженных фраз? Вовсе нет! У многих мужчин в этот момент почему-то сковываются уста и они не могут сказать ни слова. Иван Степанович только очень осторожно и нежно обнял свою любимую жену. Какие слова тут были нужны? Леночка все поняла без слов!

Сразу после праздника Иван Степанович принялся разыскивать кроватку для будущего маленького слушателя, но не смог найти ничего подходящего. Тогда он спустился к себе в мастерскую и принялся сам делать кроватку. Обласканное его умелыми и трудолюбивыми руками дерево превращалось в настоящее чудо. Пожалуй, папа Карло не вкладывал столько любви в будущего Буратино, сколько вложил Иван Степанович в эту кроватку, поэтому и получилось что-то среднее между скрипкой Гварнели и музыкой Моцарта!

Иван Степанович смотрел на свое произведение и счастливо улыбался. Он был очень счастлив, чисто по-человечески, этот уже совсем немолодой мужчина. На него уже дохнула своим прохладным дыханием осень. Но с ним случилась странная вещь. «А-а, бабье лето», — скажете вы, мой мудрый друг. Нет, бабье лето уже прошло, но знаете, что иногда бывает осенью? Перед самыми холодами вдруг очистится небо, выглянет солнце и одарит своим последнем теплом. Это не бабье лето, это последняя милая улыбка уходящего лета. Иван Степанович очень любил жизнь и был рад этому последнему теплу...

Совершенно незаметно пролетело несколько месяцев. Леночку увезли в роддом, а Иван Степанович каждый день навещал ее. Но однажды ему сообщили, что его жену перевели в другую палату и у него родился сын. Иван Степанович неподвижно стоял перед роддомом и счастливо-глупо улыбался. Думаете, молодые папаши, у вас в тот момент был более умный вид? Совсем нет! Радостно забилось у него сердце, когда в окне на верхнем этаже он наконец увидел свою жену.

— Как там Ванечка? — спросил Иван Степанович.

— Уже хулиганит. — ответила счастливая жена. —Когда нянечка уносила его спать, он плюнул в нее...

Перед тем как забрать жену и сына из роддома, Иван Степанович зашел в магазин детских товаров и долго выбирал подарок своему маленькому сыну. Наконец, выбрал трехколесный велосипед и игрушечную саблю. Возле роддома уже дежурила дорогая теща. Она пообещала от души поблагодарить любимого зятя за «своевременные» подарки, и тут Иван Степанович увидел, как нянечка вынесла его сына. За ней шла гордая молодая мама.

— А где же папаша? — строго спросила нянечка.

— Бес его знает, — неопределенно махнул рукой Иван Степанович.

— Понятно, — вздохнула нянечка. — Ну, дед, бери своего внука.

Иван Степанович бережно, страшно волнуясь, взял Ванечку на руки. Тут Ванечка открыл глаза и внимательно посмотрел на своего дедушку-папу, а потом показал ему свой маленький, розовенький язычок.

ГАВРИИЛ ЮШКОВ

ГАВРИИЛ ЮШКОВ

Гавриил Юшков (1951–2011) в данной «Антологии» представлен только одним стихотворением, которое было опубликовано в коллективном сборнике саамских поэтов «О жизни» (1997), подготовленном литературным объединением «Жемчуга».

Гавриил Яковлевич Юшков родился в саамской семье в селе Ловозеро 26 апреля 1951 года. Отец его, Яков Иванович Юшков, многие годы работал бухгалтером совхоза «Тундра», а мама, Клавдия Елисеевна, была саамской мастерицей. Учился Гавриил в Ловозерской школе, затем в Псковском техникуме и всю жизнь работал в совхозе «Тундра» техником-электриком. Главные увлечения в жизни — рыбалка, охота, шахматы. С середины 90-х годов стал писать стихи, которых набралось на школьную тетрадку. Умер 12 сентября 2011 года. Похоронен в Ловозере. К сожалению, тетрадь с его стихами после смерти пока так и не найдена.

СЕМЬ ЗВЁЗД

Есть в небе семь звёзд над простором
Родимой лесной стороны,
И берег реки, из которой
Я черпал прохладу волны.

Здесь шёл я по дедову следу,
Здесь, памятью верной храним,
Я знал, что и дедову деду
Был край наш извечно родным.

И в мире не сыщется сила
Такого огня-топора,
Чтоб связь эту перерубила,
Чтоб память об этом сожгла.

Иду я путями родными,
А на сердце дума одна —
Что вечны семь звёзд и под ними
Лесная моя сторона.

СОФЬЯ ЯКИМОВИЧ

СОФЬЯ ЯКИМОВИЧ

Софья Якимович (1940–2006) – поэтесса, сказочница, переводчик. Автор двух книг: «Праздник медведя» (1999, на русском языке), «Моджесь Наст» (1999, на саамском и северо-саамском). Стихи ее, положенные на музыку композитором Алексеем Шамшурой, вышли в книге «Саамские напевы» (2000). Софья – один из авторов книги «Сергей Есенин на саамском» (2008). В журнале «Наука и бизнес на Мурмане» в серии «Культура саамского народа» (2007) опубликованы сказки Якимович на русском языке в переводе Н. Большаковой. Ее стихи напечатаны в коллективном сборнике «Здесь начинаются дороги» (1999, 2001), в сборнике песен «Спешит в Ловозеро оленевод» (2007).

Произведения Якимович переведены на русский, северо-саамский, норвежский, шведский, финский.

Ответы Софьи Якимович на вопросы «Анкеты саамских писателей»

— Чего вы хотите добиться в жизни, за что её любите?

— Хочу, чтобы вышла книга моих песен на саамском языке. За все прелести в природе для людей, детей.

— Любите ли подолгу смотреть на воду, огонь, камни, деревья, что вам ближе?

— На воду, огонь, деревья, на снег, на луну, тогда всё сказочно.

— Если бы перед вами оказалась высокая гора, вы полезли бы на нее или решили обойти, чтобы продолжить путь?

— Я выбираю путь, где легче идти, из-за больных ног. На гору не полезу.

— Какой образ у вас возникает при слове водоём?

— У нас на Кольском полуострове я всегда думаю, куда нам столько воды?

— Почему, на ваш взгляд, в сказке был разрушен теремок?

— Всё имеет определённый черед.

— Почему курочка Ряба обещала старикам снести яичко не золотое, а простое?

— Хотела, чтобы они продолжали жить.

23.01.1999

Стихи и сказки Ефим Софьи

В 1999 году в Норвегии в издательстве «Северная книга» вышла еще одна саамская книга-сказка «Моджесь Наст» («Красивая Настя»). Эта сказка не фольклорного плана, а авторская, и написала ее саамская сказительница, поэтесса и песенница Ефим Софья, или Софья Ефимовна Якимович, жительница Ревды.

Свою родословную Софья Ефимовна ведет от старинных саамских родов Галкиных по материнской линии, от Федоры Максимовны, и Юрьевых по отцу, от Ефима Исааковича. Семья у них была большая — пятнадцать детей, в живых осталось семеро. Софья родилась 23 апреля 1940 года.

Мать ее, Федора Максимовна, — молчаливая женщина, и напевы ее, как вспоминает Софья, более спокойные, грустные: уж очень тяжело переживала она смерть восьмерых детей. Докторов тогда не было... Софья Ефимовна вспоминает: «Редко от нее, бывало, слова дождешься, зато отец, Ефим Исаакович, — балагур, каких мало. Любил и посмеяться, и над родственниками подшутить, и уж если чего задумывал — обязательно добивался. И я вся в отца».

Красота от родимой матери.
Трудолюбие дал отец,
А защитою были братья мне...
Согревали теплом сердец.
Сказки сказывала мне бабушка.
Дед любимый мне имя дал,
Называл не всерьез «Оладушкой»,
Рыбкой кумжею угощал.
Сестры, братья учили азбуке,
Тети, дяди да вся родня
Говорили: «Живи не в праздности», —
И учили труду меня.

В детстве частенько приходилось Софье слышать сказки от своего дедушки Ильи. Соберется ребятня вокруг печки и завороженными глазенками смотрит на рассказчика. Бывало, бабушка деда заменяла, а то отец песни пел. У них с бабушкой в саамских луввьт веселый напев был, не то что у матери. С детства в Софье было заложено творческое начало будущей саамской сказительницы, да только воплотить его смогла лишь будучи на пенсии.

Мне думалось: что же изначально в творчестве Софьи? Если Бажанов — солнцепоклонник, «хозяин тундры», для Октябрины Вороновой «целый мир был нам домом», у Александры Антоновой во всех стихах саднит боль за народ, природу, саамский язык, то какова главная тема у Софьи Якимович? Оказалось — тема детства. Все ее стихи проникнуты воспоминанием о нем: *«Помню детство. В избушке я»*, или *«Все это видится. Дом мой родимый, свет негасимый в окне. Чуэльме киндиша, всем сердцем любима, я возвращаюсь к тебе»*, или помнит она себя еще *«...в сарафане невестой, молодость помню свою»*, помнит запахи из детства: *«лесом пахнет в нашем доме — это запах из корзины»*, *«запахи рыбы, костра»*, и боль воспоминаний ложится на душу об острове Чульме-салме, родовом острове семьи Юрьевых. И появляется стихотворение «Юрьевская салма»:

Юрьевская салма,
В шутку — «Порт-Артур»,
Где народ саами
В лодках весла гнул,

Выгребая с силой
В голубой простор...
И уха варилась,
И трещал костер.

Юрьевская салма.
Сгнил давно причал,
Разбрелись саамы,
Берег одичал.

Бывает, в стихах ее появляются и ностальгические нотки, душа тоскует по утраченному детству, и тогда мы читаем: *«Босиком из дома к речке я бегу»* или *«Хочется по тундре босиком побегать»*... После войны голодно было жить, потому пришлось Софье после седьмого класса идти работать на стройку. Поначалу работа тяжелая была: бетонщиком, землекопом, ездила дорогу строить — вот ноги к старости и стали болеть. Из-за этого и в лес по ягоды не сходишь, только и остается вспоминать *«привкус ягоды морошки»*, чувствуя его на языке, или писать в стихотворении: *«Подрумянилась морошка — / Красна ягода в соку...»*

А вот первая саамская поэтесса Октябрина Воронова представляется ей ягодой брусникой: *«Она ягодой скатилась, / Злые люди растоптали...»*.

И хоть Софья единственная из саамских литераторов оказалась без образования, ее же единственную сегодня можно назвать истинным кладезем саамской мудрости, изначальной, дедовской, не прошедшей шлифовку «цивилизацией», без примеси знаний других культур, унаследовавшей неповторимый, самобытный колорит саамской жизни.

Через сопки, через речку
Я услышу голос твой.
Побегу к тебе навстречу,
Чтобы рядом быть с тобой.

Птицей-чайкой через горы,
На оленях сквозь пургу,
И на лодке по озерам
В шторм к тебе переплыву.

Только крикни, я услышу...
Но над тундрой тишина.
Ночь в лицо прохладой дышит.
*Нет ответа. Я одна.**

Именно к Софье многие из саамских авторов обращались за помощью, обогащая тем самым свой личный запас знаний саамского языка и саамского житья-бытья.

В 1999-м у Софьи Ефимовны возник творческий союз с поэтом-моряком Викданом Синицыным, который и стал переводчиком ее стихов. А вскоре и книжка в Мурманске вышла — «Праздник медведя» (1999), а затем композитор Алексей Шамшура её стихи на музыку положил. Вот стихотворение, давшее название всей книге «Праздник медведя»:

Внучек сегодня услышал от деда,
Что у саамов был праздник медведя.
Старый и малый затеяли праздник,
Внучек медведя конфетою дразнит.

---

* Якимович С. Голос твой. — Якимович С. Праздник медведя. — Мурманск, 1999. — С. 4.

Дед опускается на четвереньки,
С громким рычаньем пятится к стенке.
Внук оседлал спину деда-медведя
И на медведе по комнате едет.
Дедушка прыгает — внуку не страшно,
Держится крепко за ворот рубашки.
Дед еще сильный, и крепкие руки
Вверх поднимают любимого внука.
Весело внуку, и весело деду.
Бабушкин голос: «Идите обедать.
Я наварила сегодня пельменей,
Сразу отпразднуем праздник оленя».

Ее творчество началось с перевода саамских сказок для книги «Семилетний стрелок из лука». Затем стала сочинять и свои. Братья и сестры — первые слушатели, помощники. То словцо забытое подскажут, то расскажут сюжет какой. Пришел однажды к Софье брат Алексей, сидит, табак нюхает да мужу сестры, Василию, предлагает: «Покури-ка моего, он не хуже твоего». Услышала Софья, подивилась, как складно у брата вышло, вспомнила случай из детства. Отец у нее табак «Пчелка» курил, и в один момент тот кончился. В магазине тоже нет. И пошел Ефим Исаакович прямиком к председателю райисполкома А. П. Терентьеву. Несмотря на то, что у председателя шло совещание, вошел в кабинет. Тот спрашивает: «Зачем пришел, дедушка?» А отец Софьи в ответ: «Табаку нет». «Как нет? — спрашивает председатель. — В магазине папирос любых сортов, бери — не хочу». Дед Ефим прищурил глаза: «Ты куришь „Казбек", а я „Пчелку" нюхаю, вот ее нет». Пообещал председатель посодействовать. И правда, бежит на следующий день к Юрьевым бабка Аграфена, кричит: «Ефим, иди в магазин, специально для тебя „Пчелку" завезли, сказали, пусть старик Юрьев приходит, выдадим». Вспомнила этот случай Софья и решила о табачке сказку написать, про «Лэн — мальчика с пальчик», который к детям в нос забирался и насморк вызывал, а старик-табачок с ним борьбу вел и всегда побеждал.

Другая сказка родилась, когда в Мурманске президент Ассоциации кольских саамов Нина Елисеевна Афанасьева спросила: «Как будет по-саамски веснушка?» Не помнила Софья слова, а оно уже покою не дает. Решила сказку придумать о веснушке и за саамским вариантом этого слова к старшей сестре пошла. Агафья 1920 года рождения, да и та не сразу вспомнила. Но слово все же нашлось: «чарьм» — веснушка по-саамски будет. Сказка «Солнышкины слезки» называется. В ней саамская женка дочку ждала, родила дочку, вынесла солнышку на показ, а солнышко так расчувствовалось, что всплакнуло, а слезки солнышкины девочке на носик и щечки упали. Муж спрашивает жену, почему у них дочь такой грязной лежит, поглядела мать и, улыбаясь, ответила: «Это вовсе не грязь, это солнечные слезки попали на лицо нашей Аййне и остались на нем солнышкиным вестником — чарьм — веснушками».

Другое слово, которое у Софьи Ефимовны спросила Александра Антонова, — «сосулька», и опять — поход к Агафье Ефимовне. И новая сказка — «Плач сосульки». По-саамски сосулька «чуэльчем». В ней девушку злой колдун в сосульку превратил за то, что не захотела за него замуж пойти, а жених девушки пришел и увидел, как закапала сосулька с крыши ее дома, словно горько заплакала. На дворе мороз стоит, а сосулька капает, и понял, что это его любимая Каця заколдована. Протянул руку к ней, а она в руку к нему так и легла. Поцеловал парень сосульку, и колдовские чары сошли, Каця снова девушкой стала, солнце выглянуло, и на всех домах стали вырастать большие и маленькие сосульки и капать на белый снег. Так был побежден злой колдун и холод.

Рассказывая о творчестве Софьи Якимович, которая знает мир тундры не понаслышке, надо отметить, что и образы ее в стихах и сказках органично вытекают из воспоминаний детства: «изогнулся невод, словно полумесяц», «облака — расчесанные кудри», «как в упряжке гуси, облака белеют» и «чайка белым парусом по воде скользит», а вот «лодка, словно уточка, в зеркале воды», или «и горстями звезды на речную гладь... Золотые блесна, мне их не собрать», «ветер гонит стадо туч, как пастух своих оленей»...

Но не только стихами и сказками богато творчество Софьи Ефимовны. Пишет она и песни. А все началось с того, что организовали они с сестрой Анной Ефимовной Новохатько в Ревде ансамбль «Чузем». Чужие песни петь не будешь — пришлось свои писать. Так появилась красивая, напевная песня «Мун чарр нийте» о красивой девушке тундры, «Церьха» о чайках Юрьевской салмы, «Абрь ман» о дожде и другие. Удивительно: как, бывало, коллектив исполнит эту песню, обязательно дождь пойдет. Даже в декабре много раз это замечено было, после чего Софья зимой боялась ее петь: после дождя гололед, а у нее ноги больные, старалась другой песней заменить. Помимо песен, занимается она и переводами. Для есенинского сборника на саамском языке перевела более двадцати пяти стихотворений русского поэта. Переводила полюбившиеся стихи и мурманского поэта Николая Колычева, других поэтов.

Софья Якимович была настоящим кладезем саамской старины и мудрости. От своих родителей, бабушек и дедушек унаследовала она не только песни предков, но и народные прибаутки, поговорки, приметы, считалки и затем переложила их в стихотворные строки. Писала о том, о чем думала, о чем болела душа. Ее любимые праздники: Новый год, который любила за сказку, Рождество — за рождение Христа, Крещение — за святую воду. Пасху — за крашенье яиц, Петров день — за саамские летние игры, Ильин день — за то, что в его ночь нужно смотреть на звезды и загадывать желание. Была у нее мечта — увидеть книгу своих песен на саамском языке. Этим и жила. По-настоящему с доброй и светлой душой, как и все ее творчество, как рисунки, которые в последние пять лет своей жизни пристрастилась рисовать. Одно слово — художник была во всем! Умерла Софья 15 июня 2006 года, похоронена в Ловозере, рядом со своими родными.

Надежда БОЛЬШАКОВА

Софья Якимович

МОРОШКА

Теплый дождик сыплет, сеет,
Птицы песни не поют,
Травы ярки зеленеют
У дороги на краю.
Но пробился солнца лучик —
Сразу стало веселей,
Будто он раздвинул тучи,
На озерах крик гусей.
Подрумянилась морошка —
Красна ягода в соку,
На зеленых тонких ножках,
Словно бусинки во мху.
Этот праздник детям в радость,
Поспеши да не зевай,
Собирай в корзинку сладость —
Щедрой тундры урожай.

СЛАДКИЕ КУКОЛКИ

Праздник в доме — день весны,
Ваза в фантиках конфет,
Словно отблески блесны,
Как букетик в разноцветье.

Фантик ласточкой в руке
Расправляю, будто крылья,
А конфеты на столе,
Как цветочки, — в изобилье.

Фантик звездочкой блестит,
Вот ромашка в белой шляпке,
И бумажка шелестит,
Раскрываю — запах сладкий.

Словно кукла в серебре,
Раздеваю куклу эту...
Нынче праздник на столе —
Буду пробовать конфеты.

ПРИЧАЛЫ

У причалов свои печали –
Кто же снова сюда причалит?
Может, парусник лебедь-птицей
Вновь из плаванья возвратится?
Может, выйдет опять с морей
Вся ватага богатырей?
Сказка выплывет из начала,
И кораблики здесь причалят,
Привезут золотую рыбку...
Но туман пеленою зыбкой
Проплывает мимо причалов,
Чайки мечутся одичало.

ДУХ ДОБРА

Бездушный человек срубил березу,
Не ведая, что это Дух Добра.
Остались корни в трещине утеса,
Их напоила талая вода.
А корни те проклюнулись побегом
Навстречу солнцу, свету и теплу.
И вздрогнула душа у человека,
Воочию увидев доброту.
И понял он – добро не умирает,
Оно корнями прорастает вновь,
Где Дух Добра незримо простирает
Свою животворящую любовь.

ПУШКИН

Помню детство. В избушке я.
Мир мне казался мудрым.
Слушаю сказки Пушкина,
Вижу черные кудри.

Воск оплывает на свечке,
Слышу дыхание ночи,
В Болдине звездная вечность,
А на бумаге – строчки.

Хочется в день рождения
Доброе слово сказать...
Пушкин – мое прозрение,
Слезы в моих главах.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В Чальмэварах, в Чальмэварах
Ветру кланялись рябины,
Красной гроздью полыхая,
Поздравляли Октябрину.

С днем рожденья, с днем рожденья,
Повторяли имя — Бина.
Выросла на удивленье
С добрым сердцем Октябрина.

Люди шли тебе навстречу
И несли свои печали.
На своем родном наречье
Ты их словом утешала.

ЮЖНЫЙ ВЕЧЕР

Южный ветер, встречный ветер.
Раскачало мой челнок.
Есть земля на этом свете,
А на небе Господь Бог.
Помаленьку выгребаю,
То молюсь, а то пою.
Видно, Бог оберегает
Душу грешную мою.

ДЕТСКИЕ СЧИТАЛКИ

Зайчик спрятался в лесу,
Испугался он лису.
Спрятал он своих зайчат,
Ушки заячьи торчат.

Кули, кули, куличок
Съел морошку — и молчок,
Но оставил нам немножко
Сладкой ягоды морошки.

Маша ягоду берет,
От черники черный рот,
А в корзинке ягод мало,
Больше съела, чем набрала.
Начинается игра.

Кто запомнит имена:
Саша, Маша, Николай —
Кого хочешь выбирай.
Не успеет кто назвать,
Тот и будет нас искать.

СЕЛО ВОРОНЬЕ

Опустело село Воронье —
Ни живой души по округе.
На березе одна ворона
Хрипло каркает от испуга.
Перееду на лодке речку
И пройду средь крестов могильных,
Я зажгу на погосте свечку
На поминках своих фамилий.

ЧУЭЛЬМЕ КИНДИША

Чуэльме киндиша — знакомое место,
Там, в комарином краю,
Помню себя в сарафане невестой,
Молодость помню свою.
Дом на пригорке.
Развешаны сети.
Запахи рыбы, костра.
Гриб подосиновик в красном берете
Лапой прикрыла сосна.
Озера гладь.
На замшелом утесе
Серый баклан приуныл.
Чьи-то следы на песчаном откосе
Тайно прилив обнажил.
На берегу опрокинута лодка.
Хариус замер в воде.
Плачет по-детски кулик на болоте —
Все это помнится мне.

Все это видится —
Дом мой родимый,
Свет негасимый в окне.
Чуэльме киндиша, всем сердцем любима,
Я возвращаюсь к тебе.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Васткиез* в красивом сарафане,
Как невеста с лентой расписной,
Повела лучистыми глазами
И заворожила красотой.

Девушка из тундры под венчаньем,
Сполохами свадебный платок.
«Горько, горько!» — ей ветра кричали,
Улыбался месяц-ободок.

Ты над морем и над снежной тундрой
Птицей чайкой с розовым крылом.
Облака — расчесанные кудри —
Полыхают сказочным костром.

Сто дорог под северным сияньем,
Но один заветный огонек.
Выполни заветное желанье —
Завяжи на память узелок.

ОКТЯБРИНЕ ВОРОНОВОЙ

На столе брусника вроссыпь.
Я ее перебираю.
Ягоду беру на ощупь,
В пальцах холод ощущаю.

Лесом пахнет в нашем доме —
Это запах из корзины.
Лист остался на ладони.
Вспоминаю Октябрину.

Она ягодой скатилась —
Злые люди растоптали.
Как судьба несправедлива!
Давит сердце груз печали.

---

* *Васткиез* — северное сияие (саам.)

Недописанные строчки,
Не успела Октябрина...
Сдула с ягоды листочек,
Сыплю ягоды в корзину.

ВИРМА-РЕЧКА

Протекает Вирма-речка
У Ловозера поселка.
Слышу, как она лепечет,
Слышу всплеск ее веселый.

Просыпаюсь на рассвете,
Босиком из дома к речке
Я бегу. Березы ветки
Росы сыплют мне на плечи.

Вирма смоет все печали,
Унесет остаток грусти...
Слышу всплески, крики чаек
И саамский голос звучный.

Перевод Викдана Синицына

Впервые в «Антологии» читателям предлагаются все сказки и прозаические зарисовки Софьи Якимович (перевод на русский язык Надежды Большаковой).

ЗАБЫТЫЕ СЛОВА

Про нас, саамов, говорят, что мы умирающая нация. Да, мы совсем обрусели, слова свои саамские забыли. Полвека прошло, а не слышала я, как цветок по-саамски называется. Обленились думать на своем, но слава Русскому языку! Помог мне найти слово «цветок» на саамском — увнанчемь.

А кто знает, как называется по-саамски *причал*? Для меня вспомнить его тоже трудная задача была. Пришел старший брат и сказал: «Причал как? Тялл». «Простая березовая доска?» — не верилось мне. А ведь и правда, помнила я эти самые две доски с детства. Мы с младшим братом их под лодку подкладывали, причаливающую к берегу. Для нас игра — отцу помогать, а затем лодку с ним по болотине тащить, и каждый раз, спуская в воду ее на берег, вытаскивая, подкладывать под нее этот самыё тялл-причал.

Открыли мне воспоминания и небольшое озерко, к которому с братом бежали, помня мамины слова про опасное дно. Озеро на нас черным глазом посмотрело так, что страшно сделалось. И сиги там, на селедку похожие, с темной чешуей, водились ...

Вспоминала я забытые слова: веснушки, сосульки, что помогла мне найти старшая сестра Агафья. Да, время в прошлом оставило наш родовой остров Чульме-Салму, и не слыхать теперь на нем детских голосов, но память его хранит саамские слова и по сей день в карликовых березках, в цветении мха на болотах, в камнях и берегах озера.

НАША ЗЕМЛЯ

Кажется мне, на том свете полярной ночи нет и никто туда спешить не собирается. Мы своими руками и с Божьей помощью на этом свете рай создаем.

Как красива наша земля! Жаль только, что мы у нее в гостях.

Земля мне — родная мать, семья моя, род мой. Из века в век живет и работает на ней человек.

Кончилась темная полярная ночь, и стали мы жить, как на том свете, где месяц за месяцем нет тьмы и где солнце-ярило ходит вокруг земли.

СОЛНЦЕ КАШУ ВАРИТ

Что солнце весной печёт? Повесит на дверях дома замок, а сама на крыше в желтом сарафане кашу варит.

Хорошая хозяйка Солнце, отогрела старый, замерзший снег, добавила водицы, а посолить забыла. И на все это у нее совсем мало времени ушло.

Наползла тучка, Солнце себе на глаза тени навела и захотела вздремнуть, мол, пускай каша стынет.

А тут вновь зима нагрянула, увидела растаявший снег, превращенный в кашу, и стала капризничать, сердиться на себя, что калоши из тюленя дома забыла.

По утренней заре, куда ни глянь, отовсюду проделки зимы — сосульками висят. Весне до слез смешно, очень уж любит она кашу со сладкими сосульками.

БЕРЕЗКА

Летом, после Иванова дня, можно вязать березовые веники. Вот мы с бабушкой и пошли за ними в лес.

— Бабушка, а для чего веники вязать?

— Березовые веники овцы зимой хорошо едят, — сказала бабушка. Да и твой дедушка тоже любит березовые венички...

Я не дала бабушке договорить, перебив ее:

— А дедушка что, веники ест?

— Дедушка с вениками моется, лень свою выгоняет.

— Откуда он ее выгоняет, бабушка?

— Со спины своей, внученька, — смеясь, сказала бабушка.

— Надо дома повнимательней на спину деда посмотреть, — сказала я бабушке, — может, увижу его лень.

Бабушка, смеясь надо мной, даже слезу пустила. Связали мы веники по два вместе и пошли домой. Шли, шли и наткнулись на пушистые карликовые березки. Бабушка свою ношу на землю сбросила и начала снова вязать веники, только теперь из карликовых березок. Я спросила:

— Бабушка, зачем нам еще и эти веники, кто их есть будет?

Бабушка ответила:

— Карликовыми березками хорошо пол мести.

Смотрю я на ветки этих березок, а у них листочки маленькие, как пуговки. А в вениках точно головки кудрявые.

— Возьми эти веники, будешь в доме матери помогать, пол мести.

Положила бабушка мне на плечи кудрявые венички, и пошли мы с ней, точно две березки, в село.

УЛЫБАЮЩЕЕСЯ БОЛОТО

Идет человек по лесу, а за спиной его мешок дремлет, покачиваясь. Вышел из леса, и на встречу ему болото морошковое заулыбалось.

Бросил человек мешок на торфяную кочку, вынул из него кошелку из бересты и пошел морошку собирать.

Бегает куличок по болоту и кричит: «Кто сюда пришел? Кто сюда пришел? Пришел саамский человек, без морошки нас, куличков, оставит». Человек отвечает ему: «Что Богом дадено, того и тебе и мне хватит».

ИВАНУШКА МОЛОДЕНЬКИЙ

Сижу я у раскрытого окна, вяжу внучонку носки. Подняла глаза и увидела, как на парашютике ко мне молоденький одуванчик летит.

Вот так чудо из чудес, парашютист прямо на пол приземлился! Говорю ему: «Здравствуй, здесь тебе не поле чудес, здесь квартира моя, здесь ты не прорастешь».

Подняла одуванчик с деревянного пола и отпустила вновь на волю в раскрытое окно навстречу теплому летнему дню, а сама вслед смотрю.

Гляжу на него, как взлетает, и улыбаюсь. Какую радость мне одуванчик принес! Ведь ни один цветок в мире больше не может сам по себе в гости к тебе зайти.

У меня на душе тепло стало, поспешила к соседке, спрашиваю:

— Из чего слово «одуванчик» произошло?

— Зачем тебе? — отвечает она.

А мне в нем саамское слово слышится. Соседка не может, не зная чужого языка, смысл понять. Объясняю ей:

— Две передние буквы выбросим и читаем — «уван», в точности, как саамское имя, а по-русски будет — Иван.

Соседке непонятен мой восторг, удивляется, что дальше?

— Как что? — отвечаю я. — У одинаковых цветов целая семья Уванов — Иванушек оказалась. Молодых белых парашютистов, которые по свету летают, себе новую жизнь ищут.

КУЙЙВЬ-ДУХ

Пришлый человек топор поднял и срубил с ноги Куййвь-духа каблук...

А Куййвь-дух не стерпел с собой такого обращения и пнул того человека вниз с горы...

Теперь Куййвь-дух на одной ноге стоит и озеро Сейд бережет...

Вокруг гор берега тихие, потому как по тропам их дух Куййвь летит.

ЭЛЛВУЭЙВЬ – ВЫСОКАЯ ГОРА

В одной саамской семье подрастали две дочери. И такие они были красавицы, дня не хватит рассказывать о их красоте. Жила семья хорошо, дружно. Свои олени, за которыми отец приглядывал, мать с дочерьми всю остальную работу по дому выполняли: шкуры, койбы выделывали — тяжелый труд, не один раз вспотеешь, пока одну выделаешь; много овец держали, шерсть стригли и по вечерам, отдыхая, вязанием занимались.

Сестры себе приданое готовили, а мать помогала им. Оленк, старшая дочь, пояс плетет. Одной рукой держит разноцветные нити, переложив их через пальцы, а другой — переплетает. Нити у нее больше все красные, синие и желтые, любимые саамские цвета. А младшая, Даша, шерсть прядет. Шерстяная нить из-под ее рук тонкая и ровная выходит, точно как ее черные красивые брови. Молча они не работают — песни поют.

Многие парни к ним сватались, каждому хотелось взять в жены хозяйственную и красивую девушку, а родителям не хочется расставаться с ними, потому говорили, что рано им замуж еще идти.

Однажды отец с матерью отправились на несколько дней на рыбалку, оставив сестер одних. А в лесу жил жестокий и злой человек, по имени Кибп Нюнь — Закопченный Нос. Кто видел его, спешил сразу с дороги свернуть, чтоб не попадаться на пути. Прознал Кибп Нюнь, что сестры-красавицы остались дома одни, и решил одну из девушек украсть себе в жены.

Вечером, когда сестры, как обычно, сидели за рукоделием и мечтали о счастье, услышали вдруг за дверью своего дома топот ног и сильное

сопение. Девушки знали, что так сильно сопит только Кибп Нюнь — Закопченный Нос. Не прошло и минуты, раздался сильный стук в дверь.

— Кто там? — в страхе спросила старшая сестра Оленк.

— Это я, твой жених Кибп Нюнь.

— Нет у меня такого жениха, — говорит в испуге Оленк, — ступай, откуда пришел.

Стал было Кебп Нюнь в дверь рваться, да крепкой она оказалась, не сломал, топал, сопел, устал и решил передохнуть пойти.

Девушки от страха всю ночь не сомкнули глаз, а когда услышали, что злой человек ушел, открыли дверь, выглянули на улицу и увидели, что вся земля, трава, цветы вокруг их тупы вытоптаны. Еще больше испугались. Тут Оленк и предложила Даше бежать к родителям на озеро. Быстро бегут девушки, время не замечают, только бы им до заката солнца к родителям успеть.

Даша взмолилась:

— Оленк, сестричка, давай отдохнем хоть немного, нет сил у меня больше бежать, в ручье водицы попьем.

А ручей что-то ворчит сердито. Сестрички наклонились к нему, слушают, что он им говорит:

— Торопитесь, сестры, слышу я топот Кибп Нюня, человек — злая душа догоняет вас.

И снова побежали девушки. Впереди встретилась им большая красивая сосна, Даша остановилась, прижалась к ней, чтобы передохнуть, а Оленк, не заметив отставания сестры, дальше побежала. Вдруг Дашу словно чьи сильные руки схватили и подняли на дерево.

— С-с-с-сосна я, посиди у меня в ветвях, я укрою тебя от злого Кибп Нюня, песню спою.

Притаилась Даша в ветвях сосны и увидела, как страшный Кебп Нюнь мимо пробежал. Догоняет Оленк, вот уж и за длинную косу ее схватил. От испуга и страха Оленк только и произнесла:

— Чем тебе достаться, Кебп Нюнь, стану я высокой горой.

Сказала это и тут же превратилась в каменную гору Эллвуэйвь. А коса ее протянулась вперед и тоже окаменела и стала похожа на вытянутую длинную руку — Кукесь кидт, словно что-то показывающую. А Кибп Нюнь с разбега ткнулся в каменную гору и чуть было не разбил свой закопченный нос, который тут же превратился у него в черную лепешку.

Даша от горя и слез за судьбу сестры превратила себя в глубокое озеро, вокруг которого выросли красивые сосны.

А Кибп Нюнь из-за своего закопченного носа, превратившегося в лепешку, ничего не стал видеть. Куда ни пойдет, то в горы уткнется, то на озеро набредет. Злился, злился и в торфяную кочку превратился.

Через несколько дней родители девушек вернулись с рыбалки, увидели, что вокруг их дома все точно выжжено, и поняли, что с их дочками приключилась беда. Пошли по следу. Увидели, что гнался за ними Кебп

Нюнь и загубил дочерей. Подошли к горе, высокой голове с протянутой рукой, и услышали шепот ее. Поняли родители — это их старшая дочь Оленк. Заплакали старики от горя, а ручейки их слез побежали вперед, показывая, где найти вторую дочь. Подошли к глубокому озеру Умпьяввьр, в шелесте воды услышали слова мольбы младшей дочери Даши, чтоб остались родители жить возле них. Погоревали, поплакали старики, а жить-то надо, и построили они возле своих дочерей себе новую тупу.

С высокой вершины смотрела Эллвуэйв на свою младшую сестру-красавицу Умпьяввьр и на своих родителей, которые долго жили возле дочерей, пели им песни свои, а напевы их всегда были грустные, потому как плакала душа родителей по своим дочерям.

Торфяная кочка с каждым днем становилась все меньше и меньше и совсем высохла и рассыпалась в пыль.

Прошли века, давно уже умерли родители, а дочери их, превратившиеся в гору Эллвуэйв и озеро Умпьяввьр, до сих пор тундру собой украшают.

СОЛНЕЧНЫЕ СЛЁЗКИ

Давно это было, очень давно, тогда, когда саамы со своими кормильцами оленями жили безбедно на своей земле. Земля их была богата ягелем, самой лучшей пищей для оленей, озера полны вкусной рыбы, в лесах водилось видимо-невидимо всякого зверья и дичи... И любили саамы землю, как мать любит своё детя. Много саамских становищ было в этих местах, я расскажу про Лоуяврьсыйт.

Так вот, в этом становище жила семья, в которой было три сына. Об их отце люди говорили: «Золотые руки и мягкое сердце». Дети видели, как их отец сети мастерит, и тоже рядом садились их вязать. Грузила вырезали из дерева. Каких только дел не найдется, если сердце доброе и руки крепкие...

У матери, когда глядела на них, сердце радовалось: «Хорошие помощники подрастают отцу». Но чаще находила на нее тоска, и тогда начинала Вуэленк, так звали женщину, петь грустную луввьт: «Вот была бы у меня дочь, я бы тоже учила ее своему мастерству, сказки ей бы рассказывала, песни пела...»

В том же селе жила старуха-нуэйта, многим помогала, вот Вуэленк и подумала: «А не сходить ли и мне поклониться ей?» Пошла.

Старуха, увидев ее, спросила:

— Каким ветром тебя ко мне привело?

— За помощью пришла, — отвечает ей женщина. — Живем мы дружно, хорошо, три сына у нас, мужу помощники, но мне так хочется доченьку, чтобы красным солнышком в дому жила.

Старуха вытащила из кисы платок и сказала:

— Повяжи голову белым платком и спать ложись. Утром рано взгляни туда, где солнце подымается, поздоровайся с ним и выскажи свою просьбу, а там увидишь, что будет. Да платок этот храни.

Вуэленк всё сделала, как велела ей старуха-нуэйта, и преобразилась вся. Муж не узнает. Жена ходит веселая, детям сказки рассказывает, песни поет, так ее сердце чему-то радуется:

Солнышко ты, Солнышко,
Словно девушка ты красное,
День и ночь летом трудишься.
И совсем тебе спать не приходится...

Муж Вуэленк спрашивает:

— Что это с тобой, жена? Ты так от счастья вся и светишься, и песни у тебя не грустные звучат.

Вуэленк ему и отвечает:

— Радость у меня великая, муж, дочку под сердцем ношу, потому мне так легко и весело, будто и сама только родилась.

Узнав эту новость, обрадовался и муж, обнял жену, расцеловал.

Когда кончилась зима и на смену ей пришло светлое время года, когда стала из земли пробиваться к солнышку молодая травка, родила Вуэленк дочку. И счастье пришло в вежу саамской семьи. Вынесла Вуэленк дочку из вежи и подставила ее лучам солнечным, которые тут же коснулись личика малютки. Благодарно Вуэленк воскликнула:

— Спасибо тебе, Солнышко, за дочь! Взгляни, какая она у меня получилась справная!

Увидело Солнышко малышку и прослезилось на радостях за дите и мать, да так, что забрызгало крохотное личико девочки своими слезками.

Поблагодарив еще раз Солнышко за счастье, Вуэленк пошла дочь спать укладывать.

Муж ее в это время с сыновьями на озере сети проверял. Много рыбы попалось, домой принесли. И вот когда жена сварила уху и стала кормить своих мужчин, муж сказал:

— А где же наша дочура?

Подошел к люльке и, заглянув в нее, вдруг окликнул жену:

— Вуэленк, подойди, посмотри на дочь, что это с ней, почему лицо такое грязное, надо умыть.

Перепуганная Вуэленк метнулась к люльке, но, взглянув на дочь, успокоенно произнесла:

— То, муж, не грязь, то солнечные слёзки — чаррьм. Солнышко так радовалось, увидев ее, что забрызгало своими веснушками.

Прошли дни, недели, месяцы, и вновь наступила зима. Тут-то мальчики и заметили, что у их сестры Айны солнечные слезки исчезли и вновь высыпали на лице только весной.

Прошло семнадцать лет, и мать подарила дочери на день рождения тот белый платочек, сказав:

— Храни, Айна, этот платочек, когда выйдешь замуж, он пригодится тебе.

Много ли, мало ли дней прошло, только появился у дверей вежи молодой юноша, пришел Айну сватать. Отец с матерью не противились, выдали дочь замуж, и пошла от них новая семья, новая жизнь. И забегали уже у них детишки с чаррьм-веснушками на носах и щеках...

И в нынешнее время немало можно встретить людей с веснушками на лицах, тех, кого весеннее солнышко коснулось своими лучиками-слезками.

ПЛАЧ СОСУЛЬКИ

В одном селе жили бабушка и дедушка, дом их стоял на берегу реки, и потому летом дед рыбу ловил, а зимой на охоту за куропатками ходил. Вместе с ними жил и их внучок Оця, который с дедом на лыжи вставал и бежал делать силки из ниток, привязывая их к веткам берез, а на следующий день проверял, не попался ли кто. Охота хорошей была. Собирали они с дедом со снега куропаток, запутавшихся в силках, привязывали к поясу и возвращались, довольные, домой. Дома их ждала бабушка, приготовив горячий чай. Как-то Оця пожаловался ей:

— Ох и надоела мне эта длинная зима, когда же весна придёт?

И за чаем рассказала ему бабушка сказку о весне.

Давно это было. Жил на Севере злой колдун. Захотел он в жены взять красивую и добрую девушку по имени Каця, но девушка отказала, сказав, что есть у неё уже суженый, за которого она замуж и пойдёт.

Рассердился колдун на девушку и заморозил все и вся вокруг неё. Спряталось солнце, наступила тьма. А Кацю за отказ в сосульку превратил. Вот так висит сосулька на крыше своего дома, хрусталём светится.

Засмеялся колдун на свою выдумку и зло произнёс:

— Живи свою жизнь во льду чуэлльчэмь-сосулькой, а я буду, на тебя глядя, радоваться.

Суженый Каци, молодой добрый молодец, у моря жил и ничего о трагедии невесты не знал. По весне свататься к ней отправился. Добрался до места, удивился: везде весна хозяйничает, а здесь зима-зимой, окутано всё в холод и тьму. Люди, спрятавшись, в своих домах сидят, без нужды боясь нос наружу высовывать.

И упал взгляд парня на необыкновенно красивую чуэлльчэмь, которая висела на доме невесты его, вся сверкая и искрясь. Подошел он ближе к ней, смотрит, а сосулька на его глазах вдруг точно заплакала. Удивился парень: кругом леденящий холод стоит, а с сосульки вода капает, и пришла ему мысль: а что если и не сосулька это вовсе, а его невеста заколдованная — Каця плачет? Протянул к сосульке руку — она ему в руки сама и свалилась. Преподнес к своим губам, прикоснулся ими к прозрачному льду, и вдруг выскользнула сосулька из его горячих рук, стукнулась о ледяную землю и вновь превратилась в девушку, ставшую еще краше прежнего.

— Каця, милая, так это и впрямь ты, не обмануло меня сердце моё, — кинулся обнимать её молодец.

— Я, конечно я, и как хорошо, что ты спас меня от заклятий колдуна!

Откуда ни возьмись появилось на небе солнце, и на домах стали вырастать большие и малые чуэлльчэмь, и все они дружно заплакали на белый свет. От такого необычного дождя снег стал чернеть, таять, а злой колдун лишаться сил. Запели ожившие птицы, из земли поросль появляться зелёная полезла. На улицу из домов выбегать стали обрадованные весне и теплу люди, а их дети бегали по молодой траве и пели:

Чоп-чоп — чоапэнтэ вэдз
Кап-кап — почернел снежок

Прилетели гуси-лебеди, подхватили на крылья весну и понесли дальше по всей Лапландии. Весна стучалась в окна домов, сообщая людям добрую весть: победил молодец с моря ненавистного колдуна, освободил свою любимую и дал ей, весне, дорогу. А Каця вышла замуж, и дети её были такие же красивые, как сама весна.

ЛЭН – МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Ходит по земле Лэн — мальчик с пальчик в красных штанишках, и волосы у него такие рыжие, как огонь в печи. Ходит Лэн, в дома людей просится, кто его знает, никогда к себе не пускает. Однажды увидел Лэн — мальчик с пальчик, как ему навстречу девочка идет, и захныкал, что ему холодно, просится, чтобы девочка взяла его к себе в дом.

— Я с тобой в прятки буду играть. Знаешь такую игру?

— Да, — ответила девочка и, впустив его к себе, спросила: – Как тебя звать?

— Моё имя Лэн, — сказал мальчик с пальчик.

Девочка никогда не слышала такого имени, а Лэн стал говорить считалочку:

Пришёл в дом Лэн, нюэзсь нэм,
спрятался в нос, никто не найдёт.
Я вышел, а ты осталась водить.

Только девочка глаза закрыла, а Лэн и заскочил ей в нос. Откуда было девочке знать, что Лэн — это насморк. Ходит она, ищет мальчика с пальчик, ищет и чихает, чихает, вычихаться не может. Устала, прилегла. Мать пришла, смотрит, как дочь её чихает, как носик её распух, покраснел, и спросила, что с ней. Девочка и рассказала матери, что в прятки с Лэн-мальчиком играла, тот спрятался, а она не может его найти.

— Глупая ты, глупая,— говорит ей мать, — кто играет с Лэн-мальчиком? Теперь придётся тебе дома сидеть, ума не приложу, как теперь того мальчика из носика твоего выгнать?

Тут к ним старичок заглянул, смотрит на озабоченную мать, на плачущую девочку и спрашивает, что стряслось. Мать поведала, как дочь по собственному желанию в нос к себе Лэн-мальчика впустила. Выслушал старичок мать и сказал, чтобы не беспокоилась, он этого Лэн-мальчика быстро выгонит.

— Выгони,— умоляет мать, — мы всю жизнь тебя добрым словом вспоминать будем.

Вытащил старичок из кармана деревянную табакерку, постучал по бокам её и спросил:

— Ну, кто тут без дела сидит?

А ему в ответ:

— Это я, крепкий Табачок.

— Знаю, знаю, какой ты крепкий и злой,— говорит старичок.— Вот девочка плачет, тебе нужно ей помочь, выгнать из её носика Лэн-мальчика.

— О, я давно его ищу,— отвечает старичку Табачок, — для того и живу, чтобы бороться с ним.

Насыпал из табакерки старичок Табачка на ладонь и приказал девочке подойти.

— Ну-ка, милая, вдохни себе в носик моего Табачка.

Шмыгнула девочка носиком, вдохнула в себя Табачок и как начала чихать! Чихает, по дому бегает, а в её носу борьба Лэн-мальчика с Табачком идёт. Кто кого победит. Вскоре обессилел Лэн-мальчик, не выдержал напора Табачка и выскочил на пол, свои красные штанишки от борьбы в лохмотья превратив. Как увидел это старик, так и наступил на него ногой, оставив от мальчика-насморка мокрое место.

Вот так и победил ядрёный Табачок Лэн-мальчика. После этой борьбы девочка выздоровела, поправилась, а со временем выросла в красивую девушку, но на всю жизнь запомнила доброго старичка и его крепкий Табачок.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ – ДЛИННАЯ РУКА

Морозным зимним вечером дети дома играют. Печка топится. Старушка возле тёплой печки сидит, пряжу прядёт.

В саамской семье много детей. Отец и мать в лес на заготовку дров уехали, а молодые девушки и парни в сирпэрртэсь* собрались песни петь да кадриль играть. С бабушкой только младшие дети сидят. Одна девочка взглянула в окно и восхищенно произнесла:

— Посмотрите, как красиво на небе Сияние играет! Какие разноцветные ленты выкидывает, точно у наших девушек с оборок сарафанов снял.

* Српэрртэсь — дом для игр *(саам.)*.

— Дай и нам посмотреть, — загалдели остальные, стараясь подлезть к небольшому окну.

Бабушка, вздохнув, произнесла:

— Не смотрите на небо, а то Воавсхэс* вас на небо-то утащит. Лучше садитесь вокруг меня, буду вам сказку рассказывать. Дети подсели к бабушке, сидят тихо, сказку ждут. Бабушка отложила веретено и стала рассказывать.

Бежит по небу Воавсхэс—длинная рука, смотрит, сирпэрртэсь девушки с парнями собрались кадриль играть, и залюбовался, как красиво одеты они! Сарафаны пышные с лентами, на головах красные перьвеськи**, украшенные разноцветным стеклярусом, в косах ленты яркие.

— Я тоже такие ленты красивые хочу,— подумал Воавсхэс,— с ними стану еще красивее, буду по небу кружиться, как эти саамские девушки. Только как мне их добыть?

И придумал. Решил свою длинную руку на землю опустить и схватить девушек. А те так играли, так в кадрили кружились, что совсем запарились, выбежали на улицу, в этот момент Воавсхэс и схватил их за длинные косы, намотал себе на руку и потащил на небо за собой. На небе девушки вырвались от него, оставив в руке его только свои яркие ленты. А северное сияние давай их теми лентами на небе дразнить, то вниз побежит, то вверх взовьётся. Ленты девушек в его руке так и развеваются...

Девушки саамские, увидев свои ленты в руке Сияния, решили отобрать их у него, стали бегать за ним, да, умаявшись, взмолились:

— Отпусти ты нас, Воавсхэс, на землю домой, родители наши печалятся, ждут не дождутся своих дочерей. А если тебе ленты наши понравились, забирай их себе, только домой отпусти.

А Северному сиянию этого и надо. За щедрый подарок он каждую девушку обнял, поцеловал и на землю отпустил, но когда соскучится по ним, начинает по небу бегать и их своими яркими лентами вновь к себе на небо заманивать.

Однажды, когда он вот так на небе играл, стоял сильный мороз и девушки на улицу не выбежали. Рассердился на них Воавсхэс и позвал на помощь себе брата двоюродного — Соаййвь пиннк — ветра южного.

— Для чего я тебе понадобился?— спросил его брат.

— Да вот ждал, когда девушки из сирпэрртэсь на улицу выйдут да со мной играть начнут, а они решили не выходить, накажи их по-своему.

И стал дуть и свистеть южный ветер так сильно, что от земли до самого неба снег поднял, а Воавсхэс этот снег стал крутить, сказав, что теперь они до самого утра из дома не выйдут. И точно: как ни пытались парни с девушками дверь открыть, ничего из этого не получилось, так им до самого утра и пришлось танцевать и играть.

---

* Воавсхэс — северное сияние *(саам.)*.

** Перьвеськ — девичий головной убор *(саам.)*.

После этого случая стали девушки остерегаться Воавсхэса, когда он на небо для своих забав выходит...

Закончила бабушка сказку рассказывать, глянула, а самые маленькие дети возле неё прикорнули уже, поднялась их спать укладывать.

КРАСИВАЯ НАСТЯ

Жила в саамском селе одна семья. Муж-старик, жена-старуха и их дочь — Наст-красавица, которую родители любовно Наця звали. Семья не плохо жила. Олени были, овец держали, летом рыбу, ягод на зиму заготавливали. Отец Наст прекрасно сани делал для перевозки груза в поездках по тундре, лодки шил. Мать тоже мастерицей была, все в семье ходили с ног до головы её руками обшитыми, и дочь возле неё рукоделие женское постигала. Вещи, её руками сшитые, были не только теплыми, но и на загляденье красивыми. Смотрели родители на свою дочь и не могли нарадоваться.

Однажды сказал отец Наст, что посватался к ней богатый оленевод из соседнего села, осенью надо свадьбу играть. Наст заартачилась:

— Не пойду за него замуж я, старый он.

Отец на дочь опечалился, жену стал винить, что разбаловала Наст, — перестала та слушать слово отцово.

В селе, что стояло на берегу моря, жил красивый парень-рыбак, и пошёл он из села в село невесту себе искать. Пришёл в село, где и Наст жила, увидел её у реки набирающей воду для ухи в котёл и с первого взгляда влюбился. Стоит, любуется, а Наця мимо прошла, смело в глаза взглянула и взглядом своим точно приковала к земле. Далеко ушла, когда парень опомнился и как сокол полетел за ней вслед. Догнал, попросил воды напиться. Наця пригласила в дом его зайти, зачерпнула из котла воду ковшом, парню подала. Парень воду пьёт, а глаз не сводит с неё. Вдруг услышал вопрос:

— Чей ты, молодец, будешь и куда путь держишь?

Только тут парень и спохватился, что не заметил стариков-хозяев этого дома. С почтением с ними поздоровался и сказал, что он рыбак, живет в селе у моря со своими родителями.

— А кто отец твой? — снова спрашивает старик. — Чем занимается? Кто мать? Рассказывай, мы слушаем.

— Отец мой помор, тоже рыбак, а мать, как и вы, саамских кровей. Мне пристала пора семьёй обзаводиться, вот я и иду из села в село, невесту себе ищу.

Старик, как услышал эти слова, запротестовал:

— Нет, нет, я свою Нацю на чужбину не отдам, за богатого оленевода она у нас замуж пойдёт.

Наст заплакала:

— Не пойду я за него замуж, отец, он, как и ты, старик.

Рассердился отец и выгнал парня прочь.

Тот вышел из дома Наст, но куда бы ни направлялся, ноги его вновь к дому красавицы Наст вели.

Под вечер принялся отец Наст аркан для ловли оленей мастерить — долгий процесс, мать возле очага села шерсть прясть, а у Наци ни к какой работе сердце не лежит. Обидно ей, что выгнал отец того молодого парня из их дома.

А рыбак сидит неподалёку от дома Наст, протяжную песню поёт:

Красивая Наця на сердце легла,
Чёрные брови, большие глаза...
Понял я, не жить мне без этой девушки,
Изболится сердце без взгляда её.
Выйди, Наця, пожалей меня
Ла-ла-ла, ла-ла-ла...

— Слышишь, Наця, — обращается к ней отец,— как рыбак зовет тебя, какие слова находит сказать о тебе. Ладно, не зверь я какой, оденься покрасивей и беги с ним, на танцы сходи, сегодня молодёжь на сирпэррт собирается. А там посмотрим, можно ли за него тебя отдавать.

Наця, обрадованная милостью отца, быстро переоделась, косу переплела, надела на голову свой расшитый перьвеськ и вышла на улицу. Так рядом они и пошли, а родители к окну прилипли, смотрят вслед. Мать, вздыхая, произносит:

— Красивая пара, муж, наша Наця и этот рыбак. А какие он хорошие песни поёт! Ну чем не жених нашей Наст?

Муж в ответ:

— Одной красотой сыт не будешь.

Старуха-жена сердито воскликнула:

— А сам-то забыл, с каким достатком ко мне свататься приходил? Но мой отец отдал меня за тебя, за твои песни красивые, такие же, как у этого рыбака.

Задумался муж-старик, вспомнил свою молодость и согласился, что неправильно будет любимую дочь силком старику оленеводу отдавать только потому, что он богат.

А Наст после танцев весёлой, радостной домой пришла, призналась матери:

— Как он, мама, кадриль хорошо играл, а какие песни душевные пел, а ещё сказал, что завтра сватать меня придёт.

На следующий день рыбак и в самом деле сватать Наст пришёл.

Старик в ответ ему говорит:

— Угадаешь загадку — отдам дочь за тебя. На столе будет всяко кушанье, а с чем любит есть моя дочь? Приходи вечерять, там и поглядим.

Вышел парень на улицу, думает, что хочет от него этот старик? К речке подошел, прилёг на траве и не заметил, как на солнышке под птичьи трели призаснул. И привиделся ему сон. У берега озера варит Наст саамский явв. Кругом ягода морошка растёт, Наст кошёлку берестяную взяла и пошла ягоду обирать. Ходит точно по красному ковру. Наполнилась у неё кошёлка — она вновь к котелку подошла. Взяла деревянную ложку и стала ею из кошёлки ягоды зачерпывать и в суп бросать. «Ты зачем суп испортила?» — закричал он и от крика собственного проснулся. Сел, задумался, а ведь этот сон ему на руку, теперь знает он, с чем Наст любит есть.

Вечером пришел в дом стариков, посадили те его за стол, а на столе чего только нет: явв в деревянной миске налит, солёная икра, большая миска с мясом стоит, морошка, вороника, рыба... Старик и говорит:

— Ну что ж, рыбак, отведай-ка те три блюда, что дочь моя Наця любит больше всего.

Вспомнил парень свой сон. Взял деревянную ложку, зачерпнул морошку, положил её в явв и стал есть. Наст смотрит, что он ест, и сердце её радуется, а он нахваливает явв:

— Вкусный суп, такой вкусный, что век бы ел, — хотя пробовал явв рыбак с морошкой в первый раз.

— Молодец, — похвалил его старик, — угадал ты первое любимое кушанье моей дочери. Посмотрим, на что дальше твой взгляд упадёт.

А парень вспомнил: видел однажды, как мать его солёную икру с вороникой ела и нахваливала, тогда он над матерью посмеялся, а теперь положил себе в миску, добавил к ней вороники и стал есть.

— И второе любимое кушанье моей дочери ты угадал,— похвалил его старик.

«Вот значит как, — подумал рыбак, — значит, мать ему помогла». Поблагодарит при встрече её.

— Теперь тебе осталось последнее кушанье угадать,— сказал старик и подмигнул своей старухе жене.

Парень смотрит: взяла старуха с плиты сковороду с растопленным оленьим жиром и положила на стол. А тот в сковороде кипит, шипит, такой горячий ещё. Старуха парню и говорит:

— Съешь этого жирка, тогда Наця и будет твоей.

Поглядев на кипящий жир, парень подумал, что вот он конец ему и пришёл. Тут возле уха комариный звон услышал:

— Смотри, куда сяду я, с тем и будешь топлёный жир есть.

Уставился парень на комара, следит, на что сядет тот. А комарик весь стол облетел и на кошёлку с вороникой сел. Тогда парень смело подвинул к себе сковороду, зачерпнул ложкой вороники поболее и стал ее в жир накладывать. Как только ягода оказалась в сковороде, кипение жира тут и прекратилось, а вороника, жиром окутанная, из черной

превратилась в белую. Зачерпнул парень без страха её и принялся есть да Наст нахваливать:

— Вкусно готовишь, Наця, хорошей женой станешь мне.

Пришлось старику признать, что справился рыбак с загадкой о любимых кушаньях его дочери, и отдал за него замуж её.

Три дня они свадьбу гуляли, три дня ели разные саамские вкусности да запивали всё настоями брусничными да морошковыми, черничными и вороничными.

И до сегодняшнего дня едят саамы свои национальные кушанья, как их предки ели, и дети их такими же красивыми и здоровыми растут.

ВУАЗЯ – ОЛЕНЕНОК

У красивого озера жили старик со старухой, рыбу ловили, овец держали. Все бы хорошо, да только детей у них не было, только собака Чаппа и кошка Вилькесь кебпля — Белая Лапка.

В камельке огонь горит, старуха деду рукавицы с рисунком вяжет, кошка с клубком играет. У порога Чаппа дремлет, хозяина с рыбалки ждет. Вязала, вязала старушка рукавицы, и напал на нее сон. Прилегла отдохнуть, и Белая Лапка рядом пристроилась. Любила кошка у ног своей хозяйки поспать...

Слушал Чаппа, слушал мурлыканье Белой Лапки, и пришла ему в голову мысль — стал Белую лапку будить.

— Просыпайся, Белая Лапка, хватит спать, пойдем лучше для деда с бабой сына искать. У всех дети есть, а у них нет. Слышал я, что пасётся в лесу необыкновенная важенка, попросим ее, пусть она для наших хозяев сына подарит.

Сказал и выбежал из вежи. Белая Лапка за ним. Много верст пробежали они, прежде чем увидели необыкновенной красы важенку, которая спокойно ягель ела. Залаяла Чаппа. Важенка, приподняв голову, спросила, что их привело к ней.

Белая Лапка в ответ промяукала:

— Есть у нас к тебе просьба. Подари для наших бабушки и деда сына.

Важенка от удивления потрясла головой.

— Надо же, никто ко мне еще с такой просьбой не приходил. Ладно, помогу я вам. Бегите домой, а завтра утром ждите подарочек.

И Чаппа с Белой Лапкой побежали, довольные, домой. Устала кошка и попросила у Чаппи позволения запрыгнуть к ней на спину. Чаппа разрешила. Прыгнула кошка на спину собаке, и та опять продолжила путь.

Проснулась старушка — никого рядом нет, вышла на двор и увидела, как из леса бежит, радостно лая, Чаппа ее, а на спине у нее, трясясь, кошка Белая Лапка мяукает.

— Какие ж вы веселые! Что такое с вами произошло, куда бегали?

Белая Лапка спрыгнула со спины Чаппи и, подбежав к ногам старушки, стала тереться о ее ноги, повторяя:

— Счастье к нам завтра привалит. Счастье!!!

Но старушка не поняла кошкиного языка, а тут увидела, как дед на лодке к берегу подплывает, и навстречу поспешила, рыбу приняла, вместе с дедом шкерить начала. Белая Лапка возле крутится, ждет, когда ей кто-нибудь из них рыбку кинет, мурлыкает. Любят старики Белую Лапку: бросят сижка — та поймает, поиграет, съест и ждет новую порцию, да и Чаппе не одна рыбина перепала. Так день у всех в хлопотах и прошел.

А рано утром Чаппа и Белая Лапка бегают радостно вокруг вежи, лают, мяучат, зовут стариков выйти поглядеть на подарок важенки. Те услышали, вышли и увидели рядом с вежей маленького вуазю.

— А где ж мама твоя?— спросила его обеспокоенная старушка.

А Чаппа и Белая Лапка ей в ответ:

— Теперь ты ему мамой будешь.

Взяли дед с бабой олененка и ввели в вежу свою, а тот, как только порог переступил, в мальчика превратился, чем еще больше стариков обрадовал. Так и стали они вместе жить. Мальчик Вуазя не по дням, по часам растет, с Чаппой играет, Белой Лапке шерстку гладит, старикам помогает.

Однажды пошел на болото он, чтобы на ужин к сижкам морошки набрать. Собирает ее, песни поет. Голос у него звучный — далеко слыхать. Совсем немного времени прошло, а уж и березовый кошель морошкой наполнился. Хотел мальчик домой идти, да увидел, как к нему какая-то женщина спешит. Остановился узнать, может, что нужно ей. А была то злая колдунья, которая очень не любила, когда в ее округе кто-то счастлив и радостен был да петь красиво умел. Злилась на людей, завидовала. Подошла к мальчику и напустила на него туман...

Пришел Вуазя домой испуганный и сразу спать лег, а наутро встал без голоса. Опечалились старики, не могут понять, что с их сыном произошло. Пошла старушка в соседнее становище за знатким стариком, привела в вежу к себе и взмолилась:

— Наш сын, с болота придя, без голоса остался, помоги ему, верни голос.

Просит знаткий подушку ему дать, да не перьевую, а чтобы из оленьей шерсти. Заплакала старушка:

— Я думала, ты сына моего будешь лечить, а ты спать собираешься укладываться.

— Для того и прошу, чтоб лечить,— прервал ее причитания знаткий старик,— сын-то твой — подарок важенки, вот потому подушку из шерсти и прошу.

Подала ему старушка подушку. Знаткий разгладил свою бороду и говорит мальчику:

— Ложись головой на эту подушку, правую руку под голову положи, а левую мне дай.

Мальчик все сделал, как ему знаткий велел, и как только взял знаткий руку мальчика, так они вмиг и отправились в царство сонное. Летит знаткий старик на своей длинной бороде, а Вуазя на шерстяной подушке через тундру, над лесом и озером. И тут услышал Вуазя голос чей-то: «Спеши, мальчик, на болото морошковое, спаси сестру свою, она ждет твоей помощи».

Спрашивает Вуазя голос:

— А ты кто такой есть, что со мной говоришь?

Отвечает голос ему:

— Я волшебных снов хозяин, никто меня не видит, только голос слышит. Торопись на помощь сестре, нечего разговоры разговаривать.

Вуазя подумал: так ведь нет у него сестры, но ослушаться голоса побоялся, полетел на болото морошковое. Увидел там, как у березки, запутанная тенетами, молоденькая важенка стоит. Опустился и поспешил на помощь ей.

Когда тенеты с шеи важенки распутал, сказал:

— Беги к маме своей, она заждалась уж, наверно, тебя.

Как это произнес, старик руку его и отпустил... Проснулся Вуазя, видит: какая-то девочка в веже пол метет, а его старуха-мать смотрит на нее и наглядеться не может. Спросил:

— Мама, а чья это девочка?

Мать обрадовалась, что к сыну голос вернулся, и сообщила с радостью:

— Так ведь это сестра твоя, что ты на морошковом болоте спас, так знаткий старик сказал, что тебе голос вернул.

Вскочил Вуазя на ноги и бросился сестру обнимать.

— Теперь-то я понял, о ком мне хозяин снов говорил.

Так они и стали все вместе счастливо жить, землю беречь, рыбу ловить да оленей пасти...

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю 3
Музей саамской литературы и письменности им. О. Вороновой 11

ОКТЯБРИНА ВОРОНОВА

Октябрина Воронова 22
Н. Большакова. Неповторимый голос Октябрины 23
В. Бакула. Содружество двух поэтов 31
«Хочу остаться на земле...» 37
Поле жизни 37
«Чем ты притягиваешь, родина...» 38
Отчий край 38
Береза 39
«Ловозерские горы лишь с виду пологи...» 40
«Камни, камни, камни, камни...» 41
Вирма 41
«На все чудесные края...» 42
Чайник 42
Чахкли 43
«Чьи это смелые краски и кисти?..» 44
Одуванчик 44
Луна 45
«Мерзнет улица моя...» 45
Снежница 46
Снегопад 46
Первый иней 47
«На миг вернулась в юность...» 47
В конце февраля 48
Западная Лица 48
Чальмнэ-Варрэ 49
Поной 50
Дом у реки 50
«Не буду я плакать...» 51
«Я стою у крыльца...» 52
«Куда же ты, обласканная птица?..» 53
«Истаяла любовь, как звездный след...» 54

АЛЕКСАНДРА АНТОНОВА

Александра Антонова 56
Ответы Александры Антоновой на вопросы «Анкеты саамских писателей» 57
Н. Большакова. Боль сердца Александры Антоновой 57

В. Бакула. Ученый, поэт, переводчик *63*
Завещание отца 68
Узкие, маленькие глаза 68
Устала 68
Братик 69
Кирре 69
Полярная ночь 70
Весенний день 70
Моя боль 71
Олененок 73
Сосна 73
Семья 73
Одиночество 73
Мяч 74
Ученику 74
Снегопад 74
Ручеек 75
Прекрасное лето в тундре 76
Колыбельная 77
Зима 78

АСКОЛЬД БАЖАНОВ

Аскольд Бажанов *80*
Ответы Аскольда Бажанова на вопросы «Анкеты саамских писателей» *81*
Н. Большакова. Солнце над тундрой *81*
В. Бакула. Не предавая забвению заветы предков *86*
Осень 96
Северное сияние 96
Весенний дождь 97
Первое солнце 97
«Горы будто пьедесталы...» 97
Осень («Уж на серебряном подносе...») 98
«Снова осень, грусть по лету, по весне...» 98
Обычай предков 99
«Березки вспыхнули стыдливо...» 99
«Ходит по тундре немым изваянием...» 100
«Восходы зимние косынкой розовой...» 100
Перевал 101
Домой 101
«В саамском нашем поселенье...» 102
Поселок Ревда 102
Мы живем на Севере 103

«Январские ветры в Хибинах ревут...» 104
Апрель 104
Сироты 104
Солнечный свет 105
Идите в горы 106
«Где погост саамский Рестикент...» 106
Лайка Нора 107
Главы из повести «Белый олень»
Солдат, оленевод, советчик 107
Легенда северного леса 110

НАДЕЖДА БОЛЬШАКОВА

Надежда Большакова *116*
Ответы Надежды Большаковой на вопросы «Анкеты саамских писателей» *117*
В. Бакула. Тирпв, Надежда! *117*
Как ягоды в тундре получили свои цвета 126
Прародитель Мяндаш 127
Дух Матери Земли 128
Тирьмесь-юкс (Радуга) 131
Нийта Воаця — Девочка Варежка 134
Два пути 137
Старый дом 139
Окно и лужа 141
О чём ты, Север, поешь? 144
Я — колокол! 144
Зарисовки осени 145
Проданный ребенок 146
О бабушке Наташе 147
На оленях 148
Рыбьи головы 148
Хлебные горбушки 149
Смерть бабушки 150
Глава из романа «Алхалалалай». XIII 152

ИРАИДА ВИНОГРАДОВА

Ираида Виноградова *158*
Н. Большакова. Чистые родники Ираиды Виноградовой *159*
Гагара 163
Большой медведь 163
Мой дед 163
Снегопад 164
В лесу 164

Чистые родники 164
Спасибо, родная 166
Бабуля 167
Мой урок 167
Ока 168
Четверостишия из «Азбуки в стихах» 169
Сказка 170

ЭЛЬВИРА ГАЛКИНА

Эльвира Галкина *172*
Ответы Эльвиры Галкиной на вопросы «Анкеты саамских писателей» *173*
Н. Большакова. Сказочно-песенное творчество Эльвиры Галкиной *173*
Морошка 177
Дары тундры 178
Сон 178
Олененок 178
«Лихо мчатся сверху сани...» 179
Начало 179
«Поэзия — звуки тишины...» 179
Лыввьт 179
Моя душа 179
Тундра седовласая 179
Тасть-Нийта, или Девочка-Звездочка 181
Сказка о саамской девочке Пуне 183
О том, почему нельзя бросать щепки в воду 184
Почему Аццы с людьми не живет? 185
Как медведь Новый год проспал 185
Верь, и мы встретимся! 187

ПОЛИНА ДАНИЛОВА

Полина Данилова *192*
Н. Большакова. От школьного сочинительства до руководства театром саамских традиций *193*
Медвежонок 194
«Вот родился малыш...» 194
Забытый пес 194
Мой олень 195
«Кто-то мордой ткнул мне в спину...» 195
Подружка 195
«Ах, скорей бы лёд растаял...» 196

КАТЕРИНА КОРКИНА

Катерина Коркина *198*
Ответы Екатерины Коркиной на вопросы «Анкеты саамских писателей. 22.01.1999» *199*
Н. Большакова. Стихи для самых маленьких *191*
Детство 203
Настя и Костя 204
Веревочка 205
«Мы полгода день за днём...» 205
Весеннее солнце 205
Афоня 205
Снеговик 206
Вот как вырасту большим 206
Железный олененок 206
Радуга 206
Олешка 207
Комары 207
Человеку 207
Пяйвешьк и его братья 208
Мыыхкэл Шуххкэл 213
Пала 216

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ (МАТРЁХИН)

Николай Кузнецов (Матрёхин) *220*
Чальмны-Варрэ 220

АЛЕКСАНДРА ЛЯХОВА

Александра Ляхова *222*
«Вот и осень пришла. Желтый лист облетает..» 223
«Белая церквушка, маковки вразлёт...» 223
«Вот и осень пришла. Лист дрожащий чуть стонет...» 223
«Громко ухнула полярная сова...» 224

ИВАН МАТРЁХИН

Иван Матрёхин *226*
Ответы Ивана Матрёхина на вопросы «Анкеты саамских писателей» *227*
В. Бакула. Саамский бард Иван Матрёхин *227*
Тундра 232
Покинутое селение 232
Белый олень 234
Здравствуй, северный народ 234

Мурманск 235
Русь 236
Обними меня, родная 237
Затопленное село 238
Ловозеро 239
Полярная куропатка 239
Полярное сияние 240

МАРИЯ МЕДВЕДЕВА

Мария Медведева *242*
Ответы Марии Медведевой на вопросы «Анкеты саамских писателей» *242*
В. Бакула. Все мы родом из детства *242*
Рассказы о детстве в Воронье
Легче жить станут 247
Первая книжка 247
Первый танец 248
Вот так носок 248
Напилите конфет 248

ОЛЬГА ПЕРЕПЕЛИЦА

Ольга Перепелица *252*
Ответы Ольги Перепелицы на вопросы «Анкеты саамских писателей» *253*
Н. Большакова. Люди, тундры и озера Ольги Перепелицы *253*
Я – дочь Севера и тундры 256
Малая родина 258
Белый олененок 258
Дары тундры 258
«Родилась я и выросла там...» 259
В тундре 259
О жизни 259
Память 260
Олененок 260
Котенок (Козенчь) 260
Собачка (Пенгэнчь) 261
«Дорогая душа, ну, а дальше-то как?..» 261
Смерть пришла 261
«Это что? Это как? Это дождь прошёл...» 262
«Бежит от котёнка пугливая мышь...» 262
«Темнота на погосты опустилась опять...» 262
Ночь 262
В чуме 262

Непогода 262
Ожидание 262
Летом 263

НАДЯ ФЕНИНА

Надя Фенина *266*
Ответы Нади Фениной на вопросы «Анкеты саамских писателей» *266*
Н. Большакова. Надя Фенина и ее книги *266*
Сказка о Севере 270

МИХАИЛ ФИЛИППОВ

Михаил Филиппов *284*
В. Бакула. Мир поэзии Михаила Филиппова — мир ощущений и душевных состояний *286*
Вечер на реке 288
Для кого залитый солнцем луг, а для кого стожок нескошенный 288
Мир восторгов 289
Снегопад 289
Мирная зарисовка 289
Детство в Царицыно 290
Ошибки поколений 290
Родничок искусства 290
Мгновение чьих-то объемов в душе осени 291
Прогулка внутри осени 291
Лето 291
«Полёт невесомый от свежести ветра...» 292
Памяти барда 292

ВИКТОР ЧЕРНЫШИХИН

Виктор Чернышихин *294*
В. Бакула. Рассказы Виктора Чернышихина *294*
Маме моей посвящается 298
Копейка 304
Сочинение 309
Алмаз 329
Телефон 315
Замок 336

ГАВРИИЛ ЮШКОВ

Гавриил Юшков *346*
Семь звезд 346

СОФЬЯ ЯКИМОВИЧ

Софья Якимович *348*
Ответы Софьи Якимович на вопросы «Анкеты саамских писателей» *349*
Н. Большакова. Стихи и сказки Ефим Софьи *349*
Морошка 354
Сладкие куколки 354
Причалы 355
Дух добра 355
Пушкин 355
День рождения 356
Южный вечер 356
Детские считалки 356
Село Воронье 357
Чуэльме киндиша 357
Северное сияние 358
Октябрине Вороновой 358
Вирма речка 359
Забытые слова 359
Наша земля 360
Солнце кашу варит 360
Березка 360
Улыбающееся болото 361
Иванушка молоденький 361
Куйвь-дух 362
Эллвуэйвь—высокая гора 362
Солнечные слезки 364
Плач сосульки 366
Лэн — Мальчик с пальчик 367
Северное сияние — длинная рука 368
Красивая Настя 370
Вуазя—олененок 373

Литературно-художественное издание

АНТОЛОГИЯ СААМСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Авторы-составители
Н. П. Большакова, В. Б. Бакула

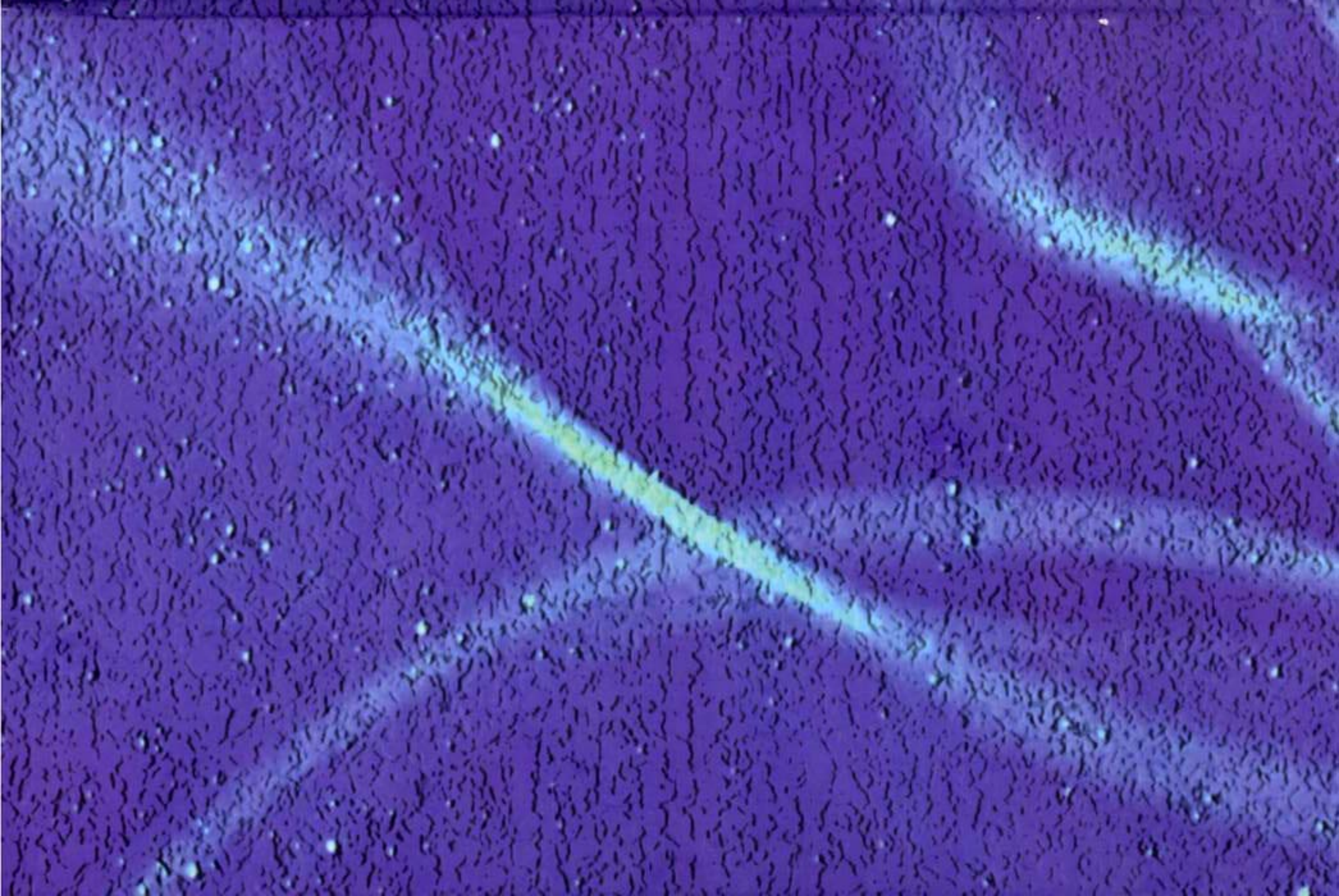
Под общей редакцией
Н. П. Большаковой

В оформлении книги принимали участие
ученики Детской школы искусств им. В. И. Воробья
(преподаватель Т. Ю. Кугавда):
Светлана Никова, Арина Румянцева, Алексей Уханов, Анна Шелешнева,
Яна Гизатуллина, Арина Слесарчук, Аня Каширская, Анастасия Лукичева,
Светлана Семирягина, Елена Раскатова, Дарья Зверева, Алеся Кулинич,
Владимир Вербич, Карина Кравченко, Ксения Дгебуадзе, Виктория Грецкая,
Алена Смытко, Наталья Иванова, Анна Кускова, Елизавета Золотарева.

БЕЗ ПРАВА ПРОДАЖИ

ISBN 978-5-903748-72-3

9 785903 748723

Издатель Игорь Опимах
Лицензия ИД 06507 от 26.12.2001
184651, г. Полярный Мурманской области,
ул. Лунина, д. 14
Тел.: +7 921 734-84-56, (815-51) 7-37-97 (факс)
e-mail: opibook@gmail.com
www.opibook.ru

Подписано к печати 07.12.2012. Формат 60x90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24. Тираж 1000 экз. Заказ № 023
Отпечатано в ООО «Версо»,
185031, Республика Карелия , г. Петрозаводск, наб. Варкауса, д.1-а